

Виталий Надыршин

СВЕТЛЕЙШИЙ

12+

Виталий Аркадьевич Надыршин Светлейший

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55339459

SelfPub; 2020

Аннотация

Эта книга не научный труд, где освещены строго документальные события середины XVIII века. Событий много, они бесконечной вереницей цепляются друг за друга, создавая огромный клубок порой совершенно непонятных на первый взгляд политических и личностных коллизий. Современному массовому, а особенно молодому, читателю, возможно, такая детализация событий и не нужна: утомительно, но знать хотя бы примерную последовательность развития российской государственности того времени нужно. Вопреки негативному отношению к России практически всех европейских государств, наша страна удивительным образом выстояла в то тревожное время, окрепла и во весь голос заявила о себе в Европе. Мало кто подозревал тогда, что вскоре произойдут некие события, которые всколыхнут Россию, дадут толчок к упадку одной империи и укреплению другой. Для девятнадцати миллионов россиян начнётся вереница исторических событий, способствовавших небывалому расцвету российской государственности...

Содержание

Введение. Три старика	7
Часть первая. Несостоявшийся митрополит	11
Смерть императрицы	11
Упрямый герцог	38
Разговор дипломатов	47
Фридрих II	59
Молодой капрал	75
Встреча друзей	86
«Чёрный кабинет»	149
Государственный переворот	158
Шахин-Гирей	189
Потёмкин на фронте	247
Неприметный заключённый	265
Крепость Святого Петра	285
Писарь Пугачёва	298
Смерть турецкого султана	304
Часть вторая. Фаворит	319
Обсуждение мирного договора	319
Григорий Потёмкин	360
Турецкий десант	380
Вице-президент Военной коллегии	397
Болезнь Потёмкина	433
Павел Потёмкин	449

Часть третья. Крым	479
Бот «Агриппина»	482
Подарок императрицы	494
Традиции Гиреев. Шахин	521
Посол Стахиев блефует	533
Английский посол	556
«Шепталки» у Екатерины	572
Встреча в Петровской крепости	602
Адмирал Федот Клокачёв	618
Послесловие	625

Аннотация

История любого события есть цепь случайностей.

История государства... тем более.

Эта книга не научный труд, где освещены строго документальные события середины XVIII века. Событий много, они бесконечной вереницей цепляются друг за друга, создавая огромный клубок порой совершенно непонятных на первый взгляд политических и личностных коллизий. Современному массовому, а особенно молодому читателю, возможно, такая детализация событий и не нужна: утомительно, но знать хотя бы примерную последовательность развития российской государственности того времени – нужно. Вопреки негативному отношению к России практически всех европейских государств, наша страна удивительным образом выстояла в то тревожное время, окрепла и во весь голос заявила о себе в Европе. И сделали это подданные российского престола, о некоторых из них автор и попытался поведать в своём литературном труде.

Середина XVIII века.

В самом центре Европы гремят сражения Семилетней войны: коалиция стран, самая большая и мощная из которых – Россия – воюет против армии короля Фридриха II. Русские войска вошли в прусский Берлин, Кольберг, Кёнигсберг. Пруссия на грани окончательного поражения, её король в отчаянии. Но судьба ещё может оказаться благоклонна к нему.

Здоровье непримиримой противницы Фридриха, императрицы Елизаветы Петровны, сильно пошатнулось. Российский престол должен унаследовать её племянник, родственник шведского короля Карла XII – Карл Фридрих Голштейн-Готторпский, он же великий князь Пётр Фёдорович.

Ещё не основаны города Севастополь, Одесса, Николаев и Херсон. Крымское ханство находится под протекторатом турецкого султана, а татары, как и в прежние века, опустошают набегами южные территории Российской империи, продавая захваченных в плен русских людей на рынках Кафы¹ и Стамбула.

Мало кто подозревал тогда, что вскоре произойдут некие события, которые всколыхнут Россию, дадут толчок к упадку одной империи и укреплению другой.

Для девятнадцати миллионов россиян начнётся вереница исторических событий, способствовавших небывалому расцвету российской государственности.

А пока вся Европа замерла в ожидании грядущих событий. Итак...

Светлейший

«Им никто не управлял, но сам он удивительно умел управлять другими... У него были смелый ум, смелая душа, смелое сердце...»

Екатерина II.

¹ Современная Феодосия (Крым).

Введение. Три старика

Декабрь 1761 год. Санкт-Петербург.

...Однажды в зимний, морозный вечер, на удивление тихий и безветренный, несмотря на поздний час, сквозь ставни старого, но ещё весьма добротного дома в центре столицы, пробивались слабые полоски света. В большой и богато обставленной комнате за круглым столом сидели три старика. За их спинами тускло горели свечи, высвечивая печальные лики на образах и зловещие тени на стенах. Не менее зловеще в полумраке выглядели изрытые глубокими морщинами и сами лица стариков.

Крытый белой скатертью стол был заставлен разными изысканными блюдами, картину застолья дополняли два уже не полных графина с красным и белым вином.

Удобно устроившись на высоких с подлокотниками стульях, прихлёбывая вино, старики говорили мало, ели без аппетита. Как это бывает с пожилыми людьми, они порою забывали недавнее, но зато великолепно помнили самые мелкие детали далёкого прошлого. С выражением грустной умиротворённости и покоя старики подолгу сидели молча.

Лишь изредка кто-нибудь из них негромко произносил несколько слов и, не дожидаясь ответа, устало взмахивал рукой. Его тень на стене при этом начинала двигаться, кривляться, как бы приглашая подружек к общению, но они,

как и их хозяйева, оставались неподвижными. И в комнате опять нависала тишина, прерываемая только потрескиванием свечного воска.

– Плохо быть старым! – наконец, нарушив долгую тишину, задумчиво произнёс один из стариков. – Мы, господа, словно ослабевшие от старости деревья в лесу. Надломившись стволами, вот-вот с треском и грохотом упадём и оставим после себя памятниками расщепленные пни. Пройдут годы, стволы истлеют, пни сгниют, возрастёт молодая поросль, и ничто уже не напомнит, как на этом месте когда-то росли большие крепкие деревья. Так и с нами, господа. Кто вспомнит о нас?.. Молодёжь... Не думаю. Другая жизнь во круг!

Старик поднял руку (тень тут же запрыгала по стене), указывая куда-то наверх, и назидательно закончил: – Наверху, куда уйдем, не будет домов, церквей, реки... Не будет яркого солнца, дождя, зимой снега... Ничего не будет! Не страшно, господа?

– Эх куда загнул... С треском, грохотом... Размечтался!.. Сумлеваюсь я в грохоте... Греть-то нечем ужо. Другое обидно: там, где вскоре окажемся, табачок не понюхаешь, вкусно, с отрыжкой не поешь. Не придётся пруссака бить и шведов всяких, с дипломатами иноземцев на кулачки идти да спорить до хрипоты, интересы страны отстаивая, – ворчливо поддержал коллегу второй старик. Помолчав, добавил: – Ох, ох, ох...

– Зато комаров, этих аспидов, не будет, – язвительно про-
шамкал третий.

– Что комары? Дались они тебе. Зеркала забудут наше от-
ражение, тлен невидим. Молчу уж про знакомых наших, –
раздраженно произнёс второй старик.

– Знакомые – что?.. Куды они денутся? У всех один путь.
Встретимся на том свете, поговорим. А вот потомки долж-
ны нас запомнить по делам нашим. Кряхтя, медленно, но с
колен Рассеюшка поднимается, и мы немало в этом поусерд-
ствовали, – пробурчал третий старик. Затем, помолчав, до-
бавил: – Деревья, говорите, в лесу?.. Пни, и те сгниют?.. Так
ведь ямки останутся. В них, глядишь, влага собираться бу-
дет. А там птичка попьёт, животные да грибочки тоже влагу
любят, всё людям польза будет.

– Скажешь тоже «ямки»! Забыл нешто, как мы с импе-
ратором нашим Петром Алексеевичем вона каналов сколь-
ко нарыли. Петербург отстроили!.. Сколько баталий выиг-
рали... Гнус, наводнения, голод – всё нипочём было..., – ед-
ва слышно, печально молвил второй старик. – И дочь его,
матушка-государыня Лизавета Петровна, тоже, вона сколько
наделала, Фридриху рога-то пообломала. Не скоро Пруссия
на ноги встанет. Берлин, Кенигсберг поди, наши будут тепе-
рича.

– Молодые шибко были, крепкие, – мечтательно произ-
нёс первый старик. – Ушло наше время, молодь подраста-
ет. Лизавета Петровна тож уходит в мир иной, мир неизве-

данный. Не сегодня-завтра предстанет она пред Богом. Как жаль! Красивая была матушка-государыня! Я ведь, господа, ей ручку когда-то целовал, – на глазах старика блеснули слёзы. Он не спеша промокнул их салфеткой и с горечью продолжил:

– Кто взойдёт на престол? Племянник её Пётр Фёдорович? Аль кто другой? Чай, французы, пруссаки, турки, татары крымские, поляки, да мало ли их, врагов Руси, ждут перемен в свою пользу...

– Как-то Россия дальше жить будет? Кто заменит нас, верных слуг престола? – уже совсем тихо прошептал третий старик. – Кто?.. – требовательно добавил он.

– Не бойсь, найдутся! – неожиданно твёрдым и совсем не стариковским голосом произнёс второй. – Велика Россия, кто-то обязательно найдётся. Мы их наверняка ещё не знаем.

– А хотелось бы хоть одним глазком узреть их лица. Кто они?.. – мечтательно прошамкал третий старик.

Тени на стенах шевелились, пламя медленно тускнело, свечи догорали...

Часть первая.

Несостоявшийся митрополит

Смерть императрицы

События, которые происходили в Санкт-Петербурге в морозный четверг 24 декабря² 1761 года, шли своим чередом. В преддверии Рождества Христова народ бездельничал, жевал сочиво³ и, как мог терпел последние часы, соблюдая пост.

Однако странным было это навечерие⁴... Не слышно было шумного веселья, такого обычного в русских традициях, не гремели фейерверки, на улицах столицы не раздавался залихватский звон бубенцов празднично разукрашенных экипажей. Что-то парило в этой предночной тишине... тревожное, необъяснимое.

Вокруг города с утра бушевала вьюга. Без усталости гоняла она падающие снежинки, сбивая их в сугробы перед порогами домов. Потом со злостью, словно передумав, раскидывала их и намётывала сугробы на другие места. И так целый день...

² Здесь и далее даты даются по старому стилю.

³ Размоченные зёрна.

⁴ Сочельник.

Дувший со стороны Невы ледяной ветер стих только к вечеру. С неба посыпались крупные хлопья снега, скрывая пропущенные вьюгой голые участки земли. Однако через пару часов снегопад прекратился.

Между тем вид города был красив: вдоль припорошенной снегом набережной – кирпичные дома с черными смолеными сваями затейливой архитектуры, со слуховыми окнами на высоких крышах; за ними, совсем недалеко, – бедные лачуги, покрытые дёрном и берестой. Дальше за домами – топь да лес. И всё это создавало иллюзию гармонии, ставило всё на свои места: здесь – богатые, а там – бедные.

Фасады некоторых домов были украшены в честь наступающего 1762 года, с которым связывалось так много надежд. На присыпанных снегом улицах нарядно одетые люди обменивались при встрече вымученными улыбками, изредка слышался смех игравшей в снежки молодёжи...

Время позднее, прохожих на улицах становилось всё меньше, люди торопились по домам.

Наступала зимняя рождественская ночь: столица и окрестности затихли в преддверии светлого праздника.

На Ночной дороге⁵, ведущей к Невскому монастырю и Большой Луговой улице, слышались глухой цокот копыт конной гвардии и окрики командиров пеших отрядов. Тусклые отблески масляных фонарей (подрядчики, как всегда, экономили на масле) да свет от факелов в руках солдат освещали

⁵ Невский проспект (совр.).

щали улицы. Войска заполняли столицу.

«Зачем? – удивлялись про себя прохожие. – Чудит матушка-государыня, дай Бог ей поправиться!», – и спешили по домам – холодно.

Окна Тронного и практически всех остальных парадных залов дворца освещены; перед центральным входом со стороны Невской перспективы и угла Мойки горят небольшие костры, возле которых греются солдаты и кучера расфранчённых карет, вереницей растянувшихся вдоль анфилады дворцовых залов. Изредка к кострам подходят погреться конногвардейцы дворцового караула, не пропускавшие гостей без особого разрешения на территорию царского дворца.

А кареты всё прибывали... Знатные вельможи и иностранные дипломаты хотели попрощаться с умирающей императрицей, а если говорить точнее, – засвидетельствовать своё почтение наследнику, будущему императору. Кстати, заодно узнать его имя, слухи-то разные по столице ходили.

Заслышав топот коней прибывающей очередной кареты, ещё не успевшие согреться караульные бежали к ней и, сверившись со списком, лихо отдавали честь, поднимая шлагбаум.

Среди караульных конногвардейцев выделялся один: высокий, выше своих, тоже не маленьких товарищей, этот симпатичный гигант держал при себе утверждённый канцлером Воронцовым список гостей. Своим зычным да ещё просту-

женным на холоде голосом он давал команду на поднятие шлагбаума. И со стороны было весьма заметно, что сия миссия гвардейцу по душе.

Он подолгу рассматривал салоны роскошных карет, пристально, до подозрительности вглядывался в лица пассажиров, затем подносил зажжённый факел к циркуляру и, не торопясь, так же долго выискивал нужную фамилию. Коль таковая значилась, нехотя отдавал честь, кривился, словно у него вдруг заболели зубы, и с заметным неудовольствием разрешал господам проезжать дале. Зато если фамилия в заветном списке не значилась, гигант уже с плохо скрываемой радостью лихо отдавал честь и простуженным басом просил приезжих поворачивать оглобли обратно. Конечно гости начинали ругаться, доказывать своё право, а некоторые и деньги пытались всучить служивому, но караульный был непреклонен. Правда, одному иностранному дипломату, не отмеченному в списке, пришлось сперва назваться, а потом все же его пропустили: шибко настойчивым оказался.

– Паразит, – на всякий случай пробормотал караульный и с завистью посмотрел вслед нахальному иностранцу.

Ярко освещённые окна царского дворца притягивали, манили караульного к себе, но язвительный и решительный внутренний голос развеял его мечты: «Ишь чего захотел?! Нет в списках тебя, касатик, нет и не будет, поди прочь. Твоё место на улице».

Стук колес нового экипажа отвлёк караульного. Он вздох-

нул и, придерживая рукой палаш, с важностью распахнул дверцу кареты.

Под ворохом атласных одеял, отороченных белыми кружевами, края которых спускались до самого пола, на широкой кровати бессильно распласталось когда-то стройное и привлекательное, большое, грузное тело российской императрицы. Елизавета Петровна умирала.

Раньше здоровье царственной особы поддерживал лейб-медик Пуассонье, но год назад он уехал обратно во Францию, а старания нынешних придворных эскулапов положительных результатов не приносили.

Утонувшее в подушках лицо государыни, обрамлённое ночным чепцом, усилиями придворного аптекаря не выглядело удручающе, как бывает у умирающих. Слабый румянец всё же проглядывал на её щеках, и она нет-нет да и доставала из-под подушки небольшое зеркальце. Глядя в него, Елизавета тяжело и грустно вздыхала. Но в последние часы столичная модница, не надевавшая никогда одно и то же вечернее платье дважды, зеркалом уже не пользовалась. Её мало интересовал собственный облик, и огромный гардероб из почти пятнадцати тысяч нарядов напрасно ждал свою хозяйку: время младшей дочери Петра I безвозвратно ушло.

Был двенадцатый час ночи. В прилегающих к спальне залах, удобно устроившись на мягких диванах, тихо переговариваясь и зевая, манерно прикрывая рты платочками, расположились приближённые государыни и представители ино-

странных держав. Те, кому мест на диванах и креслах не хватило, важно фланировали по роскошным залам.

Богатая отделка потолков, золотом расписанные стены, множество картин в позолоченных деревянных рамах, бронзовые канделябры и прочие милые дорогие вещички (баснословной стоимости!) иностранцев просто поражали. Некоторые дипломаты, не успевшие привыкнуть к русской роскоши, с особым восхищением разглядывали огромные поля цветного паркета из повторяющихся квадратов. В углу каждого из этих квадратов находились лучи, составляющие звёзды, и весь этот много раз повторяющийся узор на большом берёзовом фоне был обрамлён фризом, имевшим вид кирпичей, две стороны которых были разного цвета. Даже в отсутствие солнечного света отблеск от многочисленных свечей создавал на паркете некоторую объёмность, и иностранцы инстинктивно, словно боясь споткнуться, шаркали по полу, чем ещё днём ранее вызывали усмешку у местных сановников. Однако сегодня было не до насмешек...

От большого количества людей огромные залы стали тесными и напоминали о роскошных балах, которые так любила устраивать Елизавета. Соблюдая положенный в таких случаях этикет, многочисленные гости разговаривали между собой мало, тихо, почти шёпотом. Все понимали: заканчивается эпоха двадцатилетнего правления Елизаветы Петровны, история России теперь будет писаться новым почерком, возможно, отличным от привычного. Каким он будет?.. И все с

тревогой поглядывали на дверь спальни, ожидая... Впрочем, ждали пока одного: чтобы скорее наступил конец их ночному бдению. Все устали.

В полутёмных покоях императрицы находились только близкие ей люди: племянник и наследник трона, великий князь Пётр Фёдорович с супругой, великой княжной Екатериной Алексеевной, и сыном Павлом; Панин Никита Иванович, воспитатель мальчика; Иван Иванович Шувалов, фаворит императрицы, теперь уже генерал-адъютант и член конференции⁶, да генерал-фельдмаршал Никита Трубецкой.

Несмотря на свой возраст, фельдмаршал преданно, до угодливости, старался услужить наследнику. Это было смешно и неприятно. С осторожностью кошки неся на своих маленьких ножках толстое туловище, он по просьбе Петра Фёдоровича часто куда-то выходил и подолгу отсутствовал. Возвратясь, также долго о чём-то шептался с ним и с той же угодливостью взирал на будущего императора.

Несколько раз в покои заглядывала служанка Екатерины Алексеевны Мария⁷. Приоткрыв дверь, она безмолвно глядела на хозяйку и, убедившись, что той по-прежнему ничего не надо, исчезала.

Из глубокого кресла, стоявшего в самом дальнем углу спальни, слышался раздражённый шёпот воспитате-

⁶ Государственный совет.

⁷ Перекусихина Мария Саввишна, впоследствии камер-юнгфрау императрицы Екатерины II, её доверенная близкая подруга и личная прислуга.

ля кронпринца: Никита Иванович уговаривал семилетнего Павла идти спать. Наконец уговорил. Однако на предложение поцеловать на прощание царственную тётушку мальчик закапризничал, со злостью дёрнул Панина за одну из косичек его модного парика и наотрез отказался от поцелуя. Отец капризника, в юности и сам изводивший собственного наставника, к воспитателю своего отпрыска относился прохладно, замечания сыну делать не стал, лишь недовольно посмотрел на Панина. Мать, Екатерина Алексеевна, обмахиваясь веером, о чём-то задумалась и на бестактный поступок своего ребёнка вовсе не отреагировала.

Никита Иванович поправил свой дорогой парик, искоса посмотрел в сторону Петра Фёдоровича, которого за солдафонство тоже не шибко жаловал, и, слегка подталкивая мальчишку к выходу, покинул покои.

Пробило двенадцать. Наступило Рождество! Не сговариваясь, мужчины достали из кармашков часы. Мучительно потянулось время наступившего года. В спальне было душно, не хватало воздуха. Все устали, всем хотелось спать.

Государыня тяжело дышала, она лежала с полужакрытыми глазами и, как казалось, строго, но в то же время чуть насмешливо разглядывала присутствующих. Вошедший лекарь в очередной раз вытер пот со лба умирающей, грудь её с трудом приподнялась, и она опять издала слабый стон.

Неожиданно государыня широко открыла глаза. Ненадолго останавливая свой взгляд на каждом присутствующем,

она осмотрела спальню. Глядя на племянника, попыталась усмехнуться, но усмешки не получилось, лишь дрогнули уголки губ. Взгляд остановился на Шувалове, императрица поманила его к себе:

– А где князь Воронцов, Ваня? Нешто не пришёл попроситься и напослед поговорить со мной?

– Болеет канцлер, матушка, шибко болеет.

– Не судьба, значит, – вздохнув, прошептала Елизавета. – Что ж, свидимся на том свете, там и поговорим. Возьми, Ваня, шкатулку, поди знаешь, что внутри, а что надо сделать, сам потом реши.

Затем дрожащей от слабости рукой протянула ему ключ и махнула в сторону кованного серебром, покрытого перламутром сундука:

– В шкатулке ещё и письмо лежит, зачитай его, Ваня, Сенату, когда помру.

В полной тишине шёпот умирающей услышали все присутствующие. Взгляды устремились на наследника. Пётр Фёдорович вздрогнул. Лицо его побледнело.

Иван Иванович встал на колени, взял ключ, поцеловал руку императрицы и заплакал. Своим коленом бывший фаворит придавил лежащие на полу края одеял, и они стали медленно сползать с государыни.

– Экий ты неловкий, Ваня. Поздно меня раздевать-то. Прошло наше с тобой время... прошло, касатик.

Слеза скатилась по щеке Елизаветы.

Она положила свою руку на голову бывшего возлюбленного.

– Ужо похороните меня в новом платье. Надеть так и не успела... Проследи, батюшка, – добавила она.

Тяжёлый вздох вырвался из её груди, и Елизавета Петровна тоже заплакала. На глаза присутствующих навернулись слёзы.

Обмахиваясь веером, Екатерина Алексеевна устало вглядывалась в лицо Елизаветы Петровны. Разные мысли роились в её голове.

«Не секрет, что в последнее время тётушка отдалила от себя племянника, – размышляла она. – А ещё раньше проговорила в сердцах Бутурлину⁸: «Хоть он и сын моей старшей сестры Анны, царство ей небесное, да, видать, в отца пошёл – дураком оказался. Не любит Россию. Один Фридрих и Пруссия в голове. И по мужской части хворый. Пока не заставила дурня операцию сделать, жена в девках столько лет ходила. Виданное ли дело? Ещё и пьёт окаянный. Может, зря я его по молодости своим наследником назначила...» Услышав это, граф, видимо, рассудив, заметил: «Один Бог ведает, кто будет на российском троне в дальнейшем...»

Теперь Екатерина со страхом вспомнила эти слова. «Тётушка могла в последний момент изменить завещание и вместо мужа, Петра, другого на престол назначить. Не я ли од-

⁸ Граф Александр Борисович Бутурлин (1694-1767), друг молодости императрицы Елизаветы Петровны.

на из причин? Аль вспомнила государыня дело Бестужева? Маловероятно... Сколько лет прошло уже... простила она тогда меня».

О канцлере тех лет, графе Бестужеве-Рюмине, Екатерине думать вовсе не хотелось. Бывший канцлер вызывал у неё странное и по большей части неприятное чувство. И фальшивое угодническое выражение лица, и рот с гнилыми зубами... А смех... смех сатаны. Ещё и заикается, чёрт старый. Всегда хотелось держаться от него подальше.

Однако граф блистал образованностью, был опытен в европейской политике. Нет слов, предан России. Как царедворец, он никому не доверял, никого не любил, в совершенстве владел искусством интриги. На многих сановников собирал досье, куда складывал записи их прегрешений и перехваченные письма. Бестужев и взятки-то брал не как все: своим врагам повода не давал, брал только со своих и союзников, зато помногу. Бестужев был мастером грязных дел. «На то она и политика», – часто говаривал он, вздыхая и горестно разводя руками.

Екатерина отвела взгляд от умирающей императрицы и вздохнула.

Но всякий плут рано или поздно попадает на своих проделках. Попался и граф Алексей Петрович Бестужев. И не на взятках!

...Года три назад здоровье императрицы пошатнулось. Елизавета Петровна болела все чаще. На престол должен был

вступитъ её наследникъ, великій князь Петръ Федоровичъ, поклонникъ прусскаго короля Фридриха II, а значитъ – лютой врагъ Бестужева. Канцлеръ велъ антипрусскую политику, поддерживалъ Австрію. Бестужевъ затеялъ въ то время сложную интригу въ пользу сына и жены наследника... Темъ болѣе дѣлать это было не трудно, супруга Павла – Екатерина, и сама явно претендовала на эту роль. Канцлеру оставалось лишь направить её въ нужномъ направленіи.

Екатерина вспомнила разговоръ съ Бестужевымъ незадолго до его ареста.

– Ваше высочество, государыня сильно болеетъ, вот-вотъ помрётъ, власть перейдетъ къ вашему супругу. Я хочу, чтобы вы имели равные съ нимъ права.

Бестужевъ хитро взглянулъ на Екатерину, желая увидѣть реакцію на свои слова. Однако Екатерина умела скрывать свои чувства, она никакъ не отреагировала въ отвѣтъ на это предложеніе: на лицѣ великой княгини не дрогнулъ ни одинъ мускулъ, она молчала. Канцлеръ вздохнулъ и продолжилъ:

– Попозже мы отстранимъ вашего мужа отъ власти, а васъ съ сыномъ провозгласимъ государыней российской. Надо послать весточку командирующему Апраксину, онъ долженъ знать, что вы согласны на этотъ план. Екатерина насторожено посмотрѣла на канцлера.

– Безъ него никакъ... Я его съ войсками уже своей депешей вызвалъ въ столицу. Мало ли что... Княгиня продолжала недоверчиво глядеть на графа.

Бестужев поспешил добавить:

– Дабы не было смуты в народе, всю власть мы отдадим Верховному совету. Вы же, ваше высочество, сможете спокойно наслаждаться утехами светской жизни.

– А вам-то какой интерес, граф? И что значит «устранить моего законного супруга»?

– Мой интерес, ваше высочество?! Пост первого министра, который я занимаю сейчас, меня вполне устроит. А с вашим мужем мы решим, что делать. Думаю, он сам откажется от престола в вашу пользу и в пользу Верховного совета.

Екатерина Алексеевна недоверчиво посмотрела на канцлера. С трудом, но всё же он убедил тогда её участвовать в своих интригах. Екатерина снова вздохнула и прикрыла глаза.

...Февраль 1758 года, глубоко за полночь. В покоях Екатерины холодно, её бьёт нервная дрожь. Заговор раскрыт. Императрица знает о её письмах Апраксину и Бестужеву. Апраксин смещён с должности командующего войсками, Бестужев арестован. Правда, старый лис успел уничтожить документы, в том числе и письма Екатерины. У следствия не было письменных доказательств измены, лишь одни подозрения и устные наветы недругов. Елизавета поручила следствие графу Шувалову-старшему, графу Бутурлину и князю Трубецкому. Бестужев приговорён к смерти, но Елизавета, помня его заслуги, заменила казнь ссылкой.

Екатерина вздрогнула. Видно, очередь дошла и до неё. Вот-вот могут вызвать на допрос. Нехотя открыла «Энциклопедию»⁹, стала листать страницы. Текст расплывался, сливаясь в одну серую безликую картинку. С раздражением закрыла увесистый фолиант. Встала с кресла. Тревога нарастала. Накинув на плечи шаль, Екатерина Алексеевна принялась расхаживать по комнате, нервно бормоча:

– Со всеми не договоришься. Что будет со мной? Отправят обратно домой, в Штеттин? Или... Нет, не дай Бог!

Она усилием воли отогнала от себя мрачные мысли.

– Боже, какая я дура!.. Зачем... зачем я писала эти проклятые письма?! Словесно надо было высказываться... Представляю, как Пётр будет рад. Что делать? Спаси меня может только встреча с императрицей. Господи... это невозможно, она откажет в аудиенции, тем более, сейчас. Но завтра будет поздно... Нервный озноб не прекращался. В отчаянии Екатерина остановилась. Её взгляд наткнулся на канделябр с горящими свечами: мелкие лучики света сливались в единый поток, будто маня Екатерину в свои огнедышащие недра. Языки пламени, словно щупальца, потянулись к её лицу. Страшно... Екатерина закрыла лицо руками. Помощи ждать неоткуда. Она скорее задохнётся... Мысль пришла внезапно. Великая княгиня решила.

Позвонив в колокольчик, она немедленно легла на пол, приняв позу потерявшего сознание человека. Подол ночной

⁹ Пособие, содержащее обозрение наук или дисциплин.

рубашки заломился, обнажив стройные ножки. Екатерина немного прикрыла их, накинув шаль. Затем повернулась набок лицом к двери, подложила под себя левую руку, правую вытянула вперёд. Лицо её болезненно сморщилось.

Чуть погодя, княгиня приподняла голову и огляделась, представив себя со стороны: чего-то не хватало. Недолго думая, она дотянулась до туалетного столика, взяла стакан с водой и опрокинула его недалеко от себя.

«Мокрое пятно – лучшее свидетельство неожиданного обморока. Детали Марья потом нафантазирует», – решила Екатерина.

Раздались торопливые шаги, дверь открылась. Прислуга испуганно склонилась над хозяйкой и уже было собралась запричитать, но не успела.

– Помогите встать, – слабым голосом прошептала Екатерина.

Дав себя уложить в кровать, она тем же слабым дрожащим голосом произнесла:

– Плохо мне, Мария. Зови духовника государыни, исповедоваться хочу.

Протопресвитер Петропавловского собора и настоятель Благовещенского собора в Москве отец Фёдор, пользовался большим влиянием при дворе. Елизавета Петровна всецело доверяла своему духовнику, и Екатерина знала об этом.

Тихим голосом, прерываемым кашлем и хрипами, она с трудом произнесла:

– Не доживу до утра, батюшка. Доложите государыне, видеть её желаю в последний раз, попрощаться хочу.

Выступивший на лбу пот, бледное лицо и, главное, хрипы из груди Екатерины убедили перепуганного священника. Пожилой протоиерей в середине ночи заспешил к государыне

Дело было сделано. Екатерина встала, отряхнула подол, затем подняла с пола стакан. Подошла к зеркалу. Откуда-то из мрачной глубины зазеркалья на нее, подсвеченный красноватыми отблесками огня, будто бы смотрел, ухмыляясь, супруг. Он грозил ей узловатым пальцем. Нервы княгини не выдержали, она размахнулась и со всей силы швырнула в него стакан. Видение исчезло. Осколки стекла разлетелись в разные стороны, один из них впился в левую руку, выступила кровь. Странно, но стало намного легче. Великая княгиня рассмеялась...

...Екатерина очнулась. Кто-то довольно бесцеремонно тряс её за плечо. Она открыла глаза. Перед ней стоял Пётр.

– Что это вы, ваше высочество, смеётесь? Смешно вам, я гляжу, – с сарказмом произнёс супруг. – Не думаю, что у вас скоро будет повод для этого.

Екатерина Алексеевна никак не отреагировала на слова мужа: звон разбитого стекла ещё звучал в ее ушах. Машинально посмотрела на свою левую руку. Встала, оправила платье и вышла.

Соседние залы были освещены ярче, воздух в них был чи-

ще, не так утомительно ощущалась печальная атмосфера.

Екатерина вздохнула полной грудью.

На супругу наследника никто не обращал внимания: кто-то медленно ходил взад-вперёд по залам, перекидываясь редкими фразами, кто-то просто дремал на диванах. а кто обеспокоенно поглядывал на закрытые двери спальни умирающей, устало обмахиваясь веером. Стоял лёгкий гул, какой бывает при большом скоплении старавшихся не шуметь людей. Екатерина с удовольствием стала прохаживаться вдоль больших дворцовых окон. Занятая своими мыслями, она не заметила, как рядом с ней оказалась служанка:

– Как ты, Катенька? Сколько часов не спишь уже. Может, вздремнёшь хоть чуток?

– Сна нет, откуда ему быть? Я тут, Мария, всё о том скандале размышляю, о Бестужеве, пропади он пропадом. Одни неприятности от него были. В ссылке сидит в своём селе Горетово. Думала, не простит меня благодетельница, ан нет, обошлось. Вовремя я тогда встретила с государыней. Ой как вовремя. Ты, Мария, помнишь ту ночь?

– Помню, Катенька. Припадок случился с тобой, напугала ты меня.

Екатерина хитро взглянула на девушку и усмехнулась:

– Простила меня, дуру, Елизавета Петровна. Отец Фёдор помог. На Благовещение заутреню отстояла в соборе, Казанской иконе Божией Матери поклонилась... – и, не в силах успокоиться, продолжила: – Всё уговаривал меня канцлер

против мужа маво, а сам ранее нашёптывал государыне про принцессу Саксонскую Марианну, что, мол, за неё надо отдавать Петра. Обо мне он тогда и слышать не хотел, каналья. – Так ведь слава Богу, чем-то не понравилась Марианна матушке-государыне. Матушка наша тебя, Катя, выбрала.

– Вот то-то ж! А почему? Наверное, лучшего хотелось государыне для единственного племянника, да потом поздно стало: Марианна замуж совсем рано, в четырнадцать лет за короля Неаполя и Сицилии вышла. Тогда тётушка меня и выбрала. Господи, сколько лет прошло, а всё помнится...

В думах о прошлом обе женщины замолчали.

– Ты иди, Мария, поспи, – наконец, произнесла великая княгиня, – ночь на дворе. Даст Бог, государыня поправится...

Екатерина оглядела зал. Мысленно опять представила себя Софией Августой Фредерикой Ангальт-Цербстской, вспомнила свою взбалмошную мать, которая надоела императрице своими причитаниями и нравоучениями, скромный родовой замок в Штеттине, не всегда сытые дни и, отгоняя от себя это наваждение, слегка передёрнула плечиками. Неожиданно она также представила, что по залам вместо неё ходит Марианна, и... вздрогнула.

– Чёрт старый, тот Бестужев, – тихо прошептала она, оглядываясь по сторонам: не слышал ли кто?..

Нет, все погружены в свои мысли. С одним из братьев Шуваловых, опять же, канцлер всё враждовал. Каждый из них

доказывал государыне, кого поддерживать надобно. Бестужев держал сторону австрийцев, Шувалов-старший склонялся к французам. Бестужева теперь нет, а Шуваловы, случись что, если не явно против меня будут, то во всяком случае и не за меня. В одном младшенький из братьев Ваня, нынешний фаворит государыни, хорош – не корыстолюбив и не вор. Титул графа и имение предлагала государыня – отказался. Редкое качество в наше время.

Откуда-то подул сквозняк. Впереди себя великая княгиня увидела датчанина Шумахера и англичанина Кейта. Дипломаты открыли дверь на веранду, намереваясь выйти наружу. Оба церемонно поклонились ей.

Екатерина слегка кивнула в ответ и не смогла сдержать лёгкую ухмылку: больно комичную пару они составляли. Один, англичанин, – симпатичный, высокий, с правильными тонкими чертами лица, но худой, второй, датчанин, – полная противоположность, коротышка с коренастой фигурой и, как все северные люди, с грубыми чертами на широком скуластом лице.

Это немного развлекло княгиню.

И всё-таки тревога не покидала Екатерину, более того, усиливалась, и она продолжала размышлять: «Теперь про какую-то шкатулку и письмо вела матушка разговор с Шуваловым. Господи... что в письме? Не зря, видать, канцлер Воронцов войска на ночь в город вывел, не зря. Ох, когда же эта мука закончится? Ужо бы отошла императрица спокойно

в мир иной...»

Резко развернувшись, Екатерина Алексеевна вернулась к умирающей императрице. От горящих свечей в спальне стало жарко и удушливо. Окна не открывали: боялись сквозняков. Екатерина расположилась в кресле, раскрыла веер, но передумала обмахиваться и отложила в сторону. Усталость напомнила о себе, она закрыла глаза. Вспомнилась недавняя мимолётная встреча с князем Михаилом Дашковым. Молодой капитан лейб-гвардии Измайловского полка пылко уверял её, что офицеры гвардейских полков готовы встать на её защиту.

– Князь, нешто меня надо защищать?

– Думаю, скоро нужно будет, матушка, – смущаясь, ответил Дашков.

Екатерина не подала виду, что ей известно о недовольствах её супругом в армии и о светских кулуарных беседах молодой жены князя в её пользу, она удивлённо взглянула на офицера и тоже смутилась. «Матушкой» её называли впервые, и она не знала, хорошо это или плохо. Положив руку на плечо князя, тихим голосом произнесла:

– Спасибо тебе, князь. Иди с Богом! Всё в его руках! Поклон мой передай супруге своей, Катеньке. Пушай чаще в гости захаживает.

Екатерина Алексеевна открыла глаза. На сердце было тревожно.

Отворилась внутренняя дверь. С зажжёнными свечами

вошли слуги. С застывшими, словно вылепленными из воска лицами они медленно двигались по спальне, привычно меняя сгоревшие свечи; с подсвечника одного из них на пол падали капли расплавленного воска. Екатерина заметила эту оплошность, но промолчала.

«Все устали...» – подумала она.

Воспользовавшись присутствием слуг, Шувалов, бережно прижимая к себе шкатулку, вышел из спальни через боковую дверь. За графом тут же последовал и Пётр Фёдорович. Екатерина со страхом посмотрела обоим вслед, сердцем чувствуя, что решается и её судьба. Ей даже показалось, что Елизавета тоже проводила мужчин взглядом и её губы попытались изобразить ухмылку. Или показалось?..

Великий князь и фаворит молча шли по полуосвещённым коридорам дворца. Пётр Фёдорович был бледен, Шувалов – хмур.

Шли долго. Но вот показались двери личных покоев наследника. Великий князь остановился и преградил путь Шувалову. Бледное лицо наследника покрылось капельками пота, губы его дрожали и что-то бессвязно бормотали. Широко раскрытые, лихорадочно блестящие, будто бы больные глаза выражали неподдельный страх и в то же время заискивающе, как-то умоляюще, по-собачьи, смотрели на фаворита. Вот-вот, и он, наследник престола, встанет перед ним на колени.

Иван Иванович растерялся. Нервный пот, трясущиеся губы, неподдельный страх в глазах возможного императора

всёя Руси его напугали, напугали последствиями.

«А как Пётр Фёдорович императором станет?.. Ведь потом не простит он мне эту минуту своей слабости... Не простит! В то же время наследника понять можно: шестнадцать лет он мечтал о троне и ждал. А тут... на тебе – загадочное письмо. Любого не то что пот прошибёт, а и дар речи отнимется. Вон как его колотит!»

Громкое невнятное бормотание наследника отвлекло Шувалова от раздумий. Разобраться в этом странном наборе фраз было крайне трудно. Речь наследника российского престола и ранее не отличалась чистотой русского языка и внятным произношением, а сейчас была вообще малопонятна.

Ещё крепче прижимая к себе шкатулку, Шувалов, делая вид, что не понимает, с недоумением смотрел на Петра Фёдоровича. Последний вытащил платок, вытер пот со лба, немного успокоился и, заикаясь от волнения, тщательно подбирая слова, медленно, почти по слогам произнёс:

– Иван Иванович, предлагаю вместе открыть шкатулку и прочесть письмо. Давайте это сделаем в моих покоях.

Шувалов хотел возразить, но жест великого князя был красноречив: он рукой показал на свою дверь. В хрупкой фигуре наследника фаворит вдруг почувствовал угрозу и понял, что прочесть послание Елизаветы в одиночестве ему не удастся. Он настороженно посмотрел по сторонам: коридоры безлюдны. Шувалов обречённо вздохнул:

– Но, ваше высочество, как же... – однако договорить не

успел. Наследник престола открыл дверь и слегка подтолкнул бывшего фаворита в залу.

В гостиной возле камина копошился старый слуга, разгребая кочергой прогоревшие головёшки. При виде своего господина старик, нисколько не смущаясь присутствием постороннего, на своём родном языке, немецком, буркнул:

– Ухожу, мой господин, только дровишек подброшу.

Привычная обстановка, тепло от камина, да и присутствие старого слуги окончательно успокоили Петра Фёдоровича.

– Сырых дров, Томас, не подбрасывай, коптят, – тоже по-немецки произнёс Пётр Фёдорович.

Через минуту слуга покинул гостиную. С неожиданной для своего хрупкого тела силой великий князь пододвинул тяжёлое кресло ближе к камину и любезно предложил Шувалову расположиться в нем. С такой же сноровкой он придвинул и второе кресло. Оба одновременно сели. Шкатулка стояла на коленях Шувалова.

Оба молчали.

«А что, если императрица изменила свою волю в отношении племянника? Тогда кто? Екатерина? Отпадает. Малолетний сын Павел? Тогда Панин возвысится. Где моё место будет?.. Нет, не годится сия диспозиция», – думал Шувалов.

Великий князь тоже напряжённо размышлял, стараясь отогнать от себя страшные мысли, руки его немного подрагивали. Он заискивающе смотрел на Шувалова. Вид наследника вызвал у последнего неприятное ощущение. Оба про-

должали молчать.

Дрова в камине разгорались, пламя становилось всё ярче, жар усилился. Наконец Шувалов поднялся. Встал и наследник.

Ключ легко вошёл в прорезь, замок мягко щёлкнул, и крышка шкатулки открылась. Блеснули драгоценности: их было много. Сбоку, у самой стенки, лежало письмо. Шувалов осторожно взял его в руки. Отнеся конверт подальше от глаз, наливаясь натугой, прочитал: «Сенату. Прочитать при полном сборе. Сим есть воля моя».

Руки наследника при слове «сенат» непроизвольно дёрнулись в направлении письма. Он опять побледнел. Предательски блеснули капельки пота. Шувалов усмехнулся.

Опытный придворный, Иван Иванович уже принял решение. Он мягко отвёл от письма руку Петра Фёдоровича, посмотрел ему в глаза и тихо произнёс:

– Ваше высочество, не будем вмешиваться в судьбу России. Всё должно идти своим чередом. Не было никакого письма. Ошиблась Елизавета Петровна. Запомнятовала матушка.

Плавным неторопливым движением он поднёс руку с письмом к камину, снова взглянул на наследника. Тот, как замороженный, следил за действиями тёткиного фаворита. Взгляд Петра был устремлён на конверт. Шувалов закрыл глаза.

– Прости меня, матушка. Впервые просьбу твою не могу

исполнить, – прошептал он и разжал пальцы.

Письмо императрицы полетело в камин. В потоке горячего воздуха оно на мгновение как бы зависло в пространстве. Рука Шувалова дёрнулась, словно в самую последнюю секунду он захотел спасти волю императрицы... и не успел. Края письма потемнели, бумага выгнулась, и сквозь неё вспыхнуло пламя. Шувалов горько усмехнулся.

– Драгоценности сдам в казну, – тихо произнёс он.

Смущённый наследник, ещё не вполне сознавая значение поступка фаворита, но понявший, что угрозы со стороны тётушки уже не предвидится, медленно растягивая слова, ответил:

– Да, так будет лучше. Спасибо тебе, Иван Иванович.

Смущался, правда, Пётр Фёдорович не долго. Через минуту повеселевшим голосом добавил:

– Однако надо возвращаться к тётушке.

Восторг его был настолько искренним и неподдельным, что в какое-то мгновение он странно, не то дерзко, не то робко, хихикнул.

Насвистывая одному ему известный мотив какого-то шведского марша, напоминающего весёлое время его детства, Карл Петер Голштейн-Готторпский уверенной походкой покинул гостиную залу.

Шувалов с грустью посмотрел ему вслед. Перед глазами возник образ умирающей Елизаветы. Её губы растянулись в саркастической улыбке, она грозила ему пальчиком и выго-

варивала:

– Ой, зря ты, Ваня, сжёг письмо, зря, касатик. И от титула графа, и от десяти тыщ душ, что ранее я предлагала тебе, тоже зря отказался... Кто теперь о тебе позаботится?..

Неподалёку от чёрного входа в личные покои умирающей императрицы стоял старый слуга Петра Фёдоровича, Томас. Как и хозяин, он был встревожен из-за упорных слухов, ходивших по дворцу. Кухня всегда все знает... А слухи были разные, и касались они судьбы его господина. В кулуарах поговаривали, а слуга это слышал, наверное, что императрица изменила завещание: малолетнего сына своего племянника, Павла, на престол записала, а его мать, Екатерину Алексеевну, регентшей до совершеннолетия дитёнка назначила.

«А ну как это правда?! А что с хозяином моим, куда его? – размышлял старик. – На родину, как и отца, отправят? А со мною тогда что будет на старости?» От долгого стояния на ногах ныли колени.

– Подагра, куда денешься?! – прошептал старик и, оглядевшись по сторонам, в нарушение правил уселся на стул.

Вытянув уставшие ноги, он почувствовал некоторое облегчение. От удовольствия даже закрыл глаза, но чувство тревоги не проходило. В голову полезли разные мысли: «Когда почил в бозе мой первый хозяин, герцог Готторпский, я вместе с его сыном вернулся в Россию. Спокойные года, сытые, много не вспомнишь и не расскажешь. День за днём,

день за днём, ничего интересного... Но и напастей особых не было. А вот раньше...»

Тут старик встрепенулся. Совсем неожиданно в памяти всплыл случайно подслушанный в молодости разговор. Губы Томаса растянулись в беззубой улыбке, а на морщинистое лицо будто легла благодать, какая снисходит на стариков при воспоминании о своих молодых годах.

Тогда он не придавал значения разговору герцога с министром своего двора Бассевицем. О, мой Бог! Сорок лет! Как давно это было. Если он и вспоминал тот разговор, то никому не пересказывал. И правильно: у господ свои разговоры. Но сегодня особый случай – решалась судьба хозяина, а следовательно, и его, Томаса, будущее. Не грех и вспомнить...

Упрямый герцог

1721 год, Штральзунд. Швеция.

...Лестница в зале, устланная красным ковром, изящной дугой поднималась вверх. С потолка свисала люстра с подвесками из натурального хрусталя. В солнечных лучах оплывшие свечи с чёрными кругами нагара отражались в гранях подвесок, создавая иллюзию несчётного множества. Усиливало эту иллюзию высокое напольное зеркало, пускавшее на стены разноцветных зайчиков. Вошедшие в зал двое слуг от восхищения открыли рты.

– Смотри, Томас, как играет хрусталь, – прошептал седовласый слуга своему молодому напарнику. – Это я люстру вешал. Чуть не убился, помню. Главная морока с ней, когда чистишь подвески. Ты молодой, и тебе скоро предстоит этим заниматься. А я стар уже для такого дела. Пойди-ка прибегись наверху.

Томас с ведром и шваброй в одной руке и со свечой в другой поднялся по лестнице, ведущей к верхним полутёмным комнатам.

Сперва он вошёл в небольшую комнатку и огляделся, поправил штору на окне, невольно задержал взгляд на внутреннем дворе, безлюдном и затихшем под уже низким свинцовым небом. В комнатке стало совсем темно. Томас зажёл свечу. Затем повернулся, собираясь протереть крышку большо-

го сундука и вымыть пол, когда за стеной комнаты, именуемой кабинетом герцога, вдруг раздался раздражённый голос хозяина. Слуга в растерянности остановился посреди комнаты. Время уборки...

– Нет, граф, ехать в Россию, к русским, мне, Карлу Фридриху Голштейн-Готторпскому... увольте. Брр... При Клишове погиб мой отец. Русские вместе с поляками и саксонцами одолел тогда нашего генерала Марденфельда. Сколько лет прошло, но вы, надеюсь, помните об этом?(его отец погиб в 1702 г. в битве при Клишове, наши там по основным версиям не причём, так что данный кусок переиграйте).

– Помню, ваше высочество, – этот густой, вкрадчивый голос министра двора графа Бассевица был уже знаком Томасу. – Только русские-то здесь причём?.. Не было их там, ваше высочество. Но ваш отец в том бою пал смертью героя, это верно.

– Вот-вот, – не обращая внимания на слова графа, – патетически воскликнул герцог. – И после этого, да ещё в результате подлых интриг соседей, моя семья потеряла Шлезвиг и свой родовой замок Готторп. А вы предлагаете мне ехать в Петербург...

Пламя свечи в руке заметалось, будто от сквозняка. Томас замер, сжимая швабру. Мысль об отъезде с привычного места в огромную незнакомую страну тревожила, но и завораживала одновременно.

Донеслись звуки шагов по скрипящему полу. Видимо, это

сам герцог нервно расхаживал по комнате. Томас представил его узкое, несколько продолговатое лицо с небольшим пушком над верхней губой, вечно выражавшее недовольство и раздражение. Затем скрип прекратился, а через мгновение Томас различил шорох и стук деревянных ножек мебели. Видимо, бросив недовольный взгляд на своего министра, герцог остановился и с тем же раздражением плюхнулся в кресло:

– И это всё, что вы мне можете предложить, Бассевиц?!

– Ваше высочество, но женитьба на дочери русского царя – единственный шанс вернуть потерянное. Царь Питер тоже не возражает против сватовства. Не зря же он настаивал на признании вас преемником на шведский престол. ?Это даже в мирном договоре, подписанном в Ништадте, отмечено. Король Швеции тоже надеется на ваше благоразумие. Швеция устала от войны с Россией. Ваш брак с русской принцессой укрепит отношения между государствами. Вы, как родственник королей Швеции, законно можете претендовать на руку царевны Анны. А там, глядишь, ваши дети получат право наследовать русский престол.

Было слышно, как герцог в отчаянии взмахнул руками и вскочил с кресла. Он словно хотел куда-то выбежать, что-то решить, но неожиданно замер, будто наткнулся на препятствие, преодолеть которое был уже не в силах.

– Избавиться король от меня хочет, граф, избавиться, разве не понятно? Да и что толку от этого брака, если Дания уже

захватила Шлезвиг?..

А министр двора его высочества граф Геннинг Бассевиц тяжело, шумно вздохнул и произнёс бархатистым нарочито усталым голосом:

– Повторяю, ваше высочество, ваша тётушка, Ульрика Элеонора, лишила вас возможности занять шведский престол, вы это прекрасно знаете, а Россия набирает силу. Русский царь не вечен. Конечно, полной гарантии, что его старшая дочь после смерти батюшки сможет занять российский престол, нет, но шанс есть, уверяю вас, ваше высочество. Во всяком случае, не нам им пренебрегать.

«Мягко стелет...» – пронеслось в голове Томаса.

– Со временем обстоятельства могут благоприятно сложиться для вас или ваших детей. В конце концов вы, как супруг российской императрицы, уговорите жену пригрозить своим обидчикам, а если надо, и объявить Дании войну, и, конечно, вернёте себе Шлезвиг. А может быть, и не только его... Россия – мощная страна. Не отказывайтесь, ваше высочество, будьте благоразумны.

Карл Фридрих ни разу не перебил его и, кажется, задумался. После захвата Данией его родового поместья герцог с семьёй вынужден был переехать в Швецию под крыло своего дяди Карла XII. Молодой шведский король благосклонно принял их, но положение бедных родственников не очень устраивало амбициозного герцога. Придворные короля смотрели на него с усмешкой, а некоторые даже с презре-

нием, это верно. А уж после смерти дяди и последовавших козней тётушки и её мужа, отобравших у него право на корону, положение Карла Фридриха стало невыносимым.

Герцог шумно вздохнул.

– Лет-то сколько ей и красива ли? – обречённо спросил он.

– Тринадцать, ваше высочество, – голос министра стал более деловитым и настойчивым. – Анна Петровна лицом во многом схожа со своим августейшим родителем. Однако черты её более мягкие, нежные. А фигура уже хороша, но станет ещё совершеннее. Красавица, одним словом.

– Рост? – отрывисто спросил герцог.

– Пока около пяти английских футов, господин.

После упоминания о росте Томас про себя прикинул: сколько это? Затем мысленно представил герцога рядом с тринадцатилетней царевной – тот был совсем не намного выше её. «Так она же ещё растёт...»

Признаться, ничего царственного не было в наружности герцога: хилое слабое тело, узкие плечи, вдавленная грудь, лицо с некрасивыми чертами, вечно страдальческое, плоское, будничное, с выражением постоянного недовольства. По виду племянник короля Швеции не отличался и крепким здоровьем; к тому же, как шептались другие слуги, пристрастился к выпивке.

Бассевиц помолчал, видимо, давая возможность хозяину свыкнуться с неизбежностью.

– И потом, ваше высочество! – министр придал своему го-

лосу ещё больше трагичности и, наверное, к тому же нагнулся в почтительно-просительной позе. – Заключённый в прошлом году мир шведов с датчанами, думаю, похоронил надежду на скорое возвращение ваших фамильных владений. У вас нет другого выхода. Надо соглашаться, ваше высочество!

Как видно, исчерпав доводы, голос стих. Повисло тяжёлое молчание.

Наконец Карл Фридрих с обидой в голосе произнёс:

– Вот до чего довела меня моя тётушка! – затем патетически воскликнул: – Я, наследник шведского престола, вынужден свататься к русской принцессе. Щи и каши, студни, мясо с огурцами и солёными лимонами – вот что меня ждёт! О мой Бог!..

«Когда хозяин раздражён, мне здесь лучше не торчать!» – сообразил Томас. Выскользнув из комнаты и бесшумно прикрыв дверь, он стал тихо спускаться по лестнице.

– ...А ещё, ваше высочество, фленсбургские устрицы, утиные ножки в кислом соусе... Вы же их любите. Орехи, яблоки, лимбургский сыр, – вещал граф. – И всё это под превосходное красное французское вино... Не так уж и дурно, ваше высочество. Решайтесь! – услышал Томас вдогонку.

Карл Фридрих затравленно оглянулся на своего министра и выбежал из кабинета. Спустившись по лестнице вниз, он, не обращая внимания на копошившихся в гостиной слуг, неожиданно замер: в глаз попал солнечный зайчик. Герцог

взглянул на сверкающую люстру, затем перевёл взгляд на своё отражение в зеркале, усмехнулся и, махнув рукой, удручённо громко произнёс:

– Что делать, граф? Придётся ехать в эту варварскую страну. Давайте, Бассевиц, начинайте хлопотать, – и уже было направился в сторону двери. Но, взявшись за ручку, он вдруг остановился и спросил у слуги: – Как зовут?

– Томас, ваше высочество!

– Вот что, Томас, начинай учить язык варваров, русский, вместе туда поедem, – с язвительной иронией произнёс герцог и, громко хлопнув дверью, удалился из зала.

Министр же устало, но с явным облегчением, словно освобождаясь от тяжёлого груза, выдохнул. Было видно, что он своего добился.

Граф аккуратно прикрыл половинки дверей кабинета, замурлыкал модный мотивчик и начал медленно спускаться по лестнице...

– Вот и солнышко опять вышло! Слышал, Томас? – довольным голосом произнёс он. – Собирайся, малый...

Не поднимая глаз, Томас скривился.

Ему было страшно срываться с места и ехать в какую-то дикую Россию, да с хозяином не поспоришь...

...Хлопоты по сватовству герцога затянулись надолго. За это время умер отец невесты, Пётр I, и бракосочетание свершилось только в мае 1725 года. Императрица Екатерина I настояла на включении своего зятя, Карла Фридриха, во

вновь созданный Верховный тайный совет. Вчерашний «бедный родственник» и его министр граф Геннинг Бассевиц в России стали пользоваться большим влиянием. Томас был счастлив.

Поначалу всё складывалось удачно для зятя русской императрицы. Екатерина I благоволила к своим дочерям, Анне и Елизавете. Наверное, присматривалась к мужу старшей дочери и всё решала, какая из дочерей достойна престола.

Но судьба распорядилась по-своему. Императрица вдруг заболела и вскоре умерла. Власть в России почти полностью перешла в руки князя Меншикова, у которого были свои дети и свои планы на престол.

В июле 1727 года герцог Голштинский вместе с супругой Анной Петровной вынужден был покинуть Россию. С молодой женой он вернулся в Киль, где в феврале следующего года Анна Петровна умерла, родив сына Карла Петера Ульриха. У Томаса тогда родились двое своих детей, и он смог удачно устроить жену кормилицей для сына хозяина.

С самых ранних лет старый хозяин готовил сына к неизбежной войне с датчанами. Через одиннадцать лет он умер. Мечта объявить войну Дании и вернуть свои владения не осуществилась. Пока...

Карл Петер едва сводил концы с концами. Но судьба всё же улыбнулась сироте. Родная тётя молодого герцога, младшая сестра матери, Елизавета Петровна Романова, с помощью гвардии в 1741 году неожиданно взойшла на российский

престол и чуть погодя забрала племянника к себе, назначив его своим преемником. Томас вместе с уже новым хозяином снова переехал в Санкт-Петербург. Через три года императрица женила семнадцатилетнего наследника на шестнадцатилетней немецкой принцессе Ангальт-Цербстской. Помните, звали её смешно – Фике.

– Дождался ли хозяин?.. – прошептал постаревший слуга. – Как-то теперь всё сложится? О мой Бог, помоги моему господину!

Затишье в парадном зале его насторожило. Он потёр колени, размял икры и, пошатнувшись на затёкших ногах, кряхтя, встал. Слегка приволакивая ноги, подошёл к двери спальни, открыл её: вид довольного, едва сдерживающего улыбку хозяина его успокоил. Улыбнувшись в пол, Томас бесшумно закрыл дверь.

Разговор дипломатов

На веранде одного из залов дворца в шубах, наброшенных на плечи, находились двое: британский посланник Роберт Кейт и его коллега, датский дипломат Андриас Шумахер. Прикрываясь от редких снежинок, датчанин раскуривал трубку, набитую крепким голландским кнастером, и на его крупном с грубыми чертами лице сквозило явное недовольство.

– Проклятая страна, проклятый народ! Водка, кровь и грязь. Только не пойму, чего больше, – пробормотал он. Раскурив трубку, буркнул: – Кажется, грязи. Как считаете, господин Кейт? Британец удивлённо взглянул на коллегу, пожал плечами, и не ответил.

– Наш король, – в сердцах продолжил датчанин, – ещё сто лет назад о русских послах сказал: «Ежели они снова будут приезжать ко мне, построю для них свиной хлев, ибо где они посядут, там полгода жить никто не может от смрада». Сдаётся мне, что прав был король. Тьфу... – и выпустил густую струю дыма. Затем откашлялся и добавил: – Русские живут хуже язычников: исповедуют законы любви к ближнему и творят жестокости; постятся и во время поста скотски пьянствуют. Недаром в 1620 году Иоанн Ботвид, шведский богослов, защищал в Упсальской академии диссертацию на тему «А христиане ли московиты?»»

Англичанин замахал руками, отгоняя от себя дым, и, не скрывая недовольства, громко произнёс:

– Что за манера у вас, Андриас, дымить прямо в рожу собеседнику?

Причём произнёс он эту фразу на сносном русском языке и нарочно сделал на слове «рожа» ударение, акцентируя явную бестактность в поведении коллеги.

Всегда подтянутый, выбритый до синевы, спокойный рассудительный тон посланника выдавали в нём истинно английского аристократа. Что, однако, не мешало Кейту порой резко и достаточно грубо отчитывать своего коллегу Шумахера за грубые шутки, и не только в свой адрес. Шумахер не обижался.

– А по поводу нечистоплотности русских, вы сгущаете краски, коллега. Не думаю, что ваш король и сейчас-то моется часто, не говоря о его подданных. А русская парная баня – вещь известная... И потом, Андриас, кровь, пот, грязь в России... когда это было? Сколько лет прошло. Царь Пётр многое перенял от нас, европейцев, и это надо признать. Боюсь, вскоре русские Европу перещеголяют кое в чём...

Видите, какие дома на топях и болотах в Санкт-Петербурге понастроили, а флот на Балтике какой?! И пьянство им не мешает. Заметьте, Андриас, полстраны проклинали тогда императора Петра. Но славянское упрямство и страх русских перед помазанником божьим поражают. Не такая уж и плохая у русских вера, надо заметить. Не каждая страна может

похвастать такими успехами. Далеко не каждая.

И Елизавета немало сделала для России. Не всё, конечно, но не забывайте, Андриас, та Европа, которую силой и плётками вводил император Пётр, – ещё не вся Европа. У настоящей Европы, той, что мы с вами знаем, есть некая тайна, которая возвышает её в этом мире и делает сильной. И эту тайну русские пока не распознали, а без неё, мой друг, со всеми приобретёнными у нас науками и прочим поменялось лишь то, что вместо старого московского варварства Пётр вбил новое чванливое петербургское хамство. Разве не так?

– М-да... Уж больно высокопарно выражаетесь, господин Кейт. Однако, с вами вынужден согласиться. Да и нельзя не согласиться, что это тоже огромный скачок для варварской страны с её распрями внутри и войнами снаружи. На что в России ни взгляни, всё имеет Петра начало, он во всём обновил или, точнее, вновь родил Россию. И что бы впредь ни делалось, от сего источника русские черпать будут.

Дипломаты не сговариваясь, посмотрели друг на друга. И Кейт продолжил:

– Такими темпами да с такими просторами, какими владеют эти, как вы, Андриас, постоянно говорите, варвары, а нужна ли им наша тайна? Больше скажу: а сможет ли Европа удержать в узде этого монстра, который, кряхтя, с трудом, но уже поднимается из грязи? И что будет с нами, когда Россия встанет во весь рост? А, господин датский посол?!

Шумахер пожал плечами и вздохнул.

– Ответ очень простой, Роберт. Надо не дать этому медведю подняться, пусть так и стоит на полусогнутых ногах. И исподтишка бить его сзади палками, бить наотмашь... Медведь, естественно, будет рычать и защищаться, а мы будем страшать Европу русской свирепостью. Бред, конечно! Но ведь поверят, коль с молоком матери вбивать европейцам эту мысль о кровожадности России.

– Хм... А нашу, европейскую, жестокость куда девать? Пожалуй, она пострашней будет. Но в любом случае интересное у вас, господин Шумахер, предложение. Дубиной по голове?!.. Хм... Успокаивает одно: не нам с вами внедрять сие предложение. И слава Богу!

Понимающе кивнув друг другу, дипломаты с облегчением вздохнули.

Кейт глянул вниз на замёрзших солдат и с чувством некоторой жалости продолжил начатый разговор:

– А вот жестокость под сенью веры христианской, пьянство во время поста – варварство, здесь я с вами могу согласиться, Андриас. Правда, надо отдать должное русской императрице: пьяных по улицам, болтающихся вне праздников, что-то не узрел я.

Торчащая во рту флегматичного датчанина трубка медленно кочевала от одного края рта к другому, попыхивая, словно труба самовара, дымком. Наконец, прилипнув у левого края, замерла. Выпуская перед собой очередную порцию дыма, Шумахер задумчиво проговорил:

– Да это я так, сгоряча. Пока сегодня пробирался по этим топям, пока трижды вытаскивали мою карету из грязи, на-терпелся. От мужиков немывтым телом несёт, чесноком... Брр...

Как опытный дипломат, да и просто, как человек хорошо изучивший быт и нрав Петербургского общества, Кейт знал, что пройдёт время и этот датчанин своё мнение о русских изменит так же, как изменил его и он сам. Поэтому своего коллегу англичанин слушал рассеянно.

– Конечно, – продолжил Шумахер, – несколько странные эти русские. Я провёл здесь слишком мало времени, но и этого хватило, чтобы определить характеры первых членов Двора и здешнего высшего общества. Большая пышность и небольшая нравственность, кажется, распространены среди вельмож; лесть и раболепство характеризуют средний слой общества, самонадеянность и гордость – высший. Их увеселения, убранство домов, которые я успел посетить, и количество прислуги имеют вполне азиатский характер. И, что весьма странно, хотя может быть и естественно, несмотря на то, что они во всем подражают нам – европейцам, не имеют ни в нравах, ни в характере ничего собственного. Я говорю это о высшем обществе, – уточнил Шумахер. – Иностранец появляясь между ними бывает худо принят. Нонсенс?!.. Ведь многие из них осевшие здесь представители Европы.

Кейт согласно покачал головой.

– Ну в этом-то я могу русское общество понять и как-

то оправдать. В надежде загрести лёгкие деньги далеко не лучшие представители других государств едут сюда. Скажу больше – негодяи, болтуны и аферисты. Не все конечно... Мне порой бывает стыдно за наших соплеменников.

Словно тоже стыдясь за европейцев, Шумахер извиняющейся интонацией произнёс: – Сказать по правде лично сам я не могу пожаловаться на невнимание русских к моей персоне, со мною они обошлись как нельзя любезно. Кейт усмехнулся и буркнул: – Ну вот видите, Роберт...

Оба посла замолчали

– Ладно, Бог с ними, господин Кейт, – после непродолжительной паузы произнёс датский посол. – Говорят, болеет канцлер Воронцов, а смотрите, Роберт, сколько солдат перед дворцом нагнал. В самом городе тоже войск хватает, кабаки все закрыты. Я когда приехал сюда, меня перед шлагбаумом остановили, и один из караульных, этакий двухметровый де-тина, как-то слишком долго и подозрительно смотрел на меня. Я отругал его и спросил имя. «Григорий Потёмкин!» – ответил он. Приказано, говорит, пропускать только людей, обозначенных в циркуляре, и зырь в документ, а меня там нету. Я – скандал... Обошлось... пропустили, конечно, но сами понимаете, неприятно. Я этого наглеца запомнил, второй раз подобное ему уже не прощу. Говорю же, дикий народ. И всё же для чего столько военных? Видно, граф Воронцов боится, что императрица завещание могла изменить. Мало ли что...

– Всё может быть, слухи разные ходят, и о новом завещании в том числе. Якобы трон Елизавета передаёт малолетнему Павлу, а регентшей на время несовершеннолетия назначает его мать, великую княгиню Екатерину Алексеевну, – пробурчал Кейт. – Но я не верю. Меня французский посол барон Брейтель убеждал, что Елизавета страстно любит своего племянника, как-никак, потомок Петра I, и обязательно возведёт его на престол. Тем более, племянничек выражает своей супруге недоверие касательно своего отцовства в рождении сына Павла.

– Всё-то вы, англичане, знаете: стоит только пукнуть, а вы уже депешу в Лондон строчите, что, мол, у русских горох некачественный. Скоро своего союзника Фридриха в этом деле обгоните, тоже большого любителя шпионить. Откуда знаете про новое завещание? Редактор «Санкт-Петербургских ведомостей» шепнул? И сколько взял за эти слухи, а?.. По-моему, враньё всё это, про новое завещание. По поводу сына Петра Фёдоровича спорить не буду, а насчёт его матери... я сомневаюсь. Не думаю, что Елизавета захочет Екатерину назначить регентшей при Павле. Нет, не думаю. Много лет все усилия её были направлены на сохранение российского престола за Романовыми, а нам с вами известно, не грех и вспомнить, Роберт, крещёная в честь своих трёх тёток немецкая принцесса София Августа Фредерика Ангальт-Цербстская, наша маленькая Фике, в православии – Екатерина, не относится к этой фамилии. Шумахер задумал-

ся.

– Да... поди пойми этих варваров, – неуверенно продолжил он, – с них всё может стать. Глядишь, слухи обретут реальность, и Екатерина с Павлом на престол взойдут. Бред, конечно, но какая-то логика тут есть. Пётр Фёдорович явно отстаёт от жены: она умнее его и старается быть русской. Великая княгиня сносно освоила русский, а если разговаривает с иностранцами, то на французском, а не на своём родном, немецком, и делает это только потому, что хочет заставить русский народ забыть, что она немка. Разве не похвально для венценосной особы? К тому же мало употребляет вина, ест умеренно, встаёт рано – полная противоположность своему мужу.

Шумахер огляделся по сторонам и почти шёпотом произнёс:

– Секретарь французского посла сказывал мне, будто великий князь, наследник русского престола, тайно принял чин полковника прусской армии. Каково?.. Верх пренебрежения и безразличия к русскому народу, каким бы он ни был. Интересно, императрица об этом знала?

– Про глупость своего племянника?.. Знала, наверное. Может, и меры приняла. Ну, а насчёт супруги Петра Фёдоровича мнения разные, господин Шумахер. Как и сплетни, от кого Екатерина сына родила. Павел похож на своего отца, законного супруга Екатерины Алексеевны, и этим всё сказано. О другом надо думать... о другом... Брейтель ещё ска-

зывал, что при новом императоре Екатерина не будет иметь большого влияния, как бы ни старалась. Он видит в ней «молодую авантюристку», которая долго не выдержит политических бурь, и советует обратить внимание на фаворитку Петра Фёдоровича, графиню Елизавету Воронцову.

– Блефует француз... блефует. Только дурак, глядя на графиню, может разглядеть в ней задатки умной женщины. У Петра вообще странный вкус: Воронцова далека от идеала красавицы, внешностью и манерами смахивает на трактирную прислугу. Но француз тревожится не зря, знает: Пётр Фёдорович боготворит короля Пруссии Фридриха, что опасно для Франции. Подобное, кстати, и меня беспокоит, – дипломат тяжело вздохнул.

– Хм... не только вас, Андриас. Тяжело будет и австрийцам. Вон, ихний посол граф Флоремунд хмурый в одиночку бродит по залам. Я пытался с ним заговорить, но он ни в какую. Понимает, что прошлогодний договор между Россией и Австрией новый император может расторгнуть. Кстати, Андриас, отец Петра Фёдоровича, герцог Карл Фридрих Голштейн-Готторпский, пока был жив, всё мечтал Дании войну объявить и вернуть свои поместья – Шлезвиг. Как поступит его сын, нетрудно догадаться. Так что опасения ваши по поводу Петра мне понятны.

А насчёт редактора газеты вы зря: денег он не просил, что слышал, то и шепнул мне.

– Да пусть шепчет. Работа у него такая. А по поводу Шлез-

вига... Есть, конечно, опасения на этот счёт, милорд. Но очень надеюсь, не до родовых поместий Голштейнов будет России. Пусть сначала с Пруссией до конца разберутся: русские войска в Берлине, последнее усилие – и...

– Вот-вот. Пруссия на грани капитуляции. Остался один шаг, и восточная её часть окончательно перейдёт к России. Собственно, русские там уже освоились и вряд ли отдадут её Фридриху обратно. По крайней мере, надо быть полным идиотом, чтобы сделать это. Но нам, как и вам, никак нельзя допустить сию аннексию. Расширение границ России может плохо для нас закончиться, об этом только что вспоминали. Да перестаньте же дымить в мою сторону, Андриас, – вторично в сердцах произнёс англичанин.

Датчанин вновь не обратил никакого внимания на недовольство Кейта. Англичанин поморщился, помолчал и продолжил:

– Что будет дальше, неизвестно. С наследником Елизаветы всё ясно, но ведь ещё непонятно, как поведёт себя и возможная регентша Екатерина. Её отец состоял на службе у Фридриха, а её мать – «на посылках» у того же Фридриха. Так чего же ждать от их дочери, если она займёт русский престол? Фридрих, как никто, заинтересован в дружбе с Россией и сам в своё время принимал живейшее участие в выборе невесты для племянника Елизаветы – Карла Фридриха. Король даже письмо отправил Елизавете Петровне с самой лестной характеристикой на свою протееже. Думаю, Екатери-

на должна помнить это и быть благодарна Фридриху.

Датский посол усмехнулся, неторопливо выбил трубку, запахнул шубу и произнёс:

– Кто знает... это же Россия, здесь свои законы. Тем более, опять женщина: пойми их логику. М-да... – тяжело вздохнул датчанин. – Как я понимаю, Европа с нетерпением ждёт имя нового императора России. Брр... холодно.

Пора идти вовнутрь, да и перекусить не грех, а то неизвестно, сколько ждать ещё.

Только ближе к четырём пополудни двери спальни распахнулись. Одетый в официальный мундир, униженный золотыми нашивками, со звездой на груди и голубой лентой под кафтаном на правах старейшего сенатора Никита Юрьевич Трубецкой объявил томившимся в зале вельможам и дипломатам:

– Её императорское величество государыня императрица Елизавета Петровна сегодня, 25 декабря 1761 года от Рождества Христова, изволила почить в бозе, и государствует теперь его величество император Пётр III.

Наступила тишина, и только слившийся в один звук печальный вздох всех присутствующих лёгким шлейфом зашелестел над головами. Но печальный шлейф шелестел недолго, вздох облегчения вырвался произвольно почти у каждого посетителя. Что поделаешь?.. Люди устали.

Иностранные дипломаты спешно покинули дворец. И слова, произнесённые князем Трубецким, понеслись в мир.

Уже к вечеру по улицам Санкт-Петербурга помчались кареты. Европа ждала известий.

Близкий друг нового императора генерал-адъютант Гудович по личному распоряжению нового самодержца направился к прусскому королю Фридриху II. Карл Петер Ульрих Гольштейн-Готторпский, Пётр III, спешил известить своего кумира о вступлении на престол и предложить Пруссии мирный договор.

Фридрих II

Снег укрыл белым покрывалом старинный город Бреславль¹⁰. Январский день 1762 года подходил к концу, и сказочная снежная белизна стала сереть.

Было сумеречно, но ещё не настолько, чтобы не разглядеть запорошенный снегом небольшой замок, временное пристанище прусского короля. Замок не спеша погружался в таинственную темноту ночи, окна его тускло чернели. Стояла звенящая морозная тишина.

Холодно было и внутри сумрачного замка. Зажигать свечи немногочисленные слуги не спешили: для этого есть строго отведённое время. Каминов тоже не разжигали: король экономил и лично следил за расходом и дров, и свечей, как, впрочем, и за всем остальным тоже.

Его величество часто брал пример с отца. Дабы видели его подданные, он иногда вёл аскетический образ жизни: спал на железной кровати, питался без особых изысков и отвергал пышность праздников. Как и отец, любил он табаку понюхать, оттого одежда его дурно пахла, камзол и кафтан потрепались и давно требовали замены.

«Зачем лишние траты?» – говорил он своему окружению. С возрастом король забывался и королевская экономия пре-

¹⁰ Совр. Вроцлав (Польша), Бреслау (нем.) в 1741 году был присоединён к [Пруссии](#).

вращалась в скудость, граничащую с элементарной жадностью, но приближённые и слуги к этому привыкли и не жаловались.

Наконец, окна замка одно за другим стали освещаться желтоватым светом: степенно обходя залы, слуги зажигали свечи. В кабинете короля запылал камин. Потрескивая, огонь осветил средних размеров комнату и её хозяина, короля Пруссии Фридриха II.

Об этом государе надо рассказать подробнее. Как-никак, именно он, Фридрих Великий, или Карл Фридрих II, безусловно, преследуя свои цели, помог немецкой принцессе Фике (будущая Екатерина Вторая) породниться с российским императорским двором. А не будь Екатерины на престоле, как сложилась бы жизнь государства российского – неизвестно.

...Так вот, родился Фридрих II в Берлине 24 января 1712 года. Его отец –

король Пруссии Фридрих-Вильгельм I, мать – дочь короля Англии Георга I, София Доротея Ганноверская (повезло мальчику: семья более чем знатная).

Отец стремился воспитать из Фридриха воина. Однако сын поначалу к этой идее отца-короля отнёсся, мягко говоря, прохладно. Мальчик интересовался музыкой, философией и танцами. Он изучил несколько европейских языков, научился играть на музыкальных инструментах, сам сочинял музыку, изучал философию. В общем, был одарённым человеком.

Но папа-король считал Фридриха никчемным наследником и чуть было не назначил на это место его младшего брата, более подходившего отцовским требованиям. А тут ещё печальный случай, связанный с побегом Фридриха от семейной муштры из отчего дома, за что бедный юноша едва не лишился жизни (об этом чуть позже).

Как-то всё обошлось, и жизнь вроде наладилась, но в 21 год парню по приказу отца пришлось жениться. Однако, отношения с супругой у Фридриха были более чем прохладными.

Тогда же ему пришлось принять участие в войне за польское наследство. К большому удивлению отца, Фридрих воевал и храбро и с умом, за что от командования получил похвалу. Потом ещё одна война, и снова слова благодарности от старых генералов. Папе это понравилось, он даже похлопал сына по плечу, что означало: «Сын, негодный мальчишка, я горжусь тобой». И вот в конце мая 1740 года отец умер, и наш Фридрих стал королём Пруссии.

Отец, когда ещё был жив, просил сына не делать ему пышных (затратных) похорон. Но сын не исполнил волю отца и похоронил его с большими почестями. Сын превзошёл отца. Фридрих II много сделал полезного для своего государства: учредил Королевскую оперу, создал и построил Берлинскую академию наук, отменил пытки и цензуру, разрешил свободное вероисповедание. И воевал, воевал... При нём территория Пруссии увеличилась в два раза.

Будучи старым, похоронив всех своих друзей и боевых генералов, Фридрих II как-то сказал: «Я уже давно стал историей самого себя». И он был прав.

Умер Фридрих II в августе 1786 года в Потсдаме в своём любимом замке Сан-Суси...

Однако продолжим наше повествование...

Король сел в кожаное кресло, старое, в некоторых местах сильно потёртое и даже с дыркой на самом видном месте, из которой торчала волосяная набивка, но оно было очень удобное, мягкое, и погрузился не то в дремоту, не то в оцепенение, укрывшись тёплым пледом. Его голова чуть-чуть откинулась назад, руки лежали на коленях, и в полумраке было трудно понять, что в данный момент делает король, спит или размышляет.

В залах замка стояла тишина. Слуги и придворные ходили в мягкой обуви, говорили вполголоса и вообще старались меньше попадаться на глаза пребывавшему не в настроении хозяину. Король не спал, он мучительно размышлял:

«Семь лет воюю. Последний год – неудачный. Да что там говорить, провальный. В Берлине – русские, во многих провинциях тоже. Досаждают австрийцы. Нет сил наступать, обороняюсь или маневрирую. Под угрозой Силезия. Казна пустая: англичане перестали помогать. Елизавета не идёт ни на какие уступки. Одна надежда: русские окончательно переругаются с австрияками. Фельдмаршалы Бутурлин¹¹ и

¹¹ Командующий русскими войсками в Западной Европе.

фон Лаудон¹² постоянно ссорятся между собой. Шпионы доносят: австриец в своём послании королеве пишет: «Война с Пруссией – дело решённое, вопрос только во времени. Но есть проблема, ваше величество: на стороне Фридриха – крайняя осторожность Бутурлина, граничащая с глупостью». Хм... может, и так. Что это меняет?...» – совсем уныло подумал государь.

Невесёлые размышления прервались. От камина пошёл сильный жар. Шерстяная бахрома пледа нагрелась до опасной температуры и готова была вот-вот затлеть. Недовольный король встал и отодвинул кресло. Накинутый на плечи плед стал сползать, Фридрих непроизвольно поднял руки. Его фигура с поднятыми вверх руками и пледом на плечах в полутьме кабинета выглядела зловеще. Он напоминал коршуна, высматривающего удобное место для приземления. Король опять сел в кресло.

«Швейдниц в руках австрийцев. Генерал Румянцев штурмует Кольберг. В Кёнигсберге русские начали чеканить свои монеты, прусские уже не в ходу. Доходят слухи, что и жители стали присягать Елизавете. Королевство на грани развала. Войска противника – даже в Кюстрине. Суров, печален и ужасен конец моего пути. О мой Бог, скажи мне, чем я провинился перед тобой?»

Фридрих безвольно опустил руки. Тело, словно воздушный шарик, из которого выкачали воздух, распласталось по

¹² Командующий австрийскими войсками в Западной Европе.

креслу, взгляд короля отрешённо уставился в одну точку. Так прошло несколько минут. Тепло от камина отогрело продрогшее тело, король устало закрыл глаза.

«Кюстрин... Кюстрин...» – мелькнуло в его голове знакомое название города и вспомнилось связанное с ним событие тридцатилетней давности. Волна воспоминаний перенесла Фридриха II в то далёкое время его молодости.

...7 часов утра 6 ноября 1730 года. Барабанная дробь во внутреннем дворе крепости Кюстрин заставила восемнадцатилетнего наследника прусской короны кронпринца Карла Фридриха закрыть руками уши и отвернуться от тюремного окна. Однако грубые руки тюремщика по фамилии Фредерсдорф тут же бесцеремонно повернули голову кронпринца обратно к окну. «Приказ короля, ваше высочество: вы должны видеть казнь своего друга», – с чувством жалости проворчал он. Несмотря на своё предобморочное состояние, Фридрих увидел на глазах молодого солдата слёзы.

Гвардейцы отца выстроились кругом в середине двора крепости. В центре стоял лейтенант королевской гвардии Ганс Герман фон Катте. Из окна тюремной камеры Карл Фридрих видел бледное спокойное лицо своего друга. Вот палач подошёл к Гансу, что-то прошептал и стал медленно связывать ему руки за спиной.

Барабанная дробь прекратилась. Катте в последний раз поднял голову вверх. Карл Фридрих увидел плотно сжатые губы друга и желваки на его лице: всеми силами лейтенант

старался перебороть страх. Кронпринц не выдержал и закрычал: «Прости меня, Ганс». Руки кронпринца вцепились в тюремную решётку и стали трясти её, словно хотели вырвать. Карл-Фридрих забился в истерике.

Катте повернулся на голос друга. На безусом лице юноши появилась слабая последняя в его жизни улыбка, и он, как мог громко, крикнул: «Простить... за что? Мы же друзья. Прощай, Карл! Живи долго!»

Помощник палача положил руки на плечи Ганса и слегка надавил, Ганс встал на колени и положил голову на плаху. Раздалась барабанная дробь. Карл Фридрих потерял сознание...

Король очнулся. По его щекам текли слёзы. Образ Ганса Катте со смертельной улыбкой на лице стоял перед глазами. В ушах звучала барабанная дробь. Губы короля в который раз шептали слова позднего сожаления:

– Боже, бедный Ганс. За мою попытку бежать от самодура-отца казнён друг, который не бросил меня в трудную минуту. Отец нас обоих приговорил к смерти.

«Они оба давали клятву на верность своему королю. Они её нарушили. Законы моей страны одинаковы для всех – казнить обоих», – приказал отец тогда на заседании военного суда.

– Зачем?.. Зачем?.. Зачем?.., – сквозь слёзы шептал Фридрих.

«Как же я тогда ненавидел его», – устало подумал Фри-

дрих.

Судьи были потрясены жестокостью короля по отношению к собственному сыну. На свой страх и риск они смягчили наказание кронпринцу. Судьи рисковали, но Фридрих Вильгельм I не отменил их решение и молча утвердил вердикт суда.

– Катте, мой Катте, – опять зашептали губы Фридриха II.

В ушах короля продолжала греметь барабанная дробь. Её темп нарастал, проникал глубоко в сознание, заставлял сердце гулко и тревожно биться. Король замер, вцепившись в подлокотники кресла. Его лицо застыло, широко открытые глаза неподвижно смотрели в пространство.

– Ваше величество, ваше величество, – сквозь треск барабанов откуда-то издали послышался знакомый голос.

Король очнулся и резко встал. Перед ним стоял кабинет-министр граф Финк фон Финкенштейн. Грузная фигура министра испуганно вытянулась и замерла.

– Ваше величество, покорнейше прошу меня извинить, что беспокою вас, но у меня неожиданная и приятная новость, – пролепетал он.

– Нет такой новости, граф, которая может позволить вам беспокоить меня в такое время.

– Осмелюсь возразить, ваше величество, такая новость есть. Я только что прибыл из Магдебурга, где встретился с русским посланцем.

От непривычной дерзости приближённого брови короля

поползли вверх. Осмелев и поборов робость, Финкенштейн каким-то неестественно радостным голосом повторил:

– Да, ваше величество. Из России прибыл гонец.

Король недоумённо взглянул на графа:

– И что? Елизавета предлагает мир? Не поверю...

– Она умерла, ваше величество! – граф сделал театральную паузу и затем с улыбкой на лице добавил: – Россия выходит из войны. Новый император России Пётр III вам первому передаёт своё искреннее уважение и предлагает заключить с Пруссией договор. Мирный договор, ваше величество.

Фридрих II сурово посмотрел на своего министра: нарушение его указаний налицо. Никто не имеет права их нарушать. Король опять сел в кресло. Немного поразмыслив, он решил: «Придётся простить, сообщение действительно важное».

– Хорошо. Эта новость прощает вашу бесцеремонность, граф, – медленно, с трудом сдерживая свой гнев, произнёс Фридрих.

Успокоившись, король недоверчиво взглянул на министра:

– Хм... правда, что ли? Елизавета умерла?..

– Да, ваше величество, десять дней назад. Посланник и ближайший друг нового императора генерал Гудович ждёт вашей аудиенции. На руках у него личное письмо русского императора.

– Если это так, то это чудо, Карл.

Фридрих с удовольствием откинулся на спинку кресла. В его голову почему-то пришла мысль об Англии...

– Теперь Англия нам не нужна, – больше для себя, чем для подчинённого, с явно довольной интонацией произнёс король. – Как полагаете, граф, надо ли сообщить новому российскому государю о кознях этих англосаксов?

– Стоит ли, ваше величество? Англия – ненадёжный союзник, коварный. О коварстве англичан русским сообщить можем позже, момент подходящий нужен. Цель англичан – Франция! Война в Европе британам была выгодна. Потому-то за спинами России и Австрии она тайком и субсидировала нас, заверяя союзников в своей преданности.

Подлость, конечно, но своего Англия добилась. Мощь французов сломлена. Франция на коленях, многие её колонии перейдут к британам. Одна Индия чего стоит!..

– Эти чахоточные и меня бросили. Пруссия на краю гибели, как же, поживиться можно. Ублюдки! А по поводу подлости в отношениях государств... Запомните, граф: в политике все средства хороши, коль идут они на пользу собственной стране. Это и к Англии относится.

– Государь! Но, допустим, насколько я знаю, русские никогда не были замечены в коварстве, тем более в подлости!.. В разгильдяйстве – да, но не более.

– М-да... Это верно! Характер у них не то, что у нас, европейцев, не алчный. А почему?!.. Территория, граф, территория! Имей бы я столько земли в Пруссии, на кой чёрт мне

Польша, Саксония и прочие?..

– Ваше величество! А что же тогда русские у нас в Берлине делают? Восточную Пруссию, гляди, оттяпают. А тут мирный договор?!..

– Вот как раз это та черта русских, о которой вы только что говорили, – порядочность. Граф! Вы и сами должны знать ответ. В противном случае я могу усомниться в ваших умственных способностях. Вы что, не видите, государей-то на трон российский после ихнего Петра I, почитай, мы поставляем. Даже Елизавета наполовину немкой была. И получается... родственные связи, даже в отсутствии выгод для своей страны, обязывают русских самодержцев вступать в военные европейские союзы. На кой чёрт им это надо?!.. Повторюсь – родственные связи. Своей-то земли у русских более чем достаточно. – Фридрих покачал головой. – А сейчас новый русский царь – чей родственник?

Министр виновато развёл руками.

– Вот то-то же! – буркнул король. – И грех нам, европейцам, этим качеством русских не воспользоваться. Сегодня русские на стороне Австрии, завтра – на нашей. Надо только попросить. Политика – дело грязное.

В знак согласия со своим государем министр закивал головой.

Всё ещё не веря в свалившееся на голову счастье, король своими маленькими глазками пристально вглядывался в полыхавший огонь в камине. Наконец очнувшись, он вкрадчи-

вым голосом (если, конечно, мрачный шёпот грозного короля Пруссии можно считать таковым) спросил своего министра ещё раз:

– Так вы говорите, Россия мир с нами заключить хочет? – не дожидаясь ответа, король добавил: – А это, как полагаю я, весьма изменит ситуацию на фронтах.

– Обязательно. Супруга нового императора, София Цербстская – Екатерина, – ваша протеже. Не зря вы так настойчиво рекомендовали её императрице для племянника Петра.

– Хм... старая ведьма, Елизавета, всё упиралась, принцессу Саксонскую Марианну на примете держала, – проворчал король. – Вы же, граф, понимаете, что Пруссии тот брак был невыгоден: объединение России с рядом стран Европы против нас с Францией в мои планы не входило. – Король усмехнулся и добавил: – А предложи я тогда Елизавете взять в невестки мою сестру принцессу Ульрику, – Фридрих покачал головой, – обе, конечно, согласилась бы, но принести сестру в жертву было бы жестоко, согласитесь, граф.

– Согласен, ваше величество. Надеюсь, Екатерина не забудет это и напомнит своему супругу о ваших хлопотах, а может, и напомнила уже.

– Вряд ли, не те у них отношения. А хотелось бы, чтобы оба помнили, кому обязаны, – король задумался. – Теперь, граф, – после минутной паузы, произнёс он, – поменяется расстановка сил в Европе. М-да... Понимаю, почему крым-

ский хан так и не дошёл до Киева, хотя Гольц передавал ему мою настоятельную просьбу.

– Крым-Гирей – лис хитрый, ваше величество. Знал наверняка, что Елизавета скоро помрёт, и не хотел рисковать. Поди знай, кому престол достанется. Елизавета в последнее время плохо стала относиться к своему наследнику Петру. А оно вон как получилось...

– Помнится мне, в шестнадцатом веке два нашествия крымских татар на Москву едва не закончились падением Руси. Жаль... нынешний их поход отвлёт бы русские войска от Кёнигсберга и Берлина. Генералы докладывали мне, что удар с юга заставил бы Елизавету вернуть Курляндию¹³. Мечты... мечты... Вы правы, граф. Хитрые все, а татары – в первую очередь: нельзя им верить. Кстати, что там наши послы из Бахчисарая сообщают?

– Ничего нового, ваше величество. Всё те же пустые разговоры о философии Монтеスキё, вирши Газайи и жирный плов с кувшином вина. Хан тянет время. В беседах с послами вместо делового обсуждения военных походов против России наизусть цитирует целые главы из комедий Мольера. В знак уважения хан украсил свой зал для приёмов вашим портретом.

Государь благосклонно кивнул.

– А насчёт хитрости, ваше величество, англичане и здесь впереди всех, любому фору дадут. Не они ли лет сто назад

¹³ Западная часть Латвии.

первыми организовали тайную канцелярию, письма и донесения стали перлюстрировать и дешифровать.

Фридрих II никак не отреагировал на эти слова министра, а лишь произнёс:

– Распорядитесь должным образом занять посланца русского императора, я приму его позже.

Король сидел неподвижно, прикрыв глаза. Министр терпеливо ждал. Наконец король произнёс:

– Подготовьте рескрипт, надо поздравить русского императора с вступлением на престол. Мой адъютант барон фон Гольц, думаю, лучшая кандидатура для этих дел. Опыт имеет. Не зря послом в Крыму был. И вот ещё что... срочно готовьте проект мирного договора. Там, в Петербурге, Гольц должен бороться с русскими до конца. Никаких контрибуций и уступок нашей территории.

– Это невозможно, поверьте мне, ваше величество. Чем-то придётся поступиться.

Король гневно взглянул на министра, затем резко поднялся с кресла и топнул ногой. Дрожа от негодования, государь хотел напомнить Финкенштейну, что не потерпит вторичного неповиновения, но в этот момент с его плеч на пол соскользнул плед. Министр тут же бросился поднимать его, и это отвлекло короля.

Фридрих II подошёл поближе к камину. Скрестив на груди руки, он задумчиво стал разглядывать раскалённые угли. Наступила пауза: министр замер, боясь пошевелиться.

– Наверное, вы правы, Карл, – неожиданно спокойным голосом произнёс король. – В самом крайнем случае, крайнем, подчёркиваю, граф, так и передайте Гольцу, что в качестве компенсации за понесённые в войне убытки я могу согласиться на передачу русским территории Восточной Пруссии. Видно, с Кёнигсбергом придётся проститься. – И уже совсем тихим голосом огорчённо добавил: – Тем более, что они всё равно там уже хозяйничают.

Граф Финкенштейн облегчённо вздохнул и мысленно поблагодарил Бога за вовремя упавший с плеч короля плед. Однако всё же высказал сомнение в отношении личного посланника короля:

– Ваше величество, Россия не Крым, больно молод барон Гольц, да и воинское звание его маловато для подобной миссии.

– Хм... возраст не помеха, а воинский чин – дело поправимое. Подготовьте указ о присвоении Гольцу звания полковника. Поторопитесь, граф, с проектом договора, в марте Гольц должен быть в Санкт-Петербурге, и никаких предложений с нашей стороны, пусть русские сами назовут свои требования. Да... и отзовите из Крыма послов, нечего зря болтаться там и проедать деньги. Теперь вся надежда на моего русского друга – императора Петра III.

– И на его супругу, Екатерину Алексеевну, ваше величество, – добавил Финкенштейн.

Впервые за весь вечер король улыбнулся. Затем немного

помолчал и сказал:

– Возможно, граф, возможно. Для Пруссии сегодня выгодно дружить с этими варварами.

Молодой капрал

Санкт-Петербург. 26 января 1762 года.

«Преклонше колена» прошли в войсках печальные торжества и молебны за упокой души императрицы Елизаветы Петровны.

Тело государыни уже месяц как выставлено для прощания с ним придворных, военных, гражданских чинов и простолюдинов. А люди всё шли, шли и шли...

После короткого дневного тепла – снова мороз. И гололедь такая, что шагу ступить нельзя, не опасаясь сломить шею. Стоявшие в карауле на улице солдаты роптали.

– Учудила же матушка преставиться в такой холод, – ворчали они и, шаркая по льду, мелкими шажками шли греться в прокуренную караулку.

Народу в тесном помещении набивалось много. Грелись, сменяя друг друга...

Скоро полночь. Потёмкин устал. Рука, державшая ружьё, онемела, шея затекла. Непривычная форма гефрейт-капрала¹⁴, недавно сшитая на прусский манер, стесняла дыхание. К тому же солома, набитая в ботфорты для придания икрам округлости, стала вдруг особенно колкой: страсть как хотелось почесаться. Григорий поморщился, осторожно повертел головой и чуть-чуть согнул, а затем разогнул колени.

¹⁴ [Лейб-гвардейский кавалерист.](#)

– Чего вертишься? В харю хочешь? – злобным шёпотом дохнул прямо в затылок неожиданно подкравшийся начальник караула. – Не на прогулке с девками, чай у гроба самой императрицы стоишь. Стой, паскуда, смирно!

Этот вечный запах чеснока, исходивший от него при каждом слове, и в этот раз заставил Потёмкина поморщиться. Григорий застыл, проклиная в душе начальство.

Посетителей в траурном зале совсем мало; под ликами образов шептались две старушки, утирая глаза платочками, да не совсем трезвый тщедушный дьякон с козлиной бородкой. А кому ещё быть? Ночь на дворе-то.

Потёмкин с некоторым интересом наблюдал за служителем церкви, от скуки бродившим по залу. Было видно, что душа его требовала общения. Старушки, приняв его как-то по-мышинному и учуяв перегар, не стали выслушивать слугу божьего, отвернулись. Тогда дьякон подошёл к караульному и в растерянности остановился неподалеку. Пристально стал его разглядывать, как будто решал: угодна ли Богу беседа с этим солдатиком? Но жар от свечей и вино ускорили решение. Почесав бородку, дьякон перекрестился на ближайшую икону, поклонился ей и, глядя поверх головы Потёмкина, залопотал однообразным плачущим голосом, точно огромный комар жужжал:

– Крашенные доски как могут чудеса творить? Брось в огонь – сгорят, как всяко дерево. Как Бог может любить дерево, на коем распят Сын его? Не иконам в землю, а Богу в

небо подобает кланяться.

Дьякон задрал голову к потолку и трижды перекрестился.

От таких крамольных высказываний служителя церкви Григорий удивлённо вытаращил глаза, но в спор с дьяконом не вступил – на посту не положено. А дьякон заплетающимся языком продолжил:

– Любит Господь плачущих, любит Господь алчущих и жаждущих, любит страждущих безвинно, всех Господь любит! А вас, грешников, – дьякон махнул куда-то в сторону, – Господь не любит: душа ваша чёрная и в теле едва держится. Не изнемогайте в терпении, но благодарите Христа, Бога своего. Он к вам по воскресению своем будет не токмо в гости захаживать, но и в неразлучном с вами пребывании быти.

Дьякон неожиданно вознес обе руки и завопил отчаянным воплем:

– В вас Христос есть и будет, а вы скажите: аминь! Никола Чудотворец!.. Пресвятая Матерь Богородица!.. Помилуй!..

Григорий вздрогнул. Старушки испуганно замахали руками и принялись часто-часто креститься.

«Попы всякие бывают: и пьяницы, и блудники, и сущие злодеи. Люди все одинаковы, и к Богу это не относится», – философски решил Потёмкин, а потому не сдержался и, нарушив устав, этак внятно, дабы этот полоумный дьяк слышал, произнёс:

– Кто в Бога не верует, тот сумасшедший либо с природы

глупый.

Дьякон его не услышал. С неподвижным взглядом, словно слепой, что-то едва слышно бормоча, он побрёл в сторону выхода. На слова служивого старушки согласно закивали и зашептались меж собой.

«Глупость – это не отсутствие ума, это такой ум, – про себя опять философски заключил Григорий. – Вот и не объяснишь глупцу, что он не прав в чём-то. А умного переубедить можно, ибо на одном языке с ним говоришь».

Григорий представил себя в церковном одеянии, смиренно стоящим перед алтарём. «Пооди старушки от меня, – слуги божьего, лица-то не воротили бы».

Он с некоторой досадой покачал головой. «Да уж как получилось, так получилось! Дяде покойному и на том спасибо, что в конный полк устроил»

Вновь наступила изнуряющая тишина, снова захотелось спать.

Серебристое с кружевами платье императрицы в отблеске свечей казалось стальным, словно в гробу лежал рыцарь в доспехах. Потёмкин мысленно представил в одной руке у покойной огромный меч, в другой – тяжёлый треугольный щит и усмехнулся.

Вернулся дьякон и в смиренной позе застыл подле иконы Николая Чудотворца. Время текло убийственно медленно. Стоял тлетворный запах начинавшего разлагаться тела.

Вокруг возвышения, где под высоким балдахином стоял

гроб с телом горели свечи: много свечей, и они были огромны. От скуки Потёмкин пересчитал их: ровно пятьдесят две – по числу прожитых лет покойной, решил он. Такого размера свечи Григорий раньше видел в Москве, в церкви Георгия на Псковской горе, где ещё студентом раздувал иереям кадило и выносил с дьяконами подобные свечи. И как-то заспорил он тогда с Яшкой Булгаковым: за какое время они догорят, в две седмицы или в три? Каждый день ходили смотреть, не дождались... А когда сам батюшка стал с явным подозрением на них поглядывать, пришлось спор прекратить.

Потёмкин пристально разглядывал лицо почившей императрицы: оно оставалось почти естественным. Кожа на лице ещё держалась, и кое-где даже искусственный румянец проглядывался. Лишь уголки губ неестественно опустились вниз, да цвет кожи в некоторых местах едва заметно посерел.

«Не мудрено, – неторопливо размышлял Григорий. – Четвёртая неделя прощания с государыней пошла, а народ день за днём всё прёт и прёт. Ничего... держится Елизавета Петровна... Одно плохо – воздух всё удушливей, дух всё приторней...»

Придворный аптекарь анатомил покойную. По ночам ходит сюда и подправляет лицо, вот недавно ушёл. Господи, как время течёт медленно, скорее бы на воздух».

Чтобы не заснуть, Григорий старался вспомнить события последних лет. Однако воспоминания увязали в усталости, как в болоте. Усилием воли Потёмкин заставил себя широко

раскрыть глаза и слегка потряс головой.

В столице он уже не в первый раз. Помнится, в числе лучших студентов московского университета его направили в Санкт-Петербург на встречу с императрицей.

Впервые встретился там с великой княгиней Екатериной Алексеевной и даже говорил с ней. Растерялся в разговоре, как малый ребёнок, всё о религии говорил.

– Тьфу... даже сейчас стыдно, – не удержавшись, прошептал Григорий.

Взгляд его упёрся в стоявший за гробом государственный герб и целую галерею регалий императрицы. Наград и почётных знаков разного достоинства было не счесть. «И вот их хозяйка лежит в гробу... ничего ей уже не нужно», – с грустью размышлял Потёмкин.

Неожиданно справа от него отворилась широкая дверь. От лёгкого движения ветерка пламя свечей затрепетало, на стенах заплясали загадочные тени. Сердце Потёмкина забилося от волнения.

В сопровождении небольшой свиты из двух фрейлин и придворного ювелира вошла, вся в чёрном, супруга нового императора, Екатерина Алексеевна. Подойдя к гробу, она поклонилась покойной.

Григорий жадно разглядывал лицо Екатерины. Даже в полумраке оно выглядело уставшим и озабоченным. Понюхав несвежий воздух, супруга императора прикрыла носик платочком и сморщилась.

Небольшого роста, щуплый, с чёрной повязкой на руке ювелир бережно держал в руках округлой формы свёрток, завёрнутый в материю. Не скрывая брезгливости, он прикрыл платком нос и что-то сказал на ухо Екатерине Алексеевне.

– Это не займёт много времени, господин Позье, – услышал Потёмкин голос Екатерины. – При условии, что хотя бы вы правильно сняли мерки с головы покойной.

Ювелир хотел что-то сказать, но Екатерина Алексеевна не дала ему этого сделать.

– И не надо оправданий, как у вашего коллеги Экарта, – добавила Екатерина, – мол, голова императрицы распухла и надо переделывать погребальную корону. А что, он не знал этого раньше? Завтра погребение, нельзя больше тянуть с похоронами. Приступайте, господин ювелир!

Позье сдёрнул материю со свёртка: в тусклом свете Григорий разглядел золотую погребальную корону. Ювелир подошёл к гробу и растерянно произнёс:

– Подержал бы кто голову, ваше величество...

Екатерина осмотрела зал: других мужчин поблизости не было (пьяненький дьякон успел куда-то испариться), и взгляд её наткнулся на военного, стоявшего в карауле недалеко от гроба. Красивый молодой капрал с шапкой-треуголкой на голове восхищённо смотрел в её сторону.

Екатерина внимательным взглядом окинула высокую стройную фигуру. Её поразили глаза капрала: даже при

свечах они светились, излучая искорки бирюзового цвета. Брови, приподнятые и разделённые правильно очерченным, несколько крупноватым орлиным носом, придавали его внешности вид энергичного мужчины. А вот полные чувственные губы делали рот караульного почти детским, непророчным. И это невольно привлекало.

– Кажется, мы встречались с тобой, касатик? Помнится, силён ты был в учении божеском. Матушка Елизавета Петровна тоже сие отметила. Митрополитом аль ещё кем мечтал стать?. Видать не случилось, коль с ружьём стоишь?

Сердце Григория словно полковой барабан, учащённо забилось. Он растерялся, как и в прошлый раз, и вновь от волнения потерял дар речи. Не в силах произнести ни слова, Потёмкин кивнул головой.

– Голубчик, помоги господину ювелиру, – и, заметив некоторое замешательство, с едва заметной усмешкой добавила: – Можешь положить ружьё, я разрешаю.

Ладони Григория от волнения стали липкими. Стараясь не смотреть на лицо покойной, он приподнял её голову. Она была холодной и на удивление тяжёлой.

Ювелир осторожно примерил корону: она опять не належала. Позье ловко вытащил из кармана инструмент, открутил крепление на ободу короны и раздвинул его. Надев корону, ювелир облегчённо вздохнул и вопрошающе посмотрел на Екатерину.

– Слава Богу, подходит, – прошептала она.

Ювелира поразила перемена в её лице. Еще недавно, по пути сюда, она гневно высказывала ему претензии к работе Экарта, не стесняясь в выражениях. Теперь он не мог не заметить удивительного отличия: вместо властной энергичной особы, привыкшей повсюду командовать и повелевать, перед ним стояла женщина с выражением кротости и даже печали.

Устремив взгляд на покойную, сложив на груди руки в молитвенной позе, супруга императора чуть слышно что-то шептала. До ювелира доносились слова, видимо, прощальной молитвы, слова которой во всех странах не повторяют дважды, и надо успеть произнести их именно сейчас, сию минуту, сию секунду. Ювелир осторожно отступил на два шага назад. За ним последовали и фрейлины.

Голова Екатерины, покрытая чёрным платком, слегка покачивалась в такт сокровенным словам молитвы «Символ веры»:

– Верую во Единого Бога Отца, Вседержителя, Творца неба и земли, видимым же всем и невидимым. И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия, Единородного, Иже от Отца рожденного прежде всех век; Света от Света, Бога истинна от Бога истинна, рождена, несотворенна, единосущна Отцу, Им же вся быша. Нас ради человек и нашего ради спасения сшедшаго с небес и воплотившегося от духа Свята и Марии Девы, и вочеловечшася. Распятаго же за нас при Понтийстем Пилате и страдавша, и погребенна. И воскресшаго в третий день по Писанию. И возшедшаго на небеса, и сидяща

одесную Отца. И паки грядущаго со славою судити живым и мертвым, Его же Царствию не будет конца. И в Духа Святаго, Господа, Животворящаго, Иже от Отца исходящаго, Иже со Отцем и Сыном спокланяема и сславима, глаголавшаго пророки во едину Святую, Соборную и Апостольскую Церковь. Исповедую едино крещение во оставление грехов. Чаю воскресения мертвых и жизни будущаго века. Аминь.

Екатерина ещё ниже склонила голову и замерла.

Наконец она очнулась, взглянула на ювелира и устало вымолвила:

– Всё, я задыхаюсь, пойдёмте, господин Позье. Надо отдохнуть: день предстоит тяжёлый.

У выхода она неожиданно остановилась. Повернула голову в сторону Потёмкина и мягко произнесла:

– Запомню я, как звать-то тебя, служивый?

– Гг-р-и-игорий Па-а-отёмкин, ва-аше величество, – заикаясь, еле выдавил из себя Григорий.

– Потёмкин... Спасибо тебе, Потёмкин. Отмучилась наша государыня, – Екатерина перекрестилась в сторону покойной императрицы и замерла в последнем поклоне.

Уже в спальне перед зеркалом, расчёсывая гребнем волосы, Екатерина неожиданно припомнила эпизод с короной. Она кокетливо надула губки и, обращаясь к своему зеркальному отражению, передразнивая застенчивого капрала, нарочито заикаясь, произнесла:

– Гг-р-и-игорий Па-а-отёмкин... Поди ж ты...

Встреча друзей

Москва. Июнь 1762 года.

Холодная, слякотная весенняя погода как-то плавно перешла в лето, но солнце всё равно редко появлялось над городом. Дожди, дожди...

Вот и сегодня гроза ворчит и переходит с места на место. Словно беззвучные удары сабель, на горизонте падают молнии, а вслед им каждый раз доносится раскатистая громовая канонада. Всё ниже, всё чернее наползали на тревожно затихший город тучи. Бывшая столица боязливо замерла в ожидании бури.

По улице вдоль большого каменного здания, построенного буквой «П» и стоявшего вблизи Воскресенских ворот Китай-города, ветер гнал ворох мусора.

Здание было построено полвека назад для Земского приказа. Также в нём находились Главная аптека, присутственные места, ресторация. Шло время, и «аптекарский дом» (за ним так и осталось это название) обветшал: обшарпанные стены и выбитые окна производили на прохожих унылое впечатление.

Однако власти опять отремонтировали здание, и с той поры здесь находились университет и гимназия. Фасад дома заиграл красками и бликами солнечных зайчиков от оконных стёкол. Как старый фронт, стряхнувший с камзола пыль, ве-

теран всем своим щегольским видом стал напоминать проходящим мимо барышням о своей былой молодости. Вот только псы, стаями бродившие по окрестностям, отчего-то взяли на себя миссию сторожей, и это обстоятельство не располагало к приятному общению: барышни чаще всего обходили «кладезь мудрости» стороной.

Возле открытого окна одной из аудиторий гимназии стоял молодой преподаватель Денис, для учеников – Денис Иванович, и грустно разглядывал Кремль. На фоне грозовых туч бывшее пристанище русских царей выглядело мрачным.

Полный, с пухлыми губами, Денис на первый взгляд производил впечатление увальня, недотёпы. Только глаза... умные, живые, светящиеся и немного насмешливые, они сглаживали впечатление от простоватой внешности их хозяина. По характеру добрый и спокойный, Денис старался не наказывать своих учеников за случайные оплошности, и гимназисты это ценили: не пакостили, как другим учителям.

Семнадцатилетний преподаватель, как, наверное, все молодые люди его возраста, рано вступившие во взрослую жизнь, старался теперь держаться с достоинством. Идя по коридорам гимназии, по которым совсем недавно сам носился сломя голову, он важно кивал ученикам, степенно подавал руку для приветствия коллегам и старался говорить с ними не спеша, вальяжно, тщательно подбирая слова. Это было порой смешно, но учителя относились к своему студенту снисходительно. Хотя нет-нет да и ухмылялись, приговари-

вая:

– Молодость... Пройдёт!

Денис вздохнул, покачал головой и перевёл взгляд вниз, на улицу. Редкие прохожие торопились укрыться в ближайших торговых лавках, а кучера, громко ругая зевак и не соблюдая осторожности, всю гнали кареты и телеги, чем нарушали всем известный указ, изданный императрицей Елизаветой Петровной ещё в 1744 году. Штраф за быструю езду и прелюдную брань полагался немалый. Но сегодня штрафы мало кого пугали, и не зря: небо над городом окончательно заволакивало свинцовыми тучами, гром гремел всё громче. Вот-вот должен хлынуть ливень.

Природа на короткое время замерла. Стих ветер, замолкли птицы, и даже собаки перестали лаять, все понимали: это последняя возможность укрыться в безопасном месте...

Но вот совсем неподалёку сверкнула молния. Огненная дуга с сильным треском электрических разрядов ударила с небосклона в поверхность земли: Денис Иванович поспешно захлопнул окно и повернулся к классу.

Втянув головы в плечи, мальчишки, словно нахохлившись воробьи, боязливо, но с явным нетерпением ожидали конечной фазы природного катаклизма. Почти все они руками прикрыли свои уши и замерли в ожидании грохота. Трое ребят прилипли к дальнему от учителя окну, и один из них, что постарше, Гордеев, с каким-то восторгом произнёс:

– Сейчас к-а-к бабахнет!

– А ну, пострелы, живо сядьте на место! Молния вам...

Договорить Денис не успел: грохот заглушил его слова. Мальчишки испуганно отскочили от окна.

Через несколько секунд послышался дробный стремительно нарастающий шум бьющих по металлической крыше здания капель дождя.

Снаружи по стеклам потекли грязные ручейки. Денис опять вздохнул, поправил съехавший набок парик и сел за стол. Гром заглушал слова, а всполохи молний пугали ребят: дети всё-таки. Лило как из ведра.

Университетская гимназия, как и сам университет, были созданы благодаря стараниям столичного профессора Михаила Ломоносова и фаворита её величества Шувалова. Их многолетние настойчивые прошения возымели своё действие: императрица России Елизавета Петровна в 1755 году, в аккурат на Татьянин день, издала указ об организации Московского университета. Даже церковь в честь этой святой постановила заложить.

Поначалу университет и гимназия получили двадцать аудиторий: три большие, по четыре-шесть окон, а остальные – поменьше. В подсобных помещениях разместили библиотеку, физический и химический кабинеты, анатомический театр и даже типографию. Дом сразу же оказался тесен. Директор университета поспешил к Ломоносову, тот обратился к Шувалову, а фаворит – к императрице. Возможности нашлись, и к университету прирезали Репнинский двор на

Моховой. Стало свободнее.

В гимназии было два отделения: одно – для разночинцев, другое – для дворян. Курс обучения дворян дополнительно включал в себя три дисциплины: экзерциции воинские¹⁵, фехтование и танцы. Остальные предметы были одинаковы в обоих отделениях. Правда, было ещё одно отличие: дворян секли, не снимая с них исподнего, дабы совсем уж не бесчестить, разночинцев же стегали по голой заднице.

Как всё новое, а значит, и непонятное, университет в Москве был новой затеей, престиж его был невысок, и московская знать детей своих определять туда не спешила. Это давало возможность зачислять в университет отпрысков практически всех сословий.

Только вот денег на вновь созданное учебное заведение из казны отпускалось мало, и роль преподавателей в гимназии часто выполняли студенты университета.

Денис как раз и относился к этим добровольцам, преподавая в младших классах географию и грамматику.

Сегодня он был не в настроении. Мало того, что ему неожиданно пришлось заменить заболевшего иностранца, обучавшего детей итальянскому языку (а попробуй откажись, с директором лучше не связываться, тут же доложит кураторам), так ещё и погода разгулялась не на шутку.

Друзей, Гришки Потёмкина и Яшки Булгакова, рядом не было. Первого выгнали из университета за лень и пропуски

¹⁵ Военные упражнения.

занятий, квартирует сейчас в столице. А второй, получив золотую медаль за успехи в учении, совсем недавно поступил в Коллегию иностранных дел и тоже оказался в Петербурге. Оба в столице... Зачем им Москва?

«Вечер опять придётся коротать дома, в одиночестве, всё под те же отцовские нравоучения. А как же это скучно», – Denis вздохнул. За окном всё так же лил дождь. И под шум дождя он продолжал размышлять:

«Чем не угодил руководству Григорий? Плохо учился... это враньё. Учился он легко, охотно и без напряжения. Запоем читал всё подряд, не забывал и о церковных книгах. Гришке просто неинтересно и скучно было ходить на занятия: он всё знал, потому и ленился, не без этого. Да и скандалил часто с профессорами... Кому это понравится? Гриц – гордый: ежели упрётся, то не отступит. Поди теперь разберись, почему исключили. Уж как директора Ванятку¹⁶ ни просили простить Потёмкина, тот ни в какую. Иван Иванович, словно лошадь породистая, закусив удила, взбрыкнул и ни на какие уговоры не поддавался. Пропускал занятия Гришка и ранее, чего скрывать, но бывший директор Аргамаков¹⁷ прощал ему, а этот упёрся... Любил новый директор дисциплину, а тут ещё влиятельный родственник Гришки, президент Камер-коллегии, умер, некому было за него слово

¹⁶ Так студенты звали нового директора университета Ивана Ивановича Меллисино, грека по национальности.

¹⁷ Первый директор Московского университета.

замолвить. Отец-то Гришкин умер ещё лет десять назад. А мать... что мать, хоть и очень красивая, да чем поможет? Всё как-то сложилось не так... Но Гриц не пропадёт. В рейтарах лейб-гвардии Конного полка сейчас служит», – и уже вслух так же с огорчением тихо добавил:

– Он не пропадёт, а вот погода...

Поглядывая на задумавшегося учителя, воспитанники озорничали, строя друг другу рожи. Смешнее всех получалось у рыжего гимназиста Гордеева.

Раскаты грома понемногу стали стихать. Оторвавшись от размышлений, Денис нехотя ткнул пальцем в сторону смешливого гимназиста, копна рыжих волос которого и без кривляний поневоле привлекала к себе внимание.

– Что, пострелы, прежде чем о Крыме говорить будем, историю вспомним. Давай, Гордеев, расскажи нам, что есть Крым? Где он находится и какое ещё название у него имеется? Не учил, небось?

– Учил, как же. Сразу не учил, скажете тоже, – недовольно пробурчал парень, – его лицо, густо усыпанное веснушками, вмиг нахмурилось, а хитрющие глаза уставились в пол. – Там тавры жили раньше, – как-то несмело произнёс он. – Они же и назвали Крым Тавридой, – поковырявшись в носу, он задумчиво добавил: – Сначала Рим владел Крымом, потом эта, как её, Византия. А потом турки. А ещё там есть Хресонес.

За спиной ученика кто-то прыснул со смеху.

– Как? – переспросил Денис.

– Хресонес. Его греки построили в западной части Крыма ещё до Рождества Христова, – важно пояснил Гордеев.

– Хресонес, говоришь? Рынков, и ты так считаешь?

– Херсонес, господин учитель, – ответил Рынков. – А остальное Гордей правильно сказал.

– А ещё в Крыму есть гора Митридат, а на ней раньше находилось Боспорское государство, – уже более уверенно продолжил Гордеев. – И вообще в Крыму было Крымское ханство, горное княжество Феодоро и генуэзские колонии. В ханстве татары живут, ихний хан живёт в Бахчисарае. В Феодоре раньше жили греки. А главный ихний город – крепость Мангуп. По берегам у моря жили генуэзцы.

Будто только что вспомнив, Гордеев торопливо выкладывал учителю всё, что знал про Крым:

– Это... ещё крымские татары часто грабили русских, аж до Киева и Москвы доходили. И дань с Руси брали, вот...

Очередной раскатистый грохот прервал ответ гимназиста. Воспитанники, как по команде, перекрестились. За окном с новой силой разбушевалась стихия: молнии вспыхивали одна за другой, и дождь продолжал лить. Потоки мутной воды неслись мимо университетского здания, превращая лужу в конце улицы в небольшое озеро.

– Вижу, Гордеев, что учил, что-то знаешь. Дальше Рынков продолжит. Давай, Иван!

– Княжество Феодоро называли ещё Мангуп-Кале. Жители порт построили, Авлита, куда купцы заходили, всякие то-

вары привозили. Мангупские князья иногда воевали с генуэзцами, а у тех свой порт был – Кафа, господин учитель!

– Воевали... А как ты хотел? Коммерция, брат. Порт – дело прибыльное! Греки крепости выстроили в горах, прямо супротив крепостей генуэзцев, что на побережье, и сверху наблюдали за ихней Кафой. Конечно, видели, что в порт заходит много иноземных судов с товарами, и решили построить в другой большой бухте рядом с небольшим татарским поселением Ахтияр свой порт – Авлита и переманивать купеческие суда у генуэзцев. А кому это понравится? Вот потому и воевали друг с другом. Побережьем владеть очень выгодно. Да с Ахтияром у греков промашка вышла, порт захирел со временем. Давай, Рынков, продолжай.

– Когда Чингисхан умер, то Золотая Орда стала разваливаться, и турки захватили Крым.

– Так... на Орду уже перекинулся. Ну-ну. Рынков, здесь ты перегнул: Чингизхан к Золотой Орде отношение не имел. Ты, наверное, хана-Батгя имел ввиду. Ну, уж если вспомнил про Чингизхана, то Орда ещё лет двести существовала и после. А когда умер Чингисхан, кто знает? Черемшин, не крутись, ответь лучше на мой вопрос.

– Дык, это... лет пятьсот назад, господин учитель.

– Хм... примерно так. А для тебя, Рынков, несколько столетий, как будто это было вчера. Ну хорошо, давай дальше.

– Так я и говорю, господин учитель. Турки воспользовались тем, что в Крыму все воевали между собой, и захватили

Крым. В Мангупе убили всех жителей и сожгли его. В конце пятнадцатого века кругом были гарнизоны турок. Султан собирал дань со всего Крыма и ханов татарских сам назначал.

– И вообще татары и турки постоянно набеги на нас делали, господин учитель. Брали в плен людей русских и продавали их на рынках, как рабов, – не выдержал Гордеев. – Турки и татары – наши враги, – на всякий случай уточнил он.

– Экий ты скорый на оценки, Гордеев. Да, они нам не друзья, это так. А кто Крымское ханство основал? А?... Ну чего молчите?

– Гирей-Хаджи, господин учитель.

– Молодец, Гордеев, только наоборот: Хаджи-Гирей. А в каком году? Не помнишь? А я вам намеренно говорил. Забыли? Ладно, ещё раз повторю. Хаджи Девлет-Гирей I основал Крымское ханство в середине XV века. А помните, я рассказывал вам, как татарский хан, тоже Девлет-Гирей, но уже второй, вместе с турками в 1571 году сжёг Москву, много русских людей в полон¹⁸ взял, а на следующий год они опять напали на нас. Помните?... Хан тот сам хотел царствовать на нашей земле, погубить религию нашу, да князь Михайло Воротынский с князьями и боярами у селения Молоди разбил и прогнал татар. Царь Иван Грозный, ох как зол был на крымцев...

Потом и Михаил Голицын, и Иван Сирко, и царь Пётр, да и многие другие воеводы ходили походами на Крым. Не зря,

¹⁸ Плен.

чтобы как-то укрепить южные границы Руси, казаки основали Запорожскую Сечь. Казаки – народ горячий, но на границах стало спокойнее. Однако истории достаточно. Давайте о географии поговорим. Хотя вам, будущим студентам университета, знание истории очень пригодится, смею вас заверить.

Из кабинета директора, который находился на одном с их аудиторией этаже, загудели медным певучим гулом часы. Пробило двенадцать, и не успел затихнуть последний удар, как с противным скрипучим звуком приоткрылась дверь в аудиторию. Денис поморщился. В проёме показалась чья-то голова и, о чудо... Яшка! И, судя по загадочному выражению его физиономии, он что-то хотел сообщить. И вот, найдя глазами Дениса, объявил:

– Фонвизин! Мы с Грицем в Москве. Вечером встретимся. Давай на старом месте, у церкви Георгия на Псковской горе, где твои именины отмечали. Придёшь? – быстро проговорил он.

Не скрывая радости, удивлённый Фонвизин закивал головой.

– Потом в «Казанку» заглянем, давно не были в австрии¹⁹. Всё, бегу, некогда: дома ещё не был. Вечером поговорим, – добавила голова и исчезла. С тем же протяжным скрипом дверь затворилась.

Сын отставного секретаря лейб-гвардии Преображенско-

¹⁹ Трактир, кабак.

го полка, Яков Булгаков учился в университете вместе с Денисом и Потёмкиным. Помимо всего, друзья охочи были к словесным наукам, что ещё больше сближало их. Правда, Григорий больше тяготел к религиозному мышлению, но в литературных спорах между Яковом и Денисом участие принимал, и к мнению старшего по возрасту товарища оба неизменно прислушивались. Признавали авторитет Григория в литературе, как и во всём.

«Хм... «Казанка». Можно и перцовки с грибочками откусывать. Интересно, а что я дома скажу? Не буду домой заходить. На ночь глядя отец уже никуда из дому не выпустит».

«Казанка» – старое название кабачка. Говорят, царь Пётр захаживал туда раньше, не брезговал хлопнуть анисовой или перцовки с мужиками. Кабак давно снесли, выстроили новые заведения, но название прилипло к этому месту.

Родитель Дениса, Иван Андреевич, был строгих правил. В доме Фонвизиных, где раньше изредка бывали Булгаков и Потёмкин, всегда царил патриархальная обстановка: лишнего там не позволяли, тем более не одобряли дружбу сына с Гришкой Потёмкиным. И уж после отчисления Григория из университета Иван Андреевич, тыкая пальцем в апрельскую газету «Московские ведомости» за 1760 год, где на видном месте красовалось сообщение об отчислении друга, не преминул высказаться:

– Ну вот, за леность и пропуски занятий твой друг исключен из университета.

При этом он многозначительно поднял указательный палец и добавил:

– А я вам что говорил?! Ничему хорошему Потёмкин вас, дураков, не научит. Видать, распустил Гришку его родственничек, хоть и был он президентом камер-коллегии.

– Отец, что вы такое говорите? Во-первых, его дядя умер, а во-вторых, Гриц в университете получил медаль за успеваемость и в числе лучших студентов ездил в Петербург для представления самой императрице. Государыня лично отметила познания Григория, особенно в религиозных вопросах. А что пропускал занятия, так это он убегал к священнику приходской церкви, тот ему книги разные давал читать. А учиться ему неинтересно было: он всё знал. Гришка кем только не хотел стать?! И митрополитом²⁰, и губернатором... И станет, он такой. Что надумает, исполнит. Вы, отец, не знаете Потёмкина, а ругаете...

– Да уж... можно подумать... митрополитом, губернатором... Эк куда загнул, – не сдавался Иван Андреевич, – а то я не вижу: баламут он и есть баламут. – И в назидание прикрикнул на сына: – А ты меньше шастай по улицам, дома сиди, ума набирайся.

– Жалко, что Гришку отчислили, – с сожалением пробормотал Денис.

К концу занятий ливень прекратился, мелкий морозящий

²⁰ Духовное лицо, имеющее вторую по значимости степень священства (эпископскую).

дождик в расчёт уже не шёл, и улицы оживились.

Фонвизин вышел из здания учебного заведения, вытянул вперёд руку, убедился, что дождь почти прошёл, с удовольствием вдохнул напоенный влагой воздух и, оглянувшись в направлении дороги, идущей к дому, решительно зашагал в сторону церкви Святого Георгия.

Народ, обычно неспешно бродивший вдоль улицы, теперь торопился разойтись по домам, с опаской поглядывая на небо. Тучи снова напоздали на город, медленно поглощая узкие ярко-голубые небесные просветы. Того гляди, опять хлынет дождь. Даже галок не видно над крышами... К дождю – явный признак. Среди спешащих прохожих Денис заметил знакомое лицо соседа и, прикрывая лицо руками, юркнул на Варварку.

Центральная часть улицы была вымощена камнем, но местами сохранялась старая укладка: брёвна, накрытые досками. Однако мутная жижа просачивалась сквозь щели, и грязь липла к ногам. Денису приходилось то и дело перепрыгивать через лужи, стараясь не провалиться: дорогу давно не чинили. Пока везло, ни разу не оступился.

Впереди себя Денис увидел телегу, доверху груженную дровами, переднее колесо которой съехало на обочину и провалилось по самую ось. Лошадь стояла спокойно. Она невозмутимо поглядывала на ездока, не проявляя ни малейшего беспокойства. Мужик бросал гневные взгляды на кобылу и выговаривал:

– Куды заехала, зараза? Надоть, как угораздило, – и, бросив вожжи, длинной палкой тыкал в лужу, вымеряя глубину. Вокруг телеги стали собираться зеваки.

Варварка – улица небольшая, треть версты, не более, однако считалась самой роскошной и дорогой в Москве. По обеим её сторонам расположились добротные дома, торговые лавки и питейные заведения. Именно по ней в 1671 году стрельцы вели Стёпку Разина на казнь. Денис часто мысленно представлял себе эту картину.

...В окружении стрельцов бородатый разбойник с опущенной головой, гремя цепями, медленно бредёт по центру улицы. Толпы горожан с любопытством глазеют на антихриста, а дети ручонками показывают на бородача и кричат: «Он убивец, убивец!» В ушах Дениса всегда при этом слышались звон кандалов и шум разбушевавшейся толпы в ожидании главного действия – казни.

Фонвизин продолжил свой путь. Намокшие под дождем букли парика издавали не совсем приятный запах. Камзол, а также остальная одежда уже не согревали, хотелось тепла.

Стряхнув с ермолки капли влаги, он поёжился. Уже смеркалось. Но вот показалась церковь, и Денис ускорил шаг.

Как всегда, возле храма на паперти расположились шеренги нищих. Место «прикормленное», раньше здесь стояла церковь Иоанна Богослова, но Господь не уберёт её – сгорела. Среди нищих ещё находились очевидцы того несчастья,

коих немного было, но горемыки пользовались среди сотоварищей уважением. Денис многих знал в лицо.

Порывшись в кармане, он достал медную полушку. Обычно он подавал милостыню самым убогим: без ноги, руки, а, главное, не нахальным. Вот и сейчас, не обращая внимания на просьбы и причитания обездоленных, Фонвизин поспешно и целеустремленно шёл вдоль шеренги, направляясь к безногому старику, всегда молчаливо сидевшему в сторонке. Старик тоже заприметил Дениса и теперь покорно ожидал милостыни, что, однако, не мешало ему из-под засаленного треуха настороженно следить за движением благодетеля: не свернул бы в сторону... Денис уже было хотел положить ему денежку в узкую сухонькую ладонь, как шум впереди привлёк его внимание: там спорили двое нищих.

Один из них хриплым, простуженным голосом, размахивая культёй, что-то яростно доказывал соседу:

– Разве можно на всех углах талдычить о любви к Рассеюшке? Крикун тот и пустобрех. Тот любит Родину, кто о родителях и дитятках своих малых печётся да заботится. А тот, кто, лишь ветерок дунул, как перекасти-поле с места срывается и катится следов не оставляя, – кому он нужен такой? Где корни его? Скажи мне, Савелий, будешь ты до смерти биться, коль деток нет у тебя?

– Ну, это ты загнул, – запальчиво возразил ему сосед в оспинах и шрамах на лице. – Не кажин семью хочет заводить, чего нудить его к этому, да и Бог не каждому сие даёт. А

ежель война аль ещё какая напасть и этот перекаати-поле тож грудью встанет на защиту, не сумлевайся Фёдор! И я тоже, как все, коль потреба будет.

– Да встать-то може и встанешь, да силы не те у тебя. Поди, Родина понятие важное, да больно огромно для разумения каждого. Рубя врага, не только о Родине думаешь, в глазах глазёнки дитёнка малого стоять должны, отца и матери немощных, и ты знаешь, – нет тебе назад дороги. И тогда будешь ты до последнего биться, басурмана рубить. Вот это и есть любовь к Родине, как я разумею.

Нищий, которого назвали Федором, было затих, но, видимо, что-то вспомнив, опять накинулся на соседа.

– Мы пруссака били?.. Били! Кровь проливали?.. Проливали! Берлин, Кольберг брали?.. Брали! Чуть бы ещё надавили, и енти пруссаки лапки подняли кверху. А государь наш, что? Взял и возвернул обратно всё Фридриху!

– Дык это... – испуганно оглядевшись, негромко ответил ему сосед. – А воевать стали меньше. Ты, Фёдор, недавно здесь, а, поди, на пропитание имеешь кажин день. А почему? Народ чуть-чуть, а сытней стал жить. Вот и нам перепадает. Дай Бог здоровья императору Петру!

Фёдор аж подпрыгнул от возмущения и здоровой рукой попытался дотянуться до соседа, не достал и плюнул ему в лицо. Нищие стали плевать друг в друга. Другие стали смеяться, тыча в споривших пальцами.

Наконец они успокоились. И Фёдор уже без злобы произ-

нёс:

– Дурак ты, Савва. Как есть дурак. Я о Расее талдычу тебе, а ты о пропитании. Мы в Силезии вместе с австрияками войска прусские как снопы молотили... Если бы не наш генерал Бутурлин, давно бы напрочь разбили пруссака. Нерешительный генерал был, всё чего-то ждал, а надо было наступать. Я ить там и руку свою потерял. Смерть мне тады заглянула в лицо ещё утром, когда в разведку ходил и, подлая, заметила меня к обеду. Да, видно, мой ангел-хранитель поспел к тому взрыву-то вовремя, прикрыл меня, только руку и потерял.

Спрашивается, а за каким хреном? Разве матушка-государыня, царство ей небесное, позволила бы такое? А ентот немчура... отдал. Зачем ему про наши, русские, руки думать?.. – по его морщинистым щекам потекли слёзы.

Денис положил деньгу старику, достал ещё мелочь, прошёл вперёд и протянул монетки обоим калекам.

Питейное заведение, куда торопился Фонвизин, среди подобных мест слыло наиболее спокойным. Хотя такое понятие было весьма условным. В тёмное время суток поодиночке появляться и здесь было опасно: могли раздеть и ограбить. Поэтому Денис шёл осторожно, то и дело оглядываясь. Чего только не случалось в центре Москвы по ночам... Часто из темноты раздавались вопли: «Караул! Грабят!» Заспанные люди вскакивали с постелей, высовывали головы из окон, сурово этак отзывались: «Идём!», но не шли, а, крестясь от страха, снова забивались под тёплые одеяла.

Или... из темноты выскакивали какие-то людишки, помогали загулявшим пьяницам подняться по ступенькам наверх к дороге и тут же исчезали. Только вот карманы гуляк после этого оказывались пустыми.

Пространство перед входной дверью избы-австерики тускло освещал масляный фонарь. Рядом прибита вывеска, где местный живописец нарисовал что-то подобие рака, обнимающего клешнями штоф зелёного цвета. Краска начала шелушиться, у рака обсыпалась одна клешня, у штофа – дно, и теперь в темноте в свете блеклого фонаря однорукий краб выпученными глазами разглядывал горлышко бутылки.

Само заведение располагалось ниже основной дороги, и к нему вела дюжина бревенчатых ступенек. Слабый свет от фонаря да желтоватый свет из окон с коньками и петухами едва попадал на нижние ступеньки, и жаждущим промочить горло в тёмное время суток приходилось почти вслепую спускаться вниз.

Несмотря на то, что нижним чинам морского ведомства, солдатам, да и «людям подлым», равно как и женщинам, заходить в кабак было запрещено, питейное заведение пустовало редко. Впрочем, чинов морского ведомства в Москве было мало (это вам не Санкт-Петербург), и если они в нарушение указа и появлялись, то выборные²¹ отворачивались. Целовальники²², напротив, тут же набегали и напаивали кли-

²¹ Старшие питейного заведения.

²² Помощники (официанты).

ентов до одури; знали: этих можно обсчитать. Прохиндеи, конечно, и те, и другие. А как могло быть иначе при обслуживании пьяных?

Чтобы собирать кабацкие деньги для казны, с этими трудностями ещё царь Иван Грозный столкнулся: кому поручить сбор денег? Поставить боярина или дворянина – не пойдут: не по рангу.

«Не любит кабаки народ, – говорили они царю, – подлое это дело, государь». Царь тогда подумал и поручил надзор за кабаками желающим из простого люда. Народ сам пусть и выбирает, кого считает честным и верным, решил Иван Васильевич. С той поры народ и выбирал. Выборные давали присягу, целовали крест и собирали кабацкую прибыль на веру. Понятно, что на служение в кабаки шли не лучшие представители общества, а те, кому терять было нечего. Выборные и их помощники, прозванные целовальниками, считались людьми низкими и презренными, но денежки у них всегда водились.

Обо всём этом Денис давно знал. А «виноват» в этом Яшка Булгаков, который всегда охоч был до истории и заставлял своих друзей выслушивать небольшие лекции на разные исторические темы.

Фонвизин стал осторожно спускаться по скользким ступенькам. За избой слышался храп лошадей, несло мочой, раздавались пьяные выкрики.

В это время дверь в заведение распахнулась. Из открытого

проёма на него повеяло теплом, тяжёлый кабацкий дух ударил в нос. Денис брезгливо поморщился. Однако его ноздри с ним не согласились: призывно затрепетали, заставляя ноги ускорить шаг. Денис хмыкнул.

Сильно качаясь, из заведения в это время выходили двое посетителей. Тот, что повыше, судя по одежде, обыкновенный подьячий из тех, которых зовут чернильными душами или приказными строками, не успел пригнуться и о косяк проёма сбил шапку со своей башки. Пытаясь рукой поймать её, он не удержал равновесие и навалился на второго. Оба рухнули, загородив вход в австерию. Среди их барахтанья слышалась брань.

Поняв, что помочь им не получится, Денис перешагнул через одного из них, при этом наступив ему на платье, и протиснулся внутрь.

Вонь от несвежих закусок, запах людского пота, перегар, затхлость плохо проветриваемого помещения, гарь от сгоревшего масла в плошках несколько озадачили преподавателя гимназии. Денис остановился, с любопытством разглядывая первый зал.

В углу кабака – лампы перед чёрными ликами, у стен – лавки, длинные столы. Крики, шум, ругань. Штофы с водкой на столах вперемежку с лежащими рядом головами пьяных.

Кабак – место для простого народа, черни и прочих. Целыми днями и ночами посетители ведут здесь бесконечные разговоры «об жисти», то жалуясь на неё, то хвалясь перед

собутыльниками. На короткое время они становятся героями в собственных глазах, а то, не стесняясь, плачут навзрыд, а сердобольные, не менее разгорячённые вином сотоварищи их успокаивают, утешают.

Стащив с головы ермолку, под пристальным взглядом целовальника с пышными усами и чёрными бровями Денис прошёл мимо прилавка со штофами и горками красных раков и, лавируя меж столов, осторожно открыл дверь второго зала.

В этом зале было немногочисленно. Свет от нещадно коптящих масляных плашек выхватил из полумрака отдельные лица посетителей. Негромкий разговор прерывался смехом и чавканьем. То тут, то там раздавался стук стеклянных штофов о поверхность столов: подвыпившие требовали добавки. Целовальники, что ястребы, тут же подлетали к ним.

Некоторые пьяные физиономии Денис узнал: видел их в апреле, когда отмечал своё семнадцатилетие.

В этом зале гуляли дьяки, подьяки²³, реже – кописты и церковная братия, благо церквей и приказов рядом было предостаточно. Правда, государевы слуги теперь важно называли себя канцеляристами и подканцеляристами, но замашки у них оставались прежние, подлые.

«Ничего не брать с просителя есть дело сверхъестественное. А закон?.. Что закон? Дышло: куда повернул, туда и вышло», – говаривало, хитро поглаживая бороду, это неистре-

²³ Низший административный чин.

бимое сословие.

Решив в приказе какое-либо дело, они беззастенчиво брали мзду. Упрятав денежки в карман, милостиво затем соглашались на униженную просьбу мужика-просителя отметить это дело и шли с ним на часик вниз, в кабачок. Часика никогда не хватало, и угощение затягивалось. В приказах собиралась очередь, но она не роптала, терпеливо ждала благодетеля. Так и повелось издревле на Руси: только проси, только проси...

Гулянье продолжалось. Уже мало соображая, мужик доставал из кармана последние копейки и требовал от целовальника для своего друга очередную чарку водки.

Назад оба поднимались с трудом. Ноги не держали служителя закона. Недавний проситель, а теперь, считай, уже друг канцеляриста, сам еле стоявший на ногах, всячески пытался поддерживать новоиспечённого друга, бормоча: «Ничего, паря, выберемся, ты не сумлевайся».

Гришку Денис увидел сразу. Не заметишь его, как же, красавца со всклокоченными волосами! Булгаков рядом с ним выглядел бледной тенью. В мундире из дорогого сукна вицвахмистр Потёмкин сидел на скамье, эффектно положив руку на эфес шпаги. Под глазом у него виднелся здоровенный синяк. При виде друга Гриц величественно помахал Денису рукой, а Булгаков, напустив суровый вид, заявил:

– Что так долго? Садись. Гриц шампанского заказал. Пей пиво пока, – друзья обнялись.

Пиво, шампанское, опять пиво... Традицию своих встреч молодые люди не нарушали: тост за встречу, тост за здоровье и тост за университет. По телу разлилось блаженное тепло. Гриц, как обычно, пил мало, маленькими глотками и всякий раз фыркал и, словно жеребёнок, смешно мотал головой.

Друзья осмотрелись: те же посетители и тот же кабацкий шум, также коптят плошки, но ничего из этого теперь не раздражало, а даже умиляло. Разговор продолжился. Григорий грыз ногти, рассеянно выслушивал друзей, но мыслями был где-то далеко от них.

Обстоятельный рассказ Фонвизина о делах в гимназии его мало интересовал. Предстоящая поздняя встреча с очередной московской красавицей занимала его куда больше. «Она такая выдумщица в любовных делах...» – сладострастно размышлял он.

Голос Булгакова отвлѣк Потѣмкина:

– Дениска наш толмачом²⁴, как и я, заделался. Статейки для журнала «Полезное увеселение» переводит. Переводы басен Гольберга печатает. Херасков²⁵ в нём и брате его младшем, Павле, души не чает. Так ведь, Денис? Я отпросился в коллегии на несколько дней в отпуск, скоро в качестве переводчика в Вену еду, сопровождаю одного дипломата. Вот по возвращении в коллегии и поговорю кое с кем. Глядишь, и наш Дениска потребен будет: переводчики ой как нужны.

²⁴ Переводчик.

²⁵ Издатель журнала «Московские ведомости».

Что скажешь, Гриц?

– Что скажу? А чего штаны протирать в учёбе? Делом надо заниматься, – оторвавшись от сладких воспоминаний, пробурчал Потёмкин.

– Давай, Григорий, расскажи лучше о себе. Почему не по церковной линии пошёл, как же твоя мечта стать митрополитом? Откуда кафтан из дорогого сукна? За что звание получил? Как здоровье матушки твоей, Дарьи Васильевны? Как поживают сёстры? Какие дела в Москве у вас с Яшкой? Судя по твоему синяку под глазом, они не очень успешные. Опять, наверное, к барышням приставал? – с ехидцей в голосе произнёс Фонвизин.

Потёмкин мотнул головой.

– Да что рассказывать? Вот не случилось как-то мне Господу нашему служить. Не зря же говорят: хочешь рассмешить Бога, поведай ему о своих планах. Так и у меня. Бога в душе надо иметь, други! Господь это заметит и зачтёт. Начну военную службу, а не получится, так стану командовать священниками или городом каким.

Кафтан дорогой, говоришь. Иметь дорогую одежду – это, други мои, не только почётнее, но и дешевле: реже приходится менять. Звание супруга императора, Екатерина Алексеевна, выхлопотала мне, помогала как-то ей. Матушка и сёстры живут в здравии. Мои дела?.. Барышни?.. Хорошо, что только синяком отделался. У нынешней красавицы моей братьев куча оказалась, – с тоской произнёс он и потрогал синяк. –

Чуть не замордовали насмерть. Нож едва успел отбить да шпагой ткнуть одного из братьёв, тем и спасся.

Григорий оглядел притихших друзей. Яков и Денис испуганно разглядывали друга-гуляку.

– Не зря не пошёл ты по церковной части, Гриц! – не то с сожалением, не то с усмешкой произнёс Яков. – А иначе как же церковное целомудрие? А как же барышни? Блуд он в церкви не приветствуется. Зато теперича вона какой ты красавец в военном мундире. Я тебя, друже, в рясе уже и не представляю.?

– Что верно, то верно. Военным быть тоже почётно, – согласился Фонвизин.

И тут же добавил: – И что за город – Москва? Сколько хожу, ни одной незнакомой рожи. Звать многих не знаю как, но в лицо помню. Бандиты, и те знакомые! Тьфу... Где ты умудряешься шляться, Гриц, что тебе морду бьют?! Так недолго и башку напрочь потерять!

– Верно, Дениска! Кому суждено быть в один день дважды битым, тот будет в этот день дважды бит; так именно со мной и случилось. У меня вообще вчерашний день не задался. А началось всё с кружки кваса, которую второпях опрокинул на себя. Мокрое пятно расплылось на срамном месте. Потом конь подо мной у Кремля споткнулся. Народ тут же собрался. Хорошо, падая, не запутался в стремях и не сломал себе шею. Зато позору натерпелся... не приведи, Господи. Поднялся, отряхнулся, а забыл про пятно-то. Стою, как

дурак, улыбаюсь: мол, упал, конь споткнулся, ничего страшного, с кем не бывает. Гляжу, девки хохочут и смущённо личики свои отворачивают, мужики головами укоризненно качают: мол, опозорился служивый. Тьфу... до сих пор противно. Ну а уж если день неудачный, то и вечер такой же. Подбил клинья к барышне, а её братья подлые в драку полезли. Ладно, моя шпага тоже без дела не осталась. Долго будут помнить меня. Вот такие мои дела. Давайте лучше выпьем, други.

– Ты, Гриц, не темни. Чего в Москву-то примчались с Яковом, не с девками же встречаться, их и в столице хватает. Аль и вправду, дела какие, – повторил вопрос Денис. – Яшку давеча не успел попытать.

– Чего его пытать, он ничего пока и не знает; он родителей приехал повидать перед поездкой в Европу. Случайно в Москве встретились. Дела, говоришь, какие? Да такие... – многозначительно произнёс Потёмкин и огляделся по сторонам.

– Гриц, чего ты вертишься? Отменил государь тайную канцелярию. Говори смело, – Фонвизин гордо оглядел зал.

– Дела, други, большие предстоят. Знаете, поди, Москва спесивая, ревностно к новым порядкам относится. Вот и послали меня встретиться с графом и фельдмаршалом Бутурлиным, увидеться с нынешним губернатором Жеребцовым, поговорить с князем Черкасским. Надобно мне узнать их мнение о новом императоре и как будут вести себя войска,

ежель мы в Петербурге посадим на трон его супругу, Екатерину Алексеевну.

– Ух ты! Переворот, что ли? И ты, Григорий, участвуешь в этом? Не боишься? А как затея провалится?

– Типун тебе на язык, Денис. Я для этого и приехал. Вхолостую промотался по всей Москве, устал: расстояния-то неблизкие. На месте ни одного, ни второго не оказалось. Где их черти носят? Завтра начну с Бутурлина. Пока не болтайте никому, тайную канцелярию одним указом не отменишь. Бутурлин сейчас здесь, в Москве, в своей усадьбе на Солянке. Получил назначение на пост московского генерал-губернатора вместо Жеребцова. Однако ехать к нему сегодня смысла не было. Да и как я мог пропустить встречу с вами, друзья?!

– Чем не угодил тебе наш император?

– Не угодил?! Начнём с того, Дениска, что я служу в лейб-гвардии конного полка, а командиром у нас двоюродный дядя государя принц Георг-Людвиг Голштинский. Принц ни бельмеса не понимает по-русски, а я по-немецки говорю, вот меня и назначили к нему ординарцем. Этот родственник государев ещё недавно служил Фридриху. Сами должны понимать, своего короля он в беде не оставит. А прусские настроения нашего императора всем известны. Государь влюблён в короля Пруссии. Оставляет Петруша всё нами завоёванное почти за семь лет. Получается, зря воевали? Дании войну хочет объявить, а на кой хрен она нам нужна? Этого что, мало? – произнёс Потёмкин.

– Я вот по пути сюда услышал, как нищие вели разговор по этому поводу. Людям обидно, – вставил свое слово Денис.

– Вот-вот, скоро и Россия окажется в подчинении Фридриха. И не случайно на русскую службу побежали многочисленные родственники из Голштинии. Мой нынешний начальник теперь первый член Государственного совета, генерал-фельдмаршал и командир российской лейб-гвардии с титулом высочества. Другой принц – Пётр Август Фридрих Гольштейн-Бекский, слышали о таком? Тоже сподобился милости родственника: стал фельдмаршалом, петербургским генерал-губернатором и командующим над всеми полевыми и гарнизонными войсками, расположенными в Петербурге, Ревеле, Эстляндии и Нарве. Каково, а?

Голос Григория дрожал от возмущения. Он сделал паузу, огляделся, затем продолжил:

– Вместе с Петром голштинцы ввели свои порядки. Прусская армейская амуниция, экзерциции. Муштра сплошная. Одно переодевание солдат чего стоит. Гвардейских гуляк приказано теперь отлавливать у кабаков и наказывать. Видано ли это? Гвардия недовольна. А ты, Дениска, удивляешься, чем же не угодил наш государь. Россию надо спасать!.. – патетически воскликнул Потёмкин. Сказал слишком громко, с соседних столов в их сторону повернули головы посетители. Друзья притихли.

– Слышал ли кто, на свет рождённый, чтоб торжествующий народ предался в руки побеждённых, о, стыд, о, стран-

ный оборот, – неожиданно продекламировал Булгаков.

– Херасков и тебе дал вирши Михайло Ломоносова? – удивился Денис.

– Здорово Михайло Васильевич сказал, лучше не скажешь. Прямо в точку, – изумлённо прошептал Григорий.

– Наш Пётр-то так и не поднялся до императора огромной державы: герцогом Голштинским и остался. Интересы его крохотной родины ему ближе, – оглядываясь по сторонам, тихо, почти шёпотом произнёс Булгаков.

– А вот Екатерина, наоборот, понимает, кто она и чьи интересы нужно отстаивать. Затем и послали меня в Москву – агитацию в пользу новой императрицы проводить. Екатерину на трон надо сажать, – решительно закончил Потёмкин.

Булгаков и Фонвизин притихли. Предстоящие события пугали. Они по-новому посмотрели на своего друга.

– Государственный переворот, Гриц, – дело опасное. Как всё повернётся... Кто знает? Страшно за тебя, Гришка.

– Знаю, Яков, знаю. Назад дороги у меня нет. Видели бы вы эту женщину, друзья. Синие глаза на фоне восхитительной белизны кожи, длинные ресницы и острый носик... Я с ней виделся, когда в Петербург государыня Елизавета Петровна нас, студентов университета, пригласила. Помните, поди. Стушевался я дюже тогда в разговоре с великой княгиней и сейчас стыдно. Но какая женщина!.. За Екатерину Алексеевну и жизнь не жалко отдать, – неожиданно дрогнувшим голосом произнёс Григорий и замолчал.

Суровое выражение с его лица исчезло. Взгляд потеплел. Друзья удивлённо переглянулись. Перед ними сидел явно влюблённый человек. Но в кого?! В супругу императора?!

Незаметно для Григория Денис покрутил у виска пальцем. Булгаков в ответ пожал плечами, но не преминул подколоть Грица:

– А как же твоя первая любовь, игуменья Сусанна, а? Чай, раза в два постарше, опытная. Счастливый ходил, помнится. Нешто забыл про её келью?

– Думаю, Бутурлин не струсит, убедит остальных поддерживать гвардию Петра I, – словно не слыша Якова, уже спокойным голосом произнёс Потёмкин. Немного помолчав, добавил: – Так вы со мной али как?

Друзья переглянулись и одновременно кивнули.

– С тобой, не сумлевайся, Гриц. Жизненный путь Бутурлина я знаю немного, по случаю пришлось изучить. Упрямый, но расчётливый. А как всё будет на месте, право, не знаю, – неуверенно произнёс Булгаков.

– Что наша жизнь, друзья?! – мечтательно продекламировал Фонвизин и добавил: – Всё тщета в подлунном мире, исключенья смертным нет, в лаврах, рубище, порфире, всем должно оставить свет. Что такое есть родиться? Что есть наше житие? Шаг ступить – не возвратиться в прежнее бытие.

– Ломоносов? – поинтересовался Потёмкин.

– Нет, Херасков, – ответил Фонвизин.

– Всё одно, не мешало бы нам с Денисом знать о фельд-маршале поподробнее. Башку, Гриц, каждому снесут, ежели что.

Григорий поведал друзьям о Бутурлине всё, что знал, не утаил и наставления Алексея Орлова относительно своего задания. Вслед за этим заговорщики рассчитались с ценовальником и покинули австерию. Булгаков и Фонвизин немного покачивались. Потёмкин, с виду совершенно трезвый, поддерживал их обоих под локти и шёпотом настоятельно потребовал, чтобы они не чесали языком лишнего. Яков молча кивнул, Денис же произнёс:

– Могила, не сумлевайся, Гриц!

На землю прочно опустилась ночь. Несмотря на тревогу в душе, дышалось после дождя легко и свободно. Над самым горизонтом повис серп молодого месяца, друзья полезли в карманы за мелочью и, дурачась, стали её показывать месяцу... Есть такая примета: чтоб деньги водились.

На следующий день после встречи в австерии ближе к полудню недалеко от бывших царских соляных складов (так называемой Солянки) в зелёной роще на холме остановился экипаж. Из него вышли трое друзей.

Перед ними раскинулась небольшая равнина, застроенная домами местных аристократов. Из всех окрестных строений высотой и ярким цветом обожжённого кирпича выделялась одна усадьба. Потёмкин уже знал, кому она принадлежала, – генерал-фельдмаршалу графу Александру Борисовичу Бу-

турлину.

С краю усадьбы виднелось озерцо, по берегам заросшее камышом. На нём неподалёку от берега резвились стаи гусей и уток, чьи гогот и кряканье разносились по всей округе. Лениво поругивались между собой собаки. В зеленеющих кронах деревьев над головами друзей, перебивая голоса мелких птишек, горланило вороньё; в траве трещали кузнечики. Влажная после недавнего дождя земля парила, разнося во круг запахи разнотравья. Сочная зелень густо растущей травы приятно радовала глаз. Красота...

Из кустов выбежал ёжик. Высунув мордочку, он испуганно взглянул на людей и тут же юркнул обратно. Яков и Денис бросились за ним.

Потёмкин задумчиво смотрел на раскинувшуюся перед ним панораму. После вчерашней встречи слегка кружилась голова.

«Зачем пил?..» – удручённо подумал он. Предстоящая встреча волновала. Внутри нарастала тревога. Словно ученик, Гриц мысленно вспоминал всё, что знал о Бутурлине, и повторял про себя подготовленную ранее вступительную речь.

Около двадцати лет назад, будучи главнокомандующим Московскими войсками, Бутурлин «в целях рекогносцировки» объездил и Москву, и все её окрестности. Так что место для своей усадьбы фельдмаршал выбрал удобное: рядом с Солянкой проходила дорога, идущая от Кремля в сторону

столицы.

Хоромы свои граф выстроил основательно, из новомодного кирпича. Пожары были ему теперь почти не страшны.

В свои шестьдесят восемь граф пережил многих государей и государынь и почти всегда умудрялся вовремя подстроиться под нравы очередного правителя.

Екатерина I пожаловала ему – бывшему денщику и сыну денщика своего царственного супруга, звание гоф-юнкера²⁶. Императрица помнила, что отец этого красавчика был доверенным лицом, и не сомневалась в преданности сына. Она не ошиблась: Бутурлин-младший стал камер-юнкером²⁷, а затем был произведён в камергеры цесаревны Елизаветы. Болтали, правда, что молодой красавец в дальнейшем стал любовником цесаревны, но двор всегда был полон сплетен...

Во время короткого правления Пётра II ладную фигуру Бутурлина облегал уже мундир генерал-майора, а на груди красовался орден Святого Александра Невского.

Но затем вышла осечка: Бутурлин поссорился с князем Долгоруким, и влиятельный князь добился отправки обидчика в армию. Однако карьера графа не закончилась.

Новая императрица, Анна Леопольдовна, вспомнила об Александре Борисовиче и, призвав ко двору, вскоре назначила его генерал-кригскомиссаром²⁸ с присвоением звания

²⁶ Придворный чин XII класса.

²⁷ Придворный чин VI класса.

²⁸ Начальник по вопросам снабжения и денежного довольствия армии.

генерал-лейтенанта. Ну а когда на престоле воссела Елизавета Петровна, то Бутурлин снова начал стремительно подниматься по служебной лестнице. Сначала стал московским главнокомандующим, а затем – главным правителем Малороссии²⁹. Позже, с началом войны со Швецией, он принял командование русскими войсками в Эстляндии, Лифляндии и Великих Лугах. А в 1756 году Бутурлину было присвоено звание фельдмаршала.

И вот Пётр III отозвал фельдмаршала с поста главнокомандующего русской армией в Европе и направил его в Москву принять дела у Жеребцова и вступить в должность генерал-губернатора.

Всё это Потёмкин узнал от Орлова, который перед самым отъездом в Москву с опасным поручением понудил Григория внимательно изучить все важные события в жизни старого военачальника и царедворца.

– Знай, с кем говорить будешь. Это тебе не Жеребцов и даже не бывший губернатор князь Черкасский. С Бутурлиным надобно особое умение в разговоре иметь. Враз можешь под топор угодить. Обласкал фельдмаршала император, обласкал. А за что? За какие заслуги? А... не ведаешь?! Зато я ведаю. – Орлов замолчал. Зачерпнул ковшом воды из деревянного ведра и неторопливыми глотками осушил его. – Так

²⁹ Нынешняя Черниговская и Полтавская губернии, но в историческом смысле понятие Малороссии гораздо шире; включала в себя современный юго-западный край (губернии Киевскую, Подольскую и Волынскую).

вот... – продолжил он, – командуя войсками, в последние годы наш фельдмаршал вёл странные баталии супротив Фридриха: при самых победных раскладах как будто жалел его, не добивал. Командующий австрийскими войсками Лауден часто жаловался на Бутурлина императрице, но та уже болела сильно и в войну не вмешалась. А граф, старый придворный лизоблюд, твёрдо знал, что наследник обожает Фридриха, вот и воевал с пруссаками спустя рукава. Как видишь, не прогадал – получил должность, и не малую. Учти всё это при разговоре с ним. И вот ещё что...

Орлов внимательно посмотрел на Потёмкина, всей пятернёй потёр затылок и тихим голосом произнёс:

– Екатерина Алексеевна хорошо отзывается о Бутурлине. Но если по своей привычке он так и будет ходить вокруг да около или вообще откажется нас поддержать, уйди, – Орлов замолчал и выразительно указал пальцем на дверь за спиной у Григория, а затем ещё тише продолжил: – То сразу найди князя Петра Черкасского и вместе изыщите способ, как не позволить фельдмаршалу нам помешать. Князь на нашей стороне – немцев он сильно не любит.

Потёмкин вопрошающе взглянул на Орлова.

– Да. И не гляди на меня так. Москва не должна противиться свержению ни при каких обстоятельствах. Так что решение по фельдмаршалу примете с князем. Если другого выхода не будет, то... сам понимаешь, чай не в лапту играем.

– А когда сия акция планируется? – охрипшим от волне-

ния шёпотом уточнил Григорий.

– В начале июля, если ничего не изменится. Императора в столице не будет, он лично возглавит армию для войны с Данией. Так что времени в обрез. Поспешай. Сладится всё, в Москве не сиди, дуй в столицу, здесь будешь нужен. И вот ещё что... Пару пистолетов прихвати, держи их наготове, когда к фельдмаршалу пойдёшь, не помешает. Вот, вахмистр, ты теперь всё знаешь. Учти, Потёмкин, Москва на твоей совести. Гляди, ежели что... Не посмотрим, что Екатерина за тебя поручилась, без башки враз окажешься.

Григорий поёжился. Слова с делом у братьев Орловых никогда не расходились... Это Потёмкин знал.

Алексей, третий из пяти братьев Орловых, сержант лейб-гвардии Преображенского полка, в отличие от своих шумных братьев, был человеком умным, энергичным и, что особенно важно, осторожным. Среди гвардейцев Алехан (так звали его товарищи) пользовался непререкаемым авторитетом. Именно Алексей Орлов, по разумению Григория, являлся одним из главных устроителей будущего переворота. Вместе с братом Григорием и сплочённой группой единомышленников он держал нити заговора в своих руках. Природные обаяние и общительность Алексея не только располагали людей к полному доверию, но и подталкивали их поддерживать все его начинания.

– Во рту сухо, – голос Булгакова вернул Григория в реальность. – Не надо было шампанское с водкой мешать. Башка

трещит.

А вот Денис не жаловался, наоборот, с умилением во взоре разглядывал местность и восхищался:

– Други, красота-то какая! Вот ведь недурно фельдмаршал устроился. Давай, Гриц, пешком пройдемся, ноги разомнём: трясёт твоя колымага, спасу нет.

– Пружины ослабли. Крёстный помер, глазу за всем нету, – Гриц бросил критический взгляд на раскисшую после дождя дорогу, затем осмотрел свой тёмно-зелёный двубортный мундир с короткими фалдами, любовно поправил пристёгнутый на правое плечо золотой аксельбант и, представив прилипшую к начищенным сапогам грязь, проворчал:

– Нет уж, лучше поедем.

Кучер хлестнул лошадей вожжами, и они медленно побрели в направлении усадьбы графа.

– Как договаривались, Архип. Пистолет держи под рукой, с кареты не слазь, пока не дам знать. Во дворе разверни карету к выходу, – отчётливым шёпотом дал указание кучеру Потёмкин. Затем, взглянув на друзей, успокоил: – На всякий случай.

Карету, видимо, уже заметили: ворота тотчас отворились. Встретил друзей немолодой мужик в сшитом на немецкий манер кафтане. Кафтан его был нараспашку, под ним виднелась свежая холщовая рубашка, в поршнях с чистыми шерстяными онучами. Мужик неприветливо, с подозрением оглядел незваных гостей.

– Как прикажете доложить, господа? – громко и недовольно спросил он. И веско добавил: – Граф никого не ждал нынче.

– Вот что, братец, судя по одежде, ты с фельдмаршалом пруссака воевал? – сказал Григорий.

Слуга важно кивнул и пожал плечами, ожидая, что скажет молодой барин дальше.

Успев рассудить, что ни фамилия Потёмкин, ни тем более его звание никак не впечатлят генерал-фельдмаршала, Григорий произнёс как можно строже:

– Передай, голубчик, графу: племянник президента камер-коллегии Кисловского, ныне покойного, Григорий Потёмкин видеть его желает. По делу...

Мужик, не выказав никаких чувств, снова пожал плечами и удалился.

По залу, куда привели гостей, то и дело пробегал кто-то из челяди, украдкой бросая на друзей любопытные взгляды. Было видно, что граф прибыл в дом недавно: многие вещи всё ещё стояли нераспакованными. Сесть было некуда, и гости вынуждены были стоять.

Хозяин заставлял себя долго ждать. Неприлично долго. Но друзья терпеливо ждали.

– Странно: ни адъютанта, ни ординарцев не видно. Генерал-губернатору, а тем более фельдмаршалу, они положены, – встревоженным шёпотом произнёс Потёмкин.

Время шло. Заранее приготовленная речь будто затума-

нилась в голове. Гриц уныло оглядел зал.

– Где этого старика черти носят? – вслух пробурчал он. – Денис, ты... – однако договорить Потёмкин не успел. За его спиной раздался насмешливый голос.

– Черти, говоришь... Хм... Да вот, принесли уже.

Друзья переглянулись. Откуда появился Бутурлин – загадка.

– С чем пожаловали, молодые люди? Что вдруг от старика, которого черти носят, нужно?

Фельдмаршал настороженно разглядывал гостей. Его крупная фигура была похожа на монументальный памятник. Так в первую секунду и показалось друзьям. И этот в домашнем халате монумент требовал ответа... Молодые люди растерялись.

– Что молчите? Аль забыли, зачем пожаловали?.. Прохор, ты пошто глухонемых в дом пускаешь, да ещё с битой рожей? – подозрительным взглядом рассматривая вахмистра, крикнул в открытую дверь граф.

– Дык, поди ж, сродственник президента камер-коллегии, как было не пустить? – запинаясь, ответил голос.

Первым справился с оторопью Булгаков:

– Ваше сиятельство, вахмистр и ординарец генерал-фельдмаршала Георга-Людвига Голштинского, – Яков указал рукой в сторону друга, – Григорий Потёмкин прибыл к вам из Петербурга с поручением.

При упоминании имени родственника императора лицо

Бутурлина смягчилось, взгляд немного потеплел.

Вперёд выступил Потёмкин. Григорий нарочно не стал обращаться к фельдмаршалу по этикету, а, положив левую руку на эфес шпаги, правую же – на пояс, выпалил:

– Граф, фельдмаршал Голштинский здесь ни при чём. Я прибыл по поручению гвардии его величества. Россия в опасности! Её надо спасти!

– Как князь Воротынский со товарищами у селения Молоди, веру нашу православную в 1572 году от татар крымских, – вспомнив недавний урок в гимназии, неожиданно для самого себя громко вставил Фонвизин.

Потёмкин вопросительно взглянул на друга.

– О как! Сражение с татарами под Москвой – факт известный. Опять спасти Россию? – удивлённо произнёс Бутурлин. – И от кого на этот раз, позвольте поинтересоваться...

– От пруссака на троне, – глядя на фельдмаршала и не меняя позы, с вызовом произнёс Потёмкин.

– Кого? – фельдмаршал на мгновение оторопел. – Это что, вахмистр, фельдмаршал Голштинский влепил тебе в глаз, а ты решил ему отомстить? И не мелочишься, как вижу. Государственный переворот содейть хочешь, императора престола лишить. Ну дела... – Граф помолчал, затем уверенно произнёс: – Я присягал императору Петру Федоровичу и изменять присяге не намерен. По закону, вас всех троих надобно арестовать и отдать под суд. Эх чего придумали... императора власти лишить... Прохор, давай сюда...

Не успел ещё граф договорить, как в зал ввалились четверо мужиков. Двое из них сжимали в руках ружья. Дело принимало серьёзный оборот. «Враз без башки окажешься», — словно бы вновь прозвучали в ушах Потёмкина слова Алена.

Григорий выхватил пистолет и направил дуло на графа. Все замерли. Только старый фельдмаршал как будто даже не удивился. Выказывая полное спокойствие, он демонстративно сложил на груди руки, внешне выражая полное спокойствие.

Однако опытный в подобных делах вельможа мысленно анализировал ситуацию:

«Непростые это гонцы. Так прямо и открыто заявить мне, генерал-губернатору, слуге государеву, о перевороте?!.. Да ещё пистолетом угрожать?! Тут не только смелость нужна... Уж не провокация ли это? А если интрига, то чья? Жеребцова?.. Вряд ли. Он знает, почему дали отставку: около полутора тысяч дел до сих пор лежат в приказах нерешёнными. Должен быть доволен и тем, что остался вице-губернатором. Канцлера Воронцова?.. Тоже отпадает: в родстве по сыну находимся как-никак. Не в его интересах меня убирать: виды на меня имеет. О недовольстве в гвардии я слышал, да и канцлер об этом намекал. Хотя Михаил Илларионович, кажется, доволен императором: войну прекратил, а с ней и затраты. Вот только раньше большие люди, вершители судеб, и Остерман, и Миних, и даже Бирон, не позволяли послам

чужих государей распоряжаться в России, как теперь это делают родственники императора. А этот прусский камергер, бывший адъютант Фридриха, Гольц? Кругом нос суёт и указания даёт, а император не перечит и Воронцову велит подчиняться. И датчанам не время войну объявлять из-за чёртова Шлезвига, все же знают причинность этого. Тут и до бунта недалече, а если займётся, полыхать будет, пока всё дотла не сгорит. Мы, русские, такие...

Решение не приходило. Пауза затягивалась. Бутурлин продолжал лихорадочно размышлять:

«И гвардия недовольна... Двадцать лет назад гренадёры вмиг Елизавету на трон посадили. История повторяется... Если так, то Москва тихо сидеть должна. А если всё это враньё или переворот не удастся, тогда что? О, Господи... Голова кругом идёт. По-настоящему следовало бы с крыльца спустить нахалов да по этапу отписать. А вдруг повторится история... Поди, знай... Как быть? А этот нахал ведь пальнёт ещё».

Не менее лихорадочно размышлял и Потёмкин:

«Из башки всё вылетело. Не так разговор пошёл. Зря сразу о спасении России начал. Тут ещё Денис со своими татарами влез... Понять можно фельдмаршала. Ни с того ни с сего три увальня вдруг заявляют старику о государственном перевороте. Тьфу... Теперь и в самом деле может арестовать. Орлов предупреждал ведь: особый подход к графу нужен. А теперь... Так есть в усадьбе солдаты?..»

Внимательно следя за глазами и рукой вахмистра, Бутурлин сделал осторожный шаг назад. Его слуги стали переглядываться. Молчание затягивалось до неприличия.

Фонвизин не выдержал первым, шепнул на ухо Якову:

– Давай, Яшка, чеши языком, чему вас, дипломатов, там учат? Грица знаешь, укукошит старика... Всем конец.

– Ваше сиятельство! Я нижайше прошу внимания одного из самых уважаемых людей, честно служившего и служащего России, – торжественно начал Булгаков.

Фельдмаршал отвёл взгляд от дула пистолета и настороженно посмотрел на Якова.

Денис незаметно ухмыльнулся: «Ну всё, понесло! На конька своего сел, только фанфар не хватает. Сейчас начнёт петь дифирамбы заслугам старика. А какой старик не оценит хвалебной речи в свой адрес? Вспомнит то, чего и не было. Давай, Яшка...»

Начинающий дипломат начал красочно перечислять многочисленные заслуги графа, всячески обходя неоднозначные подробности. Денис облегчённо вздохнул: «Это надолго...»

А Булгакова понесло дальше. И вот уже раздались громы пушек, крики «Ура!» Вот император Пётр II лично накидывает на плечи храброго вояки генеральский мундир и прикалывает очередной орден, вот прусские знамёна летят к ногам непобедимого генерала Бутурлина, а вот императрица Елизавета Петровна присваивает ему звание фельдмаршала и графский титул. И наконец фельдмаршал на белом коне

торжественно въезжает в...

Тут Булгаков запнулся. Он не знал, куда мог бы въехать на белом коне не слишком удачливый в военном деле фельд-маршал Бутурлин. «То ли в Берлин, то ли в Москву, а может, в Петербург? Чёрт знает, куда могло занести его. Но в столицу... на белом... всё-таки вряд ли», – решил он.

– ...в белокаменную Москву, – Яков закончил фразу и, выдохнув, уточнил: – Я ничего не забыл, господин фельд-маршал?

Возле распахнутой двери из-за спин дворовых мужиков на происходящее с любопытством глазели слуги. Стояли тихо, ожидая, что же будет дальше.

В пылу словесных баталий и шумных награждений старого генерала в комнату тихо вошли супруга и старшая дочь графа. Теперь они так же, широко раскрыв глаза, смотрели на умолкшего Булгакова.

Рука Потёмкина затекла, и он опустил пистолет. Яков молчал. Заданный им вопрос ждал ответа. Дюжина пар глаз заворожено смотрела на оратора: все ждали продолжения. Старшая дочь, Варенька, девица двадцати лет, надув губки, капризно произнесла:

– А дальше? Папенька ещё на Кавказе воевал...

– Прохор, распорядись, чтобы стол накрыли на веранде, – неожиданно тихим голосом произнёс граф, – чаю с наливочкой попьём с гостями. А вы все пошли вон.

И, взяв графиню под руку, он учтиво махнул странным

гостям рукой, приглашая следовать за ним.

Друзья облегчённо вздохнули, переглянулись и пожали плечами.

– Такое впечатление, что в этом доме угрожать хозяину пистолетом – дело привычное, – прошептал Фонвизин.

Потёмкин хмыкнул и поглубже засунул пистолет за пояс. Довольный своим выступлением, Булгаков не слышал Дениса, он усиленно пытался вспомнить хоть какие-нибудь подробности про службу графа на Кавказе, но так и не вспомнил.

Семья хозяина дома чинно направилась на веранду, беззаботно обсуждая пламенное выступление такого милого молодого человека. Гришка облегчённо вздохнул. Варенька украдкой поглядывала на Потёмкина.

За столом, накрытым белой вязаной скатертью, расселись строго по старшинству. Во главе – уже успевший переодеться хозяин, графиня, Екатерина Борисовна, дочь старшая, дочь младшая, Екатерина.

Двенадцатилетняя Катюша, как её ласково называл отец, появилась минуты три назад и теперь, насупившись, сидела за столом. Как не расстроиться: пропустила такое представление... Отца она не слушала – неинтересно.

На счастье Якова, Александр Борисович сам стал рассказывать о своих подвигах на Кавказе. Однако рассказывал он нудно, нравоучительно. Не звучали в его голосе фанфары, не гремели пушки, не раздавались победные крики «Ура!» Рас-

сказ вышел сухим, скучным, и вскоре, к удовольствию присутствующих, граф сменил тему разговора.

– Прохор передал мне, что ты, вахмистр, племянником Григорию Матвеевичу, царство ему небесное, приходишься.

– Да, граф. Дядя почил в бозе.

Две дородные служанки стали ставить на стол четырёхгранные бутылки с разными настойками, посуду, вазочки с вареньем, пироги и прочее. Запыхтел большой самовар. Наконец слуги удалились.

– Ах, как жалко, сына Петеньки нету, – с явным сожалением произнесла хозяйка дома Екатерина Борисовна.

Вторая жена Бутурлина, в девичестве – Куракина, в свои почти шестьдесят лет выглядела очень мило. Мягкая интонация речи и кроткий вид придавали внешности этой женщины, матери троих детей, чисто русский образ.

Григорий был наслышан о князьях Куракиных, имевших древнее истинно русское происхождение, но видел представительницу этой знатной фамилии впервые и сейчас с удовольствием разглядывал лицо графини.

– Он с женой Машенькой – в Испании на дипломатической службе, посланник государя нашего, – с явными нотками гордости за сына продолжила графиня.

Потом, словно что-то вспомнив, повернулась к мужу и воскликнула:

– Батюшка, похвались теперь своими домашними трудами. Какую настоечку предпочитаете, молодые люди? Алек-

сандр Борисович сам лично следит за всем процессом приготовления. Никому не доверяет. Вот вишнёвая, вот тминная, вот черёмуховая...

– Папа любит шалфейную, – озорно вставила Катенька, – а мама, когда кашляет, – укропную настойку. А я пробовала, мне не понравилась. Горькая и противная... Брр...

Екатерина Борисовна посмотрела на дочь укоризненно. Отец, наоборот, ласково и рассмеялся.

– Выпьем, господа! Такого напитка, уверяю вас, сроду нигде не отведаете. Волконские и Нарышкины пытаются меня обскакать. Да где там!.. Катюшенька правду сказала: люблю шалфейную, а ещё и анисовую. Вот, вахмистр, хоть вы и пытались меня пристрелить, но анисовки испробуйте! Свеженькая... враз запоёте от удовольствия. Давайте, господа, выпьем за здоровье нашего...

Тут хозяин спохватился: «За здоровье императора как-то не с руки пить: гости переверот готовят и меня самого чуть было не пристрелили из-за него». И Бутурлин сделал вид, что поперхнулся. Солидно откашлявшись для полной достоверности, граф закончил речь словами:

– ...сына маво, Петра Александровича, и его семьи.

Все с удовольствием выпили. Пошли закуски. Много закусок и разных.

Старый генерал оживлённо знакомил гостей с методами приготовления различных сортов водки, её способах розлива и хранения.

– Жалко, не успеете пригубить моего нового напитка – желудёвой настойки. Ух... ажно глаза на лоб от неё лезут. Я её водичкой перед употреблением разбавляю, – его лицо немного покраснело, в глазах появился озорной блеск.

Графиня, промокнув губы салфеткой, встала и, поблагодарив гостей, вместе с дочерьми покинула мужскую компанию. Мужчины встали. Тосты продолжились. Потёмкин почти не пил. Запах анисовой настойки, которую пришлось пригубить, в конец отбил желание.

Хозяин предложил здравицу за женщин. Прохор стал разливать содержимое бутылок по рюмкам. Наливая Булгакову, старый солдат пролил настойку на скатерть. Александр Борисович укоризненно покачал головой, но не отругал слугу, промолчал.

– С ним случается... контузия, фронт, – пояснил он гостям. – Итак... за женщин, господа! А куда мы без них годимся? Верно ведь, молодые люди? Сама истина доказывает нам о пользе женского рода. Чай, не зря, сотворив всё нужное на Земле, Бог в последний день сотворил жену Адамову.

Друзья не успели ответить, как раздался ворчливый голос Прохора:

– Рак не рыба, а баба не человек; баба да бес – один в них вес. Вред от ентих баб один. Дай им вожжи в руки, враз запрягут. А того, дурьи их башки, не понимают, что мужик – всему голова.

– Сам ты дурья голова, Прохор, – не удивляясь бестактно-

сти слуги, смеясь, воскликнул Александр Борисович. – Перед гостями меня позоришь темнотой своей. А рожать сам станешь? Аль попросишь кого?

Компания шумно выпила. Ворчливый слуга удалился, бубня что-то себе под нос.

Чтобы как-то сгладить неприятное впечатление от высказывания слуги, разомлевший от выпитого хозяин решил сменить тему разговора:

– А всё-таки, господа, я вам скажу: настоечка, да перегнанная пару раз – напиток богов. А знаете ли вы, милостивые государи, историю сего напитка, водкой называемого? Нет... Вот расскажу, знать надобно бы вам. Нальём, господа.

Взяв в руки рюмку, он начал говорить:

– Водка, которую считают русским алкогольным напитком, – изобретение не нашенское – аравийское. В Европу сей напиток попал с острова Майорка ещё в тринадцатом веке, а уж к нам, в Россию-матушку, – только через двести лет. И тогда водку считали лекарством, «жизненной водой», и предписывали знахари принимать её каплями. Ею заживляли раны, лечили простуду и головные боли, применяли как наркотоз.

Бутурлин широким жестом указал на Дениса, который, склонив голову, дремал с блаженной улыбкой на лице.

– Чем не пример, господа, лечебности напитка? Душа человека отдыхает, от ненужного отгораживается, сил набирается. Ну так вот, продолжим.

Секретом изготовления напитка когда-то владели генуэзцы. После того как они заняли земли Таврии на юге России, тайна перестала быть тайной. Народ поначалу носом крутил: горькая, мол, противная. Однако ж потом напиток понравился, и умельцы не просто начали «курить хлебное вино», как раньше оно называлось, но и сделали его таким крепким, что дух захватывало и искры из глаз летели. А уж апосля третьей перегонки крепость водки составляла семьдесят градусов, а после четвертой – все восемьдесят. Я сие пробовал, знаю.

Затем народец стал настаивать продукт сей на пряностях, кореньях и травах. От крепости разводили водой, отсюда и название – «водка», ласкательное от слова «вода». А как государыня Екатерина сделала производство сего напитка привилегией дворян да еще освободила их от налогов, то тут уж каждый почёл за благо иметь свою марку водки. Я, грешный, тоже занялся сим прибыльным делом. К питию хмельному, правда, церковь всяческие запреты православному человеку чинит, заботится о его благочестии и нравственности, да оно вона как получилось!..

Свободной рукой Бутурлин указал на штофы с настойками, стол с закусками и прикорнувшего Фонвизина. Перекрестился, выпил и, блаженно закрыв глаза, продолжил:

– Теперича и отцы святые не брезгают откусать сей напиток лечебный, пьют не ради пьянства окаянного, а токмо здоровья для. И вот что ещё хочу сказать...

Видя, что фельдмаршал сел на своего конька и это обе-

щало затянуться надолго, Булгаков решил сменить тему и вернуться к предыдущему разговору.

– Бог с ней, с водкой, ваше сиятельство, – начал он. – Продолжим наш разговор.

Александр Борисович пожал плечами, мол, как хотите. «Всё торопится молодёжь...» – недовольно подумал он, но в знак согласия кивнул.

– За сии интересные сведения – спасибо! Однако вернёмся к нашему разговору. Отметим тот факт, господин фельдмаршал, что вы присягали малолетнему императору Ивану VI и его матери Анне Леопольдовне. А когда гренадёры в 1741 году их свергли, тут же присягнули Елизавете Петровне. А почему? Да потому, что иностранцы вроде Бирона руководили Россией. Вы, как русский человек, переживали за свою страну, вот и поддержали Елизавету, дочь Петра Первого. Так ведь, господин фельдмаршал?

– Не нам было решать, – недовольно буркнул граф. – Звать иностранцев – сие ещё царь Пётр решил. Да и нас они многому научили. А Анна Леопольдовна, промеж прочим, из Романовых была. А насчёт Бирона не спорю.

– А как спорить? Военные и тогда были недовольны приказом Бирона выступить против шведов в Финляндию. Вот гренадёрская рота Преображенского полка и взбунтовалась: Елизавету на престол усадила, – уточнил Григорий.

– Эрнст Бирон, к слову сказать, верен был интересам России и не позволял себя увлечь подарками ни прусскому коро-

лю, ни другим иноземным государям. И то правда, не привечал своих соотечественников из Курляндии на государственных постах, как наш император Пётр III. Президенты большинства коллегий и сенаторы при Бироне русскими были, а что иностранцев сегодня в армии много... Говорил ужо. Пётр I так решил. Другое дело, что Бирон невысокого мнения о нас, русских, был. Однако он этого и не скрывал. Боролся, как мог, с нашими разгильдяйством и мздоимством, но гуманными мерами, заметьте. Заметьте также, молодые люди, и ещё факт! Они, вельможи русские, и настояли на регентстве Бирона над малым царём. Князя Черкасский, Трубецкой, Куракин и прочие настояли. Факт известный.

– Вот видите, граф, – подхватил Яков. – А теперь наш государь заключил с Пруссией мир. Это хорошо. Но зачем он вернул Фридриху всё нами завоёванное? Пётр оскорбил Россию да ещё объявил войну Дании! Всё повторяется, как и двадцать лет назад, смею вам, граф, заметить. Император действует по указке прусских советников. Так чем он лучше Анны Леопольдовны и Бирона?

– Кругом командуют родственники императора, – продолжил захмелевший Булгаков. – Гвардия готова к решительным действиям, господин фельдмаршал.

– Ну в чём-то вы правы, конечно. Но дозволейте мне всё-таки напомнить вам, господа мятежники, и о хороших делах нашего императора. Ведь именно наш император Пётр Третий позволил нам, дворянам, беспрепятственный выезд

за границу. Ввёл гласный суд, чего не было до него. Ну про «тайную канцелярию» все знают. И ещё много чего...

– Указы были ранее подготовлены покойной императрицей, господин фельдмаршал, – парировал Булгаков. – Император лишь подписал и обнародовал их.

– Хм... может, и так, а может, и нет. Мог ведь и не подписывать. На это, господа, тоже надобно иметь решимость.

Друзья промолчали.

– Вот вы, молодые люди, сказывали, что государь оскорбил Россию. Мне больно повторять эти слова, но я их уже слышал.

Бутурлин неожиданно замолчал. Он раздумывал: а стоит ли так уж сразу выкладывать молодёжи государственные тайны? Достоверных сведений о неблаговидном поступке императора нет, только слова английского дипломата... А вдруг дезинформация?.. Пауза затягивалась. Наконец он всё же решился:

– Не знаю, известно вам или нет, молодые люди, но наш император принял чин полковника прусской армии. Это ли не позор для России?! Перед отъездом из столицы я имел случай беседовать с одним джентльменом, английским дипломатом по фамилии Кейт, и вот он пророческие слова высказал...

Граф тяжело вздохнул, покачал головой и, словно стесняясь высказываний иностранца, тихим голосом произнёс:

– Ваш император, так сказал Кейт, приняв чин полковни-

ка прусской армии, начал своё царствование оскорблением своего народа и, вероятно, закончит его общим презрением к себе. Вот что предвидел иностранец... И я боюсь, что англичанин окажется прав. Больно, господа, больно.

За столом наступила тишина.

– А хотелось бы узнать, – вновь заговорил хозяин, – кого же гвардия желает видеть на троне, господа заговорщики.

– Супругу императора, Екатерину Алексеевну, – ответил Потёмкин. Фельдмаршал покачал головой, но вида неудовольствия не показал.

– Ваше сиятельство, решайтесь. Россия действительно в опасности, – неожиданно вступил в разговор очнувшийся Фонвизин.

Просьба Дениса требовала ответа от графа, друзья притихли. Денис медленно поднялся со стула, за ним встали Булгаков и Потёмкин. Граф вставать не стал.

– Мы, русские, меры не знаем ни в чём, всегда по краю пропасти ходим, а в самый низ, на самое дно никак не падаем. Как так у нас получается?... Ума не приложу. Любит Господь нас! Вот и этот император стал негож. Опять головы лететь будут, что супротив пойдут. Нам, русским, ненадобен хлеб, мы друг друга едим и сыты бываем.

Сиятельство вздохнул, окинул взглядом гостей, вздохнул ещё раз и обречённо произнёс:

– Что ж, Екатерину, говорите. Но и она не русская – немка. Чего же шило на мыло менять-то, а?.. И, мало того, пре-

рвётся наследственность Петра Алексеевича Романова. Надеюсь, это вы и сами разумеете.

– Супруга императора не такая. Екатерина Алексеевна понимает русский народ. А что немка... потому и приехали к вам, Александр Борисович, помощи просить, – смиренно молвил Григорий.

– Право, не знаю, как быть, господа. Знать московская будет возмущена, да и войска тоже. Сына императрицы, Павла, шибко здесь привечают. Последствия могут быть самыми непредсказуемыми.

Старый фельдмаршал задумался. Затем, видимо, поразмыслив, произнёс:

– И всё же зря государь завоёванное Россией вернул Фридриху, контрибуций не востребовал. Ей богу, зря! Ошибка это! Да какая ошибка! Прав, наверное, был Кейт.

Бутурлин поднялся, заложил руки за спину и стал расхаживать по веранде. Друзья продолжали стоять, не решаясь нарушить тишину. Наконец граф подошёл к столу. Тихо, чтобы слышали только присутствующие, произнёс:

– Заметьте, господа! Я не спрашиваю у вас имен главных заговорщиков, а значит, в любом случае их не выдам. Но очень надеюсь, они знают, что делают... И ещё! Позвольте уточнить, молодые люди. Хочу знать своё место при новой власти. Новая метла... сами понимаете!

Яков и Денис посмотрели на Григория.

– Говорить буду честно, граф. Сих инструкций я не полу-

чал, – ответил Потёмкин. Булгаков укоризненно покачал головой.

– Однако ж известно мне, что Екатерина Алексеевна не раз о вас добром поминала, – вовремя вспомнил Гриц слова Орлова.

– Хм... Что не стал посулами прельщать – ценю. Хорошо, пусть будет по-вашему. Пути Господни неисповедимы – всё в руках Божьих.

Молодые люди облегчённо вздохнули.

– Войска и жители Московской губернии должны поддерживать новую императрицу, – на всякий случай уточнил Потёмкин. – Будет лучше, если вы, Александр Борисович, на всех дорогах к Москве заслоны поставите. В город до времени никого нельзя пускать, пока гонец лично от нас не придёт к вам с известиями.

– С какими только... – проворчал граф. – Заслоны... Не думаю, что можно долго держать всё в секрете... Ежели свергать власть, то быстро надобно. Ох, лихоманка на мою голову. Ну уж, как решил, так тому и быть. Давайте, господа, на посошок да прощаться будем. Выпили все, даже Потёмкин. Друзья молча, по-военному попрощались с хозяином и покинули усадьбу московского генерал-губернатора.

– Да поможет вам Бог! – вслед заговорщикам произнёс старый фельдмаршал и, закрыв глаза, перекрестился.

Рано утром следующего дня Григорий и Яков выехали из

Москвы, держа путь в столицу.

Закрыв глаза, они некоторое время ехали молча. Под окрики ямщика³⁰, подгоняющего лошадей, и нудную дорожную тряску каждый думал о своём.

«Как всё обернётся?!.. В опасное дело ввязались. Ох, чует сердце, зря в Москву приехал. В Вену надо было ехать, а не выпрашивать отпуск. Да теперь что уже... Слово Грицу дали», – искоса поглядывая на друга, мысленно сокрушался Булгаков.

Потёмкин, хотя и старался казаться внешне спокойным, но, забывшись, покусывал ногти, из-за чего Яков догадался о его волнении. И Булгаков, прикрыв глаза, отвернулся.

«Ну и нервы у Яшки! Спит себе. Тут, глядишь, по приезде в столицу генерал Юшков, а то и сам Корф поджидает с кандалами... Какой тут сон? А, впрочем, поздно думать, всё равно назад дороги нет. Я вроде бы всё выполнил до срока, что Орлов указал. Бутурлин дал согласие. Москва на нашей стороне. Что ещё надо?..» – размышлял Григорий.

– Что надо?.. Поспешать, вот что надо, – с внезапной решимостью прошептал Потёмкин. И повторил: – Поспешать.

И виц-вахмистр, приоткрыв дверцу кареты, заорал на ямщика, чтобы гнал быстрее. От этого крика со своей лавки подскочил Яшка с перепуганным лицом.

– Матушка Лизавета-государыня, царство ей небесное, указ когда ишо издадала, что поболее десяти вёрст в час ехать не

³⁰ Кучер на государственной службе.

можно! Бешеный какой-то, – огрызнулся ямщик, но, несмотря на дурную дорогу, стеганул коней что есть мочи, и те, заржав от несправедливости, помчались, обгоняя ветер.

А мимо проносились селения, церквушки на пригорках, покосившиеся избы, угрюмые подворья... Перепуганные куры с кудахтаньем разбегались перед экипажем.

Примостившись у окна, Яков снова задремал. Глядя на друга, Потёмкин зевнул, потянулся, встряхнул головой. Открыл дорожную сумку, нехотя достал книжку, переданную Денисом, – «Путешествие сэра Джерома Горсея» 1626 года издания.

– На вот, Гриц, почитай, – напутствовал его перед отъездом Фонвизин. – А то пятьсот вёрст в дороге. Всё одно делать неча. Но смотри не потеряй да не забудь вернуть потом.

– Как же, вернёт обязательно, коль башка на месте будет, – хмуро вставил Яков.

– Типун тебе на язык, – снова прошептал Гриц. Открыл книгу, полистал, опять зевнул, но читать начал.

В записках англичанина Григорий вскоре обнаружил массу неточностей.

– Нет, ты глянь, Яшка! – возбуждённо произнёс Потёмкин, – что этот Горсей пишет: «Опричники царя Ивана Грозного в 1570 году убили в Новгороде около семисот тысяч жителей». Откуда?.. Жителей там в то время всего-то тысяч тридцать от силы было, точно знаю.

Булгаков зевнул и нехотя открыл глаза.

– Да врут они все, а уж англичане в первую очередь, Гриц. Одни врут нарочно, дабы возвести поклёп на нас, русских, другие от лени, без умысла, но итог тот же. В посольских приказах этого Джерома Горсея звали Еремеем, для конспирации, видимо. Царю Ивану Грозному подсобил этот Горсей: оружие и припасы для Ливонской войны на тринадцати кораблях из Англии благополучно допёр. Себя, конечно, не забыл – прикарманил, как видно, не по чину много. Скандал... И конфузы часто случались у него с аглицкими купцами. Царь, однако ж, прощал этому хлыщу провинности, помнил услугу.

Вот намедни архивы в канцелярии ведомства моего разбирали, как раз за те годы. И что ты думаешь, Гриц? На совести нашего кровожадного царя Ивана за все годы его царствования не насчитали мы и четырёх тысяч казнённых!.. Каково? А если учесть, что многие из них честно себе заслужили казнь изменами, клятвопреступлениями и ещё много чем, то получается, что напрасно убиенных – ещё меньше.

– Так это только по вашему ведомству, а по другим, поди, тоже записи имеются, – засомневался Потёмкин.

Карета внезапно остановилась. Друзья выглянули наружу. Их экипаж стоял на окраине небольшой деревеньки. Чернели покосившиеся избы, изгороди завалились набок, подле амбаров куры выискивали зёрна. Две бабы, копавшиеся в огороде возле одной из лачуг, заткнув за пояс полы юбок, внимательно глядели в их сторону.

Дорогу переходило стадо коров. Прямо перед копытами коней улеглась огромная рыжая собака. Псина уставилась на непрошенных гостей и уступать дорогу явно не торопилась. Пастух, рыжий мальчонка с облупленным носом, застыл на обочине, сжимая кнутовище, и с раскрытым ртом разглядывал остановившийся экипаж.

– А ну, псина, брысь отседова, – раздался голос кучера. Он с опаской обернулся, ожидая очередных проклятий «бешеного» седока, и развёл руками. – Тварь... она ить безмозглая. Надоть ждать, – пробормотал он на всякий случай.

Стадо, не торопясь, продолжало двигаться. Наконец последняя корова покинула тракт. Собака встала, презрительно гавкнула и медленно, с достоинством затрусилась вслед за коровами.

– Тьфу... туды же, – с гонором, – без злобы произнёс кучер и тронул вожжами.

Оживившийся пастушонок вприпрыжку побежал за стадом. Карета затарахтела по дороге. Потянулись поля.

– Так вот, Гриц! – продолжил Булгаков. – Иноземцы пишут: наш царь Иван был кровожадный деспот... Да Иоанн Васильевич по сравнению с тогдашней Европой невинным младенцем был. В те же самые годы в Париже с благословения Римского Папы Григория Тринадцатого за одну только Варфоломеевскую ночь вырезали около трёх тысяч гугенотов, а по всему королевству за две недели истребили более тридцати тысяч человек. И по этому случаю сам Папа вознёс

в Риме благодарственную молитву. Пусть, мол, знают еретики своё место. Этот Папа и на Московское царство пытался распространить свою веру. Да не вышло у него, слава Всевышнему. А в Англии что творилось?!.. Тысячами вешали и резали... Молчу уже за другие страны. А Богу-то одному молятся, Он у всех один.

– Я давно заметил, Яшка, что никто не отвергает Бога, кроме тех, кому не нужно, чтобы Он существовал.

– Или временно отсутствовал, пока дела грязные вершатся, – вставил Булгаков.

– Нельзя без Бога жить: все приходят к нему, кто раньше, кто позже, – Гриц перекрестился. – Да и у нас тоже смертей хватало, гибли и в распрях меж собой, и по прихотям царским, и в войнах с соседями, – добавил Григорий. Немного подумав, пробурчал: – С кем только не приходится воевать, просторы русские, поди, всем нужны.

Булгаков согласно кивнул.

– А сами завоюем и... отдаём. Пётр, будь он не ладен, – со злостью в голосе продолжил Потёмкин. – А что пишут о нас небылицы, сами виноваты. Не хуже Европы грамоте обучены, дак нет же... всё недосуг писать о себе хорошее, всё слушаем иноземцев, а про себя ёрничаем. – Гриц сплюнул от досады.

Разговор затих. Вытянув ноги, Потёмкин произнёс:

– Что мы, Яшка, всё о смертях да о смертях? Так и беду накликаешь недолго. Самим в посмертные списки твоей кол-

легии не попасть бы, – закончил разговор Григорий.

Булгаков не ответил и вскоре заснул. Он тихо похрапывал, смешно шевелил во сне губами, и голова его кивала в такт неровностям дороги. Потёмкин ухмыльнулся:

– Не спи, Яшка! Скоро смена лошадей: разомнёмся и перекусим.

Булгаков потёр рукой глаза и, озираясь по сторонам, совсем тихо произнёс:

– Перекусить – это хорошо. Только боязно мне, Гриц! Как бы Бутурлин весточку тайную императору не отправил. Немалый мешок с почтой погрузили.

– Не должён, друже. Слово крепкое граф дал, не выдаст, поди.

Но в голосе Григория Яков не услышал прежней твёрдости и тяжело вздохнул. Аппетит пропал. К тому же за окном вдоль дороги потянулись густые заросли камыша. Гнилостный запах болота заставил Потёмкина прикрыть нос рукой и с негодованием фыркнуть:

– Ну и вонь! Лошади, и те морды воротят.

Однако впереди уже показались строения, экипаж подъезжал к очередному почтовому двору – «яме».

Вечер 27 июня 1762 года друзья встретили на постоялом дворе неподалеку от Санкт-Петербурга.

«Чёрный кабинет»

27 июня 1762 года. Санкт-Петербург.

Обрамлённый портиком и монументальными колоннами, двухэтажный каменный дом князя Куракина выделялся из всех строений на улице Галерной своей помпезностью. Несколько лет назад здание передали в казну, и здесь разместили Коллегию иностранных дел. Дом в связи с этим перестроили: флигели теперь были отданы под жильё чиновникам этой самой коллегии.

На первом этаже в самом дальнем углу дома располагалась небольшая комната, которую чиновники коллегии называли «чёрным кабинетом»: вход туда большинству из них был строго-настрого запрещён.

Из мебели в этой комнате стояли только стол, стул и возле самого окна – кресло. Также имелись бронзовый колокольчик, того же металла подсвечник на четыре свечи, набор гусиных перьев да пузырьёк с чернилами; вот, пожалуй, и всё казённое имущество, записанное за этим странным и в отсутствие хозяина всегда запертым на замок кабинетом. Хотя нет... На столе стояла небольшая керосиновая (это 18 век не 19) плошка: поздними вечерами, а порой и ночами она освещала путь своему хозяину, бредущему по тёмным коридорам здания.

Раннее утро. Здание пусто. Но вот скрип открываемых во-

рот нарушил утреннюю тишину. В здание шаркающей походкой вошёл преклонного возраста небольшого роста человек в чёрной треуголке, того же цвета камзоле с белым воротничком на худой морщинистой шее. Дежурный служащий почтительно поздоровался с вошедшим, затем, позёывая, лениво отчитал привратника за скрип ворот:

– А как пожалуется кто на этот противный звук? Уволят тебя, дурень!

Привратник с той же ленивой истомой в голосе пообещал смазать проклятые петли. На этом и разошлись. И опять тишина.

Перед усевшимся за стол стариком лежало несколько вскрытых писем с аккуратно отклеенными сургучными печатями. Он задумчиво смотрел на корреспонденцию, решая, с какого письма сегодня приступит к работе.

Вдруг на одно из писем упал солнечный лучик. Старик усмехнулся и осторожно приподнял именно этот конверт. Дабы не замараться, Христиан Гольдбах³¹ (именно так звали старика) отодвинул подальше закопчённую плошку. Затем вытащил из кармана камзола очки с большими круглыми стёклами в железной оправе и не спеша водрузил их на нос. Его лицо при этом приняло строгое благоговейное выражение.

Старик прочитал адрес получателя и, как гурман за праздничным столом, уставленным яствами, от предстоявшего

³¹ Профессор математики.

удовольствия потёр сухонькие ладошки.

– Хм... Обычное, кажется, письмо: адресовано в Потсдам некоему Иоганну Шмитке. Вот номер дома, улица... Ничего необычного... Странно. Но ведь зачем-то мне его передал почт-директор столицы? А Фридрих фон Аш, то бишь Фёдор Иванович, делает это не часто. Да ещё чуть свет поднял меня нарочным с постели, – проворчал он.

Гольдбах снова осмотрел конверт, обратив особое внимание на края и на оттиск печати: не повредились ли от пара при вскрытии? Затем по давней привычке приблизил письмо к носу, понюхал и с той же осторожностью вытащил вдвое сложенный лист. Внутри этого листа оказался ещё один – меньшего размера и весь исписанный мелким убористым почерком. Гольдбах хмыкнул. С первого взгляда стало ясно: текст зашифрован. Хозяин кабинета удовлетворённо шепнул:

– Вот и славненько. Вот и я опять государю сгожусь.

Семидесятидвухлетний профессор математики Гольдбах, бывший домашний учитель нынешнего императора Петра III, оказался в России тридцать семь лет назад. Двадцать из них он прослужил шифровальщиком в Коллегии иностранных дел. Позвал его на эту работу Алексей Петрович Бестужев-Рюмин, сам бывший тогда почт-директором. Любил будущий канцлер вскрывать дипломатическую почту, перлюстрировать нужные письма, читать зашифрованные донесения иностранных дипломатов... Ох как любил. И приказывал

вал подчинённым всё делать в двух экземплярах. Для чего?..
Понятно.

«А началось всё, дай Бог памяти, – Гольдбах вздохнул, – с 1745 (1744) года. Той ночью Бестужев лично поднял меня с постели и велел к утру расшифровать потаённое письмо придворного лейб-медика императрицы Елизаветы, Лестока, к французскому послу. Письмо нетрудное было, расшифровал быстро. А потом арестовали того Лестока...»

Гольдбах покачал головой. Читать чужие письма – дело неблагодарное, можно сказать, аморальное, но старый профессор всегда оправдывал себя: «Все государства так делают. Чем Россия хуже? Тем более что письма я не вскрываю, а только дешифрую». На этом привычные терзания старика заканчивались, и он приступал к работе.

Гольдбах пробежал глазами текст основного письма. Обычная переписка хорошо знакомых между собой немцев с пожеланиями здоровья и прочее. Ничего интересного. Написано весьма неряшливо, да ещё бумага с какими-то сальными пятнами по краям. Старик брезгливо отложил этот лист в сторону. Поправив очки, он с благоговением приступил к дешифровке второго послания неизвестному Шмитке.

Сквозь окно доносился уличный шум. По улице шли несколько десятков людей, что-то выкрикивая в адрес императора. Что именно, старик не разобрал, но снаружи творилось что-то необычное.

Гольдбах не обращал на шум внимания: дешифровка шла

с трудом, и это ещё больше увлекало старого математика. Так прошёл день. Стало душно. Гольдбах достал из кармашка сюртука часы. Маленьким ключиком, который он носил на цепочке, завёл механизм. Ощувив в ладонях приятный холодок серебряного корпуса, с сожалением вернул часы на место. Кряхтя, встал со стула и шаркающей походкой подошёл к окну.

Деревянная рама поддалась с трудом: ворвавшийся внутрь ветер тут же смахнул со стола исписанные листы с расшифрованным текстом. Возмущённо бормоча, старый профессор опустился на колени и, преодолевая боль в суставах, стал ползать по полу, собирая свой дневной труд. Наконец последний листок оказался у него в руках. Растирая рукой поясницу, Гольдбах по-стариковски медленно поднялся и с облегчением упал в кресло. Сердце напомнило старику о себе, вызвав старческую одышку.

Профессор закрыл глаза. Приятный невский ветерок вскоре восстановил дыхание, и сердце успокоилось. Гольдбах опять сел за стол, переписал начисто текст донесения и позвонил в колокольчик.

– Канцлер Воронцов Михаил Илларионович в столице? У меня важная новость для него, – уставшим голосом спросил он вошедшего дежурного.

– Никак нет, господин Гольдбах, Михаил Илларионович изволит с государем в Ораниенбауме быть, но завтра к вечеру они прибудут в столицу праздновать именины государя.

– Хм... Думаю, не след ждать его. Вот что! Вы, Оскар Францевич, приготовьте мне коляску. Поеду к генерал-полицмейстеру Корфу.

– Генерал-полицмейстеру Корфу? – удивлённо уточнил дежурный. – Господин Корф уже с марта как главный директор над всеми полициями России, господин Гольдбах. Теперь его должность исполняет бывший президент Камер-коллегии, тайный советник генерал Юшков Иван Иванович. Может, курьера пошлём, господин Гольдбах?

– Вот как!

Профессор встал. Ещё раз бегло просмотрел черновики расшифрованного донесения, затем взглянул на открытое окно и, помятуя о ветре, поставил на них тяжёлый канделябр.

– Нет, с донесением мне самому надо ехать. Навещу Николая Андреевича по старой памяти.

Едва коляска с Гольдбахом скрылась за ближайшим поворотом, как, тихо щёлкнув замком, дверь «чёрного кабинета» отворилась. В кабинет бесшумной и крадущейся походкой вошёл всё тот же дежурный, Оскар Францевич. Приподняв канделябр, он взял черновики расшифрованного донесения и стал читать.

– Капитан Пассек арестован?! Заговор... Ну и ну... – удивлённо прошептал он.

Где-то на этаже хлопнула дверь. Дежурный вздрогнул, положил черновики на старое место, придавил их канделябром

и удалился, тихо прикрыв дверь.

Бледное петербургское солнце клонилось к закату, и Гольдбах торопил кучера:

– Давай, голубчик, побыстрее, надо застать господина Корфа, пока он не уехал.

Странное оживление на улицах озадачило старого профессора. А громкие оскорбительные выкрики в адрес Петра III его возмутили.

– Чем им не угодил император? – поинтересовался он у кучера.

– А ляд их знает. Неделю как горланят. Гвардия в основном отличается. Куды смотрят власти?

Торопился Гольдбах не зря: Корф уже сидел в карете. Завидев профессора, генерал вышел и удивлённо спросил:

– Что привело вас в наши края, господин Гольдбах? Если по делу, почему с курьером не прислали бумаги?

– Дело важное, Николай Андреевич. Михаил Илларионович в отсутствии, и я решил вам лично доложить. Вот странное донесение прусского посланника полковника Бернгарда Гольца, а если я правильно осведомлён, то он при нашем государе главный советник. И пишет этот Гольц своему начальству графу Финкенштейну прелюбопытные вещи, смею заметить. Будто бы у нас государственный переворот зреет, – Гольдбах протянул Корфу запечатанный пакет.

Корф оглянулся по сторонам, поморщился и взял пакет.

– Ну уж прямо-таки переворот, – взмахнул он свободной

рукой, – скажете тоже. Этим иностранцам всё мерещатся заговоры. Канцлер с императором в Ораниенбауме, завтра к вечеру оба придут в столицу, доложу его сиятельству. Государь знает, что не все его указы нравятся народу. Ну и что? Пошумят-пошумят и успокоятся. Не хочу в канцелярию возвращаться, тороплюсь я, господин профессор. В двух словах расскажите суть дела, о чём доносит королю прусскому его посланник? Гольц – личность известная. Канцлер жалуется на этого пруссака.

– Речь идёт о заговоре, Николай Андреевич. Эта, как вы сказали, известная личность сообщает некоему фон Финкенштейну о каком-то капитане Пассеке, якобы не желавшем пресекать крамольные речи в адрес государя. И, мало того, он сам со своими дружками выступает против государя. Так в открытую и говорит: «На трон надо посадить жену императора – великую княгиню Екатерину Алексеевну». Ещё Гольц пишет своему визави, что о заговоре против себя государь якобы ведаёт, да только мер должных не принимает. Гвардия недовольна, в войсках беспокойство. Нужны, говорит, срочные действия. А донесение хитро отослано, Николай Андреевич. Спрятано в обычной переписке простого немца. Посланник знает, что дипломатическая почта нами проверяется.

– Пассек, говорите. Интересно... Вы кому-нибудь ещё сказывали об этом?

– Нет, сразу к вам. Потому и курьера не посылал.

Корф опять огляделся. На миг задумался и, не скрывая досады, похлопал пакетом о ладонь, однако промолчал.

– Хорошо, господин Гольдбах, завтра разберусь, а сейчас я должен покинуть вас. Прощайте. И вот ещё что: о содержании донесения Гольца больше никому не говорите. Канцлеру завтра же сам доложу. А вы пока отдохните дома пару дней. Я распоряжусь, чтобы вас не беспокоили.

Вскочив в карету, Корф отрывисто бросил подбежавшему адъютанту:

– В Зимний... к Панину. Срочно нужен Никита Иванович...

Государственный переворот

Последние июньские дни в Санкт-Петербурге стояли тёплые, почти без ветров и, главное, без надоевших дождей. Жители столицы неторопливо фланировали вдоль Верхней набережной³², то и дело бросая взгляды на окна императорского дворца, куда два месяца назад переехала венценосная семья. Каждый надеялся первым увидеть самого государя или государыню с наследником.

Однако сегодня за окнами ничего не происходило, все залы были пусты. Не видно было даже слуг, которые каждый вечер неизменно величавой поступью расхаживали по залам, чтобы зажечь свечи в канделябрах. «Не наш сегодня день!» – только и оставалось вздыхать любопытным и, не рискуя останавливаться напротив дворца, пройти дальше.

По мостовой с той же неторопливостью проплывали открытые экипажи, в которых гордо восседали их хозяева. Возле деревянного парапета стояли две барышни, оживлённо говорившие о модах этого сезона, чуть поодаль – кавалеры, пытающиеся на слабом ветру раскурить трубки. Попыхивая дымком, мужчины стояли, ожидая своих дам. На промчавшуюся мимо них карету полицейского дамы не обратили внимания, но мужчины поприветствовали генерал-полицмейстера почтительными поклонами. К их удивлению,

³² Дворцовая набережная.

полицейский генерал не ответил на приветствие.

– Торопится, – произнёс один из них.

– Зазнался Николай Андреевич, зазнался, – недовольно пробурчал другой.

Корф в самом деле торопился. Обнаружив отсутствие Панина во дворце, он уже третий час колесил по всему городу, разыскивая тайного советника. Безрезультатно. Воспитатель наследника как сквозь землю провалился. Корф пребывал в недоумении.

«Любитель удобств и неги, Никита Иванович крайне редко покидает покои дворца. Всё свободное от службы время он проводит в своём доме или, в редких случаях, у друзей. Но где же он сейчас?!..» – размышлял Николай Андреевич.

И тут он вспомнил дам у парапета набережной. Одна из них своими чертами лица напомнила ему княгиню Дашкову, младшую сестру фаворитки императора.

Разное говорят про эту молодую даму. Одни шепчут, что Панин является её воздыхателем, другие намекают, что.., – впрочем, неважно. Выдумки, конечно, и то, и другое. Однако сплетни порой небесполезны. Куда без них!

– Проверить и этот адрес не помешает, – пробормотал он.

Объяснив кучеру дорогу, Корф добавил:

– Гони! Да будь, каналья, осторожен! За городом болота, с дороги ни на аршин не съезжай, а то не ровен час, застрянем.

У парадного входа в дом князя Дашкова стояла запряжённая четвёркой лошадей карета, на козлах торчала фигура ку-

чера; на привязи рядом – оседланный конь. Корф с облегчением вздохнул: на дверце он узнал герб Панина.

Дав знак кучеру развернуться, полицмейстер вышел из кареты и бодро зашагал по каменным ступенькам.

– Никого не велено пускать, ваше превосходительство, – неприятливо произнёс дворецкий, глядя куда-то вверх Корфа.

Корф, не сбавляя шага, молча оттолкнул дворецкого и оказался в просторной прихожей. Уже поднимаясь по парадной лестнице, он хмыкнул и произнёс так, чтобы слышал слуга:

– Ишь чего выдумал, не пускать, каналья!

Зал, куда его привёл всё тот же неприятливый дворецкий, был ярко освещён. В глаза Николая Андреевича бросился большой овальной формы стол, над которым нависала люстра с горящими свечами. Ворвался сквозняк, запрыгали языки пламени, и тени стоящих у стола людей заметались по стенам. В самом углу залы Корф разглядел сидевшую в кресле хозяйку в накинутой на плечи шали. Она удивлённо разглядывала неожиданно появившегося в вечерний час полицмейстера. У стола замерли на несколько мгновений муж хозяйки дома, князь Михаил Дашков, Никита Иванович Панин и незнакомый Корфу военный в мундире офицера лейб-гвардии. Все присутствовавшие настороженно смотрели в сторону генерал-аншефа. Видно было: они только что замолчали.

– Его превосходительство Николай Андреевич Корф! – церемонно произнёс дворецкий и с поклоном удалился, плотно прикрыв створки дверей.

Корф поприветствовал общество. Затем подошёл к даме и склонился к её руке.

– Странно видеть вас здесь, генерал, в такое время. Что стряслось? – вместо приветствия резко произнёс Панин. И добавил чуть тише: – Говорите, Николай Андреевич, тут все свои.

Не слишком вежливый тон тайного советника озадачил Корфа. Несколько раз они встречались, обсуждая вопросы, связанные с организацией заговора. Вместе ходили по острию ножа... А тут такая встреча?!..

– Стряслось, Никита Иванович, – начал Корф, вглядываясь в лицо Панина. – Нами перехвачено донесение прусского посланника полковника Бернгарда Гольца графу фон Финкенштейну. Профессор Гольдбах расшифровал его. Вот послушайте: «Как ранее докладывал вам граф о скрытых недовольствах среди гвардейцев своим императором, сейчас имею факт открытого публичного высказывания в полках лейб-гвардии некого капитана Пассека. Онный со сотоварищи призывал свергнуть императора и на престол поставить его супругу...» Тут есть рекомендации Гольца, но это не суть важно, господа. По должности мне надлежит незамедлительно арестовать этого капитана Пассека. Как прикажете быть, Никита Иванович?

– Поздно, Николай Андреевич, Пассек уже арестован. Как раз это мы и обсуждаем. А что нашли меня – правильно сделали. «Чёрный кабинет» работает, как я вижу. И профессор Гольдбах, дай Бог ему здоровья! – Панин усмехнулся и добавил: – Надеюсь, Гольдбах ТОЛЬКО ВАМ сообщил о перехваченном донесении?

– Только мне, Никита Иванович. У нас с этим строго. Особо важные сведения поступают через Коллегию иностранных дел лично канцлеру графу Воронцову либо мне в его отсутствие. И никак по-другому, вы же знаете.

– Хм... знаю, конечно, – с той же усмешкой подтвердил Панин.

Короткое, без подробностей сообщение агента об аресте Пассека лежало у него в кармане, но знать об этом Корфу, да и другим не следовало.

– Странный арест, не так ли, господа? – словно оправдываясь, произнёс Корф.

– Ничего странного здесь нет, господин генерал. Наша в войсках работа даёт о себе знать – солдаты ропщут. Пассек и другие офицеры в открытую выступают в пользу Екатерины Алексеевны. Тем и привлекли внимание майора Преображенского полка Войсикова. Он и арестовал нашего капитана так некстати, – вступил в разговор незнакомый Корфу военный.

– Григорий Орлов, – представил полицейскому военного Панин. – Господа, не время сейчас сетовать об аресте капи-

тана. Однако планы придётся менять.

Корф кивнул и подошёл ближе к столу. Панин продолжил:

– Диспозиция, как говорят военные, меняется, нельзя рисковать. Под пытками человек не принадлежит себе: если Пассек сломается, то выдаст нас всех.

Заложив руки за спину, Никита Иванович задумчиво прошёлся по залу.

– Не готовы мы ещё к началу задуманного, – больше для себя, чем для остальных, пробормотал он. – И всё же...

Резко развернувшись, Панин вернулся к столу:

– Завтра, в день своих именин, государь приезжает в Петергоф, где находится Екатерина Алексеевна. Что насоветуют императору его прусские наставники, одному Богу известно. Будет ли с ним отряд голштинской охраны, тоже пока не ясно.

Молчавшая до сих пор Дашкова поднялась с кресла и решительно произнесла:

– И думать нечего! Отпраздновав именины, государь обязательно исполнит задуманное – сошлёт Екатерину Алексеевну в монастырь. По примеру своего деда, Петра Великого, который предпочёл фаворитку Анну Монс законной жене Евдокии. Не надо забывать об этом, господа!

Князь Михаил согласно кивнул. Он во всём полагался на мнение своей супруги, оттого в её присутствии чаще всего молчал.

– Забудешь здесь, как же! Голова кругом идёт, – возбуж-

дённо произнёс Орлов. – Большая часть гвардейских офицеров и тыщ десять солдат за нами пойдут, это точно. Привезём Екатерину Алексеевну и сразу – в Измайловский полк. Он первым присягнёт ей, дальше – Преображенский, Семёновский, Конногвардейский, а там и остальные полки подтянутся.

– Срочно надо ехать в Петергоф, – столь же решительным тоном произнесла юная княгиня. – Нельзя, чтобы Екатерина Алексеевна оказалась во власти Петра с его голштинцами. Поднимать ночью с постели её надо и везти в столицу, а там – с Богом... и начинать. Вы, Никита Иванович, обещали Сенат и Синод подготовить к сроку. Так?

Супруг опять поддержал вопрос жены очередным кивком.

– Дело говоришь, Екатерина Романовна! Так и порешим, господа. Спать, видимо, сегодня не придётся. Ты, Григорий Григорьевич, с братом немедля поезжайте в Петергоф, чтобы до утра вернуться в столицу. Императрица сама должна быть во главе войска. А что у нас с Москвой, Орлов?

– Пока не знаю, Никита Иванович, – мотнув головой, признался Григорий. – Ординарца командира лейб-гвардии Конногвардейского полка, вахмистра Потёмкина послали к Бутурлину по настоянию самой Екатерины Алексеевны. Вот-вот должен вернуться.

– Адъютанта Георга Людвига Голштинского, сродственника императора?!.. Что, больше некого было? – вскинул голову Панин. Орлов молча развёл руками. – Говоришь, По-

тёмкин... Кто такой? Надёжный ли? А впрочем, выхода нет, как я вижу, трубить сбор нужно. Надеюсь, из Москвы беда не нагрянет.

– Народ надо подготовить к приезду императрицы. Пустить слух, что она в опасности. Что голштинцы на нашу государыню покушаются. Народ у нас жалостливый... вмиг забунтует, – предложил Орлов.

– Вот и пусть шумят и кричат погромче! Кабачников заставить надо бесплатно поить людей, всех без разбора. Потом Екатерина Алексеевна рассчитается, – подала идею Екатерина Дашкова.

– А нет, то нам уже всё одно. На дыбе будем, высунув языки, – вставил Орлов.

– Типун тебе на язык, Орлов, – испуганно замахал руками Панин. – Однако ж мысль Екатерина Романовна говорит верную. Николай Андреевич, возьмите на себя эту хмельную братию: не вздумают же они полицмейстера послушаться. Проследите, чтоб вино рекой лилось, и шума, шума поболе.

– Разумеется, – согласился Корф.

Полицейский искренне удивился той энергии, которую неожиданно для него проявил всегда медлительный любитель поспать и поесть Панин. Да он и Дашкову, зная ранее шапочно, такой решительной увидел впервые. Господи, и предположить не мог, что эта столь юная дама так настойчиво будет давать свои советы. «Надеюсь, понимает, чем это может грозить ей, – машинально подумал он, – собственно,

и нам всем тоже. Пронеси, Господь!» Корф незаметно перекрестился.

– Жалко брата моего младшего, Петра Ивановича, нету рядом, – сокрушённо качнул головой Панин, – хозяйствует над сухопутными и морскими силами в Восточной Пруссии, а как стодился бы сейчас! Ты, Григорий Григорьевич, однако, поспешай, не теряй времени. Как договорились, гетмана Разумовского и остальных, кого надо, я предупрежу, те – дале по цепочке. Ну... даст Бог, свидимся!

Недалеко от Смольной деревни, что на левом берегу Невы, раскинулось хозяйство лейб-гвардии Конного полка. Из окон казарм здесь видны купола Воскресенско-Смольного женского монастыря. Вдоль реки растянулись деревянные помосты для ловли рыбы, портомойни³³ и кладбище, на окраине курились полковые кузницы. Место для полутора тысяч кавалергардов – обжитое, привычное.

Вечером 28 июня на плацу напротив штабной канцелярии остановилась карета. С её подножки спрыгнул Потёмкин и двинулся в сторону штаба. На ходу расправив фалды камзола, Потёмкин бросил взгляд вокруг и в изумлении замер. Плац был пуст. Площадь перед полковой церковью и гошпиталем – тоже. Возле цейхгауза³⁴ – ни души.

И только фигура дежурного одиноко торчала у конюшни.

³³ Место для стирки белья.

³⁴ Воинский склад для хранения обмундирования, снаряжения, вооружения и продовольствия

Григория удивили непривычная тишина и безлюдность. И уж совсем поразили открытые двери гауптвахты. Он мотнул головой и пробормотал:

– Ничего не понимаю. Где все?

Направо от Потёмкина тянулась улица, где квартировали офицеры полка. И там тоже было пусто и гнетуще тихо.

В последних лучах солнца одинокая фигурка дежурного показалась Григорию забытой кем-то большой куклой. Вдруг промелькнула догадка.

– Опоздал, – прошептал он и от досады сплюнул.

И тут со стороны офицерской улицы послышался цокот копыт. Пригнувшись к самой голове коня, в его сторону мчался конногвардеец в красном мундире. Даже в наступавших сумерках Потёмкин узнал товарища по полку секунд-ротмистра Фёдора Хитрово. Его появление в парадном мундире подкрепило догадку.

Всадник приближался. Его палаш в такт галопу ударялся о левую ногу. Кожаные штаны, железная полукираса³⁵ с медными вставками делали кавалергарда³⁶ похожим на сказочного богатыря, и только торчавшие пистолеты нарушали этот романтический образ.

Ротмистр мастерски остановил коня прямо перед Григорием. Облако пыли ударило в нос.

– Потёмкин! Ну наконец-то! Третий раз за день сюда при-

³⁵ Латный нагрудник.

³⁶ Конногвардеец.

езжаю. Срочно мчись к Алехану Орлову!

– Где полк? И вообще что случилось?

– Случилось? Ха... Ну ты даёшь, вахмистр! Все пять эскадронов ночью подняли по тревоге. Я всю ночь тут пламенной речью сонным кавалергардам дух поднимал. Голос чуть не сорвал. Услышал меня народ, построился и – вперёд: императрицу защищать от голштинцев. Екатерина теперь наша государыня! Все гвардейские полки уже присягнули ей. С Преображенским только небольшая заминка случилась, но и там всё обошлось. Мне Гришка Орлов сказывал: поручик Чертков, Федька Баратынский да гвардеец Гаврила Державин подсобили. Не убоялись, выступили в защиту Екатерины Алексеевны.

Петрушка уже не император, власть сменилась. Торопись, Григорий, в Казанский собор (собора еще не было), архиепископ Димитрий молебен служить будет: на царство провозглашать Екатерину. Орловы там. Видеть тебя хотят. Да... вот ещё что. Спрашивал тебя два дня назад командир наш принц Георгий, где, мол, его адъютант шляется... Ругался, ажно слюна изо рта вылетала. Так этого голштинца в суматохе стукнули малость сегодня. Ну, поживились кое-чем у него в доме солдатики, не без этого. Торопись, Потёмкин, торопись! Тут такие дела, друже, вершатся, дух захватывает.

Отпустив карету, Григорий дал знак дежурному и стремительной походкой направился в своё жилище. В парадную форму он облачился быстро. Полукирасу и штаны надевать

не стал. Повесил палаш на портупею. Взглянул на карабин, но оставил: тяжёлый больно, мешать будет.

С улицы раздался конский храп. Гвардеец подвёл коня к крыльцу. Прямо с верхней ступеньки, едва не задев дежурного носком сапога, Григорий лихо взлетел в седло. Успевший увернуться гвардеец выругался, но отнёсся с пониманием: торопится вахмистр. Потёмкин пришпорил коня.

Через минуту серые сумерки скрыли вахмистра, стук копыт вскоре стих. Дежурный тоскливо посмотрел вслед офицеру.

Опять наступила тишина. И только пофыркивание оставшихся в стойлах лошадей, вечерняя переключка полковых собак да тихий плеск рыбы в реке напоминали об ушедшем дне.

Вид проспекта поразил Григория. Везде горели костры. Отовсюду неслись крики, хохот, брань, богохульства и пьяные песни. Трещал барабан, играли медные трубы.

Двери кабаков, винных погребов и трактиров растворены. Какие-то люди тащили по улице ушаты с хмельным зельем и каждому встречному предлагали выпить за здоровье императрицы Екатерины.

Недалеко от пересечения проспекта и речки Кривуши, прямо напротив деревянного госпиталя, дорогу Потёмкину неожиданно преградили четверо пьяных гренадёров. Самый рослый из них держал в руке ведро с вином. Его товарищ, пьяно улыбаясь, зачерпнул из ведра кружкой и протянул её

незнакомому конногвардейцу:

– Пей за здоровье нашей государыни!.. Пей за нашу Екатеринушку! Бесплатно, Катька угощает, – на всякий случай уточнил гренадёр с ведром. Вся компания захохотала и тут же заорала очередную здравицу в честь императрицы. В это время со стороны церкви Рождества Пресвятой Богородицы раздался колокольный звон. Пьяные гренадёры заорали ещё громче.

Выбив кружку ударом плётки, Потёмкин вонзил шпоры коню в бока и рванул уздечку. Конь заржал, вздыбился и помчался вперёд, опрокинув гренадёра с ведром.

Повсюду разносился звон колоколов. Жители окраин, ещё не зная, о чём они звонят, недоумённо разводили руками, но, подчиняясь вековым традициям, спешили на этот призыв. Со всех сторон к собору потоками стекались люди.

На площади и примыкающих к ней переулках шумели голоса тысяч людей. Сотни факелов освещали возбуждённые лица. Вдруг шум усилился, толпа взревела. Григорий привстал в стременах, чтобы разглядеть, что происходит впереди. Сердце забилося сильнее: по ступенькам храма в гвардейском мундире поднималась Екатерина Алексеевна. Вслед за ней двигалась небольшая группа, в которой выделялись братья Орловы.

Площадь бесновалась: гремело многократное «Ура!» Плотная масса людей преграждала Григорию путь вперёд.

Мысль, что он вновь опоздает, привела Потёмкина в бе-

шенство.

Соскочив с лошади, вахмистр накинул привязь на ближайшее дерево и, размахивая палашом из стороны в сторону, стал прокладывать себе дорогу в сторону собора. Он, словно хам, которому вдруг дали власть, без разбора наносил удары направо и налево. Из чьих-то разбитых носов потекла кровь: ножны палаша покрылись красными брызгами. Вопли и проклятия в его адрес неслись со всех сторон. До ступенек собора оставалось недалеко. Григорий заметил вышедших навстречу Екатерине священнослужителей. Она вот-вот скроется в храме.

Зарывав от ярости, Потёмкин напролом рванулся вперёд. Но ликующие возгласы «Да здравствует Екатерина!» заглушали рычание Потёмкина.

В это время Екатерина остановилась перед самым входом в храм, повернулась лицом к толпе и величественно подняла руки. Гвардия и конногвардейцы, солдаты и жители площади – все в знак верности склонили свои головы. Шум на площади разом стих.

Только ничего не замечавший вокруг себя Потёмкин, ревя, как дикий зверь, продолжал прокладывать себе путь. Его рык донёсся до Екатерины. Она с интересом взглянула в сторону этого необычного звука: вид кавалергарда в красном мундире, лихо орудующего палашом, впечатлил.

– Кто это? – не поворачивая головы, спросила императрица.

– Гришка Потёмкин, Катя, – восторженно шепнул ей на ухо Григорий Орлов, – Алехан посылал его в Москву по нашим делам. Видать, только появился. Во прёт, ну даёт!

– Потёмкин? – удивлённо произнесла Екатерина Алексеевна. – Не узнала, богатым будет, – добавила она и, грациозно помахав притихшей толпе, вошла в храм.

Через минуту рядом с бравым конногвардейцем, будто из-под земли, возник Алексей Орлов.

– Потёмкин, прёшь, как буйвол. Вон сколько народу покалечил. Как в Москве?

Потный, тяжело дышавший Потёмкин только и смог произнести:

– Москва с нами, Алексей Григорьевич... Еле успел. Что не по сроку начали?

– Вышло так. Потом расскажу. Собери народ понадежней и будь недалече. Служба закончится, брать под стражу Петрушу будем, в Ораниенбауме сейчас обретается. Коль драка завяжется с петровскими голштинцами, не влезай, держись подальше. С ними без нас управятся. Наше дело – в Ропшу касатика доставить, пусть там посидит пока. В закрытой карете повезём, вовнутрь либо я сам сяду, либо посади кого. С нами Пассек, Васька Бибииков, Баскаков будут, ты их знаешь. Да, учти ещё: ординарец императора князь Барятинский на нашей стороне. Вместе...

Шум толпы заглушил дальнейшие его слова.

Стоя перед входом в храм, Панин держал за руку своего

воспитанника, Павла. Ребёнок хныкал, рёв толпы его пугал, и мальчишка порывался выскользнуть из руки Никиты Ивановича.

– Привёл-таки Павла, – злобно прошептал Орлов. – Хочет провозгласить и его на царство. Ну уж дудки, – и поспешил к собору.

А толпа ревела всё громче и громче...

Солнце клонилось к закату. Стоял тот редкий тихий, ещё не очень жаркий день окончательного вступившего в свои права лета. Конец июня 1762 года, обычный день, обычный вечер... Но лишь малая толика населения огромной империи – в основном жители столицы знала, что у них теперь будет новый государь – Екатерина, законная супруга Петра. «Ну и ладно!.. Не привыкать!» – думали они. И только немногие догадывались, над какой глубокой пропастью в эту ночь оказалось их государство. Как поступят противоборствующие стороны – Пётр и Екатерина! Что скажет армия?!.. Как на это посмотрят соседние страны?!.. Не начнётся ли междоусобная война за власть?!.. Одно неосторожное движение – и...

Карету трясло на ухабах, бросало из стороны в сторону. Переднее колесо гуляло по оси, и казалось, вот-вот соскочит с неё. Кучер это видел, но гнал и гнал, настёгивая лошадей.

Внутри кареты находились двое: престарелый генерал-фельдмаршал граф Христофор Антонович Миних и его адъютант капитан Сергей Вахмистров.

Фельдмаршал спешил в Ораниенбаум срочно повидать

императора Петра III. Он дремал – возраст, и потому, устало прикрыв глаза, раскачивался в такт движения кареты. Его треуголка напозла на лоб и еле держалась на буклях парика. Адьютант наклонился ближе к начальнику, дабы, коль слетит, успеть поймать его головной убор.

Капитаном Вахмистров стал совсем недавно и потому, стряхнув дорожную дрёму, тотчас вспомнил недавнюю встречу с друзьями по случаю присвоения ему нового чина.

– Капитан! Как можно стать генералом при Господом Богом данном звании – вахмистр?! Никак не можно, милый Серж! Ты и так уже нарушил волю Всевышнего, – шутили они. Сергей не обижался...

Карету резко завалило набок. Треуголка всё-таки слетела с головы Миниха, но капитан поймал её и теперь, не решаясь нахлобучить обратно, не знал, что с ней делать. Граф продолжал дремать.

Вахмистров грустно вспоминал события последних дней: «Что теперь будет с нами? Екатерине присягать надо, пока не поздно, ан нет, старик предан Петру. И понять можно, почему: император из ссылки вернул его. В звании восстановил, награды... Вот и мчимся к нему в неизвестность».

Тут Миних всхрапнул, ордена на его мундире звякнули, глаза на секунду открылись. Он сонно огляделся, положил голову на маленькую подушечку и, как могло показаться, опять задремал. Но так только казалось. Теперь старый во-яка, прикрыв глаза, мысленно искал выход из создавшейся

ситуации:

«Опять, как и двадцать лет назад, я в котле событий. Снова переворот. Надо признать: в том, что случилось в Петербурге, виноват сам император. Далась ему эта Дания! – размышлял фельдмаршал. – Месяц назад ещё, в мае, просил его, чуть ли не на коленях умолял не покидать столицу, доверить войска, что на войну с Данией готовились, генералу Румянцеву. Чего проще: приказ генерал-полицмейстеру на арест, голштинцев – под ружьё... И нет недовольных! Не послушал...»

Миних вздохнул. Почему-то вдруг ясно вспомнился один случай, когда император в окружении свиты стоял на крыше Зимнего дворца и глазел на пожар. Горел чей-то дом невдалеке.

– ...Ваше величество, ваше величество, только посмотрите, как горит! Как интересно!.. – восторженно кричала его фаворитка, княгиня Воронцова.

Фрейлины пугливо жались к парапету и выдавливали из себя измученные улыбки. Мужское окружение, привыкшее к капризам императора, на пожар не обращало никакого внимания. Двое из них – сующий везде свой нос Гольц и флигель-адъютант короля Пруссии граф Шверин – стояли в стороне от свиты. Ничуть не стесняясь императора, они бурно что-то доказывали друг другу. Рядом с этими молодцами находились двое приставленных для сопровождения Шверина пристава из числа лейб-гвардии. Один из них – Гришка Ор-

лов. Помимо присутствия при флигель-адъютанте, приставы развлекали этого графа шутками и выплясывали перед ним во время шумных застолий. Эдакие шутники! Знать бы тогда наперёд, что этот Орлов вытворит, на каторгу сослали бы в два счёта. А теперь... теперь поздно.

От очередного толчка Христофор Антонович открыл глаза. Заметив свою треуголку в руках капитана, он вяло махнул рукой, мол, положи рядом. И опять погрузился в воспоминания.

...Словно замороженный, император смотрел в сторону пожара. На его лице застыла довольная гримаса. На визгливые возгласы фаворитки он не отвлекался. Пётр Фёдорович так и простоял молча до конца пожара.

– Жаль, поздно пришли, господа. Интересно, всё сгорело аль чего осталось? – наконец произнёс самодержец. – Как думаете, Христофор Антонович?

– Думаю, всё сгорело, ваше величество. Вон как полыхало.

– Ничего, наживут ещё. А о чём спорят эти господа, фельдмаршал? – он показал на Гольца и Шверина.

– Видимо, ваше величество, они обсуждают письмо, которое их король вам прислал. Они-то точно в курсе всего, – вкладывая в свои слова как можно больше иронии, ответил Миних.

– Думаешь?.. – как будто не услышав сарказма, вздохнул монарх. Он взял фельдмаршала под руку и отвёл его подаль-

ше от этой крикливой свиты.

– Хм... Читал и я то письмо. Но решение мною уже принято. Я сам возглавлю свою армию, и потому просьба короля Фридриха оставить Данию в покое, уже неуместна. Но также он просит поскорее короноваться, и с этим я согласен. Сразу после похода непременно совершу сие действие. А то, коли послушать этого Гольца, маршал, покажется, будто вся столица кишит заговорщиками.

Миних начал было возражать, но император его перебил.

– Думаю, глупости всё это, – продолжил он. – Моя жена – дура, а сын ещё слишком мал. Канцлер Воронцов мне предан, остальные – не помеха. Так ведь, Христофор Антонович? Вы же не хотите ещё раз в интригах дворцовых оказаться, а?

– Не хочу, ваше величество. Потому и прошу Господом Богом, на колени встану: не покидайте Петербург! Время тревожное, в столице неспокойно. Прав прусский государь: нельзя вам уезжать и короноваться надо немедля. Сия церемония произведёт на народ, а тем более на наш, русский, должное впечатление. Сам Господь с этого дня станет защищать вас.

– Изумляюсь словам вашим, граф, как, впрочем, и других моих советников. Они доказывают только одно: эти господа не любят меня. Подозреваю даже, что кто-то из господ этих с датчанами снюхался, отвадить меня от войны вздумали. Не выйдет! – топнул ногой император. – Я заставлю Данию ка-

питулировать и вернуть все мои родовые поместья...

Словно вновь испугавшись гнева императора, Миних вздрогнул и, едва шевеля губами, прошептал:

– И вот теперь император в опасности. Да что император, само государство. Как считаешь, капитан?

– Так точно, господин фельдмаршал, – не ведая мысли фельдмаршала, по-военному ответил Вахмистров.

Бывшее имение князя Меншикова, Ораниенбаум, подаренное Елизаветой Петровной своему племяннику, неспроста стало любимым местом времяпрепровождения императора Петра III. Всё здесь есть: и удобный канал для прохода судов в Финский залив, и огромный парк с редкими видами растений и деревьев, и сам дворец в четыреста футов длиной. Обычно император весело проводил здесь время: шумные балы, застолья, вечерние фейерверки. Но иногда случались дни, когда веселье успевало прискучить, и он отправлялся из дворца в небольшой двухэтажный дом, выстроенный в самой глубине парка, к тишине и покою. Так было и в этот вечер.

К воротам парка подкатила карета. Вахмистров ловко выскочил из неё и услужливо предложил руку фельдмаршалу. Однако тот, кряхтя, сам стал спускаться с подножки, придерживая одной рукой треуголку, а другой – шпагу.

– Осторожно, господин фельдмаршал, – заботливо произнёс капитан.

– Благодарю, – пробурчал Миних и, потирая поясницу,

огляделся.

В лучах уходящего на ночной покой солнца крытый медью купол главного дворца светился оранжево-красным цветом. Он сверкал, искрился, казалось, вот-вот вспыхнет и всё загорится адским пламенем.

Суеверный Христофор Антонович перекрестился и прошептал:

– Господи! Никогда не жил при трёх императорах одновременно: один сидит в Шлиссельбурге³⁷, другой здесь, в Ораниенбауме, а третья – в Зимнем.

Затем тяжело вздохнул и, к удивлению капитана, уверенной походкой направился в сторону дома. Офицер поспешил за ним.

«Семьдесят девять лет старику, а каков орёл!.. Даже завидно», – едва поспевая за маршалом, с завистью подумал Вахмистров.

К дому вела дорожка аллеи, посыпанная гравием. Среди зарослей тут и там мелькали фигуры людей, слышались смех и громкие голоса, восклицавшие что-то по-немецки или по-французски.

Желая сократить путь, Миних свернул с дорожки. Однако, пройдя несколько шагов, он споткнулся о ствол спиленного дерева, не заметный в густой траве. Капитан успел подхватить старика, и тот, шёпотом выругавшись, благодарно

³⁷ Малолетний русский император Иван Антонович, проведший с 1741 года в заточении почти четверть века.

кивнул адъютанту.

Сумерки сгущались. Фельдмаршал шёл самым быстрым шагом, каким только мог. И лишь на мостике, перекинутом через узкую речку, он, тяжело дыша, пробормотал:

– Плохие времена, капитан, плохие. У ворот ни души, будто повымерли, зато в парке безумное веселье. Знают они, что там, в столице, творится? Кто нынче правит бал?

Проходя вдоль канала, офицеры увидели две стоявшие у причала парусные галеры с зачехлёнными парусам. На палубе одной из них виднелись фигуры матросов.

Фельдмаршал остановился. Он с горечью разглядывал суда.

– Впечатление, что государством правит сам Господь Бог! Иначе, капитан, невозможно объяснить, как оно существует. Прости меня, Господи, за слова мои грешные и причитания старческие, но дай только знать: с Твоего ли согласия творится безобразие сие?

Старый вояка поднял голову вверх, видимо, ожидая знака божьего. Но затем горестно махнул рукой.

– Жена да не убоялась мужа своего... Куды свет катится? – потрясённо пробормотал он и, перекрестившись, с прежней поспешностью продолжил путь.

Наконец военные вошли в здание. Коридор был безлюден. Это обстоятельство не удивило фельдмаршала, но поразило адъютанта.

– Крысы всегда первыми покидают тонущий корабль, –

предваряя назревший вопрос, произнёс маршал.

В душном холле стоял полумрак. Откуда-то сильно несло смрадом. Из-за дверей в кабинет императора чуть брезжил свет. Недалеко от двери на стуле, сгорбившись, сидел человек, в котором фельдмаршал едва распознал слугу императора Томаса.

– Вонща-то какая, Томас! Не убирают, што ль?.. – морщась, проговорил Миних. Слуга что-то пробормотал и попытался встать. Миних участливо похлопал его по плечу: – Сиди, не вставай. Подагра, поди, опять разыгралась.

Томас виновато кивнул, но всё же, преодолевая боль, почтительно встал. На его глазах навернулись слезы.

– Ну-ну, Томас, всё будет хорошо, не расстраивайся, – дрогнувшим голосом успокоил Миних слугу императора. – Иди, капитан, разыщи офицеров охраны, коль имеются таковые. Скажи, пусть запрут главные ворота да часовых выставят подле дома. Всяк, кому не лень, зайти может.

Со стороны гостиной донёсся печальный звук скрипки, заставивший слугу прислушаться. Но звук тут же оборвался, и оттуда раздались приглушённые голоса. Старый фельдмаршал решительно открыл двери.

– А вот и мой бравый маршал! – услышал он ироничный, но явно уставший голос императора. – Пошто, дорогой Христофор Антонович, рискуете? Почему не в столице? А может, присягнули уже моей супруге и меня пришли арестовывать?

Несмотря на канделябры, стоявшие на столах с зажжёнными свечами, дальний угол гостиной был погружен в темноту, и голос императора прозвучал именно оттуда.

Не видя императора, Миних в растерянности остановился:

– Как можно, ваше величество?!

За столом кто-то закашлялся. Привыкшие к освещению глаза Миниха выхватили в центре зала неряшливо сервированный стол с разными закусками, а его нос уловил стойкий винный запах и даже, видимо, тянуло с веранды, вонь табака. За столом маршал узнал вездесущего Гольца, канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, а также Гудовича – генерала и личного друга императора. Там сидел ещё кто-то, кого маршал по слабости зрения не мог разглядеть в полумраке.

Но вот из темного угла показался император. Лаковой поверхностью в его руке блеснула скрипка. Фельдмаршал вытянулся и приветствовал главнокомандующего.

Сгорбленный, растерянный от собственного бессилия, император двигался неестественно, боком и на приветствие Миниха не ответил, махнув в его сторону рукой. Лицо монарха болезненно сморщилось.

Миних слышал, что у императора геморрой, и, видимо, сейчас у него опять началось обострение этой мерзопакостной болезни.

– Ну что, маршал, поди, знаете, что в Кронштадте уже не признали меня? Не дали пришвартоваться даже. Обещали

огонь открыть, коли не покину гавань. И что удивительно, фельдмаршал, по пути назад большая часть придворных и вельмож исчезли. Мерзавцы! Подле меня остались единицы.

– Простите старого солдата за откровенность, ваше величество, но решаться надо было раньше, – не ожидая от себя подобной смелости, произнёс Миних.

Император не ответил. Он аккуратно положил на кресло скрипку, взглянул на фельдмаршала и безнадежно махнул рукой. По его лицу пробежала болезненная усмешка. Пётр осторожно устроился на стуле и, видимо, найдя удобное для себя положение, облегчённо вздохнул.

– Скоро здесь будут гвардейцы. Вас арестуют, ваше величество, – осмелев, продолжил Миних.

– План у меня есть.

– Ну-ну. И какой же? – раздался голос Воронцова.

– А план такой, господа. На шлюпах, что у причалов стоят, доплыть его величеству до Ревеля, там сесть на военный корабль и отправиться в Померанию, где стоят наши войска. Император примет начальство над войском и поведёт его в Россию. И я ручаюсь вашему величеству, что Петербург и вся Россия опять будут у ваших ног.

Наступила тишина. Император молчал.

– Неплохая идея, ваше величество, – произнёс Гольц. – Надеюсь, войска вас поддержат? Тогда я берусь отправить моему королю срочную весточку, чтобы он с непобедимой прусской армией поддержал вас.

«Знаем, какая она непобедимая!..» – с неприязнью подумал фельдмаршал, однако спорить сейчас с пруссаком смысла не имело.

– Не думаю, что это хороший план, господа, – раздался из полумрака голос не знакомого Миниху господина. Голос смелый, уверенный, но, как Миних ни напряглся, вспомнить этот голос он не смог.

– Во-первых, команда шлюпов не станет перевозить императора, я в этом уверен; во-вторых, самое главное: готовы ли войска подчиниться и пойдут ли они войной на свою же страну?

– А если король прусский в самом деле поддержит нас?.. Ведь вы, ваше величество, спасли Пруссию от неминуемого поражения и позора. Очередь теперь за королём Фридрихом прийти вам на помощь, – опять подал голос канцлер Воронцов.

– Помог уж однажды: принцессу Фике за меня посватал тётушке. Не будь Екатерины, другой расклад был бы сейчас, – недовольно пробурчал Пётр.

– Ну что уж, ваше величество, об этом думать? Случилось, как случилось. О насущном думать потребно. Как-никак у нас с Пруссией подписан мирный договор, в коем есть пункт взаимной помощи... Но это война, господа! И потом, ваше величество, пути к отступлению у вас уже не будет. Не лучше ли вам всё-таки договориться с супругой?

– Договориться?! Я уже предлагал ей покинуть Россию.

И она вроде бы даже согласилась. Да только... вместе с сыном! Каково?! Разве такое возможно? Это стало бы вечной мне угрозой. Признаю: ошибка моя, в монастырь её постричь нужно было... в монастырь... Да что говорить об этом? Третьего дня послал вице-канцлера Голицына на переговоры к бунтовщикам, предложил своей супруге разделить со мной власть и вот – жду ответа.

– Не ждите, ваше величество, присягнул Голицын супруге вашей, точно знаю, – твёрдо произнёс Миних. – Мы все: и сидящие здесь, и преданные вам голштинцы, и часть гвардейцев, и верные присяге войска – готовы защищать вас.

Петр криво усмехнулся и с горечью, как будто сам для себя, произнёс:

– Только в такие минуты монарх имеет возможность убедиться воочию, на кого он действительно может положиться. Как правило, такие люди всегда в меньшинстве. О Main Got! Как часто мы бываем слепы! Как был слеп и я!

Император перекрестился и продолжил:

– И напротив, многие из любимцев, поднятых мною из ничтожества и возвысившихся, не встали на мою защиту, опасаясь навлечь на себя гнев новой хозяйки, супруги моей, Екатерины.

Лицо императора изменилось, оно будто бы на глазах постарело; Петр сгорбился, левая рука безвольно опустилась, правая грозила кому-то в темноту. «Мерзавцы, мерзавцы!» – всё шептал и шептал Пётр.

Присутствующие поразились не столько словам императора, сколько метаморфозе, произошедшей у них на глазах. Перед ними сидел несчастный человек, допустивший роковую ошибку. И все понимали: исправить её уже невозможно. Дни монарха сочтены!

Установилась тишина, нарушаемая лишь потрескиванием воска в свечах да далёким шумом веселящейся компании, доносившимся из открытого окна.

Император брезгливо поморщился, сам закрыл окно и печально произнёс:

– Спасибо, Христофор Антонович, за план. Но должна же Екатерина дать мне хоть какой-нибудь ответ, – затем тихо неуверенно добавил: – Лучше подождать? Ан нет... завтра пошлю к бунтовщикам Гудовича. А сейчас давайте отдыхать, господа. Садитесь, маршал. Господа, налейте вина Христофору Антоновичу.

– Нельзя ждать, государь, нельзя. Вот-вот сюда заявятся гвардейцы для вашего ареста, – возбуждённо воскликнул Миних. – Вам, ваше величество, надо покинуть Ораниенбаум. Немедленно!

В это время из того же тёмного угла, откуда появился император, раздался скрип открываемой двери. В гостиную влетела Елизавета Воронцова. Растрёпанное платье, всклокоченные волосы, непудренное лицо, заплаканные припухшие глаза выдавали её отчаяние.

Мужчины встали. Фаворитка остановилась напротив им-

ператора и, не обращая внимания на присутствующих, заговорила в своей обычной крикливой манере:

– Не слушайте фельдмаршала, ваше величество! Никто вас не арестует! Они не посмеют этого сделать! Завтра мы сядем на корабль и покинем эту страну.

Она подошла к Петру и обняла его. И уже совсем тихо плаксивым голосом добавила:

– Не можно уезжать сейчас, Пётр Фёдорович. Я послала в Петербург за своими драгоценностями. К утру их привезут. Дядя, – надув губки, обратилась она к канцлеру, – скажите государю, что так будет лучше.

Слова любимой женщины придали императору некоторую решимость. Он словно ждал этих слов и уже более бодрым голосом произнёс:

– Да, господа! Я остаюсь. Попрошу вас, канцлер, утром отправиться на решающие переговоры. Покинуть страну я всегда успею, и пусть сам Господь укажет нам, как быть дальше. К столу, господа, к столу! Елизавета Романовна, прошу, – галантно произнёс император, подвигая стул фаворитке.

Однако письменного ответа император так и не получил. Той же ночью войска заговорщиков окружили дворец. Чтобы сохранить свою жизнь, Петр III подписал отречение. Также он подал прошение новой императрице с просьбой разрешить ему вместе с фавориткой выехать в Голштинию. Однако отрёкшегося императора отвезли в Ропшу, где он всего через неделю скоропостижно скончался. От чего?!.. Да, раз-

ное говорят...

Фридрих II потом скажет:

– Он позволил свергнуть себя с престола, как ребёнок, которого отсылают спать...

А старый фельдмаршал Миних позже произнесёт:

– Одна жизнь, одна смерть. Раз ошибёшься, второй не поправишь...

Жалел ли он о том, что Пётр III не заточил в своё время супругу в монастырь, или же о том, что в решающий час так и не решился направить в столицу войска на подавление мятежа, доподлинно неизвестно.

Новая императрица помнила заслуги короля Пруссии в своём замужестве. Она не стала аннулировать условия невыгодного для России договора с побеждённой Пруссией, не потребовала контрибуций и подтвердила мир между государствами ранее подписанный её супругом. Всё, что она изменила – оставила в покое Данию. Зачем она России?!..

Шахин-Гирей

Бывшая немецкая принцесса Фике, а теперь уже российская самодержица, энергично занялась внутренним переустройством своей новой родины – России! Нет, она не расправлялась с недовольными, не сажала их в тюрьму и не отправляла на каторгу неудобных. Екатерина II стала собирать вокруг себя людей умных (по возможности, конечно) и преданных ей и стране. Она не скупилась и на награды, щедро раздавала имения, деревни, звания, деньги, подарки... Отметила она и нашего героя – Григория Потёмкина: очередное воинское звание, деньги, крепостные души, светские должности... Однако к себе не приблизила. Её сердце в то время прочно занимал красавец из лейб-гвардии Григорий Орлов.

Дорогой читатель, нам обязательно нужно узнать и о другом человеке, как ни странно, сыгравшем значительную роль в укреплении российской государственности. Без него, пожалуй, судьбы Потёмкина и России сложились бы иначе. Этот человек живёт пока в Италии и не знает, что пройдёт не так уж много времени, и имя его войдёт в историю XVIII века. Он вольно или невольно будет способствовать величию одной страны, упадку второй и падению третьей. ***

Прошло несколько лет. Италия.

Венеция – город шумный. Толпы иностранцев на главной

площади Сан-Марко, теснота на узких улочках, бесконечные каналы, мосты и масса развлечений на любой вкус.

Вот и сегодня, в честь очередного мудрого христианского святого, местные власти организовали грандиозный праздник-маскарад. Повсюду шла бойкая торговля масками, пестардами и прочими атрибутами, прославляющими этого самого святого.

С самого утра разношерстная масса людей кружила по торговым рядам. Продавцы в честь праздника взвинтили цены, и гости самозабвенно с ними торговались. В конце концов набив, к вящему удовольствию продавцов, полные корзины, счастливые покупатели расходились по домам в предвкушении вечерних гуляний.

Молодой человек, судя по одежде, приезжий с Востока, осторожно шагнул на горбатый, грязный, без ограждений мост. Плотный поток людей вынудил его двигаться почти у края моста и, чтобы не свалиться вниз, он хватался руками за одежду прохожих, боком продвигаясь вперёд. Полы его жёлтого, в зелёную полоску халата то и дело застревали в толпе: парень терпеливо вытягивал их, бормоча извинения.

Толкотня, гортанные выкрики лавочных зазывал, яростные споры продавцов и вообще уличный шум его, видимо, не раздражал, даже казалось, успокаивал.

Парень был не очень высок ростом, но правильно, пропорционально сложен, сухощав, узок в кости. Его красивое монголоидное лицо с прямым тонким носом и довольно ши-

рокими скулами украшали небольшие чёрные усики. Если бы, как уже говорилось, не восточное одеяние, парня можно было принять и за местного итальянца.

Вот уже довольно продолжительное время, как Шахин Гирей³⁸ (так звали молодого человека) жил в этом суматошном европейском городе.

Шахину Венеция нравилась. Она не была похожа на города его детства: Андрианополис³⁹, где он родился, и Фессалоники⁴⁰, где жил с матерью после смерти отца, Топал Ахмед-Гирея.

Отпрыск монгольской династии, племянник нынешнего крымского хана Кырым-Гирея, по настоянию своей матери, он учился в местном университете.

От природы любознательный, Шахин старался постичь новые для себя науки: европейские обычаи, искусство управления городами, систему сбора налогов, воинские дисциплины и многое другое. Любил он посещать местные театры, знакомился с картинами венецианских художников, а также усердно штудировал итальянский, греческий языки, старался не забывать арабский. Он много читал, благо в университете была прекрасная библиотека.

Мать лелеяла мечту увидеть из всех своих сыновей имен-

³⁸ Представитель династии крымских ханов, потомков Чингиз-хана.

³⁹ Бывший (ныне) турецкий город Эдирне. С 1365 по 1453 г. – столица Османской империи.

⁴⁰ Город Солоники (греч).

но Шахина на троне или, на крайний случай, высокой должности. Она уговорила Кырым-Гирея выделить денег для учёбы его племянника в Венеции. Вскоре мать сняла недалеко от университета небольшой дом в районе моста Риальто, переброшенного через Большой канал. Каждый день, провожая сына на занятия, она молила Аллаха о его благополучии.

И сын её не подводил: учился усердно, а главное – с удовольствием. Потомок Чингиз-хана⁴¹ порой искренне удивлялся непохожести приобретаемых им знаний с обычаями и вековыми традициями своих предков.

Часто перед тем как заснуть уставший Шахин в своих снах видел себя ханом Крыма. Видел процветающее государство, каким он сделает его благодаря новым знаниям. Ему виделись счастливые лица подданных, неторопливые беседы с государями соседних стран... Но эти счастливые минуты быстро исчезали, внутренний голос этак ехидно ему намекал: «Остынь парень, ханом тебе никогда не быть». И тут же в голове Шахина звучал голос матери: «У Кырым-Гирея свои сыновья, а ты всего лишь его племянник, каких у него много. Учись, сын, учись! Всевышний вознаградит тебя за усердие!». На этом его мечты заканчивались, и он засыпал. Сейчас Шахин торопился на занятия в университет.

Несколько поотдадь от молодого человека следовал его слуга Аскер, высокий парень с мощными плечами. Он держал в руках корзину, в которой лежала связка хозяйских

⁴¹ Основатель и первый великий хан Монгольской империи.

учебников.

Аскер тоже одно время жил с родителями в Андрианополисе, на одной улице с Гиреями. Мать Аскера была из русских рабынь, отец – турок. Несколько лет назад семья переехала в Неаполь. Посылая своего сына на учёбу в Венецию, мать Шахина списалась с бывшими соседями и остановила свой выбор именно на их сыне, Аскере, вполне сносно к тому времени владеющим итальянским и русским языками. К тому же он был физически крепким парнем. Эти два обстоятельства и решили её выбор. И вот теперь каждое утро, провозжая из дому молодых людей, она давала слуге задание на день и при этом обязательно строго добавляла:

– Аскер, всегда будь рядом с Шахином. Венеция – большой город, в нём много народа и всегда есть преступники. Оружие держи при себе. Смотри в оба, Аскер, голова у тебя одна. Слуга привычно выслушивал наставления и в знак согласия смиренно кивал головой.

Дом, где жили Гиреи, располагался в районе оживлённого торгового центра: народу здесь всегда хватало. Но сегодня благодаря празднику людей было особенно много. Не любивший опаздывать Шахин нервничал.

Поправив закреплённый под халатом кинжал, Аскер своей мощной фигурой, словно таран, прокладывал в толпе дорогу хозяину. На недовольные возгласы прохожих внимания он не обращал: хозяин опаздывал на занятия.

Через какое-то время потный немного уставший слуга

несколько отвлѣкся.

Выйдя на площадь Святого Бартоломея, парень стал разглядывать двух симпатичных девиц, по внешнему виду кухарок. Те весело смеялись и игриво стреляли глазками в его сторону, явно давая сигналы к знакомству. В уличной толкотне плетѣные корзины с овощами мешали девушкам быстро идти, и слуга без проблем быстро их догнал. Разговора, как такового с девицами не получилось; во-первых, мешал уличный шум, во-вторых, уличная давка не давала ему возможности постоять рядом с ними даже минуту. Однако Аскер успел узнать, где их можно найти, на том и расстались.

Хихикнув в последний раз, девушки свернули в переулок. Спohватившись, Аскер заработал локтями, пробиваясь сквозь людской поток, и вскоре нагнал хозяина. Тот стоял с недовольным видом, разглядывая свой халат.

Увидев слугу, Шахин пробурчал:

– В честь праздника надел лучший халат!.. И зря... А теперь что?.. Сальные пятна, потёртости... Радости мало...

Определив, что хозяин не заметил его отсутствия, Аскер облегчѣнно вздохнул.

Выбравшись наконец из общей сутолоки, молодые люди ускорили шаг. По привычке Аскер внимательно всматривался в лица прохожих, выискивая недоброжелательные взгляды, и одновременно, настороженно оглядывал пространство вокруг хозяина. Всякий раз при малейшем подозрении его рука мгновенно ныряла под халат, хватаясь за рукоять кин-

жала. Но сегодня было спокойно.

Вдоль главного городского канала в ожидании клиентов стояли окрашенные в чёрный цвет гондолы, на которых гондольеры в ярких костюмах пели серенады, заманивая гостей.

– Всё хочу спросить, хозяин, почему лодки чёрные? – на секунду остановившись, спросил Аскер.

– Эпидемия чумы в 1630 году. Она больше половины жителей Венеции тогда выкосила. Тысяч двести, а то и больше. В знак траура гондолы стали красить чёрной краской. Ну, так говорят по крайней мере. И уже в сердцах, добавил:

– Не задавай глупых вопросов, опаздываем.

– Успеем, хозяин, – успокаивающе произнёс слуга. Но, оглядевшись, неуверенно пробормотал: – Университет-то недалеко, но эти мосты... Жаль, по воде ходить не умеем, как ихний христианский Бог.

В ответ Шахин неодобрительно покачал головой:

– Аллах поможет, коль надо будет.

Через какое-то время молодые люди достигли цели. Забрав учебники, Шахин произнёс:

– Заберешь дома бауту⁴², вдруг сгодится, – и быстрым шагом направился в сторону университета.

Убедившись, что хозяин благополучно зашёл в здание учебного заведения, слуга направился на городской базар выполнять поручения матери хозяина.

Вода в каналах воняла: над городом, особенно в районе

⁴² Колпак для лица с прорезями для глаз.

базара, стоял душливый запах гнилостных испарений, про-
тухшего мяса и людских испражнений, стекавших в тот же
канал.

Набив свою корзину продуктами, Аскер не спеша поплёл-
ся в сторону дома. Хозяйка ждала его на кухне. Поставив
корзину на стол, Аскер приготовился выслушать от хозяйки
очередные причитания о дороговизне, и её упрёки в адрес
родного дяди, Кырым-Гирея, что тот мог бы и побольше да-
вать денег своему племяннику. Однако, к своему удивлению,
причитаний хозяйки на этот раз он не услышал. Она была
чем-то очень встревожена. Даже не потребовав от него от-
чета о потраченных деньгах (что было крайне удивительно),
мать Шахина передала ему свёрнутое трубочкой письмо. На
нём, как заметил Аскер, не было сургучной печати, оно было
просто накрепко перевязано бечёвкой.

– От хана письмо для Шахина. И, видно, личное. Визирь
его не писал – печати нет, – непривычно тихим, несколько
испуганным голосом произнесла она. – Не к добру это, не
к добру. Иди, Аскер, передай письмо сыну. Сегодня ты мне
больше не нужен. Да не задерживайтесь, домой сразу идите.

Подойдя к университету, Аскер уселся на скамейку на-
против ворот учебного заведения. Времени впереди много,
ждать долго, и Аскер стал размышлять о событиях послед-
них дней.

Он вспомнил недавнее свидание хозяина с похотливыми
девушками. Одна из них досталась и ему.

«Какая она выдумщица! У неё шайтан в одном месте. Что вытворяла!.. Вах, вах», – и от сладких воспоминаний он закрыл глаза. Под впечатлением прошлой встречи с «выдумщицей» у молодого человека возникло желание найти утренних красавец, благо место, где они работали, было совсем недалеко. Убедившись в сохранности письма во внутреннем кармане халата, Аскер направился по адресу.

Этим местом оказалась гостиница с пышным названием «Золотой рог». Стены красивого двухэтажного здания с широким крыльцом и достаточно большим навесом над ним были увиты зелёным плющом. На подоконниках первого этажа стояли горшки с красными цветами.

На крыльце гостиницы мирно беседовали трое мужчин. Двое из них, богато одетых, эффектно держа руки на эфесах своих шпаг, внимательно слушали своего собеседника, изредка бросая короткие фразы на плохом итальянском. И Аскеру показалось, что эти синьоры были чем-то похожи между собой. Их собеседник, пожилой небольшого роста господин с ослепительно белым жабо вокруг шеи, по-видимому, из здешних, о чём-то бегло говорил на местном диалекте, при этом, как и положено итальянцам, энергично жестикулировал руками.

Аскер скромно встал недалеко от них, рассчитывая увидеть подружек, выходящих из гостиницы. Синьоры, что со шпагами, внимательно посмотрели в его сторону. Господин в жабо, видимо, увидев в нём простолюдина-иностранца,

недружелюбно поинтересовался:

– Ты кто?

– С хозяином я, учимся в университете, – скромно ответил Аскер.

– Татарин, что ль, судя по халату? – уточнил один из синьоров со шпагой.

Слуга молча кивнул.

Потеряв к Аскеру интерес, господа отвернулись, и продолжили разговор.

– Ваша дипмиссия мне понятна. Вы, господа Орловы, на правильном пути, должен сказать я. Россия – большая страна, замыслы вашей государыни дальновидны. Венеция, господа, – прекрасный город, с ней не грех и торговать. Но помимо Венеции есть и другие, не менее прекрасные города в этих краях, – невольно подслушал Аскер речь мужчины с жабо. Синьоры говорили на русском языке.

– Мы на это и надеемся, синьор Маруцци, – произнёс один из собеседников.

– Вы нам уже помогли, маркиз. Ваша информация для нас бесценна. Государыня наша очень высокого мнения о вас, – вставил другой.

В это время из здания вышли люди, и Аскер отвлёкся. Синьоры, поговорив какое-то время, удалились. Аскер остался один. Прождав ещё около часа, неудавшийся ловелас отправился восвояси. Начинало темнеть. Вскоре он занял своё обычное место на скамейке вблизи университета.

Уличный шум несколько стих. Городская публика в поисках вечерних удовольствий только-только стала заполнять улицы. Внимание Аскера привлёк голос мальчишки, продавец театральные билеты.

– Синьоры, театр Сан-Кассиано ждёт вас. Подходите, покупайте билеты... Синьоры... Синьоры...

Мимо Аскера прошла группа городских дозорных обеспечивающих безопасность жителей в тёмное время. Их обувь, подбитая гвоздями, на мраморных плитах с мелкой насечкой, издавала цокающий звук. Позже, когда утихнут от галдежа ночные улицы, этот цокот будет слышен издали: спящие граждане должны знать, что нанятая ими стража не дремлет.

Один из дозорных хмуро посмотрел на сидящего иностранца, но, не найдя ничего подозрительного, прошёл мимо. Аскер облегчённо вздохнул. Попасть в руки этих мрачных стражей порядка – дело не самое приятное, тем более, иностранцу. Избить могут... Брр..

Наконец, двери университета отворились. Появился Шахин-Гирей. В руках он держал знакомую стопку учебников. Слуга облегчённо вздохнул.

– Устал, – передавая книги слуге, произнёс Шахин. Голос театрального зазывалы тоже привлёк его внимание.

– Синьоры-ы-ы, подходите, покупайте билеты. Синьоры-ы-ы...

– Нет, сегодня театр отпадает, другая программа. Вот что,

Аскер! Давай, заглянем в «Греческий мост». Помнишь эту таверну?

– Обижаете, хозяин. Как не помнить. Вам письмо передала мать. Сказала – важное, от дяди вашего, – почтительно, произнёс он.

Шахин удивился и, тут же разорвав бечёвку, вскрыл послание. Содержание письма его насторожило. Слуга увидел встревоженные глаза хозяина.

– Всё, Аскер! Видит Аллах, закончились моё учение и беззаботная жизнь. Дядя срочно зовёт меня в Крым. Зачем?!.. Я вроде бы не провинился перед ним.

Зная со слов матери хозяина о жестокости дяди, слуга тоже испугался.

– Может, обойдётся, хозяин? – неуверенно, произнёс он.

– Дядю не знаешь?!.. У него всё возможно. Ладно, пойдём. Праздник всё же. Бауту принёс?

Вечерняя публика уже запрудила улицы, и молодым людям опять пришлось основательно потолкаться на пути к намеченной цели.

Неожиданно шумная группа людей с факелами в руках и в масках, изображавших чудищ, весело отплясывая, взяла наших героев в плотный круг. Особенно бесновались двое здоровенных парней. Один них, хлопнув Аскера по плечу и сняв маску, заорал:

– Бонжорно, татарин! – и, глядя на Шахина, смеясь, добавил: – Так это и есть твой хозяин? С нами пошли, повесе-

лимся в «Греческой таверне».

В воздух взлетели петарды, и под общее улюлюканье вся шумная компания двинулась вперёд.

Шахин вопросительно посмотрел на слугу.

– Потом расскажу, хозяин, – произнёс Аскер.

Минут через двадцать, едва не сбив зажжённый фонарь возле входа, ликующая компания ввалилась в таверну. Шахин со слугой остался снаружи. Мысль о предстоящем отъезде за время пути в таверну внесла свои печальные коррективы и несколько охладила желание студента повеселиться. Шахин как-то нерешительно произнёс:

– Я ненадолго, жди, Аскер, – и открыл дверь в таверну.

В нос ему ударил запах дыма от жаровен, табака и духов сеньорит; яркий свет от множества горящих свечей ослепил; шум, прерываемый громким хохотом публики, оглушил. Шахин стоял на площадке возле двери, не решаясь спуститься по ступенькам вниз. На вошедшего молодого человека в восточном халате никто не обратил внимания. Шахин стал внимательно разглядывать зал.

В честь праздника стены таверны были украшены цветными лентами, яркими бумажными узорами и прочей блестящей мишурой. У самого входа, под дверью, за длинным деревянным столом сидели посетители: двое монахов в рясах, рядом – трое мужчин и толстая женщина с яркой раскраской на лице. Компания была без масок и баут. «Монахам не полагается, – решил Шахин, – а троица, очевидно, местные

завсегда и, судя по их возбуждённым голосам и красным лицам, вина они выпили уже немало. На столе перед ними стояли большие тарелки с мясом и лапшой, и, как ещё успел отметить Шахин, все было полито красным соусом.

Из дальнего угла зала доносились шумные выкрики. Там веселилась большая группа ряженных посетителей в масках и причудливых костюмах. На некотором возвышении, напротив окон, где, как правило, располагалась более знатная публика, Шахин обратил внимание на двух сеньорит, сидевших за столом в широких шляпах и ярких платьях. Напротив – их кавалеры в костюмах римских патрициев. Остальная публика слилась в глазах Шахина в общую малоразличимую галдящую разноцветную выставку масок и баут. Однако это не помешало ему под некоторыми из них узнать особ противоположного пола. Настроение Шахина несколько улучшилось.

И тут Шахин перехватил кокетливый взгляд одной из знатных дам в шляпе. Как принято в Европе, он, как джентльмен, хотел вежливо отвесить ей почтительный поклон, но, на свою беду, не успел: от табачного дыма у него заслезились глаза, и засвербело в носу. Шахин шумно, с надрывом чихнул. Знатная дама громко расхохоталась, показывая своим кавалерам на него пальцем.

От стыда потомок древней династии уже хотел было развернуться и покинуть злачное место, как неожиданно услышал на ломаном итальянском языке:

– Эй, студент! Иди к нам, парень, иди!

Сквозь мутную пелену в глазах Шахин с трудом разглядел знакомую компанию, успевшую расположиться за столами в глубине зала.

– К нам иди, к нам, – кричал синьор, что на улице звал их с собой.

Протерев рукавом халата глаза, Шахин напялил на голову бауту и собрался было направиться к ним, как вдруг с треском распахнулась дверь и сильно толкнула его в спину. В таверну ввалилась очередная компания.

От неожиданного удара Шахин полетел вниз и всей массой своего тела грохнулся на рядом стоящий стол. Стол перевернулся вместе с посетителями.

Звон разбитой посуды, испуганные крики, барахтающиеся на полу в мясе и лапше мужчины привлекли общее внимание зала. Мгновенно установилась тишина.

Заляпанная соусом, обвешанная лапшой, толстая женщина заорала во весь голос, требуя защиты от пьяного хулигана. Посылая проклятья в адрес «чёртова иностранца», мужики накинулись на Шахина. Монахи смиренно отошли в сторону, шепча молитву.

Запутавшись в собственном халате, наш герой лежал на скользком от соуса и разлитого вина полу. Шахин всячески пытался подняться. Однако не получалось: баута наехала ему на глаза, ноги скользили по полу, а опрокинутый им же стол придавил грудь.

Шахин хаотично размахивал руками, стараясь сбросить с

себя проклятый колпак и стол, но сильный удар в бок, затем в лицо на мгновение лишил его способности двигаться. А удары продолжали сыпаться. Сквозь общий шум Шахин услышал крик на непонятном ему языке: «Гришка, наших бьют». И на секунду разглядел парней из знакомой компании. Поснимав маски, они бросились к нему на помощь. Завязалась драка.

Шахин с трудом наконец-то встал на ноги. Из его носа хлестала кровь, растерзанный халат покрылся красными пятнами. Ноги дрожали, кружилась голова. Он огляделся, и тут же получил в спину очередной удар.

В это время в зал ворвался Аскер. Вид окровавленного хозяина привел слугу в ярость. Выхватив кинжал, Аскер бросился к нему, и с лёту всадил нож в его обидчика. На голову Аскера тут же опустился стул, а в ногу воткнулось что-то острое. Аскер упал и на мгновение потерял сознание. И тут началось настоящее побоище. Братья Орловы (а это были именно они) своими огромными кулачищами валили всех подряд.

Посетители таверны с восторгом наблюдали за ходом, как им казалось, импровизированной драки. Они кричали, смеялись, радостно хлопали. А когда парень восточной наружности всадил бутафорский, как им казалось, кинжал в тело одного из драчунов, в сторону этого «актёра» полетели цветы.

Но вдруг овации резко смолкли – от боли громко закри-

чал один из участников «представления». Наступила тишина. Драка прекратилась. На полу неподвижно лежали люди. Вокруг их тел расплывались пятна бордовой крови. Окровавленные маски и бауты на полу, стоны раненых убедили публику, что это не спектакль. Посетители бросились на выход. И тут раздался крик:

– Берегись, дозорные бегут!

Чьи-то сильные руки подняли хрупкое тело Шахина с пола. Он застонал и сквозь шум в голове услышал:

– Терпи, паря. Не дай тебе Бог попасть в руки этих живодёров.

Всё тот же парень из знакомой компании легко забросил Шахина себе на плечо и бегом кинулся наружу.

– Алехан, грузи второго татарчонка, грех бросать, – услышал Шахин и потерял сознание.

Два месяца спустя. 1768 год.

Крым. Бахчисарай. Ханский дворец.

Небольшой отряд в десять, – двенадцать всадников утром подъехал к городским стенам Бахчисарая, возвышающимися над речкой Чурук-Су. Большие, дубовые ворота в районе Дарагачья городская стража уже открыла и четыре пары алчных глаз стражников с живым интересом разглядывали приближающийся отряд, за въезд которого в город рассчитывала существенно пополнить свои кошельки.

Как того требовали правила, перед воротами всадники спешили, за исключением одного, который небрежным

движением руки подозвал к себе ближайшего к себе стражника. Тот весьма удивился, злорадно усмехнулся, затем расправил грозно плечи, немного постоял, поговорив с коллегами, а затем не спеша, направился к всаднику, на ходу увеличивая плату за столь обидное к нему, слуге государеву, обращение. Всадник молча подал ему свиток. Раскрыв его, стражник тут же обратил внимание на печать самого хана Кырым-Гирея – грозного и жестокого. А первые строчки текста, где было сказано, что Шахин-Гирей, племянник хана, направляется по личному указанию самого... Дальше читать охранник не стал. Плечи его тотчас поникли, он подбостранно вернул родственнику своего повелителя свиток, низко поклонился что-то пробормотал, и засеменял обратно на своё место. Стражники почтительно склонили головы. Группа беспошлинно вошла на территорию благословенной столицы Крымского ханства.

Проезжая ворота, Шахин почувствовал как тревожно заныло сердце. «Выйду ли обратно?.. – подумал он. – Эти старые ворота наверняка помнят, как много-много лет назад, столицу покидала его семья, направляясь в изгнание. И вот я – Шахин-Гирей, вернулся».

Стук копыт отдавался эхом на пустынных улицах. Город проснулся, но было удивительно тихо. В воздухе чувствовался запах дыма, сдобренный приятным запахом свежесдобренных лепёшек. Казалось, что жизнь в Бахчисарае замерла, жители зачем-то покинули город, но ощущение это было об-

манчивым. Утренняя жизнь текла во дворах, – за заборами. Оттуда доносились тихий говор людей, негромкое повизгивание, требующих корма собак, хлопанье дверей...

Узкие улочки, глухие заборы, за которыми стояли одно- и двухэтажные дома с плоскими и шатровыми черепичными крышами, далеко выступавшими за стены, и маленькими деревянными балкончиками, навевали Шахину воспоминания его детства. Вид родного города, детские впечатления, запахи, так не похожие на запахи Венеции, окончательно напомнили ему, что он дома, он – вернулся.

Чем ближе всадники продвигались в направлении ханского дворца, тем явственнее доносился запах кофе, который варили на открытом огне во множестве открывавшихся кофейнях. И этот запах – единственное, что напоминало Шахину, полюбившийся ему европейский город – Венецию.

Вскоре Шахин-Гирей и его охрана во главе с Аскером, подъехали к дому родственников – большому и ещё помнившему следы былого величия. Встреча была желанной: его ждали и обрадовались. Позавтракав, накормив свиту, Шахин облачился в парадные одежды. Отряд продолжил свой путь.

Молодой отпрыск рода Гиреев был хмур, неразговорчив и явно встревожен.

Шахин в парадном голубом нацинальном халате, затянутом широким поясом, белом тюрбане, мягких светлых сапогах чувствовал себя неуютно. Спрыгивая с коня на землю перед воротами ханского дворца, он запутался в полах хала-

та и упал бы, но верный Аскер успел поддержать хозяина.

Высокие горы вокруг дворца с полутропической растительностью, роскошный сад, тёмно-голубое небо над головой, мягкий климат – всё напоминало ему Италию. И от этих сравнений на сердце стало ещё тяжелее. «Зачем я понадобился дяде?..» – в который раз он спрашивал себя.

Родственника хана встретил верховный визирь Назри-бей. Они чинно поздоровались, и какое-то время с интересом разглядывали друг друга.

– Да-да, мой мальчик, не удивляйся, старый я уже. Мы все состарились, кто помнил твоего отца. А ты – совсем взрослый, настоящий воин, – первым произнёс старый царедворец.

Шахин ответил почтительным поклоном.

– Время никого не щадит, дорогой Назри-бей. Буду и я когда-нибудь старым. На всё воля Аллаха!

Назри-бей действительно был старым. Закрытое наполовину седой бородой лицо и лоб испещрены глубокими морщинами; хриплый, словно простуженный голос, старческая осанка – всё говорило о его преклонном возрасте. Но глаза... Глаза старика были весёлыми, озорными и молодыми.

Со слов матери Шахина, визирь обладал большим опытом в дворцовых делах и интригах, пережил на своём посту не одного хана и помнил Шахина ещё мальчиком. И что важно, старый царедворец знал его отца, с которым дружил по молодости. И как раз на это рассчитывал Шахин: друг семьи,

можно сказать, поможет, коль потребуется.

Конечно, Шахин тут же задал вопрос визирю, зачем он потребовался хану.

– Не знаю, Шахин, – честно ответил тот.

Визирь действительно и сам был в неведении и даже в недоумении: «Зачем хан вызвал своего племянника? Назначить на должность?.. Молод вроде бы! Казнить?.. Не за что! Да и какой в этом толк?!.. Шахин давно живёт с матерью за границей, в интригах против своего дяди не замешан, в ханы не лезет... Странно...»

Взглянув на стоящего недалеко Аскера, державшего уздечки двух коней, визирь поинтересовался:

– Слуга твой?

Шахин кивнул. – Не из местных, как вижу. Отведи лошадей в конюшню. Вон туда, – визирь махнул слуге рукой. Затем, немного подумав, произнёс:

– Вот что, мальчик! Не надо тебе немедля встречаться с дядей. Не в духе с утра наш господин, грозен, да светится имя его на небесах. Располагайся пока в доме для гостей. Я знаю, когда дядя твой будет нежнее лани и добрее самого Аллаха. Жди, я дам знать.

Старик знал, что говорил.

Сегодня Кырым-Гирей проведёт утро с любимой наложницей. Он сам договорился с ханским евнухом Ибрагимом, что тот приведёт из гарема для услады государя именно Деляре – любимицу хана. И это, пожалуй, единственное, что

может благотворно повлиять на грозного владыку Крыма. Так оно и произошло...

Уставший после сладострастного общения с любимой наложницей, хан Кырым-Гирей возлежал на одеялах и наблюдал за маленькой проказницей. Продолжая возбуждать своего господина нагим телом, она, грациозно покачивая бёдрами, не спеша одевалась. В такт её движениям колебалось пламя свечей, и при закрытых окнах в полумраке любимица казалась ещё прелестней и загадочней.

Молодая, маленького роста, совсем девочка, Деляре тихо прикрыла за собой дверь. Хан блаженно откинулся на подушки.

В соседней комнате верховный визирь и евнух, лёжа на подушках, пили зелёный чай и по-стариковски сплетничали.

– Не бережёт себя наш господин, – тихо произнёс визирь. – Шестой десяток пошёл... Побережься бы...

– Кто откажется от такого лакомства, как маленькая Деляре? Только немочный, – шёпотом, улыбаясь почти беззубым ртом, произнёс евнух.

– Верно, Ибрагим-бей! Не мудрено, что беи и имя ему дали – Дели-хан⁴³.

Оглянувшись по сторонам, евнух захихикал и, как мог громко, прошамкал:

– Однако воевать наш господин умеет. Последний набег на неверных русские надолго запомнят. Великий воин наш

⁴³ Сумасшедший хан.

господин!

– Этого у хана не отнять: смелый, решительный, дай Аллах ему здоровья! – затем, придвинувшись поближе к собеседнику, зашептал ему на ухо: – Одно плохо, Ибрагим. Набег, кроме большого калыма и пленников, тревогу в моём сердце посеял. Зря хан это сделал. Теперь войска неверных у наших границ стоят. Боюсь я, уважаемый Ибрагим-бей, что русским наше варварство надоест – на Крым пойдут. А сможем ли мы остановить москвитов? И кто нам поможет? Блистательная Порта воюет с ними, не до нас ей. Ногаи?.. Вряд ли!.. У них свои проблемы, многие не хотят под турками быть – бунтуют ногайские улусы. Кто наведет там порядок и спокойствие? Не поверишь, ночами сердце болит от дум тягостных.

Евнух сокрушённо качал головой и бормотал:

– Аллах велик, он поможет!

Назри-бей не боялся открыто обсуждать с евнухом подобные проблемы: давно знали друг друга. Ибрагим-бей тоже делился с визирем не менее откровенными деталями интимной жизни своих государей. И как, чтобы провести ночь со своим господином, наложницы дрались между собой, намеренно царапая лицо или грудь соперницы, и как порой, девушки проводили пустую ночь по причине мужского бессилия хана...

За разглашение дворцовых тайн старики могли лишиться головы. Оба об этом знали, и это их сближало.

– Утром видел племянника государя нашего, Шахина. Говорят, в Италии учился он. Не знаешь, многоуважаемый Назри-бей, зачем он приехал?

– Скрытным господин наш стал. Может, и голову прикажет отрубить ему, чтобы сыновьям не мешал. А может, и милостиво отнесётся. Кто знает?.. Аллах, наверное... Благодарствую, уважаемый Ибрагим, что просьбу мою выполнил. Надеюсь, и сегодня шалунья наша на высоте будет.

Дверь открылась. Из ханских покоев вышла Деляре, и, конечно, чтобы подразнить евнуха, – с открытым лицом. Визирь ухмыльнулся. Ибрагим-бей укоризненно покачал головой.

Созерцая девичью свежесть и красоту, старики цокнули от удовольствия языками. Затем евнух кивнул своему товарищу, мол, а ты говоришь поберечься, как тут хану устоять?!.. Визирь с улыбкой развёл руками.

Простившись с визирем, величественным жестом Ибрагим-бей приказал красавице следовать за ним.

И было в этом жесте всё: и покорная вежливость, и осознание мужской ущербности, и зависть, и чувство своего превосходства над этим, по сути, ещё ребёнком. Подавляя эмоции, евнух злорадно подумал: «Сколько их было, этих красавиц... А сколько ещё будет?!..» – и с важным видом направился в сторону гарема. Деляре озорно кинула взгляд на визиря и, накинув паранджу, покорно последовала за евнухом.

Назри-бей не решился сразу после сладострастного сви-

дания хана доложить ему о племяннике. Знал – надо подождать.

Хан блаженствовал. Воспоминание о прелестях любимой наложницы и её готовности удовлетворять любые его прихоти совсем расслабило хана. Любовь?.. Нет, что-то другое. Эта девочка тронула его жестокое сердце, разбередила, заставила размышлять. Сердце хана, не знавшее жалости к другим, вдруг напомнило о себе. Оказывается, оно может болеть, страдать, радоваться...

Пламя одной из свечей закоптило, затрепетало – вот-вот погаснет, и хан с непонятной ему грустью глядел на угасающую свечу. На память пришли стихи Газайи⁴⁴, и он чуть слышно, почти шёпотом, продекламировал несколько его строк:

«...Ночью слезы, сна не зная, льет печальная свеча,
От страданья разгораясь, тает плавная свеча.
Понимая, что нет счастья без любимого лица,
Как израненное сердце, пьет отчаянье свеча...»

Впервые за свою жизнь Крым-Гирей почувствовал, что есть на свете близкие ему люди, которые по-настоящему любят его и никогда не предадут. Их не надо бояться, власть их не интересует. От непривычных мыслей хан расстроился.

«Возраст, наверное», – решил он.

Ближе к вечеру в сопровождении визиря Шахин предстал

⁴⁴ Крымский хан Гази II Гирей (1554-1607), выдающийся татарский поэт (псевдоним – Газайи).

перед дядей. Хан, как и предсказывал верховный визирь, был в благодушном настроении. Для встречи с племянником он даже встал с подушек. Едва заметным кивком головы визирь дал понять Шахину: мол, всё нормально – не переживай.

Поприветствовав хана и поблагодарив Аллаха за ниспосланное владыке Крыма здоровье, Шахин обнял царственно-го родственника. Крым-Гирей тоже приветливо похлопал племянника по плечу.

– Эким ты взрослым стал, Шахин. Вылитый отец в молодости, – милостиво проговорил хан. – А ты иди, Назри-бей. Принеси мне бумагу и печать мою. Указ писать будем.

Хан был в лёгком ярком шёлковом зелёном халате, в тюбетейке, расшитой разноцветным бисером, и не менее ярких шароварах. Без привычной чалмы грозный хан выглядел по-домашнему, и было видно, что он в хорошем благостном настроении.

Дверь открылась. Слуга внёс что-то покрытое накидкой. Хан удивлённо взглянул на племянника. Шахин загадочно улыбнулся и сдернул накидку. Перед взором хана представило сверкающее золотом деревянное сооружение, похожее на лодку.

– Вот, дядя, примите в подарок. Сие есть копия венецианской гондолы, – произнёс Шахин. – В Венеции много островов, такими лодками там все пользуются. Лодочники, их гондольерами кличут, песни на них поют, играют на музыкальных инструментах.

Хан недоверчиво поглядел на племянника. Он ощупал корпус, фигурку гондольера, длинное весло, даже в крошечную каюту попытался заглянуть.

– Гондола, говоришь. Таких много там?!.. Чудные лодки, – удивляясь необычной конструкции, произнёс хан. – Лодочники песни поют?!.. Хм... Как можно жить на островах? Смешные люди...

– Там другая жизнь, дядя. Много театров, прекрасных дворцов, товаров. В университете, где я учился, большая, пожалуй, самая большая в Европе, библиотека. Есть чему и нам поучиться у них. А ещё.., – Шахин вкратце рассказал о своей студенческой жизни в Венеции.

Хан подозрительно посмотрел на племянника. Ему не понравился его чересчур восторженный тон, однако он сдержался, не высказал неудовольствия.

– Ты многое познал, мальчик, хвалю, но знай: не всё то золото, что блестит. Надеюсь, свои знания на родине употребишь с пользой.

Кырым-Гирей отошёл от лодки и продолжил:

– Отец твой рано оставил нас, но на всё воля Аллаха! Пора, Шахин, и тебе заняться серьёзным делом.

Шахин облегчённо вздохнул: опалы не предвидятся. На щеках заиграл румянец, он выпрямился, на губах мелькнула улыбка. «Слава Аллаху!» – мысленно поблагодарил он Господа.

В это время вошёл визирь. За ним слуга внёс небольшой

деревянный ларец с письменными принадлежностями. Низко поклонившись, пятясь задом, слуга тут же покинул ханские покои. Назри-бей встал перед небольшим секретером, открыл ларец, достал бумагу, чернила и перо.

– Я готов, мой господин, – произнёс визирь.

– Так вот, Шахин! – не обращая внимания на визиря, произнёс хан. – Сераскером в ногайские орды хочу назначить тебя, – увидев удивлённые глаза племянника, спросил: – Что, не ожидал?..

Сердце Шахина гулко забилося. Он низко поклонился хану.

– Поезжай в Сарай-Джук⁴⁵, ногаи ждут. Не всё спокойно там. Улусы⁴⁶ хотят выйти из под опеки нашего высокочтимого султана, стремятся к самостоятельности. Многие несогласные бегут: кто в Россию, кто – в Порту. Недавнее восстание в тех местах – плохой пример для нас. Надеюсь, слышал об этом. Достопочтимый господин наш, султан Мустафа, гневается. Как считаешь, Назри-бей, справится мой молодой племянник на этом посту?

– Возраст не главное, мой господин. Ответственность огромная: от Дуная до Кубани. Соблазн властью – трудное испытание. В двадцать лет получить в полное подчинение массу людей, богатств, огромную территорию и не поддаться соблазну, не оступиться, не наделать глупостей, – это дано

⁴⁵ Малый Двор, столица Ногайской Орды.

⁴⁶ .Страна, область, район.

не каждому.

Хан одобрительно кивнул головой:

– Дело говоришь, Назри-бей. Власть не только соблазнительный, но и бремя забот, порою непосильное. Только глупый и нечестный стремится к власти ради власти, умный десять раз подумает, прежде чем дать согласие: понимает, что власть даётся Аллахом чтобы народу служить, а не только карманы набивать. Вот наш род Гиреев и несёт веками это бремя.

Визирь усмехнулся, но почтительно изрёк:

– Именно так, мой повелитель. Тут главное – не наделать глупостей, свойственных молодым людям. Ты, Шахин, многому научился в Европах, многое знать должен. Да, времена нынче трудные, непростые. Ногайские улусы хотят свободы. Их недовольство расшатывает устои нашего государства. Опять же, Турция начала войну с Россией. Султан, пусть Аллах бережёт его на радость подданных, требует не пускать русских в Крым. А для этого подавить нужно волнения в Ногайской Орде. Какие могут быть теперь распри между собой?.. Война вот-вот может начаться...

Визирь так и не ответил Кыргыз-Гирею на его прямой вопрос о пригодности племянника. Хитрый старик не хотел понапрасну рисковать. «Зачем?.. – решил он. – Если что, Гиреи сами разберутся. А он головы может лишиться». Хан не обратил внимания на хитрость визиря.

– Поезжай немедля, Шахин, разберись. В повиновении

держи ногайцев, никого не жалея, будь достойным нашего рода. Именем Аллаха карай отступников от веры нашей.

«Сны, кажется, сбываются...» – мелькнула мысль у Шахина. И вдруг неожиданно даже для самого себя он произнёс:

– Жестокость порождает страх, дядя. Страх многих толкает к необдуманным поступкам, в том числе и к спасению любой ценой, бегству к лучшей жизни. От страха отец проклянёт сына, брат встанет на брата. Страх и ужас превращаются в ненависть. И это опасно. Иногда, дядя, и жалость надо к подданным иметь.

Хан зло посмотрел на визиря. Назри-бей скрестил руки на груди и, словно извиняясь за слова Шахина, виновато покачал головой.

– Опасно?!.. Ненависть... страх... бегство... Ну и пусть бегут. Это хорошо, если боятся и страх имеют. А жалость... жалость не нужна. Страх одних – спокойствие другим, так мир устроен, Шахин. А что бегут с мест обжитых, где веру свою приняли... Аллах накажет их за это.

– Нет, великий хан! Не должны твои подданные бегать от мест, где веру свою приняли. Не должны они страх перед ней иметь. Аллах помогает всем, коль веру не предают. Всевышний в Священном Коране сказал: «Поистине, близким к Аллаху нечего бояться, и не станут они печалиться». Аллах наказывает только предавших его. Так Священная книга учит нас, правоверных.

На этот раз хан не выдержал, вспылил:

– Ну-ну. Этому тебя научили в Европах? Так знай! Любое государство развалится, коль у народа страха не будет. Не мной сие придумано, природой. Люди должны видеть силу своего государя и бояться. Да, да – именно бояться! Они должны внимать разуму его и, как Аллах наш учит, терпеть. Терпеть и подчиняться. Разум подданных, мой мальчик, на страхе держится. Не будет страха, не будет государства, – гневно закончил он.

Шахин заметил встревоженное лицо визиря и его осторожные знаки закончить опасный спор и решил больше не раздражать грозного родственника. Он стоял и смиренно слушал хана. А дядя говорил и говорил, но с каждой минутой интонация его голоса заметно теплела, гнев остывал... И всё же на последних словах нравоучительной речи хана «о народе должен прежде всего заботиться государь» Шахин, сам не понимая зачем, вдруг опять выпалил:

– Вот так и Россия, дядя. В страхе за своих жителей на южных границах, тех, что мы своими набегамы продолжаем разорять, царица русская с нами уже много лет воюет. И в конце концов Россия нас победит, она сильнее. В мире надо с русскими быть, дядя, и дружить! Много больше пользы будет.

– Дружить?!.. – опять взорвался Кырым-Гирей! – С неверными?!.. Пока я жив, ни один русский не будет хозяйничать на крымской земле, Шахин. Вот уже более трёх веков за нашей спиной – Великая Османская империя. Султан, да све-

тится имя его, разобьёт русских в этой войне, и мы вместе опять пойдём на Москву, как когда-то это делали наши предки. Аллах даст нам силы! Помяни моё слово. Опасны твои слова, племянник, очень опасны! Разгневанный хан замолчал.

Наступила тишина. Низко опустив голову, Назри-бей со страхом ждал заключительной сцены спора родственников. Ему показалось, что участь племянника была решена. Хан никогда и никому не прощал подобных разговоров. Никому...

Злость душила хана. Родной племянник, на которого он возлагал особые надежды, своими мыслями вызвал у него недоверие к себе. «Нельзя его назначать на столь ответственную должность, – решил он, – никак нельзя!»

И Крым-Гирей уже поднял было руку, подзывая визиря к себе, но... странное чувство тоски, одиночества и безысходности вдруг нахлынуло на него. Перед глазами возник образ Деляре, её гибкий стан, тихий шепот и преданные глаза. Хан медленно опустил руку.

Он посмотрел на племянника, честно пытаясь найти в его пылких словах разумное зерно, как правило, присущее молодёжи. В чём-то, возможно, он и был прав. Но одно то, что племянник оправдывает русских, снова его расстроило. Но и на этот раз свирепый Дели-хан сдержался.

«Выхода у меня нет! – с горечью подумал он. – Шахин долго отсутствовал и не успел примкнуть ни к одной враж-

дебной мне группировке. Уж племянник-то точно будет мне предан. И это – главное. Почувствует власть – забудет русских. Пусть успокоит волнения в Орде, а там я посмотрю, что с ним делать дальше», – решил хан и с некоторым облегчением вздохнул.

Кырым-Гирей опять подошёл к подаренной лодке, поднял её, любуясь плавными обводами корпуса, позолотой металлических частей, гондольером, и спокойным голосом произнёс:

– Ты выкинь из головы свои вредные мысли, не для этого я назначаю тебя на высокую должность, Шахин. примени знания, тобой полученные, с пользой для государства. Не подведи наш славный род Гиреев.

Затем он поставил гондолу на место, и резко приказал:

– Пиши, Назри-бей: «Владельцу сего именного указа, Шахин-Гирею, сыну хана Топал Ахмед-Гирея, повелеваю...» Дальше знаешь, как писать. Не забудь указать, чтобы ни в коем случае не ослушались ханы ногайские: войска Буржацкие и прочие привели Шахину в повиновение полное.

Шахин и сам испугался своей несдержанности и теперь стоял, смиренно склонив голову.

– Расстроил ты меня, Шахин, сильно расстроил, – грустно произнёс хан. – Одно оправдание: молод, неопытен. Поживи немного, многое поймёшь.

Кырым-Гирей устало махнул рукой.

– Утомился я. Иди, Назри-бей, заканчивай. И ты иди, Ша-

хин. Иди и помни, что я сказал. Да увидит Всевышний труды твои и наслѣт спокойствие на земли наши.

Низко поклонившись, визирь и Шахин покинули зал.

– Напугал ты меня, Шахин, – сказал визирь, когда они вышли от хана. – Зачем Россию вспомнил? Знаешь ведь, что дядя твой не любит русских. И чего вообще о них вспомнил?

– Да к слову пришлось, уважаемый Назри-бей. Выручили меня как-то в Венеции, сильно выручили одни парни. Как потом оказалось, русские это были. Не побоялись за меня в драку влезть.

– Что они в Италии-то делали? – пробурчал визирь.

– Доподлинно мне сие неизвестно, но слуга мой, Аскер, слышал разговор ихний, якобы некие Орловы по заданию царицы русской дипломатические связи приехали в Венецию налаживать. Как раз почти перед моим отъездом мы и встретились в таверне, – честно признался Шахин.

– Орловы? Ты ничего не путаешь, мой мальчик?

– Так их называла известная в Венеции личность, маркиз Маруцци.

– И ты с ними познакомился? – настороженно спросил визирь.

– Нет, близко не довелось. Однако русские – смелые, бесстрашные, слабых в беде не бросают. Уважаю таких...

Визирь с облегчением взглянул на Шахина, покачал головой и произнёс:

– Подожди немного. Ярлык подготовлю о назначении – и

в путь...

Затем степенно направился в свои деловые покои. Его жёлтый в зелёную полоску халат странным образом напомнил Шахину его собственный, порванный в драке в таверне «Греческий мост».

И вдруг Шахина осенило. Он понял, почему так неожиданно для себя начал опасно спорить с дядей. Нет, не только знакомство с русскими парнями дало ему эту решительность, нет... что-то другое. Видимо сны там, в Венеции! Именно в снах он мечтал стать владыкой Крымского ханства! И эта мечта всё время потаённо сидела в нём, зрела, ждала момента, и вот не удержалась и толкнула его вступить в спор с дядей.

Шахин закрыл глаза. Он понял простую вещь: сераскер Орды – конечная ступенька его роста. У Кырым-Гирея слишком много более близких родственников, только сыновей – четверо, плюс их дети... А значит, ханом ему не быть никогда. Без чьей-то мощной поддержки и силы ему не обойтись. Где она, эта сила? И уже знакомая мысль тут же вытолкнула из него слово.

– Россия!... – прошептал Шахин. – Россия набирает силу. Турция слабеет. В Крымском ханстве нет единства, прорусская оппозиция всё больше заявляет о себе.... Вот мой шанс, вот моё время!».

На ум пришли слова одного старого муллы: «Глина твоего сердца, мальчик мой, размягчена – время пришло. Верти

гончарный круг своей хитрости, лепи горшок замысла, ниспосланного Аллахом».

Шахин повернулся на восток. Он творил молитву. Он просил у Всевышнего одобрения его помыслов. И оно прозвучало, пусть и голосом верховного визиря. Шахин обернулся. За его спиной стоял Назри-бей.

Шахин напрягся. «Неужели я вслух говорил?.. Если так, дворец живым не покину, и Аскер не поможет», – испуганно подумал он.

– Молись, мой мальчик, молись. Как видишь, Аллах тебя поддерживает. За свою долгую жизнь я не часто встречал таких молодых сераскеров. Цени доброту нашего господина. Забыл спросить тебя: готов ли ты вскоре отправиться в путь? Если да, то я тотчас же отправлю в Сарай-Джук гонца к хану Орды чтобы тебя встретили с почётом.

Шахин облегчённо вздохнул.

– Конечно, уважаемый Назри-бей. Глина сердца моего размягчена, пора крутить гончарный круг замыслов нашего государя, дай Аллах ему крепкого здоровья и долгих лет жизни, – высокопарно произнёс молодой сераскер.

Визирь уважительно взглянул на родственника хана:

– Похвально, мой мальчик. похвально. Да воздаст Господь за усердие твоё полную чашу щедрот своих.

И он по-отечески напутствовал молодого сераскера словами: «Во взрослую жизнь вступаешь, Шахин. Будь осторожен! Храни тебя Аллах».

– Спасибо, уважаемый Назри-бей. Пусть Аллах и тебе пошлёт долгие годы жизни!

Хромая, Аскер подвёл Шахину коня.

– Ну как, хозяин? – с тревогой в голосе спросил он.

– Собирайся, Аскер! Мы едем на Кубань, к ногаям.

Осень 1769 года.

Нежаркое солнце клонилось к закату. Над поверхностью пыльной дороги нет-нет да и потянет холодным степняком, напоминая путникам о ночных холодах и поиске пристанища. К тому же время тревожное, на дорогах беспокойно, грабителей хватает: отголоски войны Турции с Россией докатились и до этих мест.

Караванщики подгоняли навьюченных животных, торопясь засветло разместиться в привычных для себя недорогих караван-сараях: помимо тепла, хоть какая-то защита от разбойников.

Один из караван-сараяев в окрестностях Сарай-Джука⁴⁷ (см. выше) отличался от множества других своим богатством и роскошью. Здесь не останавливались простые приезжие, и под навесами, портя воздух, до утра не вздыхали и не чесались грязные от дорожной пыли верблюды, не кричали ишаки, не ржали лошади. Выстроенный из настоящего кирпича, этот оазис восточной роскоши был как бы визитной карточкой ещё совсем недавно процветающей столицы(ставки) ногайской орды. Как правило, перед тем как въехать в столицу,

⁴⁷ Малый Двор. Находится недалеко от г. Атырау (Казахстан).

именно в этот караван-сарай стремились попасть уставшие после утомительной дороги богатые купцы и знатные уважаемые люди.

Вот и сейчас послышался медный мерный и печальный звон бубенцов. Мягкой поступью во двор вплыл караван из нескольких верблюдов: трое татарских купцов прибыли на постоя. Тюки с товаром слуги хозяина караван-сарая живо разгрузили в амбары, животных увели в специальное помещение.

В ожидании обильной трапезы гости возлежали на мягких шелковых подушках перед достарханом, заставленным фруктами и сладостями, разложенными на тарелках из чёрной глины и в вазах с росписью из разноцветных эмалей и золота.

Смакуя маленькими глотками душистый зелёный чай, купцы не спеша вели беседу с хозяином караван-сарая, выслушивая от него последние новости и сплетни здешних мест. За невысоким забором под навесом находилась кухня, оттуда шёл аппетитный запах приправ и жареного мяса.

Из топков, на которых стояли каменные изящно оформленные хорезмийские котлы, шёл дымок, и при слабом дуновении ветерка в сторону компании он добавлял к аппетитным запахам неповторимый привкус степного костра. Гости с нетерпением поглядывали в сторону кухни, особо не вникая в суть торопливой, порой бессвязной речи хозяина. Голодные и уставшие купцы зевали и перекидывались меж-

ду собой короткими фразами. Но при упоминании хозяином главной новости последних дней гости встрепенулись.

– Не ослышался ли я, уважаемый Саид, что сераскер Шахин-Гирей добровольно оставил свою должность и отбыл в Бахчисарай? – удивлённо произнёс пожилой татарин.

– Странно слышать сие известие. Ведь он совсем недавно, в прошлом году, кажется, занял эту высокую должность. Мы с ним разговаривали, когда последний раз были в вашем городе. Умный господин, в Европах, говорят, учился, пошли ему Аллах здоровья и процветания. Насколько я знаю, справедливая строгость и честность снискали ему уважение старшей знати, военачальников. Люди полюбили его. Он большой вес приобрёл в Орде. Что же случилось с ним?

– Да хранит вас Аллах, господа, вы не ослышались, это так, – польщённый вниманием, уже важно, степенно произнёс Саид.

Чайханщик принял позу важного человека, с которым считалось бы за честь побеседовать о разных делах: о ценах на сено, соль и вообще вести умные беседы. Однако, несмотря на важную позу, его блудливый, как у всех держателей подобных заведений взгляд портил всё дело – выдавал в нём обычного плутоватого торговца. Купцы знали Саида, привыкли и не обращали на его метаморфозы внимания.

– Совсем недавно, на днях, – продолжил Саид, – длинный обоз с гаремом сераскера, пожитками и слугами прошёл мимо меня. Его хромой слуга, Аскер, забежал ко мне за горячи-

ми лепёшками. Причины ухода Шахин-Гирея мне, конечно, неизвестны, но поговаривают... – Саид пугливо посмотрел по сторонам и почти шёпотом продолжил: – После смерти его дяди, хана Кырым-Гирея, новый хан не очень-то жаловал нашего сераскера. А ещё поговаривают, Шахин-Гирей не захотел участвовать в войне с Россией и добровольно оставил свою должность.

Хозяин караван-сарая опять посмотрел по сторонам и уже более громко закончил:

– Так говорят, уважаемые, а уж как оно на самом деле одному Всевышнему известно. Да будь славен Аллах в ваших сердцах.

Гости притихли. Всё тот же пожилой татарин, поглаживая бороду, задумчиво, как бы рассуждая, высказал своё мнение:

– Понять Шахин-Гирея можно. Наш уважаемый хан Кырым-Гирей умер неожиданно, вечный покой ему на небесах, оставил своих сыновей и племянника без поддержки в такое смутное время, но на всё воля Аллаха. Что не захотел воевать с неверными, Аллах накажет Шахина. Но и то правда, – пожилой купец понизил голос до шёпота, – не все татары и ногайцы едины в желании своём, чью сторону принять. Червь сомнения в сердцах многих; одни хотят остаться под Турцией, другие – жить в свободе, третьи – благоволят русским. Поди тут, разберись. Может, и прав Шахин-Гирей, что не стал ввязываться в эти разногласия: опыта у него мало-то.

– А может, и другая причина имеется, о чём мы не догадываемся, – многозначительно произнёс один из гостей.

Купцы переглянулись и, сложив руки в молитвенной позе, одновременно тяжело вздохнули. Молчавший до сих пор третий купец осуждающе произнёс:

– Султан Мустафа, да хранит его Аллах, напрасно ввязался в эту войну с руссами, не готов он к ней. Непомерная гордыня помешала ему реально оценить силы свои. Руссы бьют османов, на очереди – Крым.

Наступила тишина. Каждый мысленно оценивал для себя последствия войны. Словно подводя итог общих размышлений, пожилой купец удручённо пробормотал:

– Сераскеры Румянцев-паша и Долгорукий-паша знатно воюют. Знакомый мой в Фокшанах много товара потерял из-за военных действий. Ты, уважаемый Саид, готовь на всякий случай щи и каши. Они, – купец почему-то поднял свой палец вверх, – не пьют зелёный чай, учти это, уважаемый Саид.

Слуги внесли кушанья. Разговор затих. Помолившись, купцы приступили к трапезе.

1770 год. Бахчисарай.

Ханский дворец.

Со скрипом открылась дверь в подвал. Слабый свет снаружи выхватил из темноты небольшого подвального помещения потолок с редкими деревянными балками, мрачные, мазанные глиной стены и троих, лежавших на полу под ворохом одеял арестованных.

Хмурый охранник молча поставил возле двери очередную порцию еды: лепёшка с козьим сыром и кувшин с водой. Затем постоял немного, с неприязнью оглядел пленников, после чего хмыкнул и, не сказав ни слова, вышел, захлопнув за собой дверь. Снаружи раздалось клацанье металлического засова.

В подвале опять установилась звенящая тишина, нарушаемая лишь звуком падающих с потолка в широкую глиняную миску капель влаги. Один из арестованных поднял голову, прислушался. «Судя по звуку, миска почти наполнилась, надо вставать», – решил он и похлопал лежащего рядом соседа.

– Подъём, господа, завтрак подан, – зевая, сонно произнёс он.

– Али-ага⁴⁸, уважаемый Мелиса-мурза⁴⁹, просыпайтесь. Кстати, кто мне скажет, какой по счёту день нашего заточения?

– Если не ошибаюсь, господин Мавроени⁵⁰, то третья неделя на исходе. Скоро как кроты в темноте будем видеть, – сбрасывая с себя халат, простуженным голосом ответил Али-ага.

Рядом зашевелился третий арестант – Мелиса-мурза.

– Свинство, конечно, со стороны князя Долгорукого по-

⁴⁸ Поверенный от ногайской Джамбулуковской Орды.

⁴⁹ Брат лидера Эдисанской Орды, верного союзника России, Джан-Мамбет-бея.

⁵⁰ Переводчик при штабе командующего русскими войсками князя Долгорукого.

сылать нас на переговоры к Селим-Гирею⁵¹, тем более, что его нет на месте, господа. Свинство!.. О чём думал генерал? Ясно же было с самого начала: хан не будет с нами разговаривать о мире с русскими, а тем более, о независимости Крыма. Ему турки голову отрубят в два счёта за такие дела. Вот и результат – нас арестовали. Действительно, как кроты в норе сидим. А теперь... поди знай, что с нами будет! Хана нет, а калга подозрительно долго решает нашу судьбу. Помощи ждать неоткуда: нашим сторонникам в Крыму не до нас, надежда только на ногайцев. Так ведь уважаемый Али-ага?

– Может и так, да вряд ли ногаи помогут, беспокойно и там: своих проблем хватает. И потом, господа, нас Долгорукий посылал на переговоры не только порядочности своей ради, мы и сами решили попытаться уговорить хана, дабы меньше крови было. А русский генерал, конечно, приветствовал сию затею. «Попытка не пытка», помнится, сказал он.

– Может, так и было, спорить не буду. А что же с нами..., как думаете, господа? – задал вопрос Мелиса-мурза.

Коллеги молчали. Скорее всего, пожали плечами (в темноте не видно), не зная ответа. Переспрашивать Мелиса-мурза не стал, догадывался, почему молчат. Усмехнувшись, продолжил:

– Тревожное чувство у меня, господа, и оно вам наверняка не понравится. Он сделал длинную паузу, затем печально

⁵¹ Крымский хан.

произнёс: – Казнить нас могут. Некому за нас заступиться.

И потом, господа парламентёры, даже если и согласился бы Селим-Гирей уйти от протектората Турции и с русскими мир подписать, а в это чудо я не верю, будет ли Крымское ханство самостоятельным? А?!.. Не верю, господа! Не верю, что сами жить сможем мирно меж собой. Нам плётка нужна, дабы дурь из голов мурз и беев выбивать нещадно. Так и мой брат думает.

– Это почему же? – заносчиво возразил Али-ага. – Хаджи-Гирей I ещё триста лет назад смог же все улусы объединить, и жили они самостоятельно, пока турки не пришли. Пусть совсем недолго, но ведь были же когда-то самостоятельны...

– Вот-вот, были! А почему? Ответ простой, уважаемый Али-ага. После Золотой Орды нашей независимости от силы на пятьдесят лет хватило, ну, максимум, семьдесят. А потом опять каждый бей возомнил себя крымским ханом. Распри, кровь, недоверие друг другу... Было это, господа, было! Не смогли наши предки в нужный момент супротив султана турецкого объединиться. Вот и захватили турки Крым. А вам известно, что поначалу турки вели себя весьма корректно. Довелось мне как-то читать самый первый договор между ханом Хаджи-Девлет-Гиреем I и турецким султаном. Так вот, коль не ошибаюсь, второй пункт договора гласит: крымский хан избирается самим народом Крыма из Гиреев, по прямой линии потомков Чингиз-хана. Вот так вот: татары потом сами государя себе выбирали. И султан не возражал,

потому как относительный мир при этом был среди крымчаков. Мир... И этот пункт – плохо ли хорошо, действовал около тридцати лет, пока жил сам Хаджи-Гирей, а потом и при его сыне старые порядки ещё кое-как держались. А по смерти сына Менгли-Гирея, в Крыму беспорядки уилились. Кому это понравится?!.. И что туркам оставалось делать?

– Известно что... – подал голос переводчик Мавроени.

– Правильно, самим назначать ханов, что и делают турки по сей день.

– Конечно, желание есть – быть независимыми, чтобы и турок, и русских над нами не было. Никого!.. Да только одни страшат карами, другие посулы всякие предлагают. Я в переговорах во многих участвовал, знаю, – вставил Мавроени.

– Пустые это обещания, господин Мавроени. Царица свои позиции на Кавказе и Дунае хочет закрепить, вот ей мир и нужен А у нас другая задача: крови поменьше, – возразил Али-ага.

– А что же в этом плохого, господин Али? У каждого свои цели, господа, – произнёс Мелиса-мурза. – Глупые люди – татары?!.. Не понимают, что императрица Екатерина не завоевать нас хочет, а в мире с самостоятельным крымским государством соседствовать и торговать. Надоели ей мы, устала Россия от наших разбойных набегов. Так что вы правы, господин Али-ага, ей мир, действительно, нужен... мир! И повторяю: не вижу в том ничего плохого! А воевать Россия умеет – турок знатно бьёт. Кстати, господа! Одна у нас на-

дежда всё-таки есть: наш бывший сераскер Шахин-Гирей. К русским хорошо относится. Помнится, добровольно оставил свою должность, когда надо было воевать с русскими войсками. По моим сведениям, он как раз в Бахчисарае должен быть и хочется думать про наш арест знает.

Неторопливый говор Мелисы-мурзы, как всегда, внушал уважение.

Как и его брат Джан-Мамбет, он был сторонником сближения с Россией и отделения Крыма от Турции. Крымский хан был недоволен братьями, но казнить не мог: ссориться с ногаями опасно.

Именно этого и боялся сейчас Мелиса-мурза. Знал неуравновешенный характер калги Мухаммеда, и что брат не простит его смерти: расправа с крымскими татарами в ногайских степях обеспечена. А там недалеко и до открытого выступления ногаев против крымского хана. А это опять война...

Голос Мелиса-мурзы звучал спокойно, уверенно, словно говорил он не в грязном тёмном подвале, ожидая смерти, а выступал на базарных площадях перед своими единовецами. Однако на этот раз в его интонации коллеги уловили тревожные нотки.

– Казнят... Хм... Большую глупость сделают. Чем не повод для русских войск войти в Крым, а? Убийство представителей мирной делегации... Лучшего повода трудно сыскать. Может, потому и согласился князь Долгорукий? – с трудом

вставая и кряхтя, произнёс Мавроени.

Осторожно передвигаясь в темноте, он сделал несколько шагов в сторону двери и не рассчитал: наступил на миску с водой.

– Плохой признак, господа, плохой. Аллах знак нам подаёт... Молиться надо, – прошептал Али-ага.

Арестанты встали на колени и зашептали молитву.

Ближе к ночи отряд ногайской конницы скрытно подошёл к окраинам Бахчисарая. Командир полка, Аскер, дал команду всем спешиться. Не разжигая костров, отряд расположился на ночлег...

Ханский сад – прекрасный сад. Диковинные плоды зрели здесь на раскидистых, пышных деревьях – абрикосы, сливы, инжир, померанцы и много других плодов. Воздух наполняли райские ароматы роз, лаванды, левкоев. Струились фонтаны, в мраморных бассейнах плескались золотые рыбки. Повсюду висели серебряные клетки, в которых чирикали, свистели и щебетали на разные голоса иноземные птицы.

Мимо всей этой красоты ханские сановники и члены Дивана равнодушно проходили мимо, ничего не видя и не слыша: мысли их были заняты другим.

Шаркая туфлями по дорожкам, хмурые, они входили в ханский зал заседаний, разнося песок по великолепному ковру с причудливым красно-сине-зелёным рисунком.

С мрачными мыслями вельможи занимали свои места на низких диванчиках, покрытых коврами, – сетах. Без обыч-

ного благолепия и показного восхищения взирали они на богатый интерьер зала с резным деревянным потолком и красно-золотым изображением солнца посередине; на окна с цветными витражами и стены, расписанные прямо на штукатурке видами Стамбула. В душах крымских вельмож не было обычного покоя, там поселилась лишь тревога.

Слуги разносили курильницы, зелёный чай в пиалах, на низких столах лежали сладости и фрукты. Ночная прохлада ещё не успела выветриться, в зале стояла прохлада.

Но это было утром. Теперь солнце катилось к закату. Открытые окна не спасали от накопившейся за день духоты.

В зале стоял шум. Члены Дивана и старейшие всех бейликов Крыма спорили, решали судьбу делегации, неожиданно заявившейся в Бахчисарай по поручению командования русской армии. Русские предлагали мир.

Хан Селим-Гирей отсутствовал: по требованию турецкого султана он организовывал на Перекопе оборону Крыма. Заседание Дивана возглавлял калга Мухаммед-Гирей. Он был зол и внутренне растерян.

Его решение казнить всю делегацию, дабы неповадно было другим предлагать мир с русскими, совсем неожиданно вызвало протест у части присутствующих. Это было странно, это и бесило калгу. Опять споры, споры... День заканчивался. Все устали.

Чтобы успокоиться, Мухаммед демонстративно отвернулся и хмуро смотрел из открытого окна во двор, где не шелох-

нувшись, стояли вечнозелёные кипарисы, по мощённой камнем территории лениво прохаживались стражники: некоторые в нарушение дисциплины болтали с проходившей мимо них прислугой. Из труб кухонь курился дым: тихо, спокойно, всё как обычно... Калга перевёл взгляд на небо надеясь, как часто делал в детстве, увидеть последний лучик солнца. Дождя! Красный отблеск небесного светила вспыхнул и потух.

Мухаммед нехотя повернулся к залу. Всё сразу посерело, будто паутина, спустившись из всех углов, заполнила и заткала пространство зала серой сеткой. Только что виденная им привычная картина мирной жизни расстроила его ещё больше.

Мухаммед-Гирей усмехнулся: – Мирная... если бы так, – зло прошептал он и с ненавистью оглядел присутствующих.

Стоял шум, пахло кофе и потом. Какой по счёту раз за день слуги разносили очередные чайники с горячим чаем и кофе. Лбы мудрецов были влажны, речи раздражённые. На него, калгу, никто не обращал внимания.

В самом углу мурза Казаскер-эфенди о чём-то спорил с Шахин-Гиреем, представляющим народы ногайских улусов.

«Весьма опасный тип этот Шахин, всё к русским тянется. Не зря он бросил должность сераскера: не захотел воевать с ними. Стража доносит, вроде бы видела на окраине Бахчисарая неизвестную конницу. Говорят, ногаи в поддержку Шахин-Гирея примчались. Для каких целей? Почему хан и я

об этом не знаем? Что он о себе возомнил, что задумал?.. – с раздражением размышлял калга, наблюдая за спорящей парочкой. – Эти двое, самые опасные, спят и видят, как бы от Блистательной Порты избавиться. Интересно, о чём спорят?». Он прислушался, но из-за шума не смог разобрать слов.

Члены Дивана и приглашённые, разбившись по группам, шептались между собой, изредка бросая косые взгляды в его сторону, и, как показалось Мухаммеду, насмешливые. Это разозлило его окончательно.

Он подошёл к одной из стен, где на ковре, подаренном купцом из Ирана, висели кривые сабли, снял одну из них и резко выхватил её из ножен. Зловещий металлический звук заставил всех насторожиться.

Губы Мухаммеда дрогнули в злорадной ухмылке, злость продолжала кипеть в нём. Встав посередине зала, он, словно хотел кому-то отсечь голову, взмахнул саблей. Наступила тишина.

Тяжёлым взглядом Мухаммед-Гирей оглядел представителей крымской знати. Многие глубже втянули головы в халаты: непредсказуемый характер калги все знали. Удовлетворившись произведённым эффектом, калга с тем же металлическим шумом забросил саблю обратно в ножны.

Повесив оружие на место, он резко развернулся и сел в своё кресло. Устремив взгляд в сторону представителя ногайских племён, Мухаммед заносчиво произнёс:

– Народ наш, уважаемый Шахин-Гирей, не нуждается в покровительстве русских: спокойно и сыто живёт он под дла- нью Блистательной Порты. Да ниспошлёт Аллах султану здо- ровье и процветание.

Шахин-Гирей на слова калги усмехнулся и что-то на ухо прошептал Казаскер-эфенди.

– Говорил я вам также, уважаемые члены Дивана и осталь- ные господа, про решение хана нашего, – продолжил калга. – Никаких переговоров с русскими иметь нельзя. Помнится, после смерти Кырым-Гирея русская царица уже предлагала заключить с ней договор о мире и забыть Турцию: хотела она видеть Крым независимым, свободным...

Калга оглядел притихших вельмож.

– Мы не пойдём на это. Таков был ответ Кырым-Гирея верному псу русской царицы, канцлеру Панину.

Калга развернул свиток.

– Я зачитаю его:

«Объясняешь, что твоя царица желает прежние вольно- сти татарские оставить, но подобные слова тебе писать не должно. Мы сами себя знаем. Мы Портою совершенно во всем довольны и благоденствием наслаждаемся. А в прежние далёкие времена какие междоусобные брани внутри Крым- ской области беспокоились происходили, всё это пред светом явно; а потому прежние наши обыкновения за лучшее нам представлять – какая тебе нужда? В этом твоём намерении, кроме пустословия и безрассудства, ничего не заключается».

Мухаммед оглядел притихший зал.

– Народ наш крымский не хочет мира с русскими, не хочет лишиться покровительства султана. Хан Селим-Гирей добудет победу на Перекопе, не пустит в Крым неверных.

Он сделал паузу, прислушался... Гнетущее молчание, подобно тому, какое бывает перед свирепой бурей, его настрожило. И не зря...

Все вдруг разом заговорили, загалдели, словно торговцы на базаре, заведев сборщика податей.

Калга поднял руку. За дверью забряцала оружием дворцовая стража; шум в зале несколько притих. И через минуту в знак поддержки решения Мухаммеда некоторые члены Дивана согласно закивали головами, остальные в нерешительности разводили руками, но уже открыто не возражали.

Калга продолжил:

– Вам решать судьбу государства нашего, многоуважаемые члены нашего собрания. Думаю, вы поддержите решение хана. Более посланцев от русских не принимать, а которые приедут – вешать на позор России. Не пользу они приносят, а лишь возмущение народа. Властью, данной мне, повелеваю: тех, что сидят в подвале, сжечь живьём, как предателей. Переводчика – повесить: он исполнял свои обязанности. Таково моё решение, да светится имя Аллаха, да ниспшлёт он мир и покой нашей земле! Согласные с моей волей, встаньте, – и сам встал первым.

И вот, не торопясь, тяжело вздыхая, один за другим ста-

ли подниматься участники совещания. На лице калги появилась довольная, едва заметная улыбка.

Неожиданно раздался голос. Это заговорил Шахин-Гирей.

– Постойте, уважаемые члены Дивана... – произнёс он прерывающимся голосом, как человек, который от ярости не владеет собственными чувствами.

– Нет, уважаемый Мухаммед, во вред народа слова ты говоришь. Не все татары согласны, не все в сытости и благодати живут, многие в великой скудности в пропитании и лошадях находятся. Татарское общество желает с Россией в дружбе быть, да бояться султана турецкого и хана нашего.

– Против мы твоего решения, Мухаммед-бей, – поддержал Шахина мурза Казаскер-эфенди.

– Предатели! – закричал калга. – Изменники!

Дрожа от ярости, Шахин-Гирей продолжил:

– От гибели наших пленников большого урона Россия не поймёт, зато, ежели турецкий султан помощи Крыму не окажет, а они на Дунае терпят поражения, то от России нечего ждать милостей. Подмоги от Ногайской Орды ждать тоже не приходится. Кто поможет нам? Кто?

Шахин обвёл взглядом зал заседаний. Испуганные явным противостоянием двух влиятельных господ, все молчали, опустив низко головы.

– Если ты, Мухаммед, не отменишь своё решение, я сам силой освобожу пленных и доставлю их к русским. Верный

мне полк ногайцев стоит возле Бахчисарая. Я всё сказал, – завершил свою пылкую речь Шахин-Гирей.

Присутствующие замерли. Подобных заявлений давно не было в этом зале. Все ждали ответного слова калги.

– Татарское общество желает с Россией в дружбе быть, да боятся султана турецкого и хана нашего? Это говоришь ты, Шахин? Не много ли берёшь на себя? Почему за всех речь держишь? – вне себя от гнева закричал Мухаммед.

– В Священном Коране сказано: «Если мусульманский народ осмелится нарушить свою присягу отступлением от единоговерного государя и передаться иноверной державе, то навеки должен быть проклят!» Так говорит Священная книга. Господа! Татарский народ не будет проклят. Он будет верен своему государю!

– Врешь ты всё, Мухаммед! Бесстыдно и нагло! Уста твои скрывают правду, изрыгают ложь, ибо в Коране сказано и другое. Пропустил ты целую фразу, аль забыл сказать: «Если же предвидится неминуемая гибель народа, то нужда закон сей переменяет и нарушить присягу можно». Это слова Аллаха! Я всё сказал, пусть слово своё скажут уважаемые мурзы. Не добавил ли я чего лишнего?

Убелённые сединами мурзы заёрзали на сетах, но в знак согласия с Шахин-Гиреем закивали головами.

– Шахин-Гирей, верно говорит, – произнёс самый старый, самый уважаемый мурза. – Так начертано в Коране.

– Коль казним парламентариев, пощады от русских войск

нам ждать не придётся, – поглаживая бороду, стал говорить другой мурза. – Прав, наверное, уважаемый Шахин-Гирей. Не след раздражать русских. Отмени, Мухаммед, своё решение, многие жизни спасёшь. А как дальше будет?.. Время покажет... Аллах велик, не бросит он своих подданных.

Калга растерянно оглядел зал. Согласные с его решением, потупив взгляд, молчали. Несогласные – не обращая внимания на него, шумно переговаривались с Шахин-Гиреем. Мухаммед резко развернулся и покинул зал. За его спиной раздались одобрительные возгласы.

Прошло два дня. Пленников освободили. Заросших, грязных членов делегации у входа в подвал встречали Шахин-Гирей и его коллеги. Щурясь от яркого света, Мелиса-мурза воздел руки в молитвенной позе, встал на колени и зашептал слова благодарности Аллаху. Его примеру последовали остальные парламентарии.

Закончив молитву, Мелиса-мурза встал и низко поклонился всем. Затем подошёл к Шахин-Гирею и обнял его.

Армия князя Долгорукого на Перекопе разбила войска Селим-Гирея. Из рабства были освобождены более десяти тысяч русских людей. Прибывшая в Кафу турецкая помощь тоже была отбита. Остатки турецкого десанта покинули берега Крыма. Крымцы смирились со своей участью и согласились стать независимым государством. Начались переговоры с русским командованием. Во время этих переговоров хан сбежал в Стамбул и крымский престол стал избира-

рательным.

По всему ханству шли бесконечные и местами весьма бурные споры как обустроить свою жизнь в новых условиях. И что удивительно, на это время в Крыму прекратились кровопролитные стычки, простые татары радовались, они ждали лучшей жизни. Наконец, текст мирного договора Крымского ханства с Россией был согласован.

В конце июля 1772 года в Карасубазаре собралось великое собрание крымской знати: ширины, знатные мурзы, депутаты от ногайцев, представители всех бейских династий, делегаты всех крымских городов и посёлков. Собрание выбрало одного из братьев Шахин-Гирея Сагиб-Гирея ханом, а самого Шахин-Гирея калгаю крымского ханства. С российской стороны договор подписали князь Долгорукий и генерал-поручик Щербинин, с крымской – новоизбранный хан Сагиб Гирей II.

23 января 1773 года сей договор был подписан Екатериной II.

Так возникло новое независимое государство, союзное с Россией, Татарская область. Мечты Шахин-Гирея постепенно стали сбываться.

Турция конечно была против, однако, забегая вперёд, можно сказать: через два года благодаря победам русских войск на фронтах Порты была вынуждена признать независимость татар, подписав 10 июля 1774 года Кючук-Кайнарджийский договор.

Для засвидетельствования дружбы и доверия между Россией и Крымским ханством по поручению хана Сагиб-Гирея, в августе 1772 года, имея при себе присяжный лист⁵² калга Шахин-Гирей в составе татарской делегации отправился в Петербург с представительской миссией. Екатерине II симпатичный, к тому же европейски образованный татарин понравился. Она предложила ему своё покровительство. И Шахин-Гирей принял это предложение.

Нахождение татарской делегации в столице обошлось российской казне недёшево. Однако все эти расходы Панина не смущали, и в письме своему посланнику в Крыму Никита Иванович писал: «Шахин-Гирей к восприятию всяких понятий неспособным не видится, и коль устоит в своих обещаниях, кои он сделал, и, расставаясь со мной, то кажется за пользою и содействовать нам будет, чтоб грубых татар разумить о прочности нашего с ними союза».

Дорогой читатель! Столь подробное описание студенческих лет Шахин-Гирея в Венеции, последующих за тем событиям, связанные с его неожиданным возвышением, крайне необходимы. Получив мощную поддержку со стороны России, впитав в себя европейские манеры, привычки, знания, будущий хан Крыма всем сердцем захочет переустроить застоявшийся от времени уклад общественной жизни своей родины – Крымского ханства.

⁵² Трактат о независимости Крымского ханства и условия мирный договора между государствами: Крымским ханством и Россией.

А пока Россия воюет с Портой. На огромной российской территории происходят разные события и в дыму сражений, грохоте пушек появляются новые герои. И судьбы некоторых из них, удивительным образом переплетутся с Крымом. Наши герои встретятся.

Григорий Потёмкин, движимый желанием отличиться на военном поприще покидает спокойную жизнь в столице и едет добровольцем на турецкий фронт.

О том, что из этого получится и как сложатся судьбы наших героев, вы узнаете из дальнейшего повествования.

Потёмкин на фронте

2 января 1770 года. Село Тыну.

Штаб русской армии.

Война с турками продолжается. Русские войска успешно ведут активные действия на Дунайском фронте. В «Санкт-Петербургских ведомостях» лестно пишут о генерал-аншефе Румянцеве.

Потёмкин в это время занимает разные светские должности в столице, но завидует славе генерала. Потёмкин понимает, что настоящая известность к нему может прийти только оттуда, с фронта. И он подаёт прошение на имя государыни с просьбой отправить его на фронт добровольцем. Императрица Екатерина Алексеевна милостиво разрешает.

С чиновничьей жизнью в столице покончено. Камер-юнкер Григорий Потёмкин покидает столицу и волонтёром уходит на фронт...

Укрывшись шубами, Потёмкин спал. Ему снился сон. ... Екатерина медленно входит в храм, рядом с ней – Орловы, Дашкова, Панин с мальчишкой на руках. Ревёт толпа, гремят церковные колокола. Среди толпы в красном мундире стоит военный, в руках у него окровавленный палаш, он что-то кричит, задыхается...

Сани резко трягнуло и завалило на край: одно из полозьев наскочило на смёрзшийся ком земли. Кони заржали и попы-

тались остановиться, но инерция тяжёлых саней сделать этого не позволила – оглобли толкали коней вперёд...

От толчка голова Потёмкина дёрнулась, он проснулся. В его ушах ещё продолжал звучать рёв толпы. Перед глазами – образ императрицы, расплывчатые фигуры священнослужителей. В военном Потёмкин узнал себя.

– Приснится же, – пробормотал он.

Осторожно поправив утеплённую повязку на глазе (травмированный несколько лет назад глаз требовал тепла), Григорий недовольным взглядом внезапно разбуженного человека оглядел пространство вокруг себя: снежная гладь до самого горизонта – с одной стороны, верстах в трёх от дороги гряда невысоких гор – с другой. Словно исполинские грибы, редкие постройки под снеговыми шапками... Скоро штаб.

Сладко зевнув, генерал-майор Потёмкин поёжился и опять с головой нырнул под шубы – досмотреть сон. Но, как ни пытался, сна не было: прошлое исчезло. Потёмкин лениво стал размышлять, как бы половчее разжалобить интендантов и побольше выбить ядер и пороху.

Сани опять сильно трянуло. Лошади заржали и остановились – шлагбаум. Григорий Александрович нехотя сбросил с себя шубы.

Дверь в комнату, где располагался командующий, приоткрылась. В очередной раз зацепившись саблей за косяк двери, в неё протиснулся адъютант. Его грузная фигура вытянулась по стойке смирно. Генерал-аншеф граф Пётр Алексан-

дрович Румянцев усмехнулся: «Весь в отца, паразит! Такой же неповоротливый. Интересно, как же он саблей-то махать будет, ежели что?»

Румянцев уже привык к неуклюжести отпрыска своего товарища по разгульной жизни в молодости и не обращал внимания на его неловкость.

– Что у тебя? – спросил он.

– Генерал Потёмкин аудиенцию просит, Пётр Александрович.

– Потёмкин?!.. Тот, что пулям не кланяется? – переспросил граф. – Чего хочет?

– Жалуется, боеприпасов, говорит, маловато.

– Обоз отправили в Фокшаны?

– Ещё вчера, как вы велели.

– Ладно, зови, – кряхтя, вставая с кресла, пробурчал командующий.

Уже возле самой двери адъютант, зная о вздорном нраве своего начальника и, как все фронтовые офицеры, пренебрежительно относясь к столичным выскочкам, язвительно произнёс:

– Ваше высокопревосходительство, этот Потёмкин на санях, под шубами, словно барин, примчался. Сразу видно, столичная штучка.

Румянцев пожал плечами, подошёл к печке и подбросил несколько поленьев. Дверь открылась.

Пригнувшись, «столичная штучка» вошла в комнату.

Вместо приветствия Румянцев пробурчал:

– Ты, Потёмкин, не дури, охолони немного. Пошто под пули на рожон прёшь? Не ровен час... Эк, моду взяли стоять под обстрелами.

– Ваше высокопревосходительство, так не можно было па-
дать. Грязь кругом. Хорош командир, ежели мундир в грязи.

– Зато башка целая на шее торчать будет, много больше пользы принесёт. Мундир, что? Почистишь. А солдаты?!.. Солдаты, не боись, поймут.

Заложив руки за спину и продолжая ворчать, командующий медленно расхаживал по комнате; пол под тучным телом скрипел на разные тона. «Трр... трр... трр...» – разговаривали между собой половицы.

В помещении было тепло и пахло дымом. У стенки стояла печь, рядом – горка поленьев. Из топки, видимо, от сырых дров, раздавался сильный треск. «Дым, треск выстрелов, скрипы – поле боя какое-то», – боясь пошелохнуться, подумал Потёмкин.

Повязку с повреждённого глаза Григорий снял: на людях не носил – стеснялся, и здоровым глазом старался держать в поле зрения фланирующего перед ним командующего армией.

А Румянцев продолжал расхаживать. Разнотонный скрип половиц не прекращался, зато треск в печи поубавился: дрова разгорелись.

Генерал-аншеф критически и, что скрывать с некоторой

завистью, разглядывал молодого столичного красавца. Его возраст уже позволял ему брюзжать на молодёжь и выискивать у неё недостатки.

«Выправкой не блещет. Одет не по уставу, – оглядывая с ног до головы Потёмкина, определил командующий. – Но, подишь ты, воует справно. Князь Голицын лестно о нём отзывался: «...Потёмкин хоть и камергер двора⁵³ его императорского величества, да славно воует. Под Хотинном себя показал. Устав уставом, да головой думает, а это весьма похвально. Солдаты до сего времени еще не действовали с такой выучкой и мужеством, как в сей раз под командой онного генерал-майора.

Кстати, императрица глаз положила на этого молодца. Ты это учти, Пётр Александрович, сам понимаешь...» – сдавая начальствование над армией, на прощание сказал он мне. Хм... не мудрено, с такой-то внешностью».

Румянцев ещё раз внимательно оглядел статную фигуру генерала. «Ну чем не светский кумир? Красота и ум – дело редкое. А тут, надо ж, совпало. Вот и генерал Подгоричани хвалебно о нём докладывает, а он-то врать не будет, возраст не позволяет. А поди, убьют этого Потёмкина... Кто отвечать станет? Ох... прислал же Петербург на мою голову этого щёголя. И всё же что с ним делать?»

Командующий подошёл к двери, открыл её, задумчиво посмотрел на адъютанта, но, видимо, передумал и закрыл

⁵³ Соответствует воинскому званию генерал-майор.

дверь обратно.

– Карту читаешь, генерал? – строго спросил он. Потёмкин кивнул головой. – Коли так, к столу подойди. Вот смотри: Фокшаны. Важный узел путей от Галаца и Браилова к трансильванским проходам и Пруту. Разумеешь? Турецкий командующий, или как его там, сераскер⁵⁴ Румели-Валаси вместе с Сулейманом-пашой до десяти тысяч солдат туда подогнал. А Абда-паша от Браилова – ещё около трёх тыщ. Разумеешь, силы какие? К тому же реки замёрзли, войска легко их перейдут, окружить могут вас в Фокшанах. А нам нельзя сей городок отдавать, никак нельзя. Учтите, турки будут биться до последнего, выхода у них тоже нет. Что вы с генералом Подгоричани мыслите в этой диспозиции, а ну как дрогнете? Что делать будете?

– Не подведём, ваше высокопревосходительство. Войска по вашему научению в каре построим. Да и как можно Фокшаны туркам отдать в ваш юбилей?!

– Хм... Адьютант выболтал? Ну что за язык? Сорок пять ужо вот-вот стукнет, а такого болтуна ещё не встречал. Ну точно в отца, паразит. Тот тоже языком любил почесать. Тьфу... Ну-ну, давай дальше.

– На левом фланге у нас бригадиры⁵⁵ Текели и Ржевский. На правом – генерал Подгоричани с тремя полками гусар и казаками, а я с пушками, пехотой и волонтёрами в центре.

⁵⁴ Командующий турецкими войсками.

⁵⁵ Бригадир-полковник.

– Да... не густо. Полки-то на треть укомплектованы. Молдавский корпус генерала Штофельна разбросан. Турки активизировались, помочь в ближайшее время он вам вряд ли сможет. Ты, Потёмкин, так и передай своему командиру: помощи не ждите. Уповаю на хитрость вашу, храбрость солда тушек и Господа Бога. Лошадей держите свежих, сразу гонца мне шлите. Что ещё хотел сказать мне?

– Пороху маловато, да и ядер добавить не мешало бы, ваше высокопревосходительство.

– Обоз с провиантом, порохом и ядрами отправился в Фокшаны, знаешь, поди. Вот-вот прибудет к месту. На первое время, думаю, хватит. Остальные вопросы порешал с интендантами, генерал? Потёмкин неопределённо пожал плечами.

– Дык как сказать...

– Ну и славненько, – не желая вникать в детали, произнёс командующий. – Побьёте турок – знатный подарок будет мне на юбилей, коль преподнести решили. Теперь давай повертайся назад, пока не стемнело. Храни тебя Бог, Потёмкин! Да, ты это... не принято у нас на фронтах офицерам в санях и в шубах разлёживаться, тем более, генералам. Чай не ранен, пока.

Город Фокианы. Река Милка.

Наступил день, морозный и тихий. Осторожно шагая по замёрзшей реке, турецкий солдат стучал толстой палкой по льду. В предрассветной тишине эти звуки были хорошо

слышны. Видимо, об этом догадывался и сам турок: каждый раз перед тем как постучать, он пугливо оглядывался по сторонам.

Расположившись в кустах, за турком наблюдал пикет из двух солдат и офицера, загодя выставленный Потёмкиным. Недавно Григорий Александрович и сам к ним присоединился.

– Определяет толщину льда, – шепнул на ухо офицеру Потёмкин. – Река в этом месте сужается, да и берега не слишком пологие: пушки протащить можно. Следи за звуком, капитан: глухой – лёд толстый, выдержит пушки и конницу, более высокий – тонкий, опасный для переправы. Скорее всего, турки переправу здесь и планируют. Не забудь пометить на карте – сгодится, опередить их потребно. Офицер кивнул, шмыгнув носом, погладил усы и весь напрягся, прислушиваясь.

Слабый ветерок донёс запах дыма.

– Янычары костры развели, завтрак готовят, господин генерал, – завистливо прошептал один из солдат.

Потёмкин намёк солдата понял:

– Кашу и у нас готовят, потерпите, скоро смена придёт.

Потёмкин продрог. Замечание командующего он учёл, шубу надевать не стал и теперь жалел об этом.

– Карр... – неожиданно раздалось над головой. На ветку дерева уселась ворона. Турецкий солдат повернул на звук голову, прислушался. Всё тихо. Солдат успокоился. Зевнул,

лениво постукал ещё несколько раз по льду и не спеша направился к своему берегу.

– Думаю, пикеты надо срочно выставить на тот берег, да подальше от реки, – произнёс Потёмкин.

– Верно, господин генерал. Загодя турок встретить надо, – согласился офицер.

– Вон, в рощице пусть и залягут. – Потёмкин рукой показал на видневшееся в версте от берега возвышение, поросшее густой растительностью. – Покажешь смене.

Офицер согласно кивнул.

– Возвртаюсь я, смена ваша скоро подойдёт.

Избы окраин Фокшан с шапкой снега на крышах торчали, словно не собранные осенью грибы на поляне, из труб многих валил дым. Дым не поднимался вверх, а клубился во круг, нависая едким синеватым облаком, медленно сползающим в сторону: чёрный – печку только растопили, светлый – трубы прогрелись, хозяева не лентяи, встали спозаранку. Петухи привычно напоминали о себе. Их кукареканье разносилось по округе. Городок просыпался.

Потёмкин пришпорил коня, держа курс на штабной дом. Мимо него в сторону реки прошла группа солдат.

Ещё издали генерал Подгоричани услышал доносившийся из избы, где находился штаб, громкий смех. Стараясь не скрипеть дверью, он осторожно зашёл в сени. Из комнаты доносился оживлённый разговор. Выделялись баритон бригадира Степана Ржевского и торопливый говор подполков-

ника Ригельмана. Но вот их прервал возглас, не узнать который было нельзя.

Подгоричани с любопытством прислушался. Своим характерным, легко узнаваемым грассирующим голосом Пётр Абрамович Текели, давась от смеха, произнёс:

– Ей Богу, так и сказал? А откуда он знает про этот случай, Григорий Александрович?

Подгоричани хотел уж было распахнуть дверь, как вдруг раздался голос генерал-аншефа Румянцева:

– Не будешь ты генералом, бригадир, так полковником и останешься, коли не веришь своему командующему.

Подгоричани растерялся: «Командующий?.. Что случилось? Потёмкин давеча был у него в штабе... Почему теперь Румянцев здесь? Не доложили... Вот мерзавцы...» Оглядевшись в полумраке свой мундир и поправив ремень, он резко открыл дверь.

– Ваше высокопревосходительство, извините, не встретил вас. Я...

Дружный хохот офицеров заставил старого генерала широко открыть глаза и удивлённо осмотреть присутствующих. Румянцева в комнате не было. И вдруг генерал Потёмкин голосом командующего армии произнёс:

– Нехорошо, генерал Подгоричани, не встретить своего командующего... нехорошо. Выводы буду делать.

– Тьфу, черти, напугали. Григорий Александрович, мне говорили о вашем таланте, но так... похоже... я не думал.

Подгоричани с нескрываемым восхищением посмотрел на своего офицера. Затем, уже обращаясь к остальным, буркнул:

– Жалко, турки не слышали вас, ржёте, как кони, тут, за две версты слышно. Ладно... посмеялись и будя.

Смех затих. Ещё находясь под впечатлением от розыгрыша, Подгоричани произнёс:

– Дай Бог, господа офицеры, нам всем посмеяться вечером. Разведка докладывает: на том берегу оживление. Как бы Сулейман-паша не начал сегодня наступление. Расходитесь по отрядам, господа.

Первые известия о движении неприятеля появились во второй половине дня.

В той же избе собрались все командиры. Генерал Подгоричани расстелил на столе карту и, обведя пальцем места расположения неприятеля, ткнул в точку на карте, расположенную недалеко от реки Милки:

– Отметьте, господа, это место. Кажется, началось. Итак, наш план действий остаётся в силе. Напомню ещё раз. С гусарскими полками и казаками правее Фокшан я перехожу речку Милку. С шумом нападаю на неприятеля слева, постараюсь, господа, отрезать турок от реки Рымны. Вы, генерал, – Подгоричани указал на Потёмкина, – помните: надо успеть развернуть пушки и выстроить батальоны тремя каре. Вот здесь. – Он ещё раз показал на карте точку. – Пётр Абрамович, Ржевский и вы, Ригельман, не забывайте главного.

Силами правого фланга надо начать атаку и обязательно убедить неприятеля в серьёзности своих действий. А после сделать вид, что отступаете, и на своих плечах подвести турок к пехоте и пушкам генерала Потёмкина. Конница проходит в интервалы между каре и сосредоточивается для дальнейшей атаки вот в этом месте, – палец командира вновь указал место на карте. – Картечь и огонь пехотинцев должны завершить дело. И учтите, господа, подкрепления не предвидится, только на свои силы можем рассчитывать. Сделав паузу, Подгоричани перекрестился и произнёс:

– С Богом, господа офицеры!

Всё пришло в движение. Городок опустел. Конница ушла далеко вперёд. Грохот, катившийся от реки Рымны, где сосредоточились основные турецкие силы, усиливался. Хлопки оружейных выстрелов заглушались уханьем залпов турецких орудий – там шёл бой.

Потёмкин нервничал. Пехота отставала. Кони не могли втащить орудия, закреплённые колёсами к полозьям, на скользкий берег: копыта лошадей скользили.

Десятки пехотинцев, проклиная турок, берег, зиму и ещё многое другое, упираясь ногами в воткнутые в лёд штыки, дюйм за дюймом упорно толкали многопудовые пушки наверх. Кони молотили копытами по утрамбованному снегу, ржали от возмущения и с трудом двигались вперёд.

Григорий носился от орудия к орудию. Он втискивался в плотную стенку из солдатских тел и вместе с ними толкал

пушки. Стегал плёткой животных, ругался и прислушивался к гулу приближающейся канонады: боялся одного – не успеть к месту дислокации и не развернуть батареи и пехоту в боевые порядки. Адъютант еле успевал за ним, держа под узду коня своего командира.

Наконец все орудия оказались на берегу. Вскочив на коня, Потёмкин ринулся вперёд, вслед за ним – батальоны. Скрип снега под ногами передних солдатских шеренг, глухой топот идущих следом да похрапывание коней нарушали тишину морозного дня. Над колонной стелился лёгкий шлейф пара, выдыхаемого людьми и лошадьми.

Но вот войска остановились в нужной точке. Небольшие возвышения по краям планируемого места сражения, заросшие густой растительностью, создавали удобный рубеж для стрельбы орудий с флангов.

Стая ворон, рассевшихся на ветках, разглядывала невесть откуда появившихся людей. Они, словно с балконов театра, с интересом ожидали представления.

Вскоре обе батареи выстроились по флангам. Три за-слонами в форме каре Потёмкин расположил между батареями своих пехотинцев, резерв отвёл в сторону, укрыв в небольшом овраге.

Григорий Александрович придирчиво оглядел предстоящее поле боя. Расстояния между каре показались ему узкими.

– Проходы должны быть достаточными для быстрого про-

пуска нашей конницы, – стараясь не напрягать голос, бросил он адъютанту. – Пойди скажи, чтобы раздвинулись поболее. Аршинов на десять по сторонам, не менее. Своя же конница пехоту затопчет.

Топот коней и отголоски криков большого количества людей отчётливо донеслись до Григория. Вот-вот должна появиться конница Подгоричани.

– Заряжай! – громко прокричал Потёмкин.

Словно эхо пронеслось над равниной.

– Заряжай... заряжай... – вторили офицеры.

Потёмкин ещё раз окинул взглядом плацдарм, где предстояло встретиться с врагом. С чувством тревоги он разглядывал своих солдат, ровными шеренгами застывших в строю.

– Успели, – прошептал он и трижды перекрестился.

– Скачи на левый фланг к бомбардирам. Как конница появится, пушай один выстрел сделают. Отсечь ихнюю конницу от нашей надобно, а потом – залп всей батареей, – глядя в подзорную трубу, приказал Потёмкин адъютанту. Козырнув, тот пришпорил коня.

– Да передай им, чтобы осечек не было, мол, порох сырой. Головы оторву, ежели что. И турка подпустить ярдов на двести, не менее. Неча зря палить, – добавил он вслед.

– А ты давай – на правый. Те же указания передай, – произнёс Григорий Александрович стоявшему рядом офицеру связи.

Гусары, преследуемые сипахами⁵⁶, появились неожиданно. Вся эта масса всадников лавиной неслась прямо на русскую пехоту.

– Передняя шеренга, на колени встать! Цельсь! – раздавалась команда. Выставив впереди себя длинные ружья, пехотинцы разом опустили на колени. По флангам прогремели два орудийных залпа. Поняв, что попали в ловушку, турки замешкались, но было поздно... Турецкая конница вошла в зону поражения русских батарей.

Кавалеристы Подгоричани влетели в интервалы между каре.

– Пли! – прозвучала команда.

Треск ружейных выстрелов слился с орудийными залпами. В плотном морозном воздухе они прозвучали глухо, словно дальний раскат грома во время грозы. Десятки турецких всадников рухнули на землю, заржали раненые кони. Лавина замедлила свой бег.

От вибрации воздуха с деревьев посыпался снег. Возмущённые вороны ответили дружным карканьем. Опять грянул ружейный залп, за ним – пушечный.

Картечь достигла цели: турки рядами валились наземь. Строй неприятеля рассыпался.

Пехотинцы перестроились: задние ряды с заряженными ружьями вышли вперёд. Взмах офицера саблей, команда «Пли!» – и опять несколько турок рухнули на снег. И нача-

⁵⁶ Сипахи – разновидность турецкой кавалерии.

лось...

Раненые кони, обезумевшие от боли, дико ржали, хрипели и топтали всадников. Всё слилось в единый страшный гул. Войска смешались. Пороховой дым застелил равнину.

– В штыки! За Россию, братцы! – закричал Потёмкин.

Соскочив с коня, он бросился в самую гущу схватки. Прикрывая командира со стороны повреждённого глаза, адъютант поспешил за ним. И вовремя: кривая турецкая сабля сверкнула над головой генерала.

Адъютант успел подставить свой палаш. Подоспевший подполковник Ригельман из пистолета в упор всадил в турка пулю.

Не считаясь с потерями, османы теснили ряды русских пехотинцев. Кругом хрипы, стоны... Турки яростно теснили русскую пехоту. И вот передние шеренги пехотинцев центрального каре дрогнули, попятнулись. Наступил ответственный момент.

Перепачканный грязью, в залитом кровью кафтане, без головного убора, со всклокоченными волосами Потёмкин бросился к оврагу. С криком «Ура!» он повёл солдат резерва в штыковую атаку.

Сражение достигло апогея. Бой продолжался до вечерних сумерек. Русская пехота выстояла, османы не прорвались к реке. Конница Подгоричани, Текели и Ржевского завершила бой. Турки разбиты, остатки войск неприятеля отступили.

Наступившая ночь дала передышку: бой прекратился...

В ходе дальнейших военных баталий «столичная штучка», Григорий Потёмкин, проявила храбрость и полководческий талант в сражениях за Днестровскую переправу и в битве под Хотинном. Командуя вверенными ему войсками, Потёмкин героически сражался в битвах у рек Ларги, Кагуле, Кили. Под Крайовой он разбил турецкие войска, взял приступом и разрушил турецкую крепость Цыбры, захватив в плен множество торговых судов неприятеля.

За храбрость, мужество и воинскую доблесть Екатерина II удовлетворила прошение Военной коллегии и присвоила Григорию Потёмкину чин генерал-поручика с вручением ордена Святого Георгия III степени.

Военными успехами молодой генерал ещё раз обратил на себя внимание государыни. На этот раз она наградила его поцарски: удостоила правом личной с ней переписки и, более того, первой написала ему письмо на фронт.

А на турецких фронтах русские войска имели явный перевес. Между Россией и Османской Портой второй год шли переговоры по условиям мирного договора: дипломаты сражались за столом переговоров.

Но неожиданно в России вспыхнул крестьянский бунт под предводительством Емельяна Пугачёва, бунт быстро охватил огромные территории, горели города и сёла. Разорялись фабрики и заводы. Назрела реальная опасность захвата повстанцами Москвы. Надеясь на положительный для себя ход

событий, турки всячески стали тормозить ход переговоров.

Кто он, этот Пугачёв? И как так получилось, что больно вовремя вспыхнул этот бунт...

Неприметный заключённый

Казань. Гостиный двор.

Январь, 1773 г.

Раннее утро. Шаркающие шаги надзирателя гулко разносились в тишине коридоров полутёмного каземата. Закреплённая на его поясе связка ключей в такт шагам позвякивала, напоминая обитателям тюрьмы о заутреней в церквах. Для прокорма заключённых особо доверенные обитатели тюрьмы должны идти за подаями: на церковных папертях места надо занять повыгоднее. И голодные арестанты рыскали с самого утра по улицам, заставляя прохожих быть настороже.

Ещё издали завидев заросших, подвязанных верёвками под пояс и с потёртыми засаленными котомками в руках сидельцев, торговки живо накрывали чем придётся пироги и бублики, вяленую рыбу, семечки из тыкв и прочую снедь. По-другому нельзя, иначе эти бедолаги встанут перед тобой с протянутыми руками и будут молча стоять, пока хоть что-то не дашь. Какая тут торговля?! И в то же время женщины понимали и жалели их: а кто им, сермяжным, даст? А на казённый кошт жить, поди, только с голоду не подохнуть... И давали понемногу.

Бормоча под нос, немного прихрамывая, надзиратель остановился у одной из одиночных камер. Поставил на каменный пол лампу со свечой и ловко вставил ключ в замоч-

ную скважину. Зябко поёжившись, пробормотал:

– Не спится господам и людям спать не дают, – от досады сплюнул на пол и открыл дверь. – Выходи, Емеля. Губернаторский секретарь кличет, в канцелярии дожидается. Торопись, злой он нынче.

Тюремщик осветил полутёмную камеру. Через небольшой квадрат зарешёченного окна с грязными снаружи на стекле подтёками дневной свет проникал внутрь с трудом, освещая лишь часть пространства, и оттого камера выглядела мрачной и зловещей. Словно из подземелья, потянуло затхлым запахом плесени. Надзиратель поморщился.

С грубо сколоченных нар поднялся заспанный арестант. Звякнув цепями, он потянулся, отхаркался, нехотя сбросил с плеч что-то похожее на одеяло: потрёпанное, с лоснящимися сальными пятнами и, зевая, направился к выходу.

– Опять не жрамши, опять допрос, – недовольно пробурчал арестант.

– Вот милостыню насобирают твои дружки, тады и пожрёшь, – успокоил его надзиратель. Потом насмешливо добавил: – Коль останется.

– Да уж, останется, гляди-кось! Ладно, пойду лаяться голодным, что поделаешь?!

Секретарь губернатора Казани Андриян Абрамов действительно был не в духе. Давеча губернатор Брандт устроил ему выволочку, мол, в казематах Гостиного двора порядку нету: заключённые толпами ходят по торговым рядам двора

и клячат милостыню. Ладно бы только на папертях церковных попрошайничали али по знакомым домам ходили, вроде как положено, так ведь нет, вчерась и в таможду забрели, нагло требуя у чиновников подаяния на прокорм.

– Нашли, у кого клячить... У таможди! Те последнее вытряхнут, своего не отдадут ни в жисть. А тож посмотреть, куды арестантам деваться, кормиться-то надо, – защищая больше себя, нежели обитателей тюрьмы, прошептал секретарь, выкладывая из сюртука на стол карманные часы в форме луковки.

Его худое лицо, вытянутое, словно пасхальное яйцо, было преисполнено важности и величия. Он неторопливо раскладывал бумаги на столе, что-то совсем неслышно бурчал, и бросал недовольные взгляды на часы. Усы секретаря при этом смешно шевелились в такт движению губ, щекоча ноздри и кончик носа, и он постоянно шмыгал. Сие действия важности персоне секретаря не добавляло, Абрамов это знал и оттого злился ещё больше.

– И вообще камеры переполнены, местов не хватает, – пожаловался он сидевшему в углу кабинета за небольшим столом помощнику. – Сколько раз напоминал я губернатору об ентом?!.. Вот и этот раскольник в одиночке сидит, чего спрашивается? Его бы в общую, и пушай сидит со всеми, решения со столицы дожидается. Допросы ему устраивай... Так нет, не моги в общую переводить, уважаемые люди города послабление для него просят. Как не уважить?

Помощник, зевая, согласно мотнул головой. В ожидании арестованного секретарь нетерпеливо перебирал стопку документов. Наконец он наткнулся на нужные протоколы допросов, снятые с арестанта ранее, и облегчённо вздохнул.

В дверь постучали. Хромой тюремщик ввёл арестованного. Бренча цепями, арестант поклонился, затем поздоровался. По канцелярии разнёсся запах немытого тела. Секретарь и помощник брезгливо поморщились.

– Что, во Христа веруешь, аль как? – спросил вместо приветствия Абрамов.

– А куды же я денусь? С ним и родился.

– И в Троицу Святую веруешь?

Заключённый кивнул.

– А ну перекрестись!

Арестант поспешно перекрестился.

– Фамилия, имя, где и когда родился, – недовольно произнёс секретарь, пристально разглядывая арестованного. – А ты, голубчик, иди, позову, коль нужен будешь, – махнул он рукой в сторону надзирателя.

«Жалкая рожа, страхом перекошенная. Лет 40-42, глядишь, будет. Росту приличного, худощав. Спереди верхнего зуба во рту нету, конопатины на лице, смуглый, волосы тёмно-русые, борода клином, – составил для себя портрет арестанта секретарь. – Ничего интересного. Неприметный, обычный блудливый мужик. Вон, жену с детьми бросил...»

– Пугачёв Емельян я. В 1729 годе от Рождества Христова

родился, господин секретарь, в станице Зимовейской, что на Дону.

Помощник секретаря удивлённо вскинул голову:

– О как! Зимовейская! Один бандит ужо родился тама – Стенькой Разином его звали, слышал, поди. Вас смутьянов и болтунов, что, в тех местах специально разводят? Тьфу...

Пугачёв пожал плечами и продолжил:

– Вероисповедание... говорил ужо, православное, а какое ещё могёт быть?

– Врёшь, поди. Все вы там старообрядцы. И ты такой же... – тем же недовольным голосом пробурчал секретарь и почесал нос.

Пугачёв не ответил, он медленно оглядывал кабинет, пока его взгляд не наткнулся на листки на столе секретаря. Узнав в них протоколы своих прежних допросов, неожиданно выпалил:

– А то, что писано в ентих бумагах, неправдою будет, возвели на меня напраслину. Не сказывал я плохого ничего. Оговор это.

Секретарь вскочил со стула.

– Не говорил, тварь подлая, людишкам яицким в хуторах, мол, уйти надо за Кубань к турецкому султану, а? Мол, пропустят вас татарские орды и даже рады будут встретить и проводить. Деньги сулил немалые. Кто тебе эти подлые мысли внушил, поганец?

– Поганец, он и есть поганец!.. С турком воюем какой год,

а ентот за спиной нас ножик держит. Тьфу, пропади ты пропадом, паразит, – тихо, но чтобы арестованный слышал, произнёс помощник.

– Говорю же, напраслину возвели, господин секретарь, – упрямо повторил Емеля. – Я тож турка воевал ранее, хорунжего получил. Заболел немочью, не отпустили, в бега подался. А деньги... Да откуда у меня деньги?!

– Вот и я хочу знать, откуда. Купцом представлялся заграничным, обещал жалованье по двенадцати рублёв на человека. Вещал людям, что у тебя на границе схоронено до двухсот тысяч рубликов да товару на семьдесят тысяч. Обещал коштовать всякого, а на границе, мол, людишек русских встретит турецкий паша. А коль придёт нужда войску в поход на царицу русскую идти, то и пяти мильёнов на благодное дело тот не пожалеет. Говорил сие, поди, тварь подлая!

– Врал я, господин секретарь. Хотел похвастаться перед мужиками.

– Ага, болтал языком, значит. Таки признал. Ты, подлец, и сейчас врёшь. Откуда знал об оной сумме в двенадцать рублёв? Сумма верная, примерно такую платит турецкий султан своим наймитам продажным. Чего по Польше шастал, с раскольниками близ слободы Ветка якшался, что супротив церкви и правительства государева? Говори, антихрист, кому ты продался?

Арестованный опустил голову и понуро ответил:

– Сам я по себе. Дети у меня малые, жёнка Софья из ста-

ницы Есауловской. Грех был, не скрываю, в бега подался. А там, може, и наболтал спьяну, так бес попутал, вот те крест, господин секретарь. А раскольники пригрели меня, опять же, кормили, и не боле того.

– А зуб не они тебе выбили за воровство и безбожие?

– Не-е... то салазками еще в малолетстве в игре, а с того времени и доньне не вырастает.

– Бог шельму метит, – вставил помощник.

– Пригрели, говоришь?! Что же ты, антихрист, болтал посреде своих благодетелей, что тебя, подлеца, в деревне Малыковка жители сами же и сдали властям? – возмутился секретарь.

Пугачёв молчал. Его лицо выражало полное недоумение. Потом выговорил:

– Сам не знаю. Говорю же, може, чё спьяну сболтнул, а може, избавиться от меня хотели. Лишний рот кому охота просто так кормить?

Секретарь нервно зашагал по комнате.

– Спьяну болтал, говоришь? – Абрамов перебрал листы допросов, вытащил нужный и продолжил: – Ага, вот! – он потряс листком перед арестованным. – Обещал ты, подлец, старообрядцам в дальнейшем жаловать их «крестом и бородой» и вольности всяческие. Супротив архиереев выступал. Благословение ихнего настоятеля старца Филарета, что с Польши утёк, получил. И что, спьяну всё это?!..

Переминаясь с ноги на ногу, арестованный твердил:

– Брехня, господин секретарь. Ей богу, брехня! Куды мне так сказывать, слов-то таких не ведаю, выдумали люди, поди.

Допрос продолжался. Пугачёв всё по-прежнему отрицал. Наконец секретарь не выдержал, сплюнув от досады, приказал помощнику распорядиться, чтобы с рук арестанта сбили железо и послали в общую камеру.

– Пущай сидит в общей, а то в одиночке с голоду подохнет, отвечать-то кому охота. Придёт решение из столицы, тогда и порешаем, куды этого вряля деть.

Прошло время, и в мае 1773 года, за несколько дней до получения из столицы от князя Вяземского приговора о наказании арестанта плетьюми и ссылкой, Емельян Пугачёв с подельниками из общей камеры бежал из тюрьмы.

Первое время он скрывался в казанских слободах у купцов-раскольников. Был он быстроглаз, проворен. Только вроде бы пониже ростом, пошире в плечах, зубы все на месте и, кажется, моложе. Однако ж поди разберись...

Позже, одевшись в цивильное, выправил он с помощью тех же купцов себе паспорт, а уж с паспортом направился в старообрядческий скит старца Филарета.

И вновь власти получают донос, что беглец Емеля Пугачёв скрывается в Филаретовой часовне... Не арестовали... Понять можно: расстояния-то какие! Да и расторопность местных слуг государевых, сами знаете... Успел уйти Емельян, но перед этим разговор имел со старцем Филаретом.

Появление Емельяна Пугачёва в этом старообрядческом

центре – предтеча многих кровавых событий, и о нём надо рассказать подробнее.

...Окрестности вокруг рек Большой и Малый Иргиз уже с начала XVIII века стали местами поселения старообрядцев⁵⁷. Земля необжитая, вольготная, весьма рыбная, однако беспокойная, даже опасная: кочевники часто нападали на небольшие и редкие поселения.

Убегая от преследования, раскольники селились в этих местах вместе с жёнами и детьми. Уже с первой трети XVIII века власти с помощью воинских отрядов нет-нет да и предпринимали поиски таких поселенцев. Но места эти всё равно привлекали новых переселенцев.

Вольные края постепенно заселялись, и через тридцать лет там проживало около тысячи людей одной веры. То тут, то там возникали слободы⁵⁸. Жизнь постепенно стала налаживаться.

«Что-то надо делать!» – раздумывали в столице империи. А тут на престол заступил Пётр III, и из тех краёв, из деревни Малыковка, предложение одного из крестьян-старообрядцев пришло, и вовремя. Новому императору на глаза попало такое предложение, и он тут же отправил в Сенат на утверждение указ о дозволении всем старообрядцам, бежавшим

⁵⁷ Отвергающие предпринятую в 1650-1660 гг. патриархом Никоном и царём Алексеем Михайловичем церковную реформу.

⁵⁸ Вид поселения.

ранее за границу, беспрепятственно возвращаться из Польши в Россию с правом свободы вероисповедания.

Екатерина II пошла дальше. В декабре 1762 года она подтвердила прежний указ, дополнительно пообещав переселенцам освобождение от податей на шесть лет и земельные наделы. Желавших бесплатно получить эти наделы, да ещё и льготы, нашлось немало, и в следующем году из польской слободы Ветка, бывшей старообрядческим центром, на Иргиз переселилось около двадцати тысяч поляков. Дальше – больше: потекли переселенцы и из Европы, втайне потянулись на Иргиз старообрядцы из глубин необъятной России – всем хотелось собственного кусочка земли. Так в этих местах появился польский отрок Филарет...

Однако вернёмся к началу августа 1773 года на речку Иргиз, к старообрядцам.

На фоне садившегося за горизонт солнца на небольшом возвышении у озера Старичьё стояли два человека. Они мирно беседовали. Говорил больше тот, что был постарше, – старец Филарет, второй слушал рассеяно и, видимо, думал о чём-то своём, но нить разговора не терял, разговор поддерживал.

– А мне больше озера по нраву. Особливо вот такие – лесные. Бывало, замрёшь, гляючи на эту тихую, спокойную водицу, и будто один ты на этой земле – тихо-тихо, ни радости, ни горести, ни забот, ни беспокойства окаянного. Словно никогда ничего не было, нет и не будет, окромя этих бе-

регов озёрных и влаги Господней. Как думаешь, отрок? – тихо произнёс старец.

Так же тихо, словно боясь нарушить тишину вечерней зорьки, отрок возразил ему:

– Реки, поди, лучше. В озерах вода болотцем подпахивает, а в речке всегда проточная, аки слеза.

– Каждому своё, Господь так решил! – недовольно согласился Филарет и зло добавил: – Да вот слуги его, помазанные на власть земную, забыли заветы Всевышнего, – и глаза Филарета загорелись особым огнём, какой обычно выдаёт фанатиков.

Небольшого роста, с густой шевелюрой волос и бородой, отчего возраст старца не поддавался определению, он негромким глухим осипшим голосом заговорил о гонениях на церковь, тяжелой доли и чаяниях народа:

– Ещё царь Пётр Алексеевич на церковь наступал, да явно побороть не смог. Исподтишка и нынешние правители разоряют, гноят. А по мне – ломать, так ломать! Что делаешь, делай быстрее. Это лучше, чем кривое православие. Без веры правильной откуда жизнь счастливая у мужика будет? Ты же знаешь, поди, мужикам-крестьянам и пожаловаться-то некуда. Челобитные государыня Екатерина запретила подавать на своё имя. Енти жалобы обратно помещикам отсылают, а те, изверги, кнутом бьют до полусмерти тех же самых жалобщиков.

– Плетьми, – машинально поправил отрок. – Отменили

кнуты лет восемь назад. Да хрен редьки-то не слаще.

Старец кивнул головой и, с заметным усилием преодолевая боль в горле, не спеша продолжил свою речь.

Тёплый августовский вечер располагал к приятному общению, старец говорил и говорил; разговор был, видимо, серьёзным, не до большого горла. Монолог Филарета, однако, затянулся, отрок устал и откровенно зевал. Беседа прервалась.

Вокруг стояла вечерняя тишина. Не было слышно даже кваканья надоевших за день лягушек, а плеск рыбёшек в зарослях камыша не мешал естественной, первородной тишине, наоборот, подчёркивал её, и только комары надоедливо звенели над ухом.

Уходящие лучи солнца высвечивали за спинами беседовавших людей водную гладь излучины реки Иргиз, блестящую вдалеке желтоватым отсветом. Вдоль излучины виднелись кельи иноков, чуть далее – небольшая рубленая из брёвен часовня, построенная Филаретом. В удалении от неё была видна верхушка ещё одной часовенки, основанной другим старообрядцем, иеромонахом Пахомием, в 1764 году.

– Раз уж решился ты, Емельян Иванович, на благое дело, знай: народ в тех краях, куды ты пойдешь, возмущён крайне. И то ж как не возмущаться, коль люди живут промыслом, дарованным Господом Богом, – ловом рыбы и добычей соли. А ещё Лизавета, покойная императрица, царство ей небесное, своим указом монополию на эту добычу соли ввела. А

жить-то как? Как без соли сохранить уловы? Как добывать и продавать соль и икру?..

Любуясь закатом, Емельян вяло кивнул головой.

– Ну да ладно, давно это было, попривыкли. Так ведь всё хуже и хуже царская петля сжимается на горле мужика. Поди, помнишь Кижский бунт три года назад крестьян из Занежья. Почитай, сорок тысяч мужиков, приписанных к казённым заводам, взбунтовались. Во какая сила! Невмоготу стало им жить от поборов царских. Управляющие заставляли почти задарма работать от зари до зари. А как семьи кормить? Челобитную подали государыне Екатерине... и что? Тут же войска, следствия. Арестовали зачинщика и – в кандалы. Ты, поди, слыхал об нём, Соболеве Климентии?

Емельян отрицательно покачал головой:

– Откудова мне знать? Турка бил в то время.

– Вот-вот! Народ восстал и освободил Соболева. Тысячи поднялись на борьбу с карателями царскими. Да не случилось тогда победы: куды супротив пушек попрёшь? Не стал мужик до конца бороться. Не было у них вожака достойного.

Филарет замолчал. Делая вид, что рассматривает горизонт, он незаметно разглядывал отрока. Однако по лицу Пугачёва трудно было понять, насколько тот проникся сочувствием к бедам народным. И старец, вздохнув, продолжил свою беседу:

– Или вот, Емельян Иванович, совсем недавно, года не прошло, казаки в Яицком городке тож восстали. Солдаты

стреляли в них из пушек, но казаки, не то что мужики Заонезья, не испугались, захватили орудия да стали палить супротив войск царицыных. Побили и солдат, и своих ненавистных старшин, что оброками разными обложили казаков... Дело, конечно, опять плохо закончилось, да недовольство в людях осталось. Оно, почитай, двадцать лет как зреет, пухнет, растёт и копится. Знать об этом тебе потребно, коль в дело праведное идёшь.

– Ведаю об этом, отче, люди говаривали. Народ дюже недоволен жистью такой, – отвечал ему Емельян.

– Вот и недавно не стерпели, опять казаки бунт подняли на Яике, в селении Бударино, что на правом берегу реки. Генерал с солдатами в том годе приезжал их усмирять, да казаки Бударинского форпоста с людьми поселений заодно встали и побили насмерть и генерала, и его солдат. Слышал тоже, поди.

– Люди говаривали, – опять неопределённо кивнул головой Емеля.

– Чуть погода наказали жестоко ентих казаков, а это ещё больше распалило недовольство людское. Бунтует тепереча народ на Яике, справедливости желает. В Писании сказано: «Глас народа – глас божий».

– Коли ты и прав, толку в том? Кому ноне правда нужна? Плетью обуха не перешибёшь.

– Смотря кто перешибать будет. Искорка есть, она уже тлеет, Емельян Иванович, пламя вот-вот вспыхнет. Подня-

лись люди на войну за лучшую долю свою. Вот ты, отрок, и не дай этой искре задохнуться, возглавь народ. Имя себе возьми убиенного царя-батюшки Петра. Несправедливость на Руси мужики завсегда чувствуют – пойдут за тобой.

– Так не похож я, поди, обличьем на него.

– Недолго царь-батюшка Пётр Фёдорович правил, кто там видел в наших краях еного царя, супруга нонешней государыни? Хоть чёртом можно представиться, и поверят, ежели к жизни лучшей призывать станешь. Рабский народ рабски смиряется. Главное, Емельян Иванович, обещаю народу вольности всякие, жисти привольной и прочее. А жестокостью к слугам царёвым заставь мужиков в повиновении к себе быть. В свободе они злы, в повиновении – добры, учти это. И пойдут за тобой, вот тебе крест, пойдут, не сумлевайся. Люди так устроены: всегда надеются на лучшую долю и в том оракуле, что им это обещает, своего пастыря захотят видеть. Много соратников найдёшь тама, куды хошь пойдут за тобой...

Выпорхнувшая из камыша утка отвлекла Филарета, он смолк. Старец явственно представил себе картины будущего.

...Серая людская масса, словно страшная опухоль, расползается по земле, накрывает города и деревни. Шум, проклятья, стоны и кровь, много крови...

Филарет вздрогнул, его лицо на миг окаменело. Он застыл в напряжённой позе.

Неподвижный взор на каменном лице старца насторожил Пугачёва. Перспектива пойти супротив властей пугала, но желание стать царём влекло и волновало. И оба эти чувства схлестнулись внутри него в жестокой борьбе. Пугачёв замер. И вдруг где-то внутри кольнуло, озноб пробежал по телу. Емельян вздрогнул. В душу проник холодок страха, подлой змеёй под ложечку закралась сосущая боль, липкий пот выступил на лбу. Руки задрожали.

«О, Господи, помоги! Царём хочу быть!» – в отчаянии мысленно произнёс Емельян. И чудо!.. Боль отступила, желание задавило страх. И уже другая, сладкая, манящая мысль влезла в сознание: возвысишься, станешь царём мужчицким. Не боись!..

И мысль захватила, обволокла, успокоила. Пугачёв на миг представил себя в царском облачении и... решился. Сразу стало легче, дрожь прошла. Приосанившись, он смело посмотрел на старца.

– Говоришь, отче, пойдёт народ за мной? На Руси всяк правду ищет, да не всяк её творит.

Филарет заметил напряжение и внутреннюю борьбу подопечного и по выражению лица и интонации его голоса понял, к какому решению тот пришёл.

«А куды ему деваться, беглому? – усмехнулся он. – Всё одно по нему каторга плачет». И всё же в душу Филарета закралось чувство неуверенности в отроке: не заметны в нём наклонности будущего лидера, не уверен он в себе, не заго-

релись сразу глаза... Так, мимолётная страсть. Но вслух старец произнёс:

– Ты, Емельян Иванович, главное, ревностно служи Господу нашему. Народ и без тебя желает облегчения своей жизни, а ты возглавь оное, духовным вожаком стань, знаменем. Помогут тебе и иностранцы, желающие счастья простому русскому мужику, не сумлевайся. – Филарет сделал паузу, вздохнул и продолжил: – О деле теперь. Проведут тебя, Емельян Иванович, тайными тропами на Яик к Бударинскому форпосту. Оттуда начинать надобно. А на вопрос твой «Пойдут ли?» ещё раз отвечу: пойдут, всё готово, не сумлевайся, ждут там. И ещё. Ты, отрок, не должен гнушаться и бесами, коль делу потреба возникнет. Нехотя и чёрт Богу служит.

Пугачёв криво усмехнулся и произнёс:

– Воля твоя, коль так считаешь. Что ж, пойдём трапезничать, старче, пока совсем не стемнело.

И опять у Пугачёва промелькнула тревожная мысль: «Как бы тот мёд на губах не оказался на острие ножа. Не только порезаться можно, а и башки напрочь лишиться. Эх!.. будь что будет».

Солнце почти полностью село за горизонт. Вот-вот стемнеет. По узкой тропинке, руками раздвигая ветки, Филарет и Пугачёв медленно направились вдоль озера в направлении обители.

В августе 1773 года из кельи Филаретовской часовни в

сопровождении нескольких послушников вышел бородатый человек с паспортом на имя Пугачёва. Свой путь человек держал на Яик, в Бударинское селение.

В сентябре того же года Пугачёв добрался до хутора Толкачёва, что недалеко от Бударинского форпоста. И народ действительно ждал его. На первой же сходке самозванец объявил себя царём, императором Петром III, удивительным образом спасшимся от рук убийц, посланных своей супругицей, императрицей Екатериной II. И по окрестностям пошли гулять указы новоявленного царя:

«...Сим моим имянным указом регулярной команде повелеваю: как вы, мои верные рабы, регулярные солдаты, рядовые и чиновные, наперед сего служили мне и предкам моим, великим государям, императорам всероссийским, верно и неизменно, так и ныне послужите мне, законному своему великому государю Петру Феодоровичу до последней капли крови.

И, оставя принужденное послушание к неверным командирам вашим, которые вас развращают и лишают вместе с собою великой милости моей, придите ко мне с послушанием и, положя оружие свое знаменами моими, явите свою верноподданническую мне, великому государю, верность.

И ежели кто ныне познает сие мое оказанное милосердие, действительно я уже всех пожалую сим награждением: землею, рыбными ловлями, лесом, бортями, бобровыми гонами и протчими угодыями, также вольностию...»

Странно... Народ в селениях верил в чудесное спасение своего императора, верил и его посулам. А зря...

Полыхнули Дон, Поволжье... и далее.

В течение почти двух лет вся Европа внимательно следила за развитием событий в России, гадая, кто же возьмет верх. Екатерина II, узурпировавшая, по мнению Версаля, российский престол своего незадачливого супруга, или самозванный «мужицкий царь»?

Интерес к России европейских дворов, обеспокоенных успешной внешней политикой Екатерины, был далеко не праздным. От того, кто будет на петербургском троне, во многом зависел не только исход очередной русско-турецкой войны, но и равновесие сил в Западной Европе. Немудрено, что появление в заволжских степях бородатого самозванца, объявившего себя Петром III, было встречено в Европе с нескрываемым ликованием. Парижская «Газет де Франс» на своих страницах во всех подробностях описывала свою версию воскресшего российского императора Петра III, называя бунтовщика маркизом. Не отставала от французов и другая европейская пресса. Европе хотелось поражения России на турецких фронтах.

...Эх, знал бы секретарь казанского губернатора Андрияшка Абрамов, кому он снял кандылы и в общую камеру перевёл, история России могла быть несколько другой. Однако как было в то время не помочь антихристу: уважаемые русские люди за него просили и, надо полагать, не бесплатно. А

что агитировал людишек в пользу султана турецкого во время войны своей Родины с Турцией... Так ведь не признался же он в этом...

Крепость Святого Петра

Февраль 1773 года.

С моря дул колючий норд-ост. Хлесткий, холодный ветер гнал в сторону берега короткие с пенными завихрениями волны. Накат за накатом, они с шумом ударялись в прибрежные валуны, а затем с шипением скатывались вниз. Порывистый ветер срывал с них капельки морской воды и с силой бросал на толстые стены Петровской крепости.

Для защиты южных границ государыня повелела в кратчайшие сроки выстроить эту крепость на Азовском море. И вот цитадель, оцетинившись пушками, грозно возвышалась над морским побережьем – с одной стороны и устьем рек Берда и Конка – с другой.

Петровская крепость, или, как её ещё называли, Святого Петра⁵⁹, была одной из семи крепостей Днепровской оборонительной линии. Торчащие в орудийных проёмах жерла пушек, круглосуточно шагающий поверх стены караул внушали местному населению чувство гордости и, что не менее важно, долгожданное спокойствие. Не видеть у себя турок и татар, не слышать призывы муэдзинов к молитвам – условия, на которые пошли жители, согласившись без обычных пререканий с властью на месте своих селений построить эти

⁵⁹ Расположена на месте нынешнего [села Новопетровка Бердянского района Запорожской области Украины](#).

укрепления.

В окружении группы офицеров, один из которых был в генеральском мундире, в наброшенной на плечи плотной шерстяной накидке на крепостной стене стоял пожилой человек, по виду – чиновник. Он, видимо, занимал немалую должность: курившие рядом с ним офицеры старались не дымить в его сторону, говорили между собой тихо и по-военному сдержанно и почтительно отвечали на вопросы гостя.

Чиновник облокотился на ствол пушки и в подзорную трубу разглядывал пространство, придерживая свободной рукой концы развевающегося от сильного ветра края накидки. И тут – казус! Видимо, пытаясь что-то разглядеть в трубу, он, как человек гражданский, без опыта, непроизвольно потянулся вперёд и едва не вывалился за пределы парапета стены. Его вовремя удержали. Пробурчав «мерси», чиновник огорчённо вздохнул, видимо ещё и от того, что кроме мглистой серо-синеватой дали, сливавшейся на горизонте в одну ровную линию, в окуляре он ничего не увидел.

Офицер в генеральском мундире, заложив руки за спину, тоже пристально всматривался в серый морской горизонт. Привычная за годы службы панорама его и радовала, и огорчала.

Это был генерал Ригельман Александр Иванович, первый комендант крепости, руководивший её строительством, и вот теперь он с ней расставался. Пришёл приказ о переводе его в действующую армию на Дунай. Приказ подписал гене-

рал-аншеф Румянцев, а вместе с приказом пришла весточка от генерала Потёмкина, с которым Александр Иванович воевал с турками в Фокшанах.

«Понадобились, – писал Григорий Александрович, – способности твои немалые по строительной части в Силистрии⁶⁰, да не строить, брат, а крушить: турецкие крепостя брать будем. О храбрости твоей молчу ужю, ибо она всем известна».

«Приятно, конечно, слышать сии слова от бравого генерала, да жалко прощаться с крепостью. А ехать надо: немалая баталия, видимо, ожидается», – размышлял Ригельман.

Опустив трубу, Александр Иванович обратился к гостю: – Вряд ли что увидите. В такую погоду кто рискнёт подойти?! Пойдёмте вниз, холодно, мерзко. Брр... – произнёс генерал.

– Да, вы правы, Александр Иванович, уходить пора, – и чиновник зябко поёжился. – Действительно прохладно.

Чиновника, к которому обратился комендант, звали Пётром Петровичем Веселицким. Несмотря на преклонный возраст, вот уже год, как он был чрезвычайным посланником и полномочным министром Российского императорского двора при дворе крымского хана.

Главной заботой Веселицкого было обеспечение решений

⁶⁰ Силистрия – турецкая провинция, в состав которой входили города: [Варна](#), [Констанца](#), [Аккерман](#) ([Белгород-Днестровский](#)) и [Хаджибей](#) (ныне – [Одесса](#)). Столицами провинции были города [Силистра](#) (Болгария) и [Озаков](#)).

важных для России задач в Крыму. В ноябре 1772 года в Карасубазаре⁶¹ был подписан устраивавший Россию договор о дружбе и доверии с Крымским ханством, в соответствии с которым ханство становилось независимым от Порты и уступало России на Крымском побережье два населённых пункта – Керчь и Еникале. Однако, несмотря на победы армий Румянцева на Дунайском фронте и Долгорукого в Крыму, турецкий султан Мустафа III был против независимости татар, договор оный не ратифицировал и не оставлял надежды вернуть Крым обратно.

Теперь вот по указанию канцлера Коллегии иностранных дел, Панина Никиты Ивановича, Пётр Петрович совершал инспектирующую поездку по южным границам России. Однако что-то было странным в этой поездке. Небольшой кортеж состоял из десятка хорошо вооружённых конных казаков, кареты самого министра, крытой повозки, заполненной провиантом, небольшим запасом боеприпасов и всякого рода весьма нужными в татарском хозяйстве вещичками. По пути следования кортеж почему-то не пропускал ни одного татарского аула. Пока казаки и кучера общались с местным населением, Пётр Петрович уединялся с кем-нибудь из жителей, как правило, мужчинами, и подолгу о чём-то с ними беседовал. После этого повозка облегчалась на парочку, а то и больше, вещичек. И так на всём пути следования. Слава богу деревень татарских было не очень много, но вполне доста-

⁶¹ Белогорск – город в Крыму, центр Белогорского района (совр.).

точно, чтобы сей вояж успел надоесть даже кучерам. Все облегчённо вздохнули когда, наконец, показались стены Петровской цитадели.

С чувством гордости Веселицкий ещё раз оглядел выстроившиеся в линию орудия и покачал головой.

– Экая мощь! – с удовольствием произнёс он. – Жалко возвращаться в Крым. Нельзя хана оставлять надолго: так и жди пакостей от этих татар.

Затем опять поднял подзорную трубу, направив её уже в сторону берега. – А не жалко покидать сию красоту, господин комендант? Сколько трудов, сколько бессонных ночей положено. Поди, привыкли к этим местам и крепости.

– Привык... Что верно, то верно. Государыня весьма короткие сроки указала на окончание строительства, голова моя всё время под топором лежала. Сам вице-президент военной коллегии граф Чернышёв не раз сюда жаловал с инспекциями, какой тут сон? На Бога только и уповал, чтоб под суд не угодить.

– Песчинки мы в суеете земной. Бог на небе не всякого видит, не всякий до него достучится, а государыня наша, Екатерина Алексеевна, до всего на земле своей догляд иметь должна. Пред ней мы все ответ держим, не моги послушаться! – опуская трубу, философски произнёс Пётр Петрович.

– Почитай, за каждого она в ответе перед Господом Богом, пред Ним одним она за всех ответ держит, не до мелочей ма-

тушке. А это... пострашней будет, ежели нам, грешным, самим отчитываться пред Богом. Господь-то и простить может, а кара царская, Александр Иванович, лютая ждёт заслушание. Понять государыню можно, времена-то какие... Да вы справились, довольны вами в столице.

– Вот тож! Потому и не спал сутками, – согласился комендант. – Теперь вот на войну к Румянцеву еду, с товарищем моим, Потёмкиным Григорием, турка бить будем.

– Не судима нами, грешными, воля царская, поди, более нужны там. Что ж, пойдёмте вниз, продрог что-то.

Веселицкий подозвал одного из офицеров, отдал ему подзорную трубу, поблагодарил и, помахав на прощание остальным, широким шагом направился к лестнице, ведущей на нижние этажи крепости. Отдав необходимые распоряжения подчинённым, следом за ним заспешил комендант.

Как видно, начатый с комендантом разговор затронул важную для посланника тему, и он, по ходу обернувшись к генералу, произнёс:

– Вот что интересно... – но продолжить фразу не смог. Резкий порыв ветра раздул полы накидки, и один из её краёв хлестнул министра по лицу, залепив рот. Старый дипломат, однако, не смутился: сплюнув попавшие в рот ворсинки, он, как ни в чём не бывало, продолжил:

– И вот что интересно, генерал! Из трёх вопросов русской внешней политики, стоявших на очереди при Петре Алексеевиче: шведского, польского и турецкого, – царь Пётр I раз-

решил только первый. Последующие преемники не разрешили ни второго, ни третьего. Мы же...

– Взялись и за второй, и за третий, – вставил комендант. – И в третьем, мне кажется, больше успехов имеем. – Он с гордостью посмотрел на мощные каменные стены крепости и продолжил:

– Государыня не напрасно собственными руками на грудь князя Василия Михайловича Долгорукова орден Святого Георгия повесила. Разбил князь ещё два года назад армию Селим-Гирея Третьего, напрочь разбил. Крым наш теперича. И будет нашим, российским, на века.

На бестактный поступок коменданта (слыханное ли дело, прерывать разговор старших по должности!) министр слегка покривился, но промолчал.

Разговор на время прервался. Каменная лестница вывела мужчин на первый этаж, где во дворе расположилась небольшая жилая пристройка коменданта.

Скромное жильё несколько удивило дипломата, но одновременно придало уважения к этому пятидесятитрёхлетнему генералу. «Где, как не на стройках, деньги подворовывают, и немалые», – отметил про себя Веселицкий.

В небольшой и весьма скромно обставленной гостиной единственным предметом, претендующим на некоторую роскошь, был камин, и он сразу бросался в глаза. Небольшой по размерам, облицованный декоративными изразцами, покрытыми глазурью кобальтового цвета, камин явно диссони-

ровал с блеклой, зеленоватой расцветкой старой, потёртой обивки немногочисленной мебели. Внутри камина пылали дрова, от него шёл жар.

Поймав удивлённый взгляд гостя, комендант улыбнулся, развёл руками и пробурчал:

– Пойми этих баб. Как втемяшат себе в голову: «Хочу си-ний...»

Нехитрый обед подходил к концу. Вестовой, по всей ве-роятности, солдат первого года службы, малый небольшого роста, с некоторой мужицкой хитринкой в глазах и насмеш-ливым взглядом, вызывал у гостя к себе поначалу некоторую настороженность. Солдат бестолково суетился: ронял вил-ки, дважды перевернул стаканы, но при этом на его лице расплывалась добродушная, почти детская улыбка. Неуклю-жесть солдата у хозяина ничего, кроме улыбки, не вызвала. Убирая со стола грязную посуду, «пострел» (так комендант звал своего вестового) деловито произнёс:

– Кофею несть? – и, покосившись на полупустой водоч-ный графин, ответа ждать не стал, вышел.

Мужчины пересели к камину, закурили.

– Вот вы, Александр Иванович, давеча сказали: «Будет Крым нашим, российским, на века». Похвально, конечно, слов нет, только зачем? Ведь супротив политики российской пожелание ваше. Государыня не имела и не имеет желания Крым делать российским.

Комендант удивлённо вскинул голову:

– Как так?!..

– А так, господин генерал! Генерал-аншеф Панин Пётр Иванович, будучи командующим второй армией, как-то передал выписку, для меня деланную с рескрипта императрицы. Оный она ему переслала ещё в апреле 1770 года, и он гласит, помню на память:

«Совсем нет нашего намерения иметь сей полуостров и татарские орды, к оному принадлежащие, в нашем подданстве, а желательно только, чтобы они отторгнулись от подданства турецкого и остались навсегда в независимости собственной. И чтоб жили мирно с нами, не грабили и не разоряли земли наши. Чтоб не было недоверия магометанства к христианству – исконно русскому». Вот так-то, Александр Иванович! – и Веселицкий многозначительно посмотрел на коменданта.

– Набегов не делали?! А чем же татары жить будут, позвольте узнать. Одной крымской солью торговать?!.. – удивлённо воскликнул Ригельман. – Они на взятых у нас в плен русских людях на рынках Кафы и Стамбула огромные деньги выручают, тем и живут. И сегодня, несмотря на мирный договор, много татар враждебно к нам, русским, относятся.

– Да... возразить вам трудно, Александр Иванович. В Крыму открыто действует протурецкая партия, под влияние которой попал и крымский хан Сагиб-Гирей. А главное, турки не собираются мириться с потерей для себя Крыма. Не хотят видеть русские корабли в Чёрном море.

По моим агентурным сведениям, отмечается активность турок на подступах к полуострову, что и ваши донесения подтверждают. Султан готовит крупную десантную операцию по возвращению Крыма. А мы не можем предпринять каких-либо действий, не нарушив, пусть и формальной, дружбы и доверия, установившихся с Крымом по Карасубазарскому договору. Никак не можем. Но, по моему разумению, воевать за Крым придётся: Порта не успокоится. Я поэтому и инспектирую оборонительные объекты.

– Думаете, война с татарами начнётся? С турками ещё не закончили.

Веселицкий задумался. Затем философски произнёс:

– Войну можно не начать, дорогой Александр Иванович, да избежать нельзя.

– Хм... как это?

– Просто, генерал, просто. Коль сложатся обстоятельства и чья-либо страна кому-то помешает, а Россия мешает многим в Европе, то всё, что вы можете, – не начать ее первым. Ну, допустим, из благородства аль слабости. И то, и другое как раз и на руку противной стороне. Допустим, слабыми нас никак теперь не назовёшь, остаётся благородство, как ни пафосно это звучит. Явно видим, как накаляется обстановка среди населения Крыма, Сагиб-Гирей волком на нас глядит, повсюду по Крыму эмиссары турецкие шастают, а мы не моги силу применить, только разговорами улещиваем. На Европу оборачиваемся: что скажут о нас... что подумают?!

Тьфу...

Вот совсем недавно татары в Бахчисарае делегацию своих соплеменников, ногайцев, взяли и арестовали. Чуть было не сожгли заживо. А за что? Те пришли к хану крымскому мир предложить с нами, русскими. Хорошо, что один из знатных вельмож, Шахин-Гирей, вступился и освободил парламентариев. Но хан всё равно напал на наши войска. Разбили мы его, конечно...

Ещё минуту назад благодушное выражение лица коменданта, разморенного теплом от камина и небольшим количеством спиртного, изменилось вдруг быстрее, чем окраска хамелеона: оно стало жёстким, воинствующим.

– Негоже оглядываться на Европы! Сделать упреждающий удар! Сильных боятся и уважают, – патетически воскликнул он.

– Верно. Да, опять повторяюсь: что скажут в Европах? Для них мы агрессоры, оккупировавшие Крым. Им нет дела, что хотим мы одного – мирного соседа на своих южных границах. Хотим ходить по морям, торговать с другими странами. Так нет, злобой дышат! Не нужна Европе сильная страна наша. Нет, не нужна! Вот и науськивают они Турцию. И ведь знает султан Мустафа, что не осилит Россию, а упёрся, как баран, и не хочет татар отпускать от себя. Повторюсь ещё раз: не ратифицирует султан договор с нами о признании условий Карасубазарского договора, коим татары независимы от турок стали.

Вот, генерал, какова наша пропозиция. Нет, нам желательно переговорами решить в свою пользу, а не упреждающим ударом, как вы говорите. Сила – дело последнее... – Веселицкий замолчал. Возникла пауза.

Словно оправдываясь за политику России по отношению к крымскому ханству, Веселицкий осторожно и даже весьма тихо, произнёс: – Нет, конечно, мы не сидим сложа руки. Работаем, генерал, в силу своих возможностей. Не зря я по всему ханству мотаюсь, якобы с инспекцией, хотя и это дело нужное. Вербую людишек, объясняю как надо жить, с кем дружить... Пригодятся, думаю, на будущее. Как дале жизнь сложится?!.. Министр замолчал. Но тут же воскликнул:

– Смотрите, Александр Иванович, дрова в камине почти догорели.

Ригельман подбросил в камин несколько поленьев, запах дыма заполнил помещение.

– Ветер сменил направление. Задувает в трубу, – пояснил он.

Послышался громкий стук в дверь. Она распахнулась, и, держа в руках самовар, ввалился «пострел». Оказывается, дверь он открыл ударом ноги, чем был очень доволен: не ходить же два раза. Расставив всё необходимое, он критически осмотрел стол и, как видно, остался доволен сервировкой: его губы растянулись в улыбке.

– Ветер надолго задул, проклятый. Надует етить лёда на дорогах, куды пойдёшь, только ноги и ломать, – не обращая

внимания на хозяина и его гостя, пробормотал он. Не проронив больше ни слова, «пострел» вышел, опять сильно хлопнув дверью, словно она была виновата в «лёде», что надует ветер.

Гость удивленно посмотрел на хозяина.

– Терплю... Малый старательный. Родители его померли, один он на этом свете, бедолага, – оправдываясь за вестового, произнёс Ригельман.

А на мятежных территориях, где хозяйничали войска Пугачёва, зачитывались указы чудесным образом спасшегося неграмотного императора Петра III. Канцелярию у Петра-Пугачёва вёл некий мужик по фамилии Дубровский и он еле успевал за мнимым государем составлять указы да множить числом немеренным. А «царь» не скупился: даровал мужикам свободу, налево и направо раздавал землю, привилегии разные, и прочее... И народ верил... А как тут не верить, коль тебя от тяжкого бремени податей освобождают.. а! И чёрту поверишь...

Писарь Пугачёва

*Декабрь 1773 года. Село Челябинь.*⁶²

Из окон главной конторы Златоустовских железоделательных заводов купца-промышленника Лугинина за кулачным боем наблюдали управляющие заводов.

– Запрещай не запрещай «кулачки», а дух русский прёт из мужиков. Глядикось, глядикось, Фролыч! Кажись, моито, троицко-саткинские, верх берут!

– Не бывать тому! Златоустовские и ранее били ваших, и сейчас побьют, вот увидишь, Роман Егорович.

На ровной снежной поляне до сотни рабочих сомкнулись в единую темную массу, и, словно чернильная клякса на белом листе бумаги, толпа перетекала из стороны в сторону. В приоткрытую форточку в комнату долетали обрывки матерных слов.

Несмотря на воскресный день, в кабинете управляющего находился воевода Челябинска Исетской провинции Алексей Петрович Верёвкин. Заложив руки за спину, с хмурым лицом Алексей Петрович нервно ходил по кабинету из угла в угол. В очередной раз посмотрев в окно, он пробурчал:

– Силы бы поберегли, дьяволы! Антихрист Пугачёв зверствует. Бунт мужиков всю нашу Исетскую провинцию охватил. Вот-вот к Челябинам подойдет. Кулаки они чешут...

⁶² Г. Челябинск (совр.).

Тьфу... Вы, господа, – обратился он к обоим управляющим заводов, – прекратите эти развлечения. Не зря в старое время церковь запрещала эту богомерзкую забаву. Ещё царь Иван V Алексеевич указ издал, где строго воспрещал кулачные бои. Чем время и силы тратить на мордобой, подсобляли бы укрепления городские восстанавливать. Башкиры, что бегут в войска басурмана, чай не кулаками будут головы нам рубить, кулаки мужиков ваших без надобности окажутся. Ей-ей...

– Хилым был царь Иван, болезным, – возразил воеводе управляющий Троицко-Саткинского завода Роман Егорович, – потому и запрещал кулачные бои. Куды ему понять прелесть забавы русской?! А брат его меньшей, Петр Алексеевич, когда подрос, и сам был охоч на «кулачки» встать. А ты, Алексей Петрович, забыл нешто, как под Полтавою шведов-то в основном мы врукопашную побили. Кулачки-то мужиков русских сгодились тады. А церковь наша православная, видишь ли, запрещает сие действо. Странно!..

– Странно потому, господа, что католичество и прочие религии не подрывают у своих народов ни культуры, ни духа: разные там «боксы» и прочее не ограничивают. – недовольно произнёс управляющий Златоустовским заводом Фёдор Фролович. Затем подумав, добавил: – Хотя, надо признать, нет в православии кровожадности особой, любовь к ближнему на первом месте. Это потом, апосля, как нам враг морду набьёт встаём стеною грозною. Фролович шумно вздохнул и

философски изрѣк:

– Доброту церковь сеет в нас, зачем тут «боксы» всякие. А что на кулачки ходим, так это меж собой и на добром согласии. Он почесал затылок, разгладил бороду и совсем недовольно и хмуро закончил: – И потом, господа, одни башкиры да калмыки бегут к Пугачу?

– Равно как и казаки, и сельский люд, – также хмуро произнёс его коллега.

– А чего молчишь про наших, заводских, Фролович? Говори ужо... Бегут к Пугачу, чѣ скрывать, хоть печи глуши, работать скоро некому будет. А железо нужно... Железо дай... Хозяин голову оторвѣт за простой. Одно грешным делом успокаивает: не только у нас сия обстановка. На Демидовских заводах, чай, то же самое.

Весточку Евдоким Никитович прислал, жалуется: бегут к Пугачу его мастеровые-иноверцы. Ломают приспособы, исподтишка поджигают амбары. Башкиры, опять же, в основном отличаются. А в корень посмотреть, так в бунте русским крестьянином особливо и не пахнет, так, по мелочам. Калмыки, башкиры, казахи и прочие кочевники под рукой Пугача. Ну, казаками, особенно добра не имеющими, ещё разбавлено, не без этого...

– У нас тож беспокойно, – мрачно произнёс воевода. – И, правда, большая часть казаков из жителей, може открыто не говорят, но, как минимум, сочувствуют антихристу. Опять же, знаете, поди: поселение наше возникло на месте башкир-

ской деревни Челябы, башкиры вокруг. Те ждут самозванца, вот те крест.

Воевода перекрестился и продолжил:

– И ведь что удивительно! Многие искренне верят, что неграмотный Емелька Пугачёв, если, конечно, вообще это его прозвище, – выживший царь Пётр Фёдорович! Нет, ну не бред, господа? И нет, чтоб подумать... Фамилия Пугачёв от слова «пугало» корни имеет. Вот и торчит на ровном месте, ворон распугивает. Недавно Исетская канцелярия циркуляр спустила, сами, поди, зачитывали сей указ своим работникам. Там объясняется, что царь Петр Федорович скончался еще в 1762 году, царство ему небесное, и похоронен в Невском монастыре при множестве зрителей, в том числе и здешних, Исецкой провинции, коим случилось в ту пору быть в Санкт-Петербурге при должностях своих. Так нет! Не верят ироды!..

– Правду говоришь, Алексей Петрович, истинную.

Роман Егорович откашлялся, понюхал табаку, на несколько секунд замер и, блаженно закатив глаза, громко, от души чихнул, потом ещё раз, и ещё.

– Приказчик мой старшой как-то беседу с заводскими проводил, указ зачитывал. Я тоже там присутствовал, – управляющий открыл глаза, потянул носом, вздохнул и продолжил:

– Так один, Трофимовым Иваном его кличут, вопрос задал ему: «Если это не наш царь-батюшка Петр Федорович,

пошто правительство не присылает войска из центру? А поскольку войск нету, значит, власти признают законность вос-
крешения царя-батюшки, но скрывают от народа сваго».

Ну приказчик объясняет: мол, твоя неправда, сибирские команды генерал-поручика Деколонга, да и другие войска воюют уже с мятежниками. Мало... так ведь война с Турцией.., башкой-то своей пойми. Не можно пока значительные силы с фронтов снять на подавление самозванца. А Трофимов – ни в какую... Опять свои пакостные вопросы... И что обидно! Сам-то, ентот Трофимов, из купцов мценских будет, грамоте шибко обучен. А всё одно талдычит и других смущает.

– Вот тож и оно! И где он? Сказывал ты, Роман Егорович, убёг куда-то ентот Трофимов, а с ним еще несколько мужиков, башкиры в основном, – хмуро вставил Фёдор Фролович.

– Говоришь, Трофимов? – удивлённо произнёс воевода. – Родом из Мценска? Из купцов? А не тот ли это Трофимов, что в циркуляре моём числится, поди, второй год. Ентот паря работал ранее у московского купца Гусятникова. Грамотный, до приказчика дослужился, да украл одиннадцать тыщ рублёв хозяйских и в бега ударился. В наших краях где-то устроился. И ещё! Послание тайное от следственного органа пришло, мол, сообщить просят, что известно о некоем бывшем приказчике с фамилией Дубровский, что писарем при Пугачёве. Шибко грамотно указы свои подлые пишет ентот Дубровский, антихрист только закорючку свою ставит. Со-

общают, что тот писарь тоже из Мценска, якобы работал он на заводах в наших краях и тоже из купцов. Странное, господа, совпадение.

– Паспорт мог справить другой, фамилию сменил для конспирации. С нашим-то начальством мудрено ли, да ещё с такими деньжищами на руках? Поди, не всё промотал, сховал толику, – хитро взглянув на воеводу, пробурчал Фёдор Фролович.

Верёвкин недовольно погрозил управляющему пальцем:

– Но-но, поговори мне!..

В приоткрытое окно донеслись радостные возгласы. Управляющие выглянули в окно. Златоустовские мужики победно подняли руки.

– А я тебе что говорил, Роман Егорыч?! Побили твоих мои мужики, – произнёс довольный Федор Фролович.

– Да уж, на этот раз твоя взяла, – недовольно пробурчал коллега. – Другим разом сочтёмся.

– Сочтётесь, как же!.. Коль башки на месте останутся, – подвёл итог спора воевода. На том и разошлись.

Смерть турецкого султана

Очередная встреча делегаций на переговорах по мирному договору между Турцией и Россией в деревне Кучюк-Кайнарджи закончилась. Переговоры шли уже два года, обе стороны цеплялись за каждое слово, и это было невыносимо, все устали. Вот и сегодня стороны опять не договорились.

В самой большой деревенской избе (просто дом), в довольно светлой комнате, освещаемой четырьмя оконцами, где проходила встреча, за длинным деревянным столом с мощными резными ножками сидели два человека: верховный визирь Блистательной Порты Мегмет-паша и министр иностранных дел Ибрагим Минюб. В комнате стоял тяжёлый, спёртый воздух, сдобренный сладковатым ароматом благовоний, запахами вёдрами выпитого за целый день кофе и человеческим потом.

Выполняя указания своего султана, турецкая делегация упорно затягивала переговоры, до мелочности придираясь к каждому слову проекта договора. В пылу споров то с турецкой, то с русской стороны в ход пускались кулаки, а то и горячий кофе или чай выплескивался прямо в лицо противной стороне. Болгары, мужчина и женщина, видимо, хозяева избы (дома), прислуживающие высокопоставленным господам, со страхом глазели на эти сцены обоюдной агрессии. Они молили Всевышнего, чтобы разгневанные турки или русские

не спалили их избу. За столом шли бесконечные споры.

Но вот нервы русской делегации не выдержали, и в знак несогласия с выставленными турками опять абсурдными, по мнению дипломатов, дополнительными требованиями они покинули переговоры.

Несмотря на морозный декабрьский день 1773 года, в помещении было жарко. Уставшие турки остались одни в пустой комнате. Развязав пояса на халатах и сняв тюрбаны, они молчали, обдумывая путь разрешения сегодняшнего конфликта. Оба понимали меру своей ответственности в этих нелёгких переговорах с неверными. Наконец, верховный визирь устало произнёс:

– Нет, Минюб, надо кончать эту словесную вакханалию. Зря мы тянем время, зря надеемся на бунт мужиков в России. И будет ли он?.. Ждать больше нельзя. Этак можем больше потерять, чем приобрести. Русские войска бьют наших бездарных сераскеров на всём Дунайском фронте. Надо подписывать договор.

– Султан будет гневаться. Подождать надо, уважаемый Мегмет-паша. Коль полыхнёт мужицкое недовольство, поди и гяуры сговорчивее будут. А нет?.. Ты же знаешь, Мегмет-паша, для нас с тобой добром сии переговоры тогда не кончатся.

– Знаю, да сколько ждать можно. Буду просить султана о встрече с ним. Чем закончится встреча, сие одному Аллаху известно.

Оба тяжело вздохнули.

Январь 1774 года. Стамбул.

Султанский дворец.

Дневной свет едва проникал сквозь разноцветные стёкла окон в тайную палату султанского дворца. В зале было холодно. Идущее тепло от небольших металлических жаровен с раскалёнными углями, что разносили слуги, не помогало: январский холод быстро остужал помещение.

Члены Дивана⁶³ и приглашённые вельможи нервничали. Убедить султана подписать мирный договор с русскими – дело непростое и даже опасное. И только придворный биограф султана, сидя несколько в стороне от остальных, был невозмутим. Он что-то совсем тихо бормотал и делал записи на небольшом свитке.

Укутанные в тёплые халаты, склонив головы, отягощённые тюрбанами, вельможи терпеливо и в полном безмолвии ждали своего повелителя.

Все знали: султан болен, а значит, раздражён. И в довершение ко всему государь – противник мира с русскими. Седьмой год длится война с Россией, Порта терпит поражение – нужна передышка, нужен мир. Это понимали все.

Наконец открылись двери личных покоев султана. Мустафа III вошёл и остановился, и придворные замерли. Султан молчал, презрительно скривив губы, и придворные молчали; воцарилось грозное молчание.

⁶³ Верховный совет при султানে (совещательный).

Так же молча, султан направился к трону, поглаживая чёрную, подкрашенную бороду, сменив на набелённом лице маску презрительности на выражение суровой озабоченности.

Присутствующие пали ниц. Султан сел на трон и небрежно махнул рукой, разрешая подданным подняться и сесть на низкие табуреты.

Государь оглядел присутствующих и, остановив взгляд на министре иностранных дел Ибрагиме Минюбе, кивнул ему головой. Министр встал.

Робко, с поклонами в сторону повелителя он монотонно начал доклад. Его узкое лицо с небольшими оспинками, несмотря на холод, от волнения было красным. Тощая фигура, раздутая толстым халатом, делавшим министра почти богатырём, всегда вызывала у остальных вельмож усмешку. Они в тайне лелеяли надежду, что гнев государя сегодня обрушится именно на этого «толстяка».

Свою речь хитрый Минюб начал издалека. Он долго и витиевато прославлял достоинства султана: ум, его доброту к своим подданным в великой Османской империи и только потом приступил к главному – о трудностях на переговорах с русской делегацией в болгарской деревушке Кючук-Кайнарджи.

Привычно поглаживая бороду, с недовольным видом султан изредка задавал вопросы министру, при этом он возносил руки вверх, призывая Аллаха в свидетели. Минюб отве-

чал односложно, расплывчато и так же часто обращался к Аллаху, призывая последнего в свидетели. Туманные ответы докладчика, как видно, султана не устраивали, и он, грозно сдвинув брови, по очереди поднимал с мест остальных, заставляя их говорить свою версию неудач на фронтах, и тут же высказывал в их адрес едкие упрёки.

С каждой минутой недовольство султана становилось всё резче, гневный взгляд – жестче. Члены Дивана со страхом поглядывали на расположенную позади трона небольшую дверцу. Стоит повелителю приоткрыть её и шепнуть вовнутрь имя, как сидящие там албанцы тут же выйдут и накинут на шею одному из них жёлтый шёлковый шнурок, а затем выволокут из зала. И неизвестно, сколько голов, обрамлённых седыми бородами, ляжет сегодня на плаху. Дело привычное... Весь вопрос: чьи?

Для смиренно сидящих на оббитых бархатом с золотым тиснением табуретах вопрос был далеко не праздным. Каждый со страхом глядел на повелителя.

Сжав губы в тоненькую ниточку, государь злым пристальным взглядом опять уставился на Минюба. Взор его напоминал взгляд голодного крокодила на повернувшегося к нему спиной рыбака. Султан стал медленно поворачивать голову в сторону зловещей дверцы. Минюб замер.

Однако повелитель неожиданно для всех оставил в покое министра и сам начал говорить о бездарности своих приближённых, алчности и трусости воинов Аллаха. Он уже не при-

зывал Всевышнего в свидетели, не возносил руки к небу и, главное, не поглаживал, как обычно, свою бороду. И это был плохой знак, очень плохой.

Наконец, устав от длинной речи, прислонившись к спинке трона, султан произнёс:

– Продолжай, Минюб.

Повелитель с грустным взглядом всматривался в лица своих министров. Как обычно, его рука обхватила стойку трона из слоновой кости, поддерживающую балдахин над ним. Покрытый золотом, инкрустированный перламутром, украшенный горным хрусталём и драгоценными камнями, трон являл собой символ могущества падишаха, утверждал его власть над огромной Османской империей. И вот эта власть оказалась под угрозой...

Печальные мысли одолевали султана. Уже не обращая внимания на доклад Минюба, он размышлял:

«Болезнь забирает последние силы. Сколько мне осталось, одному Аллаху известно. В империи беспокойно. В захваченных городах русские наводят свои порядки. Татары в Крыму не хотят мне подчиняться. Не успокоились египетские провинции: пашей моих изгоняют со своих территорий. В Алжире, Тунисе, да и в Триполи тоже моя власть стала чисто номинальной: нет перед Блистательной Портой былого страха. Даже в Анатолии, самой надёжной моей территории, не спрашивая дозволения, местные беи заводят у себя собственные войска. К чему это приведёт, нетрудно догадаться.

Всё плохо...»

Султан презрительно посмотрел в сторону своего придворного биографа, называвшего своего владыку «новым Александром Македонским», и опять медленно перевел взгляд на таинственную дверцу. Биограф, низко склонив голову, замер. Он понимал состояние своего повелителя и был готов к смерти. Но Мустафа и на этот раз отвёл свой взор от страшной дверцы и повернул голову в сторону докладчика.

Видя пропавший интерес султана к его докладу, тем не менее, не забывая кланяться государю, Ибрагим Минюб с той же монотонностью стал бубнить про героические действия турецкой делегации на переговорах.

– Да продлит, мой господин, Аллах бесконечно сверкающие дни твои на благо и радость народа, тебя любящего. Наши споры на переговорах приводят к дракам с русскими дипломатами. Нужны взаимные уступки, мой повелитель. Время уходит, договор в Кючук-Кайнарджи необходимо подписывать. Не скрою, не все члены Дивана согласны на требования русской делегации, но другого выхода у Блистательной Порты нет. Уважаемый хранитель печати Рейсми-бей подтвердит мои слова, – уже внятнм языком, наконец, резюмировал министр. Султан молчал.

– Денег для армии не хватает, – пугливо добавил Минюб, – седьмой год воюем с Россией, мой господин.

– На войне с москвитями продолжают настаивать французы, государь, – хриплым, простуженным голосом вступил

в разговор верховный визирь Мегмет-паша. – Деньгами они помогают, конечно, но и их уже совершенно недостаточно. Бывший посол Шарль Вержен сообщает мне из Стокгольма, что он вот-вот станет министром иностранных дел Франции, и это хорошая новость. Обещает вместе с Австрией увеличить помощь в войне с русскими. Опять же, мой повелитель, беспокойно и на Руси, бунтует народ, недоволен своей царицей.

– Русский бунт – это хорошо... Помощь французов?!.. Австрийцев?!.. Да хватит ли её? – чуть слышно произнёс султан.

– Это известно одному Аллаху, мой господин. Мы два года ведём переговоры с русскими о прекращении военных действий на Дунайском фронте. Однако у нас есть надежда на смуту в России: мужицкий бунт вот-вот разгорится, мой господин. Некий Пугачёв силу набирает, воскресшим императором Петром представляется, и народ верит ему. Мы немало денег Пугачёву отправили через наших посланников, французы – тоже. И поляки клянутся: деньгами мол, помимо своих советников и добровольцев, помогают мужику этому, да я мало в сие верю. Мы на переговорах тянем время в надежде на бунт, но наши бездарные сераскеры... – Мегмет-паша пренебрежительно махнул рукой в сторону военных, – не хотят, а может не умеют воевать. Коль будем дальше тянуть, многое потерять можем.

К разговору опять подключился министр иностранных

дел:

– Мой господин, мы молимся и трудимся день и ночь, мы прославляем твою добродетель, да ниспошлёт Всевышний тебе счастья и здоровья, а нам, ничтожным, – удачи. Надо подписывать договор. Порта⁶⁴ всё больше теряет свой политический авторитет. А там посмотрим!

– Аллах велик, мой господин, – подал голос мулла, самый старый участник совещания. – Он вернёт нам славу и мы молитвами вернём былую удачу.

Султан усмехнулся.

– Истинная добродетель, – вымолвил он, – не нуждается в славе. Что же касается молитв, то у Аллаха есть много ангелов, извещающих его о благочестивых поступках. Если же ангелы нерадивы, – султан обвёл взглядом присутствующих, – и спят где-нибудь на мягких облаках вместо того, чтобы вести счёт благочестивым и богохульным делам на земле, то молитвы ваши всё равно не помогут, ибо Аллах был бы просто глуп, если бы верил людям на слово, не требуя подтверждения от доверенных лиц.

Длинная речь опять утомила султана. Он погрузился в свои мысли. Возникла неловкая пауза.

Министр вопросительно посмотрел в сторону Мегмет-паши. Тот развёл в стороны руки и вздохнул.

Верховного визиря тоже одолевали невесёлые мысли:

«Османская империя слабеет. Провинции наглеют, нет

⁶⁴ Правительство Османской империи.

былого страха у них перед нами. Султан болен и сколько протянет, только Аллаху известно. Государь не владеет ситуацией в стране и мире. Он постоянно находится в своих покоях в окружении наложниц. Из дворца редко выходит: боится, что отравят. Кто займет трон? Сын от любимой грузинской наложницы? Не думаю, мал ещё, тринадцать лет. Робкий и мягкосердечный брат султана Абдул Хамид? Тоже не лучший вариант».

Чтобы разрядить гнетущую обстановку, Мегмет-паша встал, намереваясь поддержать Минюба, но султан остановил его поднятием руки. Затем криво усмехнулся и едва заметным движением бровей подал знак хранителю печати, который, хотя и уступал Мегмет-паше в длине своей бороды, но зато превосходил его размерами и пышностью тюрбана. Однако верховный визирь проявил неслыханную настойчивость и, не давая заговорить хранителю, говорить стал сам. Султан удивился этой дерзости, но промолчал.

– Мой господин, да светится имя твоё на небесах! Да пошлёт тебе Аллах ещё много лет здоровья и благоденствия. Лучи солнца, что светят твоим подданным, не в силах растопить печаль в твоих глазах. Но, мой повелитель, тебе нужно принять решение.

Ты слышал доклад своего слуги Ибрагима Минюба. Он, как лев, борется с русской делегацией по каждому пункту мирного трактата. Однако наши неудачи на фронтах, – визирь опять презрительно кивнул в сторону главного сераске-

ра, – ставят под угрозу многие наши требования. И в Фокшанах, и ранее в Бухаресте гяуры⁶⁵ не идут на существенные уступки. Русский сераскер Румянцев и бывший посол московитов Обресков-паша требуют позорных для Блистательной Порты условий. Причём Обресков-паша, глядя на победы своих войск, теперь лишь насмехается над нами. Ещё недавно этот гяур был послем у тебя, мой господин, и ты посадил его в тюрьму за нарушение Россией границ Польши, ты помнишь это, мой повелитель.

– Зря, мой господин, мы выпустили его из заточения. Этот гяур хорошо изучил наши внутренние порядки и проблемы, он на всё находит ответы, – вставил хранитель султанской печати Нишанжи Ресьми-бей.

– Мы выпустили его по настоятельной просьбе Франции и Пруссии, – недовольно произнёс султан. – И король Фридрих письмом своим лично просил меня освободить посла. Вы все знаете об этом.

Султан злорадно усмехнулся и с презрением в голосе добавил:

– Им всем надо показывать вид, будто помогают России. Шакалы!

Присутствующие в знак согласия сделали поклоны в сторону своего государя.

– Да, мой господин, – за всех ответил верховный визирь. – Эти господа, видимо, исполнили просьбу русской государы-

⁶⁵ Этим именем турки презрительно называют язычников.

ни к ним, и те не захотели обострять отношения с Россией, а нам тут же партию оружия поставили. . .

– По неслыханным ценам. Действительно, шакалы! – пробурчал хранитель печати.

– Так чего теперь хотят московиты? – чуть слышно произнёс султан.

– Опять они ссылаются на Карасубазарский договор с татарами, мой господин. Настаивают, что татары теперь независимы и вольны сами решать все вопросы. Русские требуют свободного плавания по Чёрному и Средиземному морям. Настаивают на передаче им города Керчи, крепостей Еникале и Кинбурн. И это не всё, мой повелитель, они требуют без пошлин проходить проливы Босфор и Дарданеллы.

– Какая наглость! – подал голос брат султана Абдул-Хамид.

Султан не обратил внимания на реплику родственника. Он грозно посмотрел на начальника вооружённых сил, затем медленно обвёл взглядом сидящих перед ним советников.

– Не вы ли, слуги Аллаха, были против просьбы русской царицы, когда она хотела, чтобы мы добровольно разрешили её судам свободно плавать по нашим морям и проливам, да ещё деньги сулила немалые? А теперь из-за бездарных и трусливых моих военачальников, не способных воевать, мы должны добровольно с этим согласиться, да ещё в придачу отдать наши территории и города?!

Истинно мудрый Господь наш говорит: «Коль подданный

предан государю своему и в его сердце есть мужество и решимость, успех всегда приходит на помощь ему». Как я вижу, нет сердца у моих воинов! Султан опять с ненавистью взглянул на сераскера.

Стало совсем тихо. Все посмотрели на сераскера. Последний, втянув голову в халат почти по самый тюрбан, обречённо потупил взор, разглядывая пол. Глаза Мегмет-паши злобно блеснули.

«Жить ему недолго. Султан не простит позорных поражений», – решил визирь. Он поклонился своему повелителю и как можно печальнее тихо произнёс:

– И это ещё не всё, мой повелитель. Русские уже в категорической форме требуют ратифицировать Карасубазарский договор: признать независимость Крымского ханства, а также признать право защиты и покровительства христиан в наших Дунайских княжествах.

– Видно, крымские татары вам ватой уши заткнули, потому и не слышите их речи подлые за моей спиной. Крымское ханство стало бременем Блистательной Порты, и ханы давно уже сговорились с москвитами – объявили себя самостоятельными. Татары ослеплены гордостью, а не смирением и скромностью, ибо пышные цветы присущи благородному миндалю, но не присущи степной убогой колючке.

Они просят благодати от России?!.. Они её получают на свою голову. Пусть уходят в Россию, там много свободной земли. Но терять из-за них Крым?! Никогда! Черное море

гяуры увидят лишь с базаров Константинополя и Кафы, когда опутанных арканами, словно стадо баранов, их пригонят на продажу. Смотреть спокойно, как наше побережье становится славянским и православным... Как можно терпеть такое?

Султан замолчал и через минуту добавил:

– Я прикажу верному рабу Аллаха, трапезундскому паше Гаджи-бею захватить Крым. Король Франции давно мне советует сделать это. Крымского хана отозвать. Слышишь, Мегмет-паша, отозвать и наказать.

Султан вознёс руки вверх и зашептал молитву. Присутствующие также забормотали, прося у Аллаха прощения. И, о чудо!.. Луч солнца, пробившись сквозь тучи, на мгновение осветил зал. Тайная палата расцвела яркими разноцветными пятнышками.

– Мы не будем подписывать договор о мире, – закончив молитву, произнёс султан. – Крыма москвитам не видать, как своих ушей, а с татарами я разберусь. Головы многих с высунутыми языками будут торчать на стенах крепости.

Верховный визирь печально вздохнул и тихо прошептал:

– Это опять война.

– Блистательная Порта соберёт все си... – султан не успел договорить. Неожиданно он застонал, голова его безвольно упала на грудь. Султанская чалма скатилась на пол, руки так же безвольно опустились. Тело несколько раз дёрнулось и затихло. Первым к султану бросился его брат, Абдул-Хамид.

– Лекаря! – закричал он.

Сановники в испуге окружили своего государя. Подбежавший эскулап осмотрел султана и в растерянности развёл руками.

– Наш господин умер, – только и произнёс он...

Часть вторая. Фаворит

Обсуждение мирного договора

А мужицкий бунт, страшный и кровавый, разрастался: Пугачёв захватывал всё новые и новые территории. Надеюсь на успех бунтовщиков, турецкие дипломаты продолжали всячески тянуть с подписанием мирного договора: ждали развития событий.

После смерти Мустафы III султаном Османской империи стал брат умершего, Абдул-Хамид Первый. Он продолжил политику своего брата. Переговоры опять затягивались...

Февраль 1774 года. Санкт-Петербург.

По всему помещению дворцовой библиотеки разносился смех Екатерины. Сидя в кресле, она покатывалась со смеху, а стоящий рядом с ней генерал Потёмкин рассказывал что-то очень смешное. На глазах императрицы выступили слёзы, и кончиком батистового платочка она промокала их.

Успокоившись наконец, Екатерина отложила в сторону листы с многочисленными пометками очередного проекта мирного договора с Османской империей и с едва заметным оценивающим прищуром своих красивых с небольшим выкатом глаз, присущим зрелым женщинам, с интересом посмотрела на генерала.

Их глаза встретились. И взгляд подданного не был ни заискивающим, ни робким, к каким она уже привыкла. Её понижывал взгляд влюблённого человека – тёплый и волнуемый, от которого сердце начинает учащённо биться, по телу пробегает лёгкая судорога, и от прилива крови краснеет лицо. Забытый взгляд молодости... Екатерина смутилась. Встала. Подошла к зеркалу.

Перед глазами возник образ нынешнего фаворита Васильчикова: «Улыбающееся согласие во всём, грациозная послушность. Красавец с головой, набитой соломой. Скучно вне постели с ним. Нет, Сашка никак не соответствует её величию», – решила она. Императрица даже ножкой слегка притопнула от негодования.

«А этот Потёмкин, – кокетливо разглядывая себя в зеркале, думала Екатерина, – хоть и постарше лет на пять будет Васильчикова, и видит только одним глазом, но что-то в нём есть настоящее, мужское. А ямочка на подбородке...»

Государыня вздохнула и нехотя отвернулась. Ещё не в полной мере осознавая свои чувства к этому бравому военному, она, тем не менее, со времени своего вступления на престол все эти годы, как могла, продвигала его по службе, помня о его участии в перевороте и, чего скрывать, помнила и голубые глаза, и опять же – ямочки... Однако, знаков своей личной заинтересованности ему не подавала... до определённого момента, конечно.

«Правильно делала. Завистники бы сожрали, и первыми

– Орловы, хоть и познакомили меня с Потёмкиным в своё время. А Потёмкин, нахал конечно, не давал себя забыть, – усмехнулась Екатерина, – настырный. Письма мне часто писал хвалебные, чуть не в любви признавался. Не зря его заметила... Да и отличная рекомендация генерала Румянцева многого стоит».

Она подошла к секретеру, полистала документы и вытащила нужное письмо – донесение Румянцева:

«Сей чиновник, имеющий большие способности, может сделать о земле, где театр войны состоял, обширные и дальновидные замечания, которые по свойствам своим заслуживают быть удостоенными высочайшего внимания и уважения, а посему и вверяю ему для донесения вам многие обстоятельства, к пользе службы и славы империи относящиеся...»

Тому, что сей генерал сейчас находится здесь, способствовали не только его внешность и рекомендации Румянцева. Совсем недавно ближайшее окружение и, конечно, братья Панины в первую очередь, попыталось слишком уж настойчиво свой протест на престол заявить в пользу её сына Павла. Не вышло... Екатерина жёстко дала всем понять, что оставлять престол не собирается. Но ей требовался человек, не связанный ни с одной группировкой, дабы, как-то, оградить её от подобных намерений. Екатерина остановила свой выбор на Потёмкине.

– А помнишь, генерал, – повернулась государыня к По-

тёмкину, – полгода назад геройски проявил ты себя под Фокшанами и Силистрией? Мне Румянцев отписал тогда. Войска напрочь разбили Осман-пашу, наградила я многих тогда, да в суете забыла про тебя. И что? Не убоился ты мне отписать об обиде своей. Смелый... Генерал-поручика по совету Военной коллегии тебе присвоила. «Да Румянцеву в письме намекнула, чтобы с докладом к ней Потёмкина присылал», – уже мысленно добавила Екатерина.

Она озорно взглянула в сторону красавца.

– Благодарствую, ваше величество! По гроб жизни сие помнить буду, – выпалил Потёмкин.

– Сказываю не для благодарности, а к тому, что настырность твоя понравилась. Люблю эдаких: чужого не возьмут, но и своего не упустят.

Екатерина опять села в кресло, снова взяла трактат. сделав вид, что читает его.

Этот грубоватый, с некой необузданностью в характере тридцатипятилетний генерал нравился ей всё больше и больше. Крепко сложен, рост величественный. В нём кипит какая-то неуёмная энергия, его взгляд притягивает, а тембр голоса завораживает. Каждый раз, когда он приезжал с фронта в столицу с докладами, Екатерина ловила себя на мысли, что ей не хочется с ним расставаться. Она старалась растягивать аудиенции, расспрашивала порученца обо всех мелочах и от души веселилась, когда Потёмкин голосом и ужимками копировал своего начальника Румянцева.

«А недавно даже сама письмо с наёмками ему отписала, мол, благосклонна к нему. Надеюсь, понял смысл послания моего. Ах... генерал, генерал!..» – опять взглянув на милую ямочку Потёмкина, откровенничала сама с собой Екатерина.

Вот и сегодня, обсудив с ней очередное донесение Румянцевца, Потёмкин не уходил. Они болтали, шутили. Генерал рассказывал императрице забавные фронтовые случаи, при этом он смешно шевелил ушами и изображал турка, попавшего в свинарник. Екатерина смеялась от души.

– Ваше величество, письмо солдата, адресованное супруге в деревню, хочу зачитать, послушайте.

– Подожди, Григорий Александрович, дай отдышаться. Уморил ты меня!

Государыня взяла веер и с явным удовольствием стала им обмахиваться. Немного остыв, Екатерина махнула в сторону Потёмкина:

– Давай, любезный, читай, коль смешно.

Потёмкин в новеньком генеральском мундире со Святой Анной и Святым Георгием III степени на широкой груди, что придавало ему импозантности, разлохматил на голове волосы, принял хитроватое выражение и, подражая выговору деревенских мужиков, стал зачитывать письмо:

«Здравствуй, дорожайшая моя супружница!

Пасылает тебе поклон от сарой земли до белого лица твой муж Данила Горобец. Уведомляю тябя сразу: я тапереча не то, что давеча, а прямо сам фон барон. В жилах моих тячёт

дворянска кровь, а не пойло, что у вас, дерявенских. Ты это, знай и трепи языком больше по деревни об ентом. Посылаю тебе пять рублёв. Купи сабе штрихонеру с трюмою, часы с птицею-кукушкою, на окне повесь люлевые занавески с хвабричною кляймою, пол устяли пярсидскою хаврою и обмочи ландухом, чтоб ваяло, как у антилигентных людях. Охфицеры сказывали, матушка наша государыня так делает. Сходи к дядьке Захару, пушай он набьёт на туфлях каблуки для мозолей. Пудры сыпь на нос поболе, как моя знакомая, что я здесь с ней таскаюся. Во рте пальцем не ковырайся, а купи сабе костяную ковырялку. Когда с кем поругаешься, падай в обморок и ляжи до тех пор, пока тебе на рожу не нальют холодной воды. Вот так теперя доказывают своё самолюбие, да смотри не ослухайся, а то стребую разводную».

– И обмочи ландухом, чтоб ваяло, как у антилигентных людях, – продекламиривала императрица, опять давясь от смеха. – Потешил меня твой солдатик Данило Горобец. Давно так не смеялась. Распорядись, генерал, выдать ему пять рублей от моего имени, чтоб пудры супружница поболе купила.

– Убило его, ваше величество. Не успел солдатик весточку эту домой отправить, потому и послание у меня оказалось.

– Жалко... Что сделаешь, все под Богом ходим. Человеку Бог жизнь даёт, а судьбу каждый сам себе выбирает. Не забудь, однако, просьбу мою исполни. Найди семью убиенного. Пошли от меня пятнадцать рублей.

Ну, пора и делами заняться. Вот, Григорий Александрович, очередной проект трактата мирного с Турцией Румянцев прислал. Кстати, каким красивым почерком писан сей документ... Способный чиновник в штабе у господина командующего. Ты, поди, знаком с писарем этим?

– Безбородко, ваше величество, видать, в отца пошёл. Отец его генеральным писарем Малороссии был, тоже знатный почерк имел.

– Ну-ну. Третий год мусолим сей документ. Турки всё тянут, не соглашаются, оно и понятно – французы за спиной. Людовику всё хорошо, что России плохо. Не любит король Франции нас! Ох как не любит! А ведь ещё царь Пётр Алексеевич, бываючи в Париже, его, тогда маленького, на руки брал, а позже собирался свою младшую дочь Елизавету сосватать ему. Не случилось как-то.

Екатерина смешно развела руками. Попыталась ещё что-то вспомнить, но передумала. Нахмутив брови, вздохнула и задумчиво произнесла:

– Порту понять можно: Крым не хочется отпускать от себя. Карасубазарский договор, что два года назад подписали с татарами, султану Мустафе не указ. Хотя за проход проливов деньги я этому Мустафе, покамест он был жив, сулила немалые. В Чёрное море Россию пущать ему было страшно-вато. Вот и брат его, султан Абдул-Хамид, выжидает, время тянет, не подписывает оный договор. Небось, шпионы доносят ему о бунте басурмана Пугачёва: думает, чья возьмёт.

Голос Екатерины дрожал, да еще этот лёгкий немецкий акцент... Было забавно сие слышать. Еле сдерживая улыбку, Потёмкин мысленно копировал её манеру разговора и, дабы окончательно не рассмеяться, отвернулся. Занятая мыслями о турках и Пугачёве, государыня не обратила внимания на ужимки собеседника и довольно громко и категорично произнесла:

– Нет, Григорий Александрович, надо окончательно определиться с нашими требованиями к Порте, утвердить мирный договор на Госсовете и заставить турецкую делегацию подписать его уже в этом году. Однако ж, говорила уж, турки с оным трактатом не согласные. А нам нельзя без Чёрного моря, никак нельзя. Подписывать с Турцией надо сей трактат. Пугачёв – помеха большая, но не главная, побьём супостата, не впервой.

«Да кто ж против-то?» – подумал Потёмкин.

– Да-да, договор должен быть подписан, – повторила Екатерина. – И тож, признаться не грех: внешний долг растёт. Банкирский дом «Раймонд и Теодор де Смет» в письмах намекает мне, мол, рассчитаться надо бы, сударыня. Голландцев понять можно: всю войну нас кредитуют. Екатерина задумалась, затем огорчённо покачала головой, и продолжила:

– Ну, с банкирами разберёмся, плохо другое. Самозванец Пугачёв силу обретает, смущает народ, а люд верит ироду. Слухи разные ходят про этого супостата. Якобы французы стоят за его спиной, «маркизом» промеж себя кличут. Не

слышали об этом, генерал?

Потёмкин отрицательно покачал головой.

Её пристальный взгляд всё это время ощущивал лицо Потёмкина. Она, видимо, не найдя особых изъянов в нём и, более того, на что-то решившись, и уже с более мягкой интонацией, в третий раз произнесла:

– Нет, обязательно мир нужен с Портой. Вот такая диспозиция, любезный генерал, – Екатерина вздохнула... – Время прощаться, Григорий Александрович. Дела...

И вдруг забытые флюиды нежности мощным потоком окутали её, заставили сердце застучать по-новому: сладко и тревожно. Впервые за много лет Екатерине вдруг захотелось спрятаться от всех проблем, стать опять той юной принцессой Фике, что когда-то выслушивала нежные признания в любви молодых и не очень мужчин. Когда она засыпала с именем своего избранника и просыпалась в думах о нём же. «О, мой Бог, как давно это было...» – невольно подумала императрица. И вот это щемящее, ни с чем не сравнимое любовное чувство опять напомнило о себе. Но теперь к нему прибавилось и непреодолимое желание укрыться от всех житейских проблем за чьей-то преданной широкой мужской спиной. И внутренний голос подсказал ей, нет, он закричал: «Эта спина рядом, не отпускай, удержи её...» «А как же Орлов Гришка, хоть и видимся редко, однако, коль надо, поди защитит... А Сашка Васильчиков? – мысленно возразила Екатерина и тут же добавила: – Сашка, бог с ним, чай

не большая потеря, а Орлов?» «Ты уж определись дорогуша, – обиженно заявил голос, – да смотри, не промахнись, Фике!..»

Екатерина занервничала. Опять оглядела могучую фигуру генерала. «Мало быть человеком большой силы, – надо ещё найти, на что может сгодиться эта сила», – мелькнула у неё мысль, и тут же она сама себе ответила: – Этот найдёт.

Импульсивно, совсем не отдавая отчёта своим действиям, Екатерина осторожно поднялась с кресла, медленно обошла Потёмкина. Его широкая спина странным образом добавила ей решительности и, совсем как в девичестве, она покраснела. Ну, по крайней мере, ей так показалось.

Чтобы нарушить неловкую паузу, Екатерина невинно спросила Потёмкина:

– Запуталась я с этими крымскими ханами, генерал. Всё хотела узнать... почему все они Гирей?

Потёмкин недоумённо пожал плечами. Екатерина что-то пометила на полях трактата, затем подошла к зеркалу, поправила причёску и, снова вздохнув, уже строгим голосом произнесла:

– Ты, Григорий Александрович, опыт имеешь в делах наших нелёгких. Прокурорствовал ранее в Синоде, религиозными вопросами и инородцами занимался, татар защищал, помню. Председатель Уложенной комиссии Бибииков Александр Ильич тоже весьма лестно о тебе отзывался, а генерал-аншеф похвалу редко высказывает, разве что за дело. С

этим мнимым маркизом Александр Ильич сейчас воюет, да болен он. Не помер бы... – Екатерина перекрестилась.

– А дела там плохи. Александр Ильич ещё в декабре прошлого года отписал мне: «Казань я нашел в трепете и ужасе: многие отсюда или, лучше сказать, большая часть дворян и купцов с женами выехали. Зверства немыслимые творит самозванец по округе». Теперь хоть сама иди на бунтовщиков. На следующем Госсовете обсудить сие потребно, – Екатерина опять перекрестилась.

– И в других делах государственных показал ты себя справно, генерал: грудь орденами не зря увешана. А за то, что ты, Григорий Александрович, волонтёром ушёл на фронт турецкий, хвалю: не польстился на должности прибыльные и хлебные. В Синоде делегатствовал справно, и, поди, митрополитом хотел стать, а?.. Потёмкин неопределённо пожал плечами. Екатерина усмехнулась.

– Зато генералом стал теперь, тоже не каждому сие удаётся. Не хотела тогда тебя в армию отпускать, да, видать, Господь надоумил меня. Правильно поступила. Не помню, кто сказал: «Плох тот солдат, кто не мечтает стать генералом», но ты им стал. Опять хвалю.

– Но и тот плох, ваше величество, кто, ставши генералом, перестаёт быть солдатом, – добавил Потёмкин.

Императрица несколько опешила от такой бестактности своего подданного: перебивать её... И она в который раз оглядела Потёмкина с ног до головы.

В позе Потёмкина не было привычной для неё льстивой угодливости, генерал совершенно спокойно и непринуждённо смотрел на неё. Он улыбался. Его лицо, бледное и неожиданно чувственное для такого гиганта, скорее, напоминало лицо поэта, чем военного: полные красивые губы и ровный белый ряд зубов (кстати, большая редкость для тех времён) окончательно покорили Екатерину.

Стараясь придать голосу больше строгости, она решительно произнесла:

– Вот что, генерал, пойдём со мной, ждут меня. Послушаешь, о чём советники мои умные говорить будут. Не все, правда. Вице-канцлер князь Голицын слабое влияние на дела имеет, больше путает, чем помогает. А всё ж в интриги дворцовые не вступает, мне не перечит без надобности, и то ладно. И ещё, – Екатерина на какое-то мгновение замолчала, затем слегка тряхнула головой и решительно продолжила:

– Григорий Александрович, не все вокруг меня согласны с моим правлением. Сына моего, Павла, хотят на престол поставить. Воспитатель наследника, Никита Иванович Панин, и его младший брат, генерал-аншеф Пётр Иванович, спят и видят сие действо, имей это в виду. И хотя Никита Иванович справно ведаёт коллегией своей, предан России, да ты с ним, однако ж, будь осторожен в разговорах...

Екатерина нахмурилась: только что она поведала в общем-то пока ещё не близкому ей человеку свою главную боль – отношения с собственным сыном. И теперь, закусив губу,

она, стараясь не показывать своей взволнованности, напряжённо затаила дыхание, ожидая реакции генерала на сказанное.

Потёмкин молчал. Он не ожидал подобных откровений от государыни. Но в голове его, словно выстрел, прозвучало: «О Господи!.. Неужто сбываются мечты?» Сердце гулко забилося в груди. Прищурившись здоровым глазом, он удивлённо посмотрел на Екатерину. При его немалом росте прищур придавал Потёмкину пиратский вид. Императрица, несмотря на волнение, это заметила, а этот удивительный пиратский прищур ещё больше придавал пикантности личности нового протеже. Ответа на свои откровения она так и не дождалась.

Шурша юбками, Екатерина направилась к выходу. Возле дверей она тихо, словно боясь обидеть Потёмкина, произнесла:

– Вишь, сколько тебе поведала, Григорий Александрович, а почему?.. Верю тебе... хочется верить. Доверие нынче – редкость большая.

– Неужто такое возможно, ваше величество? Миллионы верноподданных любят и верят вам...

– Ну, верноподданных лучше оставим, – поморщилась государыня с брезгливостью. – Чего стоит их любовь, я знаю. Бунт Пугачёва – не свидетельство ли этого?

– Не будьте несправедливы, ваше величество: не поколеблют народ ваш ни чума, ни басурманы-вероотступники. В

годину трудную всегда встаёт люд русский под персты государевы, и всяка зараза отступает.

– И медведь на задние лапы встаёт, когда его из берлоги выгоняют, – с той же брезгливостью, пожимая плечами, ворчливо произнесла Екатерина. – Ну да что об этом? Народу подо мною легко, да мне-то над ним тяжело.

Потёмкин опять уловил в голосе Екатерины тревожные нотки.

Уже выходя из библиотеки, она обернулась к Потёмкину:
– Ты, генерал, изволь вести себя на людях таким образом, чтоб я была тобою довольна. Ты ведаешь хорошие и дурные свойства, ты умён, и я тебе самому предоставляю избрать приличное по тому поведение. И ещё... веди себя умненько, до времени не давай повода для сплетен и пересудов. Что у нас на уме, только мы и знаем с тобой. Кланяйся всем тонко и умно, где надо помолчать – помолчи, и всё пойдёт как по маслу. Придёт, любезный Григорий Александрович, твоё время, Бог даст, придёт.

Придворные вельможи давно ожидали императрицу. Граф Алексей Григорьевич Орлов и Никита Иванович Панин о чём-то негромко спорили. В некотором удалении от них, в одиночестве, стоял генерал-поручик князь Николай Васильевич Репнин. После известной ссоры с Румянцевым он почти три года был в добровольной отставке, и вот государыня опять ввела его в своё окружение.

В кабинете присутствовали ещё несколько человек: тай-

ный советник Обрезков, князь Голицын, и в самом углу возле стола с ворохом разложенных бумаг помощник Панина – Денис Фонвизин. Обрезков и Голицын нетерпеливо поглядывали на часы, изредка обмениваясь ни к чему не обязывающими фразами.

Наконец открылись двери. Вошла Екатерина.

Раболепно склонив голову, первым приветствовал государыню князь Голицын, за ним – Репнин и Обрезков. В своём углу – Фонвизин, и тоже весьма почтительно поклонился. Орлов и Панин продолжали спорить. Оставаясь в подобострастной позе, вице-канцлер не преминул отметить: «Как же, эти могут позволить сие. Помогали благодетельнице взойти на престол».

Генерал-аншеф Орлов наконец спохватился. Несколько вальяжно, но, стараясь соблюдать нормы придворного этикета, сделал навстречу императрице шаг.

– Государыня, рад видеть тебя в добром здравии и надеюсь, в настроении, – произнёс граф, склоняясь в поклоне. Завидя за её спиной Потёмкина, несколько удивился, но так же приветливо поздоровался с ним.

Денис тоже очень удивился появлению на таком важном совещании товарища по учёбе в Московском университете. Он вспомнил их последнюю встречу в кабачке «Казанка», Гришку с синяком под глазом, и его полные губы растянулись в улыбке.

«Каналья, книгу казённую так и не вернул», – тут же

вспомнил он. Друзья издали поздоровались.

Императрица грациозно села в кресло, стоящее подле огромного овальной формы стола, поправила складки на пышном платье, обвела взглядом присутствующих и мягко с тем же забавным немецким акцентом произнесла:

– Начнём, пожалуй. Никита Иванович, прошу.

Вельможи окружили стол, на котором была разложена карта территории России.

– Ваше величество! Согласно протоколу, договор о мире с Османской империей составлен нами на трёх языках: русском, итальянском и турецком. В окончательном виде он содержит двадцать восемь статей и два секретных приложения, связанных с выплатой нам турками компенсации и обстановкой в Грузии.

Екатерина полистала свой экземпляр с собственными пометками на полях, затем сравнила с экземпляром, подготовленным Паниным.

– Вижу, вы добавили ещё пункты?

– Да, ваше величество, и они очень важные. После смерти султана Мустафы III ситуация несколько изменилась. Верховный визирь Мегмет-паша согласился на независимость Крымского ханства, но поставил нам условия, без выполнения которых Турция не пойдёт на мир с нами. Так, по крайней мере, говорит верховный визирь, и я думаю, ему можно верить: новый султан, Абдул Хамид, хотя и без всякого энтузиазма смотрит на продолжение военных действий, но Фран-

ция, видимо, настаивает на продолжении военных действий, и султан без учёта своих требований пока против независимости крымских татар.

– Видимо, турки надеются на басурмана Пугачёва, – вставил Орлов. Панин недовольно взглянул на него, и продолжил:

– А всё ж победы Румянцева, Суворова, да и присутствующего здесь генерала Потёмкина над Портой, успешные действия в Крыму князя Долгорукого – убедительные козыри в этом вопросе. Ваше величество, один пункт, на котором особо настаивает ихний министр иностранных дел Минюб-паша, вызывает промеж нас несогласие.

Екатерина заинтересованно оглядела присутствующих:

– Бессарабия, поди?

– Точно так, та же проблема. Турки на многие уступки нам пошли, но в этом стоят насмерть, – стараясь показать свою информированность, вступил в разговор князь Голицын.

– Никита Иванович, давайте ещё раз прочитаем этот пункт, – попросил вице-канцлер.

Панин повернулся к помощнику:

– Денис Иванович, соблаговолите прочесть оный документ.

Фонвизин с готовностью открыл первую страницу договора, откашлялся и стал читать:

– Поспешествующей милостью мы, Екатерина Вторая, императрица и самодержица всероссийская, московская, ки-

евская, владимирская, новгородская, царица астраханская, царица сибирская...

Во время длинного перечисления многочисленных титулов русской самодержицы и пунктов трактата Потёмкин разглядывал Екатерину. Всё в этой сорокапятилетней женщине ему нравилось: восхитительная белизна её кожи, большие синие глаза навывкате, длинные ресницы, острый нос, а главное, нежный ротик, зовущий к поцелую... Все сводило его с ума. Григорий мысленно раздевал императрицу. От этих крамольных мыслей кровь прилила к лицу, он покраснел. Рука непроизвольно нащупала карман мундира, где лежало письмо Екатерины. Потёмкин закрыл глаза. В памяти возникли строки её недавнего послания к нему:

«Господин генерал-поручик и кавалер. Вы, я чаю, столь упражнены глазеньем на Силистрию⁶⁶, что вам некогда письма читать. И хотя я по сию пору не знаю, предупела ли ваша бомбардирада, но, тем не менее, я уверена, что все то, чего вы сами предприемлете, ничему иному приписать не должно, как горячему вашему усердию ко мне персонально и вообще к любезному Отечеству, которого службу вы любите. Но как с моей стороны, я весьма желаю ревностных, храбрых, умных и искусных людей сохранить, то вас прошу попустому не даваться в опасность. Вы, читав сие письмо, может статья, сделаете вопрос: к чему оно писано? На сие вам имею отвечать: к тому, чтоб вы имели подтверждение

⁶⁶ Город в Болгарии на правом берегу Дуная.

моего образа мыслей об вас, ибо я всегда к вам весьма доброжелательна. Екатерина».

Григорий очнулся, взглянул на императрицу. Екатерина заметила восхищённый взгляд и возбуждение своего протеже. Она чуть-чуть покачала головой, давая понять: не время в амуры играть, делом надо заниматься. Однако женское самолюбие её было удовлетворено: государыня тоже слегка покраснела. Чтобы как-то скрыть неловкость, она кивнула в сторону Фонвизина:

– Не надо декламировать весь трактат, давай, любезный, только суть несогласия нашего.

– Денис Иванович, с шестнадцатым артиклом ознакомьте её величество, – произнёс Панин.

Денис послунывил палец и развернул нужную страницу.

– Оный артикул гласит, – невозмутимо произнёс он. – Российская империя возвращает Блистательной Порте всю Бессарабию с городами Аккерманом,⁶⁷ Килией,⁶⁸ Измаилом, Хаджибеем⁶⁹ и прочими слободами, деревнями и всем тем, что провинция в себе содержит; равномерно возвращает ей и крепость Бендеры. Возвращает также Российская империя Блистательной Порте оба княжества, Воложское и Молдавское, со всеми крепостями, городами, слободами, деревнями и всем тем, что в них находится; а Блистательная Порта

⁶⁷ Город Белгород-Днестровский (совр.).

⁶⁸ Город в Одесской области.

⁶⁹ Одесса (совр.).

приемлет оное на следующих кондициях, с торжественным обещанием свято соблюдать оговоренные ниже правила...

– Мы эти правила составили, ваше величество, – перебил Панин помощника. – Всего их десять в этом артикле. Но граф Орлов...

– Да я вообще супротив этого пункта. Негоже уступать туркам. Ещё одна-две крупные победы, и этот Абдул Хамид запросит перемирия без всяких условий, помяните моё слово, вот вам крест. Орлов перекрестился.

– Вот-вот, крупные победы... – неожиданно взял слово Голицын. – А где их взять, коль скоро не будет пушек и ружей, из которых нужно стрелять, солдат для пополнения полков и дивизий? Число деревень, где рекруты разбегаются, растёт день ото дня. Без мужиков деревни и железодельные заводы остаются. Одни в лесах укрываются, другие в разбойники идут, бесчинства на дорогах устраивают.

Откуда у нас победы возьмутся, ваше величество? Воюем на два фронта. Вы, господа, про Емельку-то Пугачёва не забыли? Бунтуют Оренбургский край, Яик, Западная Сибирь, Поволжье, – он обвёл пальцем, на котором блесело золотое кольцо с большим рубином, на карте мятежную территорию. – До ста тыщ люда басурман набрал. Эвон какая сила! И вооружены они, ваше величество, не токмо вилами, а и саблями, пиками и пищалями, а что ещё хуже – весьма гожими полевыми орудиями. Их, пожалуй, у него до сотни будет. К Казани поганец подходит. Его поддержал Панин.

– Ваше величество, инородцы поднялись: башкиры, калмыки и казахи грабят и уничтожают русские сёла и заводы. Многие провинции готовы признать самозванца. Местные гарнизоны не справляются по причине малочисленности. Оно и понятно: антихрист указы издаёт, от податей и рекрутских наборов освобождает, призывает истреблять дворян. Курить, пить вино приучает, угодьями владеть и безданно и беспошлинно торговать.

«Будете, аки звери, в поле жить, и не будет над вами никого», – вещает злодей. Нет, ваше величество, нужно срочно снимать войска с фронтов и посылать на антихриста, пока не поздно. Надо соглашаться с турками и поскорее подписать с ними мир.

Вице-канцлер для убедительности тем же пальцем опять указал на карте мятежный край.

– Опухоль расплзается, ваше величество. Не могли медлить, – требовательно произнёс он. Затем, осознав, что подобный тон в присутствии государыни неуместен, сконфузился и как-то по-детски смешно развёл руками.

Все заулыбались. Екатерина удивлённо взглянула на Голицына и одобрительно покачала головой. Никита Иванович разрядил обстановку.

– Для этого мы и вписали в договор подпункты к шестнадцатому артикулу, – опять повторил он. – Действительно надо соглашаться, ваше величество. Опыт имеем, уже бьём ирода. Командующий генерал-аншеф Бибииков в декабре прошло-

го года успешно атаковал бандитов под Самарой и Бузулуком. А жители Кунгура сами отстояли свои окрестности от мятежников, коих немало было, до одиннадцати тыщ татар, башкир и казаков. Да вот незадача: заболел Бибииков мерзопакостной болезнью – холерой. Надобно посылать войска на мятежников. Не сомневайтесь, ваше величество, разобьём антихриста, соберёмся потом с силами и отберём у султана обратно всё, что сейчас отдадим. И он опять повторил: – Но войска посылать надобно.

– Перестраховываются дипломаты, матушка. Хватит и тех войск, что с Бибииковым из Польши на басурмана послали, – не сдавался Орлов. – Войска на турецком фронте нужны. Победы наши добьют врага. А там и Константинополь на очереди: побьём турка окончательно. Нельзя с османами соглашаться.

И потом, господа! Что помогает успехам этого самого Пугачёва? Не верю, что людишки самочинно супротив государыни своей смуту поднять решились. Ужо были самозванцы, однако ж последствий не имели таких. Успехов добиваются те, за кем кто-либо стоит. Сведения, ваше величество, имею тайные. Греки, доверенные мои, сказывали, якобы полгода назад слышали на постоялом дворе Сент-Пьер в Стамбуле странный разговор французского посла с турками и поляками. О каком-то донском мужике и великой смуте в России говорили, что поддержать его надобно. Не оттуда ли вьётся веревочка к бунтовщикам? Иначе откуда же деньги, на кото-

рые самозванец начал людей смущать? Франция не заинтересована в нашем перемирии с Портой. О польских конфедератах молчу ужю. Вот, поди ж, они и раздувают недовольства в народе. Найти надо путь, по которому деньги к смутьяну текут.

– Не зря французский посол Дюран всё вьётся вокруг меня, ваше величество. Он, как прознал о победах Бибикова, сразу в Париж отписал. Дешу его мы тайно прочитали: мол, больше помогать надо «маркизу» Пугачёву, рекомендует советников, помимо денег, бунтовщику больше прислать. И теперь, как бы из сочувствия, француз расспрашивает меня и чиновников, приезжающих с тех краёв, о тамошней обстановке. Детально так вызнаёт и всё записывает, записывает, – вставил Панин.

– Пусть записывает, – не сдавался Орлов. – Нет... нельзя отдавать завоёванное, матушка.

– Эх куда ты загнул, Орлов, Константинополь захватить?!.. Не время, граф, не время. К договору вернёмся. В сомнении я, Никита Иванович. Отдать обратно территории?!.. Опять же Крым?! Карасубазарский договор султан какой раз нарушает: не хочет признать самостоятельности татар. Крови сколько пролили солдатушек русских... И отдать?!.. – недовольно произнесла Екатерина.

– А спокойствия на границах всё одно нет, – пробурчал Панин.

– А скольких людей наших татары в плен взяли и продали

туркам на базарах Кафы и Стамбула? – вставил Обрезков.

– А выкупа сколько государство заплатило татарам за этих людей? Какой же это мирный договор? – сокрушённо развёл руками Голицын.

В знак согласия императрица кивнула:

– И то верно. А что скажет Алексей Михайлович? Кто, как не он, лучше всех знает турок? Не зря же и послом был в Турции, и в тюрьме отсидел там, и переговоры вёл с Портой в Фокшанах и Бухаресте. Великий переговорный опыт с ними имеет.

Обрезков церемонно поклонился:

– Работорговлю не татары придумали, ваше величество. Ремеслом этим поганым занимались ещё итальянцы. Татары лишь переняли у них разбойный промысел. Это я к слову, ваше величество.

– Ну ежели к слову, – перебила императрица, – расскажи нам, Алексей Михайлович, коль знаешь, почему у всех крымских ханов приставка к имени Гирей? Аль обычай у них такой?

– Вы правы, ваше величество, – обычай. Есть такая легенда, она старая, со времён Чингисхана живёт в народе крымском.

Так вот, давным-давно один из вассалов Крымского ханства, имя которого не сохранилось, задумал овладеть ханским престолом. Он, подготовив заговор, велел умертвить царствовавшего хана, всю его семью и всех принцев – потом-

ков Чингисхана. Но один верный слуга, воспользовавшись суматохой, произведенной при этом, спас от убийц одного из сыновей хана, маленького принца, бывшего еще в колыбели, и доверил дитя и секрет его происхождения одному пастуху, известному своей честностью, по имени Гирей. Пастух воспитал младенца. Прошло время, и молодому потомку Чингисхана исполнилось 20 лет. Когда последовала вспышка народной ненависти, Гирей открыл свою тайну и так воодушевил этим народ, что тот сверг тирана, убил его и возвел на престол законного наследника. Призванный к трону пастух Гирей отказался от всех почестей, которые были ему предложены, и пожелал только, чтобы все ханы прибавляли к своему имени его имя – Гирей, сам же возвратился к своим стадам. Новый хан уважил просьбу пастуха. С того времени все лица, занимавшие в Крыму ханский престол, к своему имени присоединяли «Гирей». Легенда, конечно, ваше величество, но в неё верят татары.

– Занятна сия история. А ещё поведай нам, тёмным, Алексей Михайлович, почему Константинополь называют Стамбулом?

– Для турок, ваше величество, сей город всегда оставался Истанбулом, то есть, – наполненный Исламом, а для греков – Константинополь, и это единственное имя города, которое они признают.

– Хм... занятно! Продолжай, Алексей Михайлович.

– Теперь о деле. Помнится в июне 1771 года армия во гла-

ве с князем Долгоруким подошла к Салгиру⁷⁰, взяла Бахчисарай, Керчь, Кафу, Еникале. Вы помните, ваше величество, крымский хан Селим-Гирей, как известно, бежал в Стамбул. Новый хан Сагиб-Гирей, новые отношения с татарами, мирный договор... Представитель хана и крымской знати Шахин-Гирей от их имени на следующий год привёз нам присяжный лист, где оные татары поклялись не иметь с Портой никакой привязанности, а с русскою же империей вступить в вечную дружбу, о чём и подписали декларацию.

– Попробуй не заключи с нами союз, коль войска наши заставили, – пробурчал Репнин. – Зря не присоединили Крым тогда, ваше величество.

На эти слова обиженно возразил Панин:

– Ты, Николай Васильевич, чай не с улицы сюда пожаловал, должен знать решение Госсювета.

– Правду Никита Иванович говорит, – тоже недовольным голосом произнесла императрица. – Поди, все должны знать, я тайны из этого не делала. Ещё в марте 1770 года большинством голосов на Госсювете порешали мы не присоединять Крым, но понудить татар к мирному договору с нами. Надоели они своими разбоями. Вот генерал Долгорукий и исполнил сие. Аль забыл ты, князь Репнин? Хотя, понять тебя можно, в отставке был. Так вот, прошлый раз говорила и сейчас повторяю, господа: крымские татары по их свойству и положению никогда не будут полезными подданными

⁷⁰ Река в Крыму.

для Российской империи. Одно беспокойство от них и траты непомерные на их проживание. Да и недовольство Европы – тож не последнее дело. Так ведь, князь Голицын?

– Так, ваше величество. К тому же никакие с них порядочные налоги собираемы быть не могут. Хватит и того, что татары добровольно от Порты отторгнулись и военные поселения отдали нам на полуострове. Лишь бы разбои свои подлые не делали, и то хорошо.

– Ну, добровольно аль нет отторглись татары от турок, вопрос не об этом, но более десяти тысяч пленников освободил князь Долгорукий тогда. Великое дело совершил он, ваше величество, – произнёс Обрезков.

– Сказывал ты, Никита Иванович про знатного бея Шахин-Гирея, что к нам приезжал с делегацией года три назад? Что шапку свою не хотел снимать на приёмах, помнишь, поди... Любезный татарин, хорош собой... Тот, Никита Иванович?

– Тот самый, ваше величество. Потом-то спесь с него сбили, поладили. Неглупый, образован не по-татарски. Понимает, что с Россией лучше дружить, а не враждовать. И вообще мне он показался весьма полезительным для будущего, в отличие от других ханских беев. Взяли мы его на своё содержание. Дорого он казне обходится, да сие много пользы может принести нам в будущем. Дальше посмотрим, как быть с ним.

– Я, матушка, прошлым разом, как увидел этого татарчон-

ка во дворце у тебя, так сразу вспомнил Венецию. Мы с братом моим Григорием по твоему указу были там, помнишь, поди. Сидели на праздник как-то в таверне, а как увидели, что какого-то татарчонка бьют, так вступились за него. От стражи городской я на своих плечах тело вынес от греха подальше. Так это был тот самый татарчонок – Шахин-Гирей. То-то удивился он, меня узрев в мундире и при орденах.

Екатерина удивлённо взглянула на Орлова:

– Сей факт мне неизвестен, Алексей Григорьевич. Затем она повернулась к Панину: – Говоришь на содержание взял этого Шахина? Надеюсь, знаешь, что делаешь, Никита Иванович. Продолжай, Алексей Михайлович, только о деле говори. Сию историю с пленными мы знаем, – недовольным голосом произнесла Екатерина.

Однако дипломат не смутился и в том же духе продолжил:

– Татары, ваше величество, говорил ужо, сами и добровольно передали нам присяжный лист. Так мы эти бумаги привезли на переговоры в Фокшаны, и что? Блистательной Порте сия самостоятельность нового хана опять не понравилась. Султан Мустафа переговоры временно приостановил, а татарам показал кукиш и наотрез отказался признать ихнюю независимость. Понимал, – Крым навсегда потеряет.

– Слышала, необузданность характера и высокомерие графа Григория Орлова, – хитро взглянув на его брата, произнесла Екатерина, – на этих переговорах сильно не способствовали успеху. Так ведь, Алексей Михайлович?

– Так было угодно графу, ваше величество. Чай, не мудрено вспылить. Турки ранее ставили нам условие, что согласятся с независимостью татар, ежели те сами того захотят. Татары согласились, а турки в отказку пошли. Вот граф Орлов и не выдержал.

Императрица усмехнулась. Кто, как не она, знала истинную причину срыва своего бывшего фаворита на переговорах в Фокшанах. Узнав о новом её увлечении – Сашке Васильчикове, бросил Григорий переговоры, к ней помчался в Петербург. Екатерина опять усмехнулась.

– Но России повезло, – продолжил Обрезков, – в январе-то помер Мустафа, однако ж брат его, Абдул Хамид, хоть и послабее будет и ситуация на фронтах в нашу пользу вроде бы, да тоже пытается воспротивиться этому. И Пугач не последнюю роль играет. Да и король Франции Людовик всячески отговаривает султана от мирного договора с нами, деньгами ему подсобляет, советниками. Вот и тянет Абдула, условия нам выставил. Всё ж, думаю, надолго турок не хватит, силы теперь неравные, согласятся, куда им деваться?!.. Но как будет в реалии, поди знай... Сие в переговорах понять можно, – на всякий случай уклончиво произнёс тайный советник. – И ещё... по поводу выплаты компенсации.

– Четыре с половиной миллиона рублей на этот раз в трактат вписали, – недовольным голосом вставил Голицын. – Только за прошлый, 1773 год на войну потратили двадцать пять. А тут... курам на смех – четыре.

– Да ведь требовали в том году и сорок миллионов, толку-то. Надо востребовать теперь хоть что-то для престижу, – произнёс Панин.

– Брать надо хоть сколько. Опять же, по поводу Пугачёва, – продолжил Обрезков, – думаю, прав граф Орлов. Корни бунта и во Франции искать надо, но и про Порту, Польшу и татар не забывать. Не мог дезертир, вор и конокрад Емелька Пугачёв сам сие братоубийство организовать. Да и подозрительна болезнь генерала Бибикова, весьма подозрительна. Поговаривают, это дело рук польских конфедератов, травят, мол.

– Не удивлюсь, поди. Посол наш в Париже, князь Барятянский, давеча докладную мне прислал, что этот самый Пугачёв получил якобы от Порты знатную сумму денег, а сколько от французов... про то Барятянский не ведаёт. А кто ж хочет их терять? Небось, руки не одни на этом греются, – согласился Панин. – И ещё посол доносит о неких французах из поволжских колонистов. Они представляются эмиссарами Пугачёва, денег на войну у правительства Франции просят. Неведомо сколько, но злоба, ненависть и ревность к нашим успехам короля Людовика известна нам. Поди, этим ходакам отказу в деньгах нету. – Панин брезгливо мотнул головой. – Перехватили мы как-то депешу, писанную Людовиком посланнику своему в Петербурге.

Панин кивнул Фонвизину. Тот немедля подал её своему начальнику. Панин зачитал текст:

«Вы, конечно, милорд, знаете, и я повторяю это предельно ясно, что единственная цель моей политики в отношении России состоит в том, чтобы удалить ее как можно дальше от европейских дел... Все, что может погрузить ее в хаос и прежнюю тьму, мне выгодно, и денег я на это жалеть не буду...»

Императрица покачала головой:

– Злобствуют от слабости своей, боятся Россию, – она обвела взглядом присутствующих и, подняв руку со сложенным веером, словно скипетром, указала на запад: – И всегда будут бояться нас, да пакостить втёмную и шипеть на Россию, облыжно обвиняя во всех грехах. Бог им судья!

Екатерина кивнула Панину:

– Продолжай, Никита Иванович.

– Вот-вот, они, поганцы, и ведут злобную агитацию супротив нас, видимо потому и помогают Пугачёву. А народ наш что, он тёмный, за деньги и посулы верит самозванцу. Как всё дальше обернётся, одному Богу известно, и так полыхает по всему Поволжью и Яику... Там и Москва недалече. А как Порта опять упрётся и не подпишет договор, французы надавят на султана, к примеру. Нет, ваше величество, соглашаться с турками надо. Конечно, при условии выполнения главных требований: независимость Крыма, свободное плавание наше по морям и проливам и прочее...

– Всё возможно, Никита Иванович. Ты, князь Репнин, тоже славно поработал над текстом одного договора, а теперь

слушай, да слушай внимательно. Тебе в помощь генерал-аншефу Румянцеву ехать на переговоры. Хватит промеж собой дуться, – Екатерина повернула голову в сторону Обрезкова: – И ты, Алексей Михайлович, тоже собирайся. Втроём, надеюсь, и осилите турка на этот раз.

Репнин и Обрезков почтительно склонили головы.

– Эх до чего дошло, – продолжила императрица. – Пугачёву народ стал присягать. И тож, как не верить якобы бежавшему из тюрьмы покойному мужу моему, Пётру Фёдоровичу. За деньги и чёрту присягнут. Вот вам и любовь народа...

Екатерина мельком взглянула на Потёмкина, мол, вот твоя преданность народа. Тот, видимо, о чём-то думал и на взгляд государыни не отреагировал. Екатерина недовольно продолжила:

– Стоило мне немного прижать священнослужителей, как некоторые местные слуги Господня тож стали антихриста поддерживать: крестным ходом Пугача встречать, а это уже серьёзно, господа, нельзя сие терпеть. Заразу уничтожать надо, пока не поздно. Однако ж нельзя оголять и фронты. Султан, поди, только и ждёт этого. Нет, турка добить нужно. Прав, поди, граф Орлов...

Словно нуждаясь в поддержке, она опять взглянула на Потёмкина. Тот сосредоточенно читал экземпляр трактата, смешно шевелил губами и что-то черкал на полях с текстом. Екатерина улыбнулась.

– Думаю, так поступить! Прислушаться уместно к мнению героя Чесменского сражения генерал-аншефа Орлова. Не будем отдавать завоёванные нами территории. Исхитриться надо, Никита Иванович, на переговорах с турками не отдавать обратно территории. Зря, что ли, кровь проливали? А бунтовщика Емельку всё одно разобьём и сурово накажем, – произнесла свой вердикт императрица.

Орлов самодовольно оглядел присутствующих. Панин и Голицын огорчённо вздохнули. А Екатерина в довершение всего неожиданно продекларировала:

...Ужасны фурии, участницы войны,

Взошли на корабли с турецкой стороны.

Там смерть бледнюща, там ужас, там отравы,

С российской стороны – Минерва, Марс и Слава...

Твоя слава, Алексей Иванович. Тебе Херасков посвятил цельную поэму за победу в Чесме, слышал, поди.

– Минерва – это ты, матушка, ты наша богиня мудрости, – изрёк польщённый Орлов.

– Ваше величество, нельзя нам упорствовать, – неожиданно раздался голос Потёмкина.

Екатерина и Орлов недовольно посмотрели на него. Григорий не смутился и продолжил:

– Да, надо признать: на просторах наших бескрайних просвещения ещё не озарило умы крестьян и вера во всякого проходимца, якобы радеющего за них, сильна, это верно. Как верно и то, что свят и престол царский – место помазанны-

ка Божьего. Раскачка тайная, незаметная, врагами разными внушается в сознание люда русского православного. А почему? Совесть в людях, не завязанная на вере, на Господе нашем, вот и не держится. И это опаснее многих бед. Немедля, ваше величество, снимать полки с турецких фронтов надобно.

Екатерина, да, собственно, и остальные вельможи поразились столь необычной речи молодого генерала. Все замерли. Неслыханная дерзость – перечить государыне.

– Подрывают иноверцы подлые, – не смутясь, продолжил генерал, – веру православную, расшатывают устои государственные. Не ведает народ, что творит, тем и страшен. И тож, антихрист Пугачёв ведь не только деньги и посулы люду простому сулит, он волю им предлагает, а это почище любых наград будет, ваше величество. Свобода пьянит, дурманит. Тут только искру пусти... Вона как уже полыхает. Гасить пламя надобно. Опять же, отметить потребно: под началом басурмана – орды калмыков, татар, башкир, казахов и прочих кочевников, привыкших к вольной самостоятельной жизни. Не думаю, что там много русских людей. Иностранцы будут воевать с нами до конца: вера у них другая. Немедля разбить бунтовщиков потребно, да только какими силами? Инвалидными мизерными гарнизонами? Регулярные войска снимать потребно, и немедленно, – решительно повторил Потёмкин.

Григорий Александрович сделал паузу. Не спеша стал переворачивать листы с пометками.

Голос подал князь Репнин:

– Бунтовщики, ваше величество, чинят разорение заводов, промыслы уничтожают. Прав вице-канцлер: откуда мы железо на пушки и ядра брать будем? Что интересно, заводы жгут, как правило, инородцы – башкиры и прочие. Думаю...

Не стесняясь, Потёмкин перебил старшего по званию:

– Перебросить часть войск с Дунайского фронта надобно, ваше величество. И согласиться с артикулом шестнадцатым. Прав граф Панин: разобьём басурмана и вернём эти города и земли. И ещё, ваше величество! В договоре сказано о свободном плавании по морям и проливам судов российских, но ни слова – о строительстве военных кораблей на Чёрном море и их базировании. Малые глубины Азова и Таганрога не позволяют большим судам находиться там. На правом берегу Днепра, на месте укреплений Александр-Шанц,⁷¹ свои верфи надобно строить. Эти места я знаю, прошагал вдоль и поперёк. Сие включить в договор желательно. И ещё кой-чего не мешало бы добавить, коль согласимся с пунктом шестнадцатым.

Граф Орлов недовольно посмотрел в сторону Потёмкина, но промолчал.

Странно, но Екатерина внутренне даже обрадовалась смелости новичка. Мало кто отваживался на это за двенадцать лет её правления. Государыня уважительно посмотрела на Потёмкина:

⁷¹ г. Херсон (совр.).

– Упорствовать, говоришь, не надо... Веру подрывают... Глубины малые для кораблей... Хм... – Екатерина задумалась. – А ведь дело говоришь, генерал, хоть и не по этикету, но прощаю. Как считаешь, Никита Иванович?

– Поддерживаю, ваше величество. Слова не юноши, но мужа! Много пользы принесёт сие предложение.

– А ты, Александр Михайлович, что думаешь? Будем обратно земли отдавать наши?

– Жалко, ваше величество, ей Богу жалко, а видать, придётся. Дело генерал Потёмкин говорит, – ответил вице-канцлер.

Екатерина кивнула в сторону Репнина:

– А твоё мнение, Николай Васильевич? Тебе, любезный, словесную баталию с турками вести.

– Думаю, так, ваше величество. Прав тайный советник Обрезков. Как лучше поступить, только в ходе переговоров уразуметь можно, но и то правильно, что не грех и отступить на время, потом наверстаем.

– Твоё мнение господин тайный советник не спрашиваю, ответ знаю.

Екатерина задумалась. Все молчали в ожидании решения государыни.

– Что ж, господа, так тому и быть! Ты извини, Алексей Григорьевич, раз уж проморгали Емельку, маленький шажок назад потребно сделать. Подпишем договор, приду к тебе цыганскую капеллу послушать, говорят, поют знатно, не про-

гонишь, чай!

Граф Орлов недовольно покачал головой, но, спохватившись, ответил:

– Как можно, матушка? Цыган стоит послушать – понравятся тебе.

Императрица встала. Присутствующие склонили головы. Слуги открыли двери. Совещание закончено.

– Ты, Никита Иванович, с генералом Потёмкиным додумай сей договор, а после утвердим его на Госсовете – и в путь, господа, пока не размыло дороги. Благодарю всех. Да поможет нам Бог!

Возле двери Екатерина неожиданно остановилась. Грациозно повернула голову в сторону Орлова:

– Граф, голубчик, говорил ты о французах, что смутьяну Пугачёву советами и деньгами помогают, верно ль?

– Они, подлые... они, матушка. Сведения точные. Шпионы мои проверенные, оговор делать им не с руки. С ихних слов, мужика этого французы ещё в Польше заприметили со старообрядцами, там, поди, и сговорились. Говорили ещё, что султан приказал крымчакам поддержать бунтовщиков, а самого Пугачёва тоже называл «маркизом».

– Слухи, поди. А может, и нет. Вот что, Никита Иванович. Отношение к нам короля Франции Людовика XV хорошо известно – ненависть к нам для него почётней дружбы: постоянно разыгрывает турецкую карту. Кто, как не посол Франции, граф де Вержен, ранее способствовал началу вой-

ны нашей с Портой? Невыгоден королю наш мир с Турцией и Польшей: никаких денег не пожалеет на пакостные дела супротив нас. Христианнейший государь... пятьдесят лет на престоле, а ума так и не набрался... Бедная Франция.

– Князь Барятянский отписал, ваше величество, мол, слухи упорные в Париже при дворе ходят: Вержен вот-вот министром иностранных дел станет, палки в колёса опять вставлять будет.

– Не привыкать, Никита Иванович, переживём и это. Екатерина задумалась, взглянула на Потёмкина и категоричным голосом произнесла:

– Любезному графу Орлову недосуг будет, своих дел накопилось немало. Ты у нас, господин Панин, Коллегией иностранных дел управляешь, тебе и приказываю. Поручи Григорию... – императрица сделала паузу, посмотрела на Орлова и решительно продолжила: – Александровичу разобраться с французами. Спишись с посланником нашим, пусть сообщит, что ещё знает о кознях супротив России. Опять же о Пугачёве... Подозрительно больно: почему опять Пётр Третий? О нём, поди, и в России-то не все успели прослышать. Да и были уж самозванцы. Обманщик из Черногории, забыла, как его кличут, чего стоит!

– Степан Малой. Да и ранее беглые солдаты Кремнев и Евдокимов обзывались этим именем. А последний, Богомоллов, тож беглый, ваше величество, – вставил Панин. – И тож супругом вашим на народе представлялся. Помер при допро-

сах.

– Вот-вот, Петром Первым резонней было назваться, а по-ди ж ты... непременно научил кто-то и этого мерзавца. Но кто? Ежель подтвердится, что французы аль кто ещё... не мне вас учить, Никита Иванович, как поступить, но огласки не надобно. А кого из иностранцев у Пугачёва в полон возьмут с оружием в руках, прошу прямо отправить к Кошкину⁷² в Сибирь северную, дабы отбить у них охоту воевать с русскими. И вот ещё, господа, надо, чтобы турки на переговорах меньше знали об истинном состоянии дел у Пугачёва. И войска наши снимать осторожно, без огласки какой-либо. Оградите, Никита Иванович, французского посла господина Дюрана от новостей, нам не нужных. Как?!.. не мне учить вас.

– А Бярянскому отписать, что бьём Пугача, недолго, мол, осталось басурману землю топтать. Думаю, это шибко поможет генералу Румянцеву на переговорах, – тут же уловив мысль Екатерины, – произнёс Панин.

– Мысль хорошая, Никита Иванович. Не забывайте, господа, по Европам самозванка «княжна Тараканова» бродит, дочью Елизаветы Петровны представляется. Тоже на престол российский глаз положила, Радзивилы ей помогают. Успех Лжедмитрия в смутные времена забыть не могут, повторить хотят. Ты, Алексей Григорьевич, коль сможешь, разберись с этой самозванкой. Господи, неужто коль помру и

⁷² Генерал-губернатор Пермского и Тобольского краёв.

мною называться найдутся охотницы? Нет, ежели умирать, так старухой и на глазах у людей, дабы соблазну не было ни у кого. Она перекрестилась, затем развернулась в сторону вице-канцлера Голицына:

– Ты, Александр Михайлович, активен был нынче. Хвалю. Вспомнила я давеча, по Крыму ещё граф Воронцов покойный мысли некоторые сказывал достойные, прислушаться и к нему надобно. С Григорием Александровичем и Никитой Ивановичем как след обсудите оные мысли, – Екатерина обвела взглядом присутствующих. – Однако ж затянулось наше обсуждение, заканчивать надобно, господа. Новгородский губернатор, граф Сиверс, дожидается. Зело полезное дело он сделал шесть лет назад, бумажные ассигнации стал печатать – уважить графа аудиенцией обещала.

Екатерина многозначительно помотрела на Потёмкина, слегка кивнула ему головой:

– Сопроводите меня, любезный генерал, – и величественно вышла из зала.

Сановные вельможи почтительно склонили головы. Алексей Орлов с досадой покачал головой. Он понял: время его брата Григория закончилось окончательно.

По-хозяйски оглядев сановников, Потёмкин, не прощаясь, вышел вслед за императрицей.

– Мне представляется, что сей новый актер роль свою играть будет с великой живостью и со многими переменами, – чуть слышно произнёс Репнин.

Орлов криво усмехнулся:

– Генерал-майору пора бы отбыть на фронт. Не по чину задержался в столице. Война, видите ли, война ещё продолжается.

Присутствующие промолчали. И только губы Фонвизина расплылись в довольной улыбке. Он был рад за друга.

Григорий Потёмкин

Санкт-Петербург, март 1774 год.

А вскоре у Потёмкина появились официальные основания для задержки в военное время при дворе. Он получил чин генерал-адъютанта, дававший ему право постоянно находиться при императрице.

Для Потёмкина началась другая жизнь. По распоряжению императрицы в армию он не вернулся. Всё реже стал бывать в доме своего зятя Николая Самойлова, где проживал последнее время. В числе других придворных кавалеров Григорий Александрович посещал торжественные встречи, маскарады и выходы императрицы в Эрмитаже; нередко его приглашали к обеденному столу. Все эти встречи происходили при значительном скоплении народа, и предупреждение Екатерины о скромном «умненьком» поведении, непривычному к придворному этикету генералу было нелишним.

Возвышение Потёмкина шло стремительно. Уже в середине марта 1774 года он стал подполковником лейб-гвардии Преображенского полка, где императрица являлась полковником. Григорий Орлов, ранее занимавший этот весьма почётный и значимый в государственной иерархии пост, редко появлялся в столице, был занят утомительными согласованиями спорных вопросов мирного договора с турками в Фокшанах и Бухаресте и практически забросил дела в полку.

Гвардия обносила, палаши заржавели – упала дисциплина.

Потёмкин достаточно быстро навёл в полку порядок. Даже штат полкового оркестра укомплектовал, согласно ещё Петровскому указу от 1711 года, до сорока человек.

В конце марта 1774 года Потемкин получил генерал-губернаторство в трех южных областях: Астраханской, Азовской и Новороссийской. Как наместник юга России, он начал заселять пустынные степи. На фаворита обрушился поток самых срочных дел.

Июль 1774 года. Ораниенбаум.

Природа после зимней спячки окончательно проснулась. Аллеи парка Ораниенбаума⁷³ прихорашивались. Под тёплыми солнечными лучами ещё недавно унылые серые стволы и ветки деревьев зацепстрели, запушились сочной зеленью. Когда-то для князя Меншикова их сотнями с невероятным трудом привозили на подводах, кораблях из-за тысячи вёрст – из Польши, Пруссии, Померании, Дании, Голландии. Не все растения прижились: чужая земля, чужое солнце. Только скромные северные цветы – любимые Петром Великим пахучий калужер, махровые пионы и уныло-яркие георгины – росли здесь привольнее.

Нестройно, вразнобой щебетали птицы. Тихо, хорошо, покойно.

В самой глубине парка, где белым пятном выделялся фонтан в форме разинутой пасти рыбы с выпученными глаза-

⁷³ Город Ломоносов (совр).

ми, на дубовой скамейке, окружённой начинающим зеленеть кустарником, подставив лицо солнечным лучам, сидела императрица Екатерина Алексеевна. Сидела беспокойно. Она нет-нет да и бросит взгляд в сторону едва виднеющегося отсюда двухэтажного дома, где когда-то арестовали её бывшего мужа Петра Фёдоровича. Неприятное ностальгическое чувство часто напоминало ей о тех днях, но она тут же отгоняла его: зачем вспоминать неприятности... Екатерина вздохнула.

Её лицо, устремлённое в сторону аллеи, ведущей ко дворцу, выражало недовольство.

– Что за привычка опаздывать? Договорились же, – вслух, раздражённо произнесла Екатерина.

Она ещё что-то хотела добавить, но в это время раздалось громкое воронье карканье. Государыня вздрогнула. Посмотрела на верхушки деревьев.

– Кыш, проклятая, напугала! В собственном парке спокойно не могу посидеть, – проворчала она. Её взгляд скользнул по верхушкам деревьев, однако самой возмутительницы тишины видно не было.

– Где ты, птица подлая?

И за её спиной ворона с утроенной энергией опять заголосила: «К-а-р-р, к-а-р-р». Разгневанная такой беспардонностью, Екатерина вскочила.

– Чтоб ты сдохла, дура безмозглая, – закричала она.

Раздался громкий хохот. Из кустов выпрыгнул Потёмкин

и, переваливаясь с ноги на ногу, словно хромая бегущая по земле ворона, с пронзительным карканьем запрыгнул на скамью.

– Тьфу... Всё дурачишься, батенька, – попыталась было сердито отчитать Потёмкина Екатерина, но не сдержалась и от души расхохоталась. – Ну копия вороны. Ну чем не большой ребёнок?!

И тут, словно по заказу, откуда-то сверху, серебряной дробью рассыпалась соловьиная трель. Екатерина недоверчиво посмотрела на Потёмкина.

– Теперь не я, душа моя! Боюсь, у меня так не получится. Самочку соловей зовёт, слышишь, Катенька! Нашёл, застолбил место и приглашает подружку: «Давай, – говорит, – гнездышко создадим. Весна, лето впереди». Вот и мы давай присядем.

Влюблённая пара сидела молча. Птицы продолжали резвиться.

– Зима, Гришенька, прошла. Медленно – для самых несчастных, чуть быстрее – для менее счастливых, быстро – для почти счастливых, – щурясь от солнца, томно, с некоторой ленцой в голосе произнесла Екатерина. Затем, будто что-то вспомнив, усмехнулась и добавила:

– И уж совсем быстро для медведей. А что им, Гришенька?.. Спят себе зимой в берлогах с лапой во рту. Если философски смотреть, весна, Гришенька, не только время для соловьёв гнезда вить, а и для людей надежда на тепло, на сол-

нышко и зелень, а потом опять лето – короткая прелюдия к дождливой осени, за которой неумолимо подкрадётся зима и холод. И снова всё повторится... И так до бесконечности...

– Весна-то ладно. А счастливых-то пошто пропустила, душа моя, – прикрывая от солнца рукой здоровый глаз, с ленивой усмешкой произнёс Потёмкин.

– Друг мой! Счастливых людей настолько мало, что не стоит их помещать впереди медведей: обидятся и те, и другие. И потом, они ведь потому и счастливые, что не берут в голову проблемы несчастных. Для них любое время года – благодать.

Потёмкин расстегнул кафтан, рубашку и сидел, блаженно раскинув руки, оголённой грудью впитывая весенние лучи. Забытое за зиму ощущение тепла, лесных запахов и природная тишина разморили, клонили ко сну. В полудрёме и с некоторой ехидцей Потёмкин спросил:

– И много ль подле тебя таких счастливичиков?

– Как знать... есть, наверное. К примеру, сын мой. Не видит, точнее, не хочет видеть проблемы. Спит и видит себя на престоле. В уши ему жена его, Панины и прочие дуют, не успокоятся никак. Павел в отца – Пруссию любит, а не понимает: правитель подобен ветру, а народ – траве. Куда дует ветер, туда гнётся трава. Но народ, а уж русский-то тем более, нельзя долго гнуть в непотребную для него сторону. Не сломается, а силу наберёт и выгнется так, что никто сверху не удержится. Не любит наш народ пруссаков, не любит. Го-

ворила об этом не раз ему, бычится, молчит, вроде согласный со мной, а сам губы сжимает и глаза отводит. Вижу: не согласен в душе. Тобою недоволен, опять же. Ты, Гришенька, поаккуратней с ним; Павел – наследник престола, как всё сложится далее, поди, знай...

Потёмкин криво улыбнулся, но промолчал. Екатерина вздохнула, посмотрела на Григория тем взглядом, которым мать глядит на своё неразумное ещё чадо, – с любовью и тревогой.

– Радуйся, Гришенька, верь и надейся. Поскольку все люди на земле нашей грешной гонятся за одним и тем же – за счастьем. Каждый хочет урвать себе кусочек оногo. Так что не обольщайся, друг мой, вероятность того, что ты его обретёшь и станешь истинно счастливым, – крайне ничтожна. Раздели единицу счастья на число людей, живущих на земле... Вот видишь?!.. Не надо быть профессором Гольдбахом, чтобы догадаться о результате, который и подсчитать-то невозможно. А представь: вдруг получишь его под конец жизни?! И подумаешь: а стоят ли все мучения и лишения этого мизерного кусочка счастья, а? Лучше радуйся тем дарам, которые предлагает сейчас Господь тебе.

– И ты, мой ангел! Чай, не последняя на этой земле. Счастье, говоришь?! Оно разное у всех, Катенька. Корочка хлеба для голодного и тыща рублёв для богатого – всяк одинаково возрадуется, всяк счастлив будет по-своему. А дай эту тыщу нищему, а корку богатому: один от такого счастья аль

сопьётся, аль ограбят его, да ещё жизни лишится, другой – напрочь обидится. Вот и ты уразумей, душа моя, счастье-то у всех своё, только ему и понятное. Как же его делить на всех? Разное оно. Кому нужно чужое счастье?..

Лицо Потёмкина стало серьёзным и немного грустным. Он осторожно взял в руки ладонь Екатерины и, глядя ей в глаза, очень тихо, почти шёпотом произнёс:

– Ты моё счастье, и ради него я согласен на лишения. Жизнь моя принадлежит тебе, любовь моя!

Екатерина удивлённо посмотрела на фаворита. Сокровенные высказывания от него она и ранее слышала, однако ж мысли, сказанные сегодня, правильные, и речи – мужчины достойные. Даже дурачится он так, что не обидно, а смешно. Нет сравнения с предшественниками. И, словно боясь, что Потёмкин услышит её мысли, Екатерина отвела от него взгляд.

«Женщина способна пожертвовать всем ради своего мужчины, тогда как мужчина...» – Екатерина с некоторым сомнением опять посмотрела на фаворита. Тот, не выпуская её руку, с закрытыми глазами, с милой, блаженной улыбкой и не менее трогательной ямочкой на подбородке безмятежно продолжал наслаждаться теплом солнечных лучей. Екатерина улыбнулась.

«Увы, мужчины, как правило, умнее нас женщин, да вот незадача: счастливыми они оказываются только тогда, когда находят себе ровню».

Императрица усмехнулась, и в самом деле представив себя ровней капралу, которого сама нашла, сама и возвышает. «А что же остаётся мужчине?.. Ум, наверное! И, кажется, этого добра у моего молодого красавца в достатке. Дай Бог, чтоб не усох от власти и почестей».

Она осторожно освободила свою руку и, как и Потёмкин, закрыв глаза, откинулась на спинку скамейки.

«Надолго ли женщина может удержать своего мужчину? Красота женская – ведь лишь обещание её внутренних качеств, которые должны быть проявлены, и это опять зависит от мужиков, от ихнего умения вызвать в нас женщинах, эти качества и оценить. Всё от мужчин зависит, так уж природой создано. Везёт им...» – вздохнула Екатерина. И вдруг неожиданно для себя она вспомнила прусского короля Фридриха, дай Бог ему здоровья! И сердце её дрогнуло. «Не будь его, глядишь, в объятьях этого красавца сидела бы Марианна саксонская!.. Ревную!.. Нехорошо!..»

И сердце императрицы застучало, наполнилось нежностью к этому гиганту с большой и детской душой. Она покорно склонила свою голову к его плечу.

Её прикосновение вызвало у Потёмкина непередаваемое чувство нежности и мужской гордости за себя одновременно. Безмерная радость обладания любимой женщиной унесла его далеко – на небо, за облака. «И это чувство сравнимо лишь с удовлетворением, которое испытываешь, выполнив свой мужской долг, – лениво размышлял Григорий. – А

болтают, что это преступление. Пусть так... Но это пленительное преступление, сладостное нарушение моральных законов, божественное злодейство!»

Потёмкин обнял Екатерину – он был счастлив.

Соловей затих. Замолкли птицы. Даже ветки деревьев перестали шуршать от лёгкого дуновения ветерка. Наступила благоговейная тишина. Влюблённые замерли, вслушиваясь в эту тишину...

Нет, дорогой читатель! Соловей, конечно, продолжал петь, птицы тоже не умолкали, ветки наоборот, стали больше шуметь: ветер усилился. Это наши герои слушали свою тишину, ту редкую, какую могут услышать только влюблённые. Длилось это состояние недолго. Дела, дела...

– По смерти Бибикова, царство ему небесное, – будто очнувшись, заговорила императрица, – Никита Иванович действительно намекает мне о назначении своего братца, Петра Ивановича, командующим над войсками, что с басурманом Пугачёвым воюют. Да, боюсь я, Гришенька. Больно власть большую под его начало отпишу, до беды недалеко. Якшаются братья с моим сыном, о чём говорят – понятно. А тут армия под началом у них будет?! Однако ж и командующего князя Щербатова оставлять боле нельзя: слабый, нерешительный; самозванец Емелька совсем распоясался. Ужо не знаю, что и делать.

Потёмкин задумался. На роль спасителя Отечества претендовал его первый покровитель и командующий войсками

– генерал-аншеф Пётр Румянцев, об чём ужо намекал ему. Благодаря Румянцеву вот-вот договор с Портой подписан будет.

«Обидится Пётр Александрович, ей-ей обидится, коль Панин командующим станет. С другой стороны, Никита Иванович сейчас поддерживает меня при дворе, никак пока не можно без него. Одно остаётся, Никиту Ивановича совсем от двора удалить. Тоже плохо. Будут с братом на стороне плести интриги супротив императрицы, сына её – Павла, на престол тащить. А при дворе пригляд какой-никакой за ним... Хотя... контроль гласный и негласный за братьями вести можно и на стороне. Ежели что, без огласки и утихомирить... – размышлял Григорий. – Нет, все же пусть Панин возглавит сию компанию, рано супротив себя настраивать братьев».

– Не легче ли отдалить от двора Паниных, душа моя? – на всякий случай, произнёс Потёмкин. – Никита Иванович ленивым стал, неповоротливым, пусть ужо отдыхает. А его братец и сам поймёт, что не стоит выпячиваться.

Помолчав немного, государыня покачала головой:

– Крокодил порой тоже кажется ленивым, однако ж, чуть зазеваешься, руку-то по локоть откусит. Вот такой и Никита Панин. Управлять – значит предвидеть, мой друг, а это... ох как трудно. Никита Иванович – честный, весьма искусный, самый смышлёный и ревностный человек при моём дворе, а таковых немного, ты мне поверь, Гришенька. Его даже вра-

ги уважают как личность гордую и неподкупную. Никак без него не можно. Без Никиты Панина я больше потеряю, чем приобрету.

– Тогда его надо уважить, радость моя. Однако ж ограничь полномочия его брата. Откажи ему в начальстве над Московским гарнизоном и в следственных комиссиях. Командующего Московским гарнизоном князя Волконского предупреди, как действовать, ежели что. А на следствии сидит мой родственник – Павел Потёмкин, ежели что – сообщит. Лишний пригляд и там не помешает.

Екатерина встала:

– Подумаю! А и впрямь условия свои поставлю. Следственную комиссию пушай твой родственник и далё возглавляет. Инструкции нужные дай ему.

Господи, как хочется хоть на день, на полдня, на час стать душой. Забыть всех и вся, самой тащить втихомолку из казны деньги, а потом мило улыбаться всем: не брала, мол, господа, ей-ей не брала... разреветься от обиды, что не поверили... Легко жить возле кормушки государевой... Ежели и поймают, какой спрос с дуры?

– Так кто мешает, радость моя? Будь ею...

– Нельзя, Гришенька! За свою примут. А коль примут, столько грязи увижу вокруг, что голова сама в петлю полезет.

– Не так уж много их подле тебя, ваше величество, – насмешливо возразил Потёмкин.

– Может, и так, да расставлены они по-умному, часто на-

тыкаюсь на них.

Ладно, пора обедать. Голод не тётка. Вон и Мария столбом стоит, нервничает, видать, опаздываем. Сенатор Кирилла Разумовский, да Никита Иванович Панин ждут нас, Гришенька. Панин, поди, проголодался, любит поесть.

– Подождут, – Потёмкин, не стесняясь наблюдающей за ними издалека Марии Перекусихиной, крепко обнял императрицу.

Она, отталкивая его одной рукой, крепко притягивала другой. Оба, затаив дыхание, молчали. Наконец Екатерина осторожно отстранилась от Григория, взяв его под руку.

Они шли рядом; она опиралась на его руку, оборки платья задевали его ногу. Медленно, не спеша они направились по дорожке мимо фонтана в направлении дворца.

– Ненавижу фонтаны, – оглядываясь на рыбу, неожиданно произнесла Екатерина. – Они мучают воду, заставляют её следовать противному ей естественному течению.

Государыня недовольным взглядом окинула идущую ровной линией дорожку, и добавила:

– Не люблю и прямые линии, похожие друг на друга, – завидя недоумённый взгляд Потёмкина и предваряя его закономерный вопрос, тут же пояснила: – До сумасшествия, Гришенька, люблю английские сады, кривые линии, пруды, наподобие озерков...

Григорий лишь пожал плечами. И они оба замолчали. Так и шли молча, предаваясь своим мыслям, и изредка блаженно

поглядывая друг на друга.

Вдруг лицо Екатерины стало серьёзным, она нахмурилась.

– Надоел мне, Гришенька, Васильчиков⁷⁴. Слава Богу, съехал из дворца к брату своему, да всё чем-то недоволен. Шлёт записки, всё жалуется, всё гарантий просит. Ты, Гришенька, молви Никите Ивановичу, чтоб чрез третьи руки уговорил его ехать к водам, у него грудь часто болит. А там куда-нибудь можно определить, где дела мало. Посланныком хотя бы, – и уже совсем раздражённым голосом добавила: – И ведь срамник каков – Сашка... Знает, что не обижу, и всё-таки гарантии в каждой цидулке просит. Две тыщи душ ему пожаловала да денег без меры, мало всё...

Потёмкин не стал комментировать поведение своего предшественника, лишь кивнул в знак согласия, а про себя подумал: «Разберутся. Своего бы не упустить. Железо ковать надо, пока оно горячо!»

Обед шёл своим привычным чередом, но не как обычно оживлённо. Влюблённая парочка находилась, а приглашённые это почувствовали, в поэтически-блаженном состоянии. И Григорий, и Екатерина старались не встречаться взглядами, дабы невзначай не разрушить ту тонкую нить духовной близости, что связывала их там, в парке. И гости проявили необычную (хотя и с большим трудом) любовь к молчанию: говорили мало, соблюдая тишину, зато ели много, жестами руководя слугами. Екатерина оценила эту деликатность.

⁷⁴ Фаворит Екатерины II до встречи с Потёмкиным.

Стол, как всегда, отличался изысканностью и разнообразием. Слуги прислуживали молча, степенно, с достоинством. Они мало вникали в ситуацию, возникшую за столом. Не до этого...

Украшенные зеленью и лимонами аршинные стерляди, так любимые Паниным и Потёмкиным, спаржа, толщиной с хорошую дубину, белая телятина, супы, салаты и прочее – всё это подавалось на блюдах тончайшей работы итальянских мастеров, и это требовало от слуг максимальной внимательности и осторожности. А ежели что – на заднем месте долго сидеть не сможешь! Какие там разговоры?..

Императрица ко всем этим кулинарным излишествам относилась равнодушно, предпочитала простую пищу: разварную говядину с солёными огурцами, квашеную капусту и всё это под соус из вяленых оленьих языков. Ну ещё позволяла иногда откусать слойку с бараниной. Из напитков пила смородиновую воду. Гости пили шампанское, но очень умеренно, дабы не обидеть хозяйку.

Наконец промокнув салфеткой губы, граф Разумовский⁷⁵, не стесняясь фаворита, на правах личного друга государыни пожаловался ей:

– Ропщут, матушка, члены Государственного совета, недовольны они назначением в совет Григория Александровича, князь Орлов Григорий Григорьевич – особенно. Генерал-прокурор, князь Вяземский тоже с обидою на тебя. За-

⁷⁵ Член Верховного совета.

писку, что ты ему передала, в которой указание даёшь присутствовать на заседании совета Григорию Александровичу, он держит как документ твоего оскорбления и неуважения.

Как же так, говорит, Потёмкин не ровня нам, лишь третий класс имеет. Несправедливость чинит государыня наша.

– Ты, Кирилл Григорьевич, успокой сих господ, не время обиды держать. Григорий Александрович много пользы принесёт и на сим посту. Это я должна обижаться на вас всех. Мирный трактат не можем подписать с турками, вор и злодей Емелька к Москве подбирается, самозванка Тараканова не поймана и злодеет супротив меня в Европах. Молчу уж про Крым. Забыли нешто? И ты, Никита Иванович, тоже уразумей...

Договорить Екатерина не успела, двери неожиданно открылись.

Дежурный офицер, щёлкнув каблуками и вытянувшись по стойке смирно, доложил:

– Ваше императорское величество, срочный пакет от князя Барятянского из Парижу.

Екатерина нахмурилась:

– Что так срочно? Канцелярия для этого, поди, есть.

– Ваше величество, это я распорядился всю срочную корреспонденцию доставлять мне не мешкая. Дозвольте пакет вскрыть, – произнёс Панин.

– Хм... обедаем, чай, – недовольно проворчала Екатерина. – Ладно, Никита Иванович, читай.

Треск сургуча и шуршание открываемого пакета приковали внимание присутствующих к Панину. Никита Иванович развернул короткое послание.

– Есть Бог на свете, ваше величество. Князь Барятянский пишет: 10 мая 1774 года умер король Франции Людовик XV. от оспы в Версале представился, царство ему небесное.

Наступила тишина. Все повернули головы в сторону императрицы, и перекрестились. Потёмкин зашептал молитву. Екатерина склонила голову, и тоже перекрестилась.

– Вот видите, господа! – очень тихо произнесла она. – Бог на самом деле есть. Главный наш враг, султан Мустафа в январе сего года покинул сей бранный мир, нынче – король Франции. Всё как-то ко времени. Это ли не знак свыше? Подписывать теперь договор потребно, Никита Иванович, подписывать... Французам теперь не до турок...

А на Пугачёва силы поболе, до двадцати полков, как просит Чернышёв, с фронта теперь снять можно. Григорий Александрович, помнится, просила тебя разобраться с французами, что деньгами помогают «маркизу» Пугачёву. Теперь, что уж?!.. Бог с ними, с французами, и заговорами супротив нас, не будем тревожить душу усопшего. И так ба-сурмана разобьём.

Императрица встала.

– Ты, Никита Иванович, хлопчешь о брате своём – командовать войсками он хочет, что на Пугачёва посылаем, – Екатерина многозначительно посмотрела на Потёмкина. –

Как считаешь, Григорий Александрович?

Панин встревоженно взглянул на фаворита. Потёмкин ответил не сразу. Отхлебнул морсу, промокнул салфеткой губы и степенно произнёс:

– Думаю, ваше величество, просьбу Никиты Ивановича уважить надобно. Пётр Иванович, опытный в делах подобных, разобьёт злодея. А как появится возможность, в помощь ему непременно генерала Суворова послать нужно.

– Суворова?!.. – императрица удивлённо взглянула на фаворита.

«Умно... Ай, да Потёмкин. Верно мыслит. Характер у Александра Васильевича не очень, зато авторитет в войсках отменный. Опять же, по дочке своей хлопочет, просит пристроить её во фрейлины ко мне. Что ж не помочь-то теперича?!»

– Дело говоришь, Григорий Александрович. Вдвоём-то сподручнее будет, живо побьют бунтовщика.

«Заодно и пригляд будет за братцем Никиты Ивановича. Вон, силища какая под его началом собирается. И Москва недалече, опасно. Мало ли что в башку ударит этим братьям», – мысленно подумала Екатерина и вслух произнесла:

– Что ж, пусть так и будет. Распорядись, Григорий Александрович, указ о назначении Панина Петра Ивановича подготовить, подпишу непременно. Апосля и Суворова можно назначить.

Теперь уже Потёмкин вопросительно посмотрел на Ека-

терину, Панин и Разумовский – тоже. Все знали, сия процедура – указы о назначении в войсках – лежала на Военной коллегии, графе Чернышёве!.. Екатерина усмехнулась:

– Назначаю я Григория Александровича вице-президентом Военной коллегии. Граф Чернышёв⁷⁶, надеюсь, не обидится. Заодно и классом Потёмкин сравняется с вами, господа, всё меньше обид будет. А воинское звание для новой должности Григория Александровича – дело поправимое.

Государыня сделала паузу и, потирая виски, томно произнесла:

– Голова разболелась, и пойми, от чего: от радости аль печали?! Человек, хоть и француз, а помер, – царство ему небесное. Пойду я, господа. Десерты без меня употребите.

Оправляя складки платья, Екатерина, не обращаясь ни к кому лично, произнесла:

– Вы, господа, южным нашим границам, Крыму, больше уделите внимания, беспокойно там. Говорила как-то уж, покойный граф Воронцов Михаил Илларионович, царство ему небесное, обращал моё внимание на сию вечную угрозу со стороны крымских татар. Доклад его «О Малой Татарии» давно лежит у меня. Так я спрашивала тогда командующего войсками Петра Панина: нельзя ль поколебать в верности Порте оттоманской народы крымскотатарские, мысли им внушить к составлению у себя независимости от любого правительства. Говорю ему: скажи им генерал, помощь окажем

⁷⁶ Президент Военной коллегии.

повсеместную. Аль не так Панин спрашивал, аль ещё чего, но и хан и татарская знать отказом тогда мне ответили. Вот и пришлось силой действовать. Князь Долгорукий справно потрудился в Крыму. Разбил хана, заставил татар в Карасубазаре договор о независимости Крыма от турок подписать и мир с нами заключить, – Екатерина задумалась.

– Еникале и Керчь получили мы в свои владения, ваше величество! – напомнил Панин.

– Вот-вот! Думала: всё, покой станется на границах южных. Татары сами будут жить, не спрашивая на то совета турок! Ошиблась!..

Панин махнул слуге, тот подал ему папку.

– Ваше величество! – порывшись в папке, опять подал голос Никита Иванович, и словно фокусник, выдернул оттуда документ. – Коль про Крым вспомнили, давеча донесение получил от посланника нашего в Крыму, Веселицкого. Через свою агентурную сеть и наблюдения береговых постов, что передвижение турецкого флота контролируют, узнал он наверняка: турки десант готовят на Крым, независимость татар аннулировать хотят, нарушить условия Карасубазарского договора.

– Не позволяйте этого делать, Никита Иванович! Князя Долгорукого настрою предупреди: коль турки появятся, гнать их из Крыма. Раз обещали защищать татар, сие исполнить потребно. В Крыму они хозяева, а с нами мир держать обязаны. Покойны должны мы быть за южные границы свои.

А что не все татары хотят мира, никого не держим, скатертью дорога.

Обмахиваясь веером, императрица вышла. Двери за ней медленно закрылись.

Турецкий десант

Начало июля 1774 г. Крым.

Забрезжил рассвет, потускнели звёзды. Тёмная полоска горизонта чуть-чуть посерела. После ночной духоты приятной прохладой подул лёгкий бриз.

Разрезая форштевнем морскую гладь, линейный корабль «Ибрагим-бей», флагман турецкой эскадры, состоящей из более шестидесяти кораблей, подходил к берегам Крыма, в район деревни Алушта.

Корабль плавно переваливался с борта на борт, в такт качке привычно скрипели рангоут и такелаж, изредка хлопали паруса.

В тусклом свете бортовых огней на юте⁷⁷, помимо корабельной вахты, стояли три человека: капудан-паша⁷⁸ Ахмед-бей, трапезундский сераскер паша Гаджи Али-бей и французский офицер-советник, к которому турецкие военачальники уважительно обращались по имени: господин Пьер. Они беседовали.

Нижняя палуба корабля была покрыта телами спящих солдат и с высоты юта казалась груботканым разноцветным ковром с двумя неровными дорожками по краям – проходами, по которым, стараясь не наступить на янычар, выполняя

⁷⁷ Верхняя палуба в кормовой части парусных военных кораблей.

⁷⁸ Командующий турецким флотом.

команды вахтенного офицера, бегали матросы. Топот ног и громко подаваемые команды корабельных офицеров измучившимся за ночь от духоты, влажности и качки османским солдатам спать не мешали. То тут, то там раздавались сонные вскрики, чмокание, бессвязное бормотание.

Корабль немного тряхнуло: паруса поймали галфвинд⁷⁹.

– Верхние паруса убрать, нижние зарифить! – раздалась команда вахтенного офицера. Загудели свистки. Послышался мягкий топот босых ног.

С нижней палубы на верхнюю побежали матросы. С разбега запрыгнув на ванты, ловко перебирая руками и ногами, они устремились вверх по мачтам, где тут же разошлись по реям.

– Надеюсь, русские нас не ждут? Что-то не видно условного огня для высадки, – осматривая в подзорную трубу едва различимую полосу берега, произнёс капудан-паша.

– Уважаемый Гаджи, вы уверены в людях хана Девлет-Гирея? Они не подведут?

– Адмирал, дайте команду погасить огни. Чем позже нас увидят, тем лучше, – рассматривая в трубу берег, проворчал советник. – Не нервничайте и не торопитесь. Держитесь мористее, пусть подтянутся остальные корабли.

Француз говорил неторопливо, с достоинством, переходящим в нравоучение.

– Торопливость, уважаемый Ахмет-паша, как говорит ва-

⁷⁹ Ветер, дующий поперек пути корабля под прямым углом.

ша пословица, есть свойство шайтана. Только терпеливый может закончить дело, торопливый – навредит. Люди нового хана на берегу расставлены. В любом случае, ни один гонец с вестью о нашем прибытии до штаба русских скоро не дойдёт, его перехватят татары. Девлет-Гирей, как никто, в этом заинтересован: султан последний шанс ему дал. А условный огонь... появится, будьте покойны.

Советник опустил трубу, подошёл к небольшому столику, удобно устроился в кресле, не спеша набил табаком курительную трубку, разжёг её и, выпуская первый клубок дыма, произнёс:

– А турецкий, господа, табачок – какая прелесть! На короткое время он замолчал, наслаждаясь первыми за сегодня затяжками, затем продолжил: – Ну, так вот! Как донесла разведка, и заметьте господа, данные наших агентов совершенно совпали с донесениями вашего Девлет-Гирея, – редкий случай, в Алуште гарнизон небольшой, сто, сто пятьдесят человек и всего две пушки на крепостных укреплениях, защищающих пристань. В Ялте тоже немного – чуть больше двухсот человек. И вообще русских солдат в Крыму не более трёх тысяч. Надеюсь, с тридцатитысячным десантом вы с ними легко справитесь, господа.

А сейчас, адмирал, ваша задача не промахнуться мимо Алушты и быстро высадить десант. Внезапность, господа, не последнее дело в данном случае. Заняв Алушту, Ялту и Гурзуф, надо будет как можно скорее продвинуться в глубь по-

луострова, а оттуда – на Перекоп. Закрывать наглухо нужно ворота в Крым.

– Всё в руках Аллаха, уважаемый господин Пьер! Нынешний хан, Сахиб-Гирей, так просто не уступит свой трон Девлет-Гирею. Нет единства в Крыму, и это плохо! Двоевластие не будет способствовать успеху. Надеюсь, наш десант подтолкнёт колеблющихся. Думаю, беи на совете большинством выберут Девлет Гирея, не посмеют на этот раз ослушаться султана, да хранит его Аллах, – сложив молитвенно ладони, Гаджи-бей опять прошептал: – Всё в руках Аллаха.

Немного помолчав, он обратился к адмиралу:

– Надеюсь, ветра или их отсутствие нам не станут помехой, высококочтимый Ахмед-бей. Погода в Крыму изменчива, а ну как ветра подуют в другую сторону?! Хватит ли парусов у наших кораблей? – если не насмешливо, то с некоторой долей иронии произнёс сераскер.

Капудан-паша недовольно посмотрел на сухопутного коллегу:

– Все ветры – наши, уважаемый Гаджи-бей. Стелется ветер, прижимаясь к поверхности моря, – нижние паруса и марселя работают. Если ветер повыше – наполняются тугие брамсели. Над морем тихо – дуются верхние паруса. Не переживайте, десант высадим быстро и по месту.

Вы, господа, ответьте мне на вопрос: почему, несмотря на хоть и длительные, но переговоры о мире с Россией, султан, да светится имя его на небесах, решил всё-таки высадить де-

сант?

Адмирал посмотрел на француза. Тот отвернулся, сделав вид, что не слышит. Ахмед-бей продолжил.

– Когда мы в Трапезунде⁸⁰ ожидали сигнала на выход в море, сказывали мне близкие люди к верховному визирю, да ниспошлёт Аллах и ему здоровья, что вопрос подписания мирного договора Блистательной Порты с русскими – дело решённое. И, скорее всего, он подписан уже. А тут мы с десантом?!..

– Сиятельному султану нашему лучше знать, – уклончиво ответил Гаджи Али-бей. Подумав, добавил:

– Два года назад⁸¹ крымские татары мирный договор в Карасубазаре с русскими без ведома султана подписали... – сераскер резко махнул рукой. – Наказывать за это своеволие надо. Хан Сахиб-Гирей слабым оказался, не смог усмирить беев, перебежавших на сторону русских. Девлет-Гирей наведёт теперь порядок. И потом, даже если и заключит верховный визирь мирный договор с Россией! И что? Его ещё султан должен утвердить?! Независимость татар?!..... Это, почитай, с Крымом распрощаться... А Крым султан не собирается отдавать. А ещё забыли вы, господа, про сераскера русского Пугачёва. Чернь поднялась на борьбу с царицей и неизвестно чем всё закончится. Задача наша – помочь этому

⁸⁰ Город Трабзон (совр.), Турция.

⁸¹ 1772 год. Подписан Карасубазарский мирный договор между Россией и Крымским ханством.

Пугачёву, и тогда русские часть своих войск снимут с фронтов. А тут мы ещё с тыла... Пусть царица выбирает, что ей лучше – защищать независимость татар аль бунтовщиков подавить, которые Москву грозят захватить. А вы, уважаемый Ахмед-бей, спрашиваете зачем десант...

– Справа – пятнадцать, на берегу вижу огонь! – раздался с марсовой площадки голос вперёдсмотрящего.

– Ну вот, адмирал, а вы переживали. Русские нас не ждут: сигнал – подтверждение тому. Девлет-Гирей своё слово держит, его люди на месте. Он через Кавказ до Крыма добирался. Наверное, уже где-то в районе Алушты ждёт нас. А ведь предлагали ему с нами плыть... отказался, – ворчливо произнёс француз.

– Сегодня воскресенье, уважаемый господин Пьер. Не рассчитывал я добраться до Крыма так быстро, да попутные ветры нам благоприятствовали. В священных книгах писано: в субботу, воскресенье и во вторник нежелательно кроить одежду. Потому как суббота – день обмана и вероломства: соплеменники Пророка козни в этот день ему строили. Воскресенье – день...

– Пророка как-то спросили о воскресенье, – перебил адмирала француз, – и тот ответил: «Воскресенье – день, когда сажают деревья и строят дома». В воскресенье, уважаемый Ахмед-бей, Всевышний начал сотворение мира. А ещё говорят, именно в этот день был создан Рай и посажены райские деревья. Воскресенье – очень удачный день, господа. Спаси-

бо ветрам, посланным вашим Аллахом. Разобьёте русских и восстановите рай на священных землях благодатного Крыма.

Капудан-паша уважительно взглянул на иностранца, знавшего толкование законов их веры не хуже муфтия, и возражать не стал.

Гаджи-бей как истинно верующий в учение Пророка и презирующий всех иноверцев негромко, но чтобы его слышали, повторил слова француза:

– «И был создан рай и посажены райские деревья...». Верно говоришь, уважаемый господин Пьер. Это так! Аллахом посажены эти деревья... – сераскер вознёс руки и наставительно продекламировал: – На земле нет места иноверцам!.. Мир – это огород, в котором одно растёт, второе созревает, а третье погибает. И так бесконечно... Нет Бога на свете, кроме Аллаха. Он этот мир задумал, и не нам его менять.

С чувством лёгкого превосходства Гаджи-бей посмотрел на француза – последнее слово осталось за ним, истинно верующим в Аллаха, и Гаджи-бей ухмыльнулся.

Капудан-паша облокотился на планшир⁸² леерного ограждения и продолжил рассматривать тонкую ниточку береговой кромки. Мысленно адмирал уже расставлял на Алуштинском рейде свои корабли для высадки десанта.

Над палубой разнеслась дробь барабана.

– Ставить триселя! Нижний лисель, фок-грот-лиселя вынести! – зазвучала команда вахтенного офицера. Корабль

⁸² Деревянные перила поверх судового фальшборта.

ожил. Заспанные солдаты нехотя стали подниматься. Палубы превратились в растревоженный муравейник. На бизань-мачте флагмана взвился сигнал «Следовать за мной».

Обрывистые берега Южного побережья Крыма во все времена доставляли мореплавателям массу неудобств, граничащих со смертельной опасностью. Небольшие заливы, врезанные самой природой в глубь скалистых берегов, являли собой большую ценность, и со времён тавров заселялись в первую очередь.

Небольшая деревенька Алушта разбросала неказистые домишки вокруг пристани, где ещё со времён владычества генуэзцев швартовались небольшие морские суда.

По Карасубазарскому договору эту пристань, как и саму Алушту, прикрывал русский пост из ста пятидесяти егерей Московского легиона при двух лёгких орудиях с артиллерийской командой. К посту был прикомандирован десяток казаков. Командовал постом капитан Колычев, в распоряжении которого было ещё четыре обер-офицера.

Потирая глаза, дремотно зевая, капитан нехотя встал с деревянного топчана. Потянулся и, стараясь в полумраке не споткнуться, вышел из похожего на келью помещения.

Стояла тихая погода, какая бывает в Крыму в середине лета. Начинающее сереть небо и тёмное морское безбрежье показались ему мрачными и скучными. Даже дельфинов, привыкших гнать рыбу, и тех не было видно. Пустынное море, пустынный берег, не за что зацепиться взглядом. Лишь у са-

мого горизонта на фоне небосклона виднелись похожие на облачка небольшие тёмные пятнышки.

Потянуло прохладным ночным бризом, капитан передёрнул плечами, и опять глубоко и с удовольствием зевнул. Со стороны, где располагалась батарея из двух пушек, доносился многоголосый храп: из-за духоты в помещениях крепости орудийная прислуга и казаки спали на открытом воздухе, рядом с пушками. Немного правее, в саженьях двадцати, звякнуло ведро: повара отправились за водой. Прокричали первые петухи, потянуло дымком... Деревня просыпалась.

Утро. Начинался жаркий день – 17 июля 1774 года – воскресенье. Колычев по-хозяйски осмотрел крепостные укрепления и, найдя их в относительном порядке, направился в сторону поста ночного дозора. Ему навстречу вышел поручик Внуков.

– Всё спокойно, Николай Петрович! Вахту принял. Никаких происшествий за ночь. Поручик Деверей сменился, пошёл отдыхать.

– Ты вот что, подними этого щёголя, подпоручика Флорета, хватит ему дрыхнуть. Пусть тебя заменит, а ты иди – готовь на всякий случай орудия.

– Думаете, пойдёт турок? Напрасно командир батальона Кутузов беспокоится, не рискнут османы к нам в гости пожаловать. Слышите храп? Словно дивизия спит, на три версты слышно.

– Кто знает... Михайло Илларионович зря тоже трево-

житься не станет. Подполковник указание от командования получил: мол, информация есть тревожная, так что смотреть приказал в оба. Ты, поручик, объяви своим канонирам: хоть и воскресенье сегодня, а на службу в церковь повременим отлучаться, на посту всем быть.

– Будет исполнено, господин капитан. Только откуда ба-сурманам быть? По дну моря разве что, – поручик махнул рукой в сторону моря и шутливо добавил: – Аль на облаках к нам сверху могут подкрасться...

Не сговариваясь, оба офицера одновременно посмотрели в сторону моря. И оба в немом изумлении застыли. На фоне всё более светлеющего неба тёмные точки на горизонте превратились в облака странных очертаний и прямо на глазах множились и росли в размерах.

– Поручик, трубу, живо!

Но уже и без неё Колычев понял: вовсе не облака это, – корабли.

– Турки! – тихо прошептал он, и тут же вскрикнул:

– Тревога, подъём!

Глаза капитана лихорадочно пересчитывали похожие на корабли точки. Их было много, очень много. Колычев сбился со счёта.

И вскоре всё пришло в движение. Тревожная дробь барабана разорвала деревенскую тишину. В крепости зазвучали команды, послышался топот ног, сонные крики солдат, недовольных ранним подъемом, ржание лошадей... Подняли лай

собаки.

В деревне тоже начался переполох: спросонья кричали дети, блеяли овцы и бараны, и только ослы мирно стояли в стойлах, равнодушные к своей участи.

Первый гонец с реляцией⁸³ о нападении турок уже мчался в штаб русских войск, расположенный в селе Яни-Сала⁸⁴.

Гонец не выполнит задание. Его перехватят татары в пяти верстах от Алушты. Та же участь постигнет и остальных посыльных. И только через несколько дней командующий русскими войсками князь Долгорукий узнает о высадке турок в Алуште, Ялте, Гурзуфе, что дало возможность турецким отрядам пройти в горную часть полуострова, в сторону деревень Шума⁸⁵ и Демерджи⁸⁶.

Ближе к полудню того же дня турецкий флот лёг в дрейф на рейде Алушты. Посыльное судно долго курсировало между кораблями, развозя письменные приказы командования. Наконец, построившись в три линии, корабли встали на якоря в двух-трёх кабельтовых от берега.

На флагманском корабле взметнулся огромный турецкий флаг, зелёный с тремя полумесяцами на гафеле, и на грот-брам-стеннге затрепетал адмиральский. И словно дождь пролился с неба: зазеленели пятна флагов на всех турецких су-

⁸³ Донесение.

⁸⁴ Село Новополие (совр.).

⁸⁵ Крымское село Верхняя Кутузовка (совр.).

⁸⁶ Район крымского села Лучистое (совр.).

дах.

На флагманском корабле раздался глухой монотонный звук большого барабана: с турецких кораблей стали спускаться шлюпки, их заполняла пехота. Мелкосидящие суда осторожно подошли ближе к берегу и на шлюпках солдаты причалили к берегу. Стоял шум, гам, слышались гортанные выкрики солдат.

Неожиданно рейд затянулся дымом, и гроыхнуло! Это флагманский корабль всем бортом произвёл первый залп. Через мгновение мощный глухой звук долетел до берега, а следом прогрехотали взрывы ядер. Береговые укрепления и территория деревни окутались дымом, загорелись дома, раздалась отчаянные крики о помощи.

Ответный огонь двух трёхфунтовых пушек береговой батареи русских не достиг цели.

– Поднять угол атаки, – дал команду командир батареи поручик Внуков. – Заряжай!

Сотни шлюпок с десантом на борту приближались к берегу. Первые волны десанта уже достигли побережья: словно саранча, мокрые янычары выползали на берег и с криками «Аллах акбар»⁸⁷ бросались на крепостные сооружения. Залп из ружей гренадёр Московского батальона сразил десяток янычар, камни и море окрасились кровью.

Батарея русских произвела второй залп. Одно из ядер попало в борт ближайшего к берегу турецкого корабля, пере-

⁸⁷ «Аллах велик»

бив троса кран-балки. Спускаемая шлюпка вместе с солдатами полетела в воду. Второе ядро разорвалось рядом, и только что отчалившая от борта переполненная людьми шлюпка, перевернулась.

– Русские решили не сдаваться?! Им же хуже будет. Поднять сигнал, – распорядился капудан-паша. – Кораблям первой линии открыть огонь.

Языки пламени, клубы дыма изрыгнули борта десятков османских кораблей. Рейд заволокло дымом.

А турецких солдат на берегу становилось всё больше и больше: от красных фесок рябило в глазах. С высоты укреплений было видно, как отдельные отряды турок обошли крепость и упорно продирались в направлении деревни сквозь густой кустарник, растущий на скальных нагромождениях.

– Поручик, отсекай пехоту, заряжай картечью! Бить по подходящим шлюпкам! – приказал Колычев. Повсюду громыхали ружейные выстрелы.

В это время на причале неожиданно появилась группа татарских женщин – жительниц деревни. Многие тащили за собой испуганных плачущих детей. Обезумевшие от грохота, дыма, страха, они бежали по причалу в сторону крепостных укреплений. Янычары открыли по ним огонь из ружей. Несколько женщин упали, остальные в растерянности остановились и беспомощно оглядывались по сторонам, ища защиты. Дети что-то кричали, протягивая руки к лежавшим без движения на причале матерям.

Турецкий офицер махнул саблей в сторону женщин. Подчиняясь приказу, янычары произвели в их сторону залп из ружей, затем бросились к женщинам навстречу.

И гренадёры не выдержали. Колычев выхватил из ножен саблю и перекрывая шум боя, закричал:

– Братцы! На причале женщины и дети. Не дадим басурманам их порубить! В атаку!

Оставив свои укрепления, гренадёры с криком «Ура» бросились наперерез туркам. Завязался бой. Страшный, кровавый. Исход решила рукопашная схватка. Турки отступили.

К лежащим на причале женщинам, с трудом передвигаясь, сильно хромя, направился подпоручик Флорет. Где жестами, где знакомыми татарскими словами он стал уводить их с открытого причала в сторону укреплений. Одна из татарок сняла с себя платок и попыталась перевязать поручику рану, и в это время неподалеку упало ядро. Тихо охнув, женщина медленно опустилась на землю, из её виска брызнула кровь. Превозмогая боль, Флорет поднял женщину и, шатаясь, с трудом удерживая в руках тело, пошёл в крепость.

Шквальный обстрел с моря продолжался. Крепостные пушки раскалились. Пятеро казаков вместе с одним из офицеров под пулями стали таскать в курдюках морскую воду для охлаждения орудийных стволов. Металл шипел, от него шёл пар, но едва он остывал, орудийная прислуга забивала в ствол очередной заряд.

Бой продолжался несколько часов. Пушки русских отве-

чали всё реже и реже: боеприпасы заканчивались.

Большими отрядами турки стали обходить Алушту со стороны горы Кастель. Опасаясь полного окружения, капитан Колычев приказал отряду отходить к перевалу.

Французский советник Пьер разглядывал в иллюминатор берег и с досадой высказывал сераскеру своё недовольство ходом высадки десанта.

– Потеряно время, уважаемый Гаджи-бей. Горстка русских солдат на полдня задержала высадку войск: момент внезапности потерян.

Гаджи Али-бей не отвечал, он творил молитву. Француз обернулся и, пробормотав что-то на своём языке, вынужден был замолчать. Он, конечно, привык к этим общениям мусульман со своим богом, но всё равно был взбешен, и было от чего.

Советник нетерпеливо расхаживал по каюте и с неприязнью посматривал на молящегося сераскера. Гаджи Али-бей продолжал кланяться и бормотать молитву:

– Я прибегаю к Аллаху от проклятого сатаны. Во имя Аллаха милостивого благого. Хвала Аллаху, Господу миров, милостивому благому, царю дня суда. Только Тебе мы поклоняемся и только к Тебе мы взываем о помощи. Веди нас прямым путём, путём тех, кого Ты одарил благами, Не путём тех, на кого Ты разгневался, и не заблудших. Аминь!

Во имя Аллаха милостивого благого, скажи: он Аллах, один, Аллах вечен, не родил и не рождён, и нет Ему равного

никого. Аллах акбар!

Сераскер поклонился в последний раз, на какое-то мгновение замер, прикрыв глаза, и, наконец, повернулся к французу:

– Цитирую ваши слова, уважаемый господин Пьер: «Торопливость есть свойство шайтана...», хотя правильно говорить надо – дьявола. Не торопитесь высказывать обиды, уважаемый, всё в руках Аллаха! Разобьём мы этих неверных.

– Хм... Может, и так, Аллаху вашему виднее, конечно. Но иметь такое преимущество в солдатах и орудиях против полутора сотен русских и двух пушек и потерять столько времени... Ваш топчи-баша⁸⁸ четыре часа долбил причал, а пушки русских так и не подавил.

Сераскер молчал. «Претензии советника справедливы...» – мрачно размышлял он. Поглаживая бороду, Гаджи-бей не спеша перечитывал донесение, присланное с берега.

– Боюсь, что гарнизон Ялты, куда вы отправили часть эскадры, уже знает о нас, – немного успокоившись, произнёс советник.

– В Ялте малый гарнизон, и вряд ли он ожидает нашего нападения. Сами же говорили, что татары не пропустят гонцов, – пробурчал Гаджи-бей. – Слава Аллаху, русские покинули Алушту, ушли на перевал, мои войска преследуют их. Янычар-агаси сообщает, что Девлет-Гирей уже ждёт нас в де-

⁸⁸ Главный артиллерийский офицер.

ревне. Кстати, он же пишет, что в Алушту доставили российского посла Веселицкого. Арестовали всю его свиту и охранный отряд в Бахчисарае. Всех смерти предали, в живых оставили только самого секретаря, жену да его детей.

– Это хорошая новость, уважаемый Гаджи-бей. Хотел бы я видеть рядом с русским послом и сераскера Долгорукого. Очень бы хотел...

Гаджи-бей кивнул головой в знак согласия, но промолчал, лишь злобно ухмыльнулся.

– Пора и нам отправляться на берег, шлюпки готовы, господин Пьер. А Ялта... Ялта и окрестности – личная собственность султана, и воины Аллаха знают об этом, не подведут.

Однако в его голосе не было уверенности. Француз заметил этот нюанс и недовольно покачал головой.

Раздался очередной пушечный залп. Из открытых иллюминаторов были видны горящие на берегу постройки, доносились крики, пахло гарью. Оба тяжело вздохнули.

Вице-президент Военной коллегии

Июль-август 1774 года. Санкт-Петербург.

...А между тем орды Пугачёва, сжигая всё на своём пути, захватывали всё новые и новые крепости. Несмотря на поражение от правительственных войск под командованием генерала де Колонга в мае 1774 года, Пугачёв довольно быстро пополнил свои ряды. Его войско двинулось на север, к Красноуфимску, потом, не задерживаясь, ринулось на Осу. Дорога на Казань оказалась открытой. Взяв по пути Боткинский и Ижевский заводы, Елабугу, Сарапул, Мензелинск, бунтовщики захватили и Казань; не устояли Курмыш, Алатырь, Саранск, Пенза. Орды мятежников сожгли Саратов.

Во многих городах и поселениях разбойник был встречен с почётом не только чёрным народом, но и частью духовенства и купечества. В Пензе жители даже вышли к нему навстречу с иконами, хлебом-солью и пали пред Пугачёвым на колени.

На огромной российской территории пылали дворянские усадьбы, на деревьях висели тела их хозяев. Пощады не было всем, кто не признавал чудом воскресшего императора Петра III.

Но войска, снятые Потёмкиным с турецкого фронта загодя до подписания Кючук-Кайнарджийского договора, уже обложили бунтовщиков. Генерал-поручик Суворов по пору-

чению государыни, не жалея себя и лошадей, за неделю добрался до мятежных краёв и организовал преследование Пугача. Кольцо вокруг мятежных территорий сжималось.

При штурме Царицына корпус полковника Михельсона остановил, наконец, череду побед главных сил Пугачёва. От последнего стали отделяться калмыки и донские казаки. Войска мятежников начали отступление к Черному Яру и дальше – в степи Заволжья. Разрозненные отряды мятежников вели кровопролитные бои с правительственными войсками.

Столица с тревогой ждала известий от главнокомандующего войсками Панина... И известие пришло! В середине сентября Пугачёв, преданный своими же сподвижниками, был арестован.

На охваченных мятежом землях Петр Панин, имея в руках огромную военную силу, почувствовал себя полным господином. Обе столицы были далеко, вокруг бушевало кровавое море крестьянской войны, и Панин не стал смущаться в выборе методов для подавления бунтовщиков.

Террор охватил очищенные от повстанцев земли. Для устрашения волнующихся крестьян Панин приказал казнить мятежников прямо на месте поимки без суда и следствия. И вниз по рекам поплыли плоты с колесованными и подвешенными за ребра пугачёвцами. В столицу шли победные реляции.

Столицы облегчённо вздохнули. Но встал вопрос... На об-

ширных землях России и раньше то тут, то там вспыхивали волнения, однако они быстро подавлялись местными властями. Как же мог простой донской казак Пугачёв всколыхнуть такую массу людей? Откуда такое умение? И версии высказывались разные...

Весь дворец спал, в утренней тишине слышался плеск дворцовых фонтанов, в укрытиях ворковали горлинки, тихонечко шелестя крыльями.

Слуга встал засветло.

– Ещё черти в кулачки не били, – ворчал он. – Ночью приехали, тама намотались, здесь не спамши, и опять подъём. Куды его черти несут?

Продолжая ворчать, невыспавшийся Михеич неторопливо приводил в порядок одежду своего хозяина. Ещё совсем не старый, грузноватый и на вид неуклюжий, слуга, тем не менее, своё дело знал. Начищенные щёгольские сапоги-ботфорты, белые рубашки, парадный камзол, кафтан, разложенные на стульях в нужном порядке, уже ожидали вице-президента. Примостившись на краешке стула, в любой момент готовый вскочить, Михеич уставился на дверь спальни хозяина и всё время зевал.

Шёл нудный морозящий дождь. Улицы Санкт-Петербурга были ещё темны и малолюдны. Потёмкин выехал из дворца в карете, запряжённой четвёркой с фонарём. На запятках, поругивая в душе неугомонного хозяина, стояли сонные зевающие слуги. Сонным был и кучер. Раздирая рот в зевоте, он

пробурчал:

– Куды ехать-то, ваше съять...

Григорий махнул рукой в направлении верфи Адмиралтейства и тоже сонным голосом пробормотал:

– К обеду надо появиться в коллегии.

Цокот копыт разнёсся по округе. От толчков кареты по неровным камням голова Потёмкина качалась, как будто от старческой слабости. Его клонило ко сну. Дул слабый норд-ост. Дождь продолжал моросить. Копыта лошадей шлёпали по лужам, из-под колёс летела грязь, и редкие прохожие едва увёртывались от неё.

Тяжёлые тучи, наползая друг на друга, всё больше застилали небосклон. Сумрачный свет утра был похож на взгляд умирающего – тоскливый и безнадёжный. Казалось, день вообще не наступит.

Невыспавшийся организм требовал отдыха. Но сон не шёл, глаза не закрывались. Потёмкин уставился в окно. Шелест дождя, унылые, сумрачные пейзажи, серые дома, темная вода в Неве, деревья, редкие прохожие – всё расплывалось в дымке утреннего тумана, подобно призракам. Настроение было под стать погоде – мрачное.

Город Петра, созданный наперекор стихиям среди болот и лесов, «яко дитя в красоте растущее, святая земля, парадиз, рай Божий», просыпался.

Петербург своим видом, столь не похожим на Москву, давно уже не удивлял Потёмкина. Бесконечные каналы, ули-

цы, дома на сваях, вбитых в зыбкую тину болот, и построенные в одну линию бедные мазанки городских окраин, крытые по-чухонски, дёрном и берестой, стали привычной для его глаз панорамой.

Рождённого на благодатных просторах Смоленской губернии, выросшего в деревенской тиши родного села Чиждово, Потёмкина эти болотистые места, кишашие комарами и прочим гнусом, ещё недавно поражали своей неестественностью. Казалось, что всё это временно, понарошку, не может жить здесь человек!.. Ан нет, ошибался, и теперь эти гиблые, неприглядные места стали ему привычными, словно он прожил здесь целую вечность. Больше того, избы окраин своей неказистостью и простотой его умиляли.

Другое дело – дворцы затейливой архитектуры на «пруский манер» в центральной части города... Те своими монументальностью и шиком впечатляли – слов нет. Но унылые магазейны, амбары, пахгаузы, разбросанные вдоль реки, этот вид явно не красили.

Вице-президент Военной коллегии генерал-аншеф Потёмкин зевнул (какой раз!), зябко поёжился и, казалось, наконец, задремал. Однако в голове после недавнего вояжа по турецким фронтам ещё продолжала прокручиваться лента тех событий.

...Потёмкин в окружении небольшого отряда охраны инспектирует очередную дивизию. Тревожные донесения настигают его повсюду: басурман Пугачёв захватывает всё но-

вые и новые территории, поселения и города.

Всех гонцов Потёмкин тут же отправлял в полки, и те рассказывали солдатам о бесчинствах бандитов. Слушая очевидцев, солдаты возмущались: многие были из тех мест и уже без приказа рвались в бой с басурманами.

Очередная вереница почтовых карет, груженная военным снаряжением, растянулась на версту. Следом двигалась пехота, за ней – конные упряжки, тащившие за собой тяжёлые пушки. Над дорогой медленно оседала пыль от ранее проскакавшей конницы, хвост которой совсем недавно скрылся за горизонтом.

Повозок не хватало, лошадей тоже. Не спавший сутками, охрипший Потёмкин мотался от полка к полку, от села к селу, давая указания обер-комиссарам⁸⁹ дополнительно арендовать телеги, лошадей, покупать у населения провиант. И комиссары где уговорами, где рублём, а где и угрозой заставляли людей расставаться со своими телегами и лошадьми, а если ни того, ни другого не было, то мужики и солдаты сами тащили гружёные телеги и орудия до ближайших сел и там уже впрягали лошадей.

По распоряжению государыни полки скрытно снимались с Дунайского фронта и маршем шли в направлении Яика и Поволжья – на Пугачёва; путь им предстоял неблизкий. Не все генералы хотели выполнять его указания немедленно, и По-

⁸⁹ Офицеры в чине полковника, ведавшие в армии вопросами тылового обеспечения и продовольствия.

тёмкину приходилось жёстко напоминать всем об указе императрицы. Хотел было даже повесить одного, но обошлось. Личное письмо с инструкциями Екатерины Потёмкин держал при себе.

«Батенька, – писала ему государыня, – пошли повеления в обе армии, чтоб генерал-поручики и генерал-майоры ехали, каждый из тех, коим велено быть при дивизии Казанской, Нижегородской, Московской, Севской и прочих бунтом зараженных мест... и везде чтобы объявили, что войска ещё идут за ними. Пусть слух о приближении регулярной армии если не разгонит «злодейские толпы», то, во всяком случае, несколько поуспокоит «чернь».

Между тем 12 июля этого страшного для страны 1774 года Пугачёв взял Казань. Гонец, вручивший Григорию Александровичу очередную реляцию от дальнего родственника, Павла Потёмкина, возглавлявшего тамошнюю следственную комиссию, от усталости валился с ног. Потёмкин немедля вскрыл донесение.

«...Ваше сиятельство, апосля смерти командующего нашего Александра Ильича⁹⁰, царство ему небесное, ещё пуше лютует басурман. Толпы, ако дикие звери, грабят и жгут дома. Казань горит. Солнца не видно. Черным-черно над городом от пожарищ. Жителей, кто в Кремле не успел укрыться, заживо жгут в домах, в поле из пушек убивают. Никому пощады нет от повстанцев, ваше сиятельство. Люди задыха-

⁹⁰ Генерал-аншеф Бибииков Александр Ильич.

ются от смрада бесчисленных трупов на улицах, запаха стогревшего мяса. Кругом крики о помощи, дикий вой собак... На всех деревьях и воротах люди висят. Подурел мужик русский: с татарами и прочими калмыками сообща супротив своих зверствует. Держится только Кремль казанский, да людей там мало – около четырех сотен наберется. Мы, ваше сиятельство, с комендантом оборону держим, да долго ль продержимся? А там Москва недалече. Шлите войска, братец, поспешать надобно».

Екатерина писала своему фавориту тревожные послания. Опять хотела сама отправиться в Первопрестольную и лично организовать оборону Москвы.

Одно тогда успокоило Потёмкина и обрадовало: очередной фельдъегерь привёз радостную весть о том, что в болгарском селе Кючук-Кайнарджа 10 июля сего года турки наконец-то подписали мирный договор...

Потёмкин восторженно открыл глаза, огляделся, но слабый, едва проникающий внутрь кареты унылый свет начинающегося дня опять ввел его в дремотное состояние. И вновь перед глазами поплыли картинки, но уже пустынных, безлюдных степей, редких поселений, обрывистых берегов, синие бесконечно накатывающиеся на прибрежные камни волны Черного моря и шум... шелестящий шум морского прибоя. Они убаюкивали, успокаивали. Новороссия... Чары Морфея наконец взяли вверх, и Потёмкин стал погружаться в сладостную дрему, но тут раздался голос кучера:

– Отворяй, не вишь, кто едет?

Потёмкин вздохнул, потянулся, руками сделал несколько резких движений и решительно открыл дверь. Дождь почти перестал. Небо несколько прояснилось. Вице-президент бросил взгляд на верфь, замерший караул и неожиданно улыбнулся солдатакам.

– Вот те и лето, касатики! – не по-уставному бросил он караулу и, поглубже нахлобучив треуголку, уверенной походкой направился в глубь верфи. Ботфорты его, погружаясь в хлипкую грязь, издавали чавкающий звук.

Недостроенный корабль Потёмкин увидел издали, тот чернел голыми рёбрами, как остов чудовища. Якорные канаты от него тянулись, словно исполинские змеи. Повсюду визжали пилы, скрипели блоки, грохотали молотки, горели костры, на которых в бочках кипела смола: дурно пахнущая грязно-белая смесь из серы, сала, свинцовых белил и чёрт-те чего ещё. Однако Потёмкин уже знал: вещь, весьма нужная и полезная, эта смесь предохраняла днище от гниения в морской воде.

Рядом с бочками Григорий Александрович разглядел корабельного мастера Ивана Афанасьева, человека серьёзного, молчаливого. Любое посещение начальства он не приветствовал, но Потёмкина привечал. В настоящий момент мастер отчитывал пацанёнка за слабый огонь под бочками:

– Не видишь, пострел, жару мало, смола почти не булькает.

В утренней серости люди сновали, как тени. Вид работного люда поднял настроение вице-президента: на его лице появилась улыбка. Григория Александровича узнавали и, не отрываясь от дел, кланялись. Потёмкин сам подошёл к Афанасьеву. Тот нюхал моржовое сало, определяя его достоинства. Молча сунул под нос Потёмкина кусок:

– Вот так должно пахнуть, коль свежее, Григорий Александрович.

Потёмкин проверял всё. Тщательно просматривал формуляры: точно ли записан калибр чугунных ядер и гранат, сложенных пирамидами под кровлями, «дабы ржа не брала»; залиты ли салом флинты⁹¹ и ружья. Проверял лёгкость парусных полотен.

Замечаний мастерам старался не делать, дабы впросак не попасть: строительство судов для него – дело новое, а азы знать надо, пригодятся: планы у него теперь грандиозные.

Афанасьев, где надо, давал пояснения, но в основном молчал и лишь незаметно ухмылялся.

Генерал-аншеф подолгу разговаривал с людьми, обещал помочь, чем надо. Попробовал даже построгать доску, но не заметил сучок... и выслушал от Афанасьева поток брани в свой адрес. Стерпел... лишь виновато развёл руками.

– Не получится из меня Пётр I, – огорчённо пробормотал он.

– Да уж, наверное, – пробурчал неразговорчивый мастер,

⁹¹ Вид стёкол.

загребая своими натруженными руками рубанок.

Время к полудню, пора ехать в коллегию, наконец решил Потёмкин. На его счастье, дождь прекратился окончательно. Меж тучами появились просветы. В карете Потёмкин переоделся: снял влажный камзол, надел сухой. И опять брызги из-под копыт и комья грязи от колёс.

Четвёрка, только что резво бежавшая по улицам Петербурга, посреди Коллежской площади на Васильевском острове неожиданно, словно все кони разом споткнулись, резко остановилась. Карету сильно тряхнуло, она накренилась, но устояла. Кучер, не ожидавший подобного, едва удержался на козлах. На запятках кареты один из слуг, засмотревшись на торговые суда, стоявшие в порту, свалился и теперь испуганно озирался, потирая ушибленное колено.

Матерясь, кучер вскочил во весь рост, поднял длинный кнут и уже было хотел сделать привычный замах и огреть лошадей, как вдруг от удивления вскрикнул:

– Мать честная!.. – и, крестясь, медленно сел.

Прямо перед упряжкой стояло диковинное животное: волосатое, чёрное, и оно рычало. Кони от испуга заржали и попятились назад.

Дверь кареты открылась, из нее появился недовольный Потёмкин. Оценив ситуацию, расхохотался:

– Чего встали? Эка невидаль, обезьяны испугались.

Он оглядел площадь и поморщился.

С северной её части, где находился порт, на площади шла

бойкая торговля заморскими товарами. В последнее время здесь торговали даже экзотическими животными: обезьянами, говорящими попугаями, черепахами. Видимо, виновница внезапной остановки сбежала из клетки.

У причалов суетился разный люд: шла выгрузка торгового, судя по форме матросов, иностранного судна, рядом – погрузка другого корабля, и если по тем же признакам определять, то грузился наш купец: формы на матросах не было, одет был кто во что.

Шлюпки, верейки⁹², ботики и прочие судёнышки мельтешили на воде. Одни подходили к причальной стенке, привязываясь к вбитым сваям с железными кольцами, другие, высадив пассажиров, по очереди швартовались к деревянной лестнице, спускавшейся прямо к воде. Карета привлекла всеобщее внимание.

Неожиданно до слуха Потёмкина долетели возгласы, больше напоминающие недовольные крики: группа людей у причалов порта о чём-то спорила, и ему показалось, что спор у них вот-вот дойдёт до драки.

– А ну погодь, пойду пройдуся, – отдавая слуге треуголку, сказал кучеру Григорий Александрович. Спрыгивая с подножки, он участливо посмотрел на слуг в мокрых ливреях и пробормотал: – Не сахарные...

В ярком камзоле без рукавов, надетом на белую рубашку с длинными свободными в верхней части рукавами, Потёмкин

⁹² Тип небольшой узкой лодки.

тяжёлой поступью уверенного в себе человека направился в сторону спорщиков. Ветер раздувал фалды камзола, теребил копну волос на голове.

Камзол его был украшен богатой вышивкой и галуном из золотых нитей. Грудь – в орденах. И неожиданно брызнувшие из-за туч солнечные лучи отразились в драгоценных камнях и заиграли сверкающими бликами.

Почти царский выезд, блеск мундира, колоритная фигура и стремительная походка молодого генерал-аншефа – всё это произвело на спорящих особое впечатление. К тому же левая рука генерала на их глазах демонстративно легла на эфес шпаги. Мужики затихли.

– Об чём спорите? Крик на всю площадь подняли. Обезьяны по площади бегают, людей пугают. Чьих будете? – грозно спросил Потёмкин у одного из мужиков.

– Дык... енти двое – капитаны кораблёв... Мы – оберцольнеры⁹³ Камер-коллегии⁹⁴, ваше сиятельство. Я – Лопухин, внешняя таможня, а ентот прощельяга – Тишулин, внутренняя, чтоб он сдох, окаянный. Ишь чё выдумал. Раз, говорит, ентот корабль, – он махнул в сторону иностранного судна рукой, – заходил куда-то в России на один день воды пополнить, то должён только внутреннюю пошлину с груза платить, то есть ему. А я говорю: нет. Я поставлен здесь для того, чтобы со всех иностранцев изымать за груз таможен-

⁹³ Таможенный досмотрщик ввозимых в страну товаров.

⁹⁴ Государственный орган сбора доходов.

ную пошлину. А заходил ентот корабель ранее в наши порты не заходил, меня то не касаемо. Ишь чё выдумал, – снова произнёс Лопухин. – Иноземные товары под малую пошлину?!..

Лопухин был грузным, рослым, с красным лицом и густыми бровями, несколько шумен и, вероятно, добродушен, как люди полные и довольные жизнью. Тот, который Тишулин, не спорил, молчал. Небольшого роста, в поношенном служебном сюртуке, он исподлобья разглядывал высокое начальство, решая, надо ли жаловаться.

Потёмкин не удивился распрям между оберцольнерами. Все таможни ещё в 1758 году были отданы в откупное содержание компании купца Шемякина. Однако через несколько лет компания разорилась, не выплатив государству положенных пошлин. Шемякин был отдан под суд. Екатерина II в 1762 году подписала указ о приёме таможен в казённое ведение. Для надзора над ними учредили главную над таможенными сборами специальную канцелярию. И теперь одни досмотрщики собирали налоги с иностранных купцов, ввозивших товары в Россию, другие – с отечественных грузов. Чёткого разграничения прав оберцольнеров, как и тарифов, не было, подворовывали все, потому и спорили. Кому ж охота копеечку упустить?

Ветер стих, летний день разгуливался. В воздухе стоял неприятный запах зловонных испарений, идущий от Невы. Потёмкин оглядел причал, мимо которого проплывали се-

рые пятна: то были кучи комариных трупов, коих во множестве было в здешних болотах. Кое-где плыли дохлые птицы и всяческие предметы. Добавляли свою лепту в эту «амбре» бочки с дёгтем, стоявшие на причале.

Слышалась тихая, «по матушке», незлобная ругань грузчиков. А куда ж без неё?.. при тяжёлой-то физической работе?!

Судовыми кран-балками на торговое судно грузили железо. Учёт груза вели два человека с амбарными книгами в руках. По нескольким дощатым трапам на борт корабля грузчики таскали тюки с льном, мешки с солью, волокни бухты пеньки. Мокрые от дождя, грязные, они вбегали друг за другом по деревянному настилу, сбрасывали груз на палубу и тут же возвращались обратно по проложенному рядом другому трапу.

Выгрузки с иностранца не было.

– Иностранец что привёз? – спросил Потёмкин, обращаясь к досмотрщику с красным лицом.

– Разное, ваше сиятельство, – довольный, что именно к нему обратился вельможа, ответил тот и протянул реестр на груз.

– Читай, – приказал Потёмкин.

– Шпаги французские разных сортов, табакерки черепаховые, кружева, блонды, бахромки, манжеты, ленты цветные, чулки, пряжки, шляпы, запонки...

– Всё читать, ваше сиятельство? Тут много галантерейно-

го товару. Вон глядикось: перья голландские в пучках чиненные и нечиненные, булавки разных сортов... Обратного иноземец загрузится тем же, – он махнул в сторону грузчиков. – Да зерна заберёт сколько сможет.

– Чего лаетесь? Товар иностранец привёз нужный, не можно и без него. Мы-то чем не Европа? Покрасоваться, по-ди, каждому хочется.

Потёмкин посмотрел на капитанов. Один из них сосал трубку и хитро глядел на русского вельможу, не вмешиваясь в разговор. Второй, видимо, наш, русский, заискивающе по-смаатривая на досмотрщиков, пытался обратиться к вельможе, но выставленный кулак краснорожего за спиной Потёмкина красноречиво говорил, что ему лучше помолчать.

– Не держите купцов, договаривайтесь. Того и гляди, опять норд задуёт, – и ещё раз окинув причалы, направился к карете.

– А дозвольте спросить, ваше сиятельство, – неожиданно вдогонку ему заговорил Тишулин. – Купцы храницуские сказывают, на Яике да Волге совсем худо. Мужики наши да инородцы зверствуют, бесчинствуют, палят усадьбы и вешают своих же. Совести у них што ль нету?! И так годов семь с турком воевали, а тут свои под дых?! Как же матушка-государыня наша енто терпит?

Григорий Александрович остановился:

– Храницусы, говоришь, сказывают?! Хм... Не бойтесь, господа! Не терпит матушка, всем головы скоро посшибает.

А с турком мир заключили. Так и передайте тем хранцузам. А будет и дале кто злобствовать слухами, на то Тайная канцелярия есть, сообщите, не поленитесь, – и резко развернулся в сторону кареты, бормоча что-то себе под нос.

Детище Петра I, трёхэтажное каменное строение, разделённое на двенадцать одинаковых корпусов, словно по линейке, вытянулось вдоль Коллежской площади.

Карета Потёмкина направилась к одному из корпусов, где располагалась Военная коллегия, по обеим сторонам соседствующая с Иностранной и Адмиралтейской.

Подле парадного входа стояло несколько экипажей, и один из них перекрыл подъезд к парадному крыльцу. Кучер вертел по сторонам головой, не зная, куда подкатить поближе. С запяток кареты спрыгнул слуга и метнулся к крыльцу. Послышалась брань:

– Возвертай оглобли, не вишь, кто подъехал?

– Сам и возвертайся, деревня! Графа Чернышёва, президента Военной коллегии, оный экипаж, дубина, – слышался насмешливый ответ.

На крыльце ехидно улыбались вышедшие встречать своего начальника младшие секретари Потёмкина.

Григорий Александрович не стал дожидаться окончания перепалки, вышел из кареты и важной походкой направился в здание. Секретари открыли дверь и почтительно склонили головы.

Большое количество людей в его приёмной Григория

Александровича не удивило – привык. Очень многие вопросы теперь государыня не решала, не посоветовавшись с ним. Царедворцы, генералы, иностранные дипломаты, вельможи всех рангов подолгу ожидали аудиенции в его приёмной. Среди прочих просителей Потёмкин разглядел Дениса Фонвизина, а тот, не видя Потёмкина, о чём-то живо разговаривал со своим коллегой Остерманом.

Григорий Александрович громко поздоровался со всеми. Присутствующие склонили головы. Вице-президент вошёл в свой кабинет, следом – старший секретарь. Оба зашли в небольшую примыкающую к кабинету комнату, где Потёмкин скинул свой камзол. Секретарь подал ему парадный, на котором среди прочих наград на муаровой ленте выделялся орден Святого Александра Невского, полученный Григорием Александровичем из рук императрицы в день её сорокапятилетия. Потёмкин не удержался и любовно погладил дорогую награду, словно хотел почувствовать тепло от прикосновения к ордену руки Екатерины.

– Ты вот что, Василий, приготовь для начала чаю. Ежели есть что поесть, принеси, с утра не евши. Фрукту поставь на стол, сдобу, какая есть. После пригласи господ Фонвизина и Остермана. Видно, Панин прислал, что-то ему от меня надо, полагаю. Остальные пусть ждут, приму позже.

– Ваше сиятельство, реляцию князя Долгорукого фельдшер от государыни доставил срочную. На столе лежит.

– Посмотрю. Иди уже, есть шибко хочется, не томи.

Среднего роста, худой, на вид несколько флегматичный, Василий Григорьевич Рубан (так звали секретаря) был на три года моложе своего начальника, говорил всегда тихим, но твёрдым голосом, обладал прекрасной памятью, знал несколько языков. Учился он, как и Потёмкин, в московской гимназии, а затем и в университете.

Поел Григорий Александрович быстро, чай пить не стал и теперь сидел за помпезным богатой отделки рабочим столом, читая донесения, письма-жалобы и разного рода прошения. Вошедшим Ивану Андреевичу Остерману⁹⁵ и Денису Ивановичу Фонвизину лишь кивнул и рукой показал на стоявший в правом углу кабинета большой круглый стол. Секретарю бросил:

– Чаю налей господам.

Потом, видимо, что-то вспомнив, произнёс:

– Читал, читал твоего «Бригадира», Денис Иванович, накрутил ты там. Всё никак на сцене сию комедию не посмотрю. Вот и с запиской «Рассуждение о государстве вообще, относительно числа войск, потребных для защиты оногo, и касательно обороны всех пределов», что подал великий князь Павел Петрович матушке своей, ознакомлен. Руку и ты с Паниным Никитой Ивановичем к ней приложил, выписку сделал даже.

Он полистал бумаги на столе:

– «Вчерашний капрал, неизвестно кто, и стыдно сказать,

⁹⁵ Член Коллегии иностранных дел.

за что, становится сегодня полководцем и принимает начальство над заслуженными и ранами покрытыми офицерами». Меня, поди, в виду имели, а? Чувствуется рука великого князя Павла, тот люто меня не любит.

Фонвизин смутился, развёл руками.

– Но меня не французский кучер воспитывал и не немецкий бюргер, в Россию я смертно влюблён, папаша мой палками любовь ентую вбил, – назидательно произнёс Потёмкин.

– Дык, Григорий Але...

– Не смущайся, Денис! – перебил его Потёмкин. – Люди мы одного ума, одного вкуса, одного нрава. Время покажет. Глядишь, и капрал сгодится России-матушке. Всё в руках Божьих.

Услышав знакомые выражения из своего произведения, Фонвизин едва заметно улыбнулся. Остерман и секретарь переглянулись.

Вдруг за дверью послышались шум, крики, вопли. Обе половинки дверей распахнулись, и в кабинет влетел молодой вельможа, видимо, из тех, что ожидал приёма. Шитый золотом кафтан его был разодран, ордена и звёзды на груди болтались полуоторванными, парик сбит на сторону.

– Покорно прошу меня извинить, ваше сиятельство, не извольте гневаться, – и, кланяясь, кланяясь, смешно переставляя ноги, задом стал пятиться назад, всё время бормоча извинения.

Старший секретарь ринулся к непрошеному гостю, до-

вольно грубо вытолкнул его за дверь и вышел сам. Через несколько минут он вернулся.

– Хотел без очереди к вам, Григорий Александрович, пройти, – доложил он. – Мол, его род знатнее... Права он имеет большие... Ну и получил...

Потёмкин усмехнулся.

– Вот видите, господа, и такое бывает. Вот что я тебе скажу, друг мой сердешный, – опять обращаясь к Фонвизину, произнёс он, – и знаешь ты это непременно. Тысячу против одного держать буду, что из ста отпрысков вельмож и чиновников, вступающих на службу государственную, девяносто восемь становятся повесами, к тому же чванливыми, и только два становятся добрыми и нужными нашей государыне людьми. А ведь согласись, не угроза ли сие Отечеству нашему? Оно терпеть можно ль? Глядишь, капрал, о ком пишешь, в числе тех двух окажется. А этого дворянчика гони, Василий, в шею.

Потёмкин снова махнул рукой:

– Проходите, располагайтесь, господа.

Пятидесятилетний Остерман удивлённо посмотрел на хозяина кабинета. И проект Панина по переустройству порядков в России он читал, и пьесу «Бригадир» своего коллеги видел в театре. Сам Никита Иванович отзывался о «Бригадире» как о «первой комедии в наших нравах», а своего подчинённого сравнивал с Мольером. Однако слова Потёмкина его поразили.

«Этот явно отличается от своих предшественников», – уважительно подумал Остерман об очередном фаворите императрицы.

Остерман и Фонвизин удобно расположились на стульях, оббитых красным бархатом, и теперь с любопытством разглядывали кабинет. В центре стола стояла красивая инкрустированная перламутром ваза с цветами, с краю – той же отделки небольшие ажурные вазочки с вареньем, мёдом и корзинка с выпечкой.

Секретарь разлил посетителям по чашкам чай, пододвинул вазочки и вернулся к столу начальника. Гости пили чай. Они смаковали варенье и маленькими ложками черпали мёд. Лица их покраснелись, капельки пота на лбу они манерно вытирали платочками. Чтобы не мешать хозяину, говорили мало и очень тихо, продолжая осматривать кабинет.

По всему было видно, что новый хозяин любит роскошь: добротная мебель, дорогие картины, напольные вазы. На стенах, оклеенных дорогими обоями с золотым тиснением, висели старинные сабли, мушкеты Петровских времён, на комодах и камине стояли дорожные статуэтки людей и животных из белого фарфора Императорского фарфорового завода. У стены стояли два кованых сундука, на крышках которых лежали образцы пеньковых канатов; на специальных подставках – макеты кораблей, бронзовые копии пушек и всякие безделушки.

С потолка свисала люстра с подвесками из горного хру-

стали, те же подвески были и на канделябрах. Остерман обратил внимание на свечи: они были почти одного размера и мало оплавленные. «По вечерам, как видно, не задерживается», – решил он. Ещё раз оглядел богатый кабинет и завистливо покачал головой.

Прикрывая рукой здоровый глаз от проникавших в окно кабинета солнечных лучей, Потёмкин торопливо продолжал просматривать многочисленную корреспонденцию. Ожидая распоряжений, рядом продолжал стоять секретарь.

Неожиданно открылась дверь. Из приёмной донёсся легкий шум. В кабинет вошёл президент Военной коллегии Захар Григорьевич Чернышёв. В парадном мундире генерал-фельдмаршала (получил звание совсем недавно), с тускло блестящими орденами на груди, с хмурым, недовольным видом он подозрительно оглядел присутствующих. Здраваться не стал. По его лицу было видно: самолюбию президента нанесён очередной удар. Захар Григорьевич стоял и молча разглядывал кабинет своего заместителя. Затем презрительно хмыкнул.

Остерман и Фонвизин почтительно встали, приветствуя президента. Потёмкин, косо взглянув на своего начальника, должного пиетета не проявил: вставать не стал и продолжил чтение документов. Возникла неловкая пауза, которую нарушил секретарь:

– Захар Григорьевич, государыня реляцию передала от князя Долгорукого, весьма срочную. Панин Никита Ивано-

вич прислал господ, дабы с ней ознакомиться и обсудить. Ещё не приступали к ознакомлению. Но коль будет на то желание, можем перейти в ваш кабинет.

Не менее болезненное самолюбие Потёмкина на слова секретаря выразилось в его недовольном покашливании. Остерман знал о трениях между президентом и набравшим силу Потёмкиным и, как опытный дипломат, дабы разрядить неловкую ситуацию, поспешно отодвинул стоящий рядом с ним стул.

– Ваше сиятельство, не сочтите за неуважение к вам, но больно вкусный мёд у вашего подчинённого, – как можно дружелюбнее произнёс он. Причём на слове «подчинённого» Остерман сделал многозначительное ударение и, как оказалось, правильно сделал. Самолюбивый фельдмаршал слегка шмыгнул носом, но всё же сел на предложенный ему стул. Кончик его шпаги слегка царапнул по полу.

Отодвинув кресло, Потёмкин поднялся, взял в руки донесение Долгорукого и вышел из-за стола.

– Чаю налей, – бросил он секретарю, хотя расторопный секретарь и так хлопотал у самовара.

– Квасу лучше, – буркнул Чернышёв, – да окна раскрой. Духотища, не в бане чай сидим. Давай, Григорий Александрович, делом займёмся, читай сию реляцию.

Сев рядом с Фонвизиным, Потёмкин надломал сургучную печать и открыл донесение.

– Матушка, с чувством не-годо-ва-ния и боли в серд-

це своём, спешу со-об-щить вам, все-милос-ти-вей-шая го-су-да-рыня, – по слогам начал зачитывать он, но остановился и недовольно произнёс: – Ну и почерк!.. У Безбородко поучиться князю Долгорукому не мешало бы. Ты, Василий, у нас многие языки разумеешь, поди, и эту писанину осилишь. Читай, коль разберёшь.

Секретарь мысленно ухмыльнулся: каракули самого Потёмкина мало чем отличались от почерка князя Долгорукого. Промолчал, конечно, и, откашлявшись, произнёс:

– Разберусь, ваша светлость, привык ужо, – и приступил: – Доклад главнокомандующего Крымскими войсками генерал-аншефа князя Долгорукого ея императорскому величеству Екатерине Второй от июля 1774 года. Писано в селе Сарабузы, Крым, – легко, словно сам составлял сие донесение, зачитал секретарь. Затем оглядел присутствующих, и продолжил:

– Матушка, с чувством негодования и боли в сердце своём спешу сообщить вам, всемилостивейшая государыня, что 17 июля сего 1774 года турки нарушили перемирие и десантом тысяч в тридцати подло высадились в Крыму, захватив Алушту, Ялту, Гурзуф.

– Коварству султана нет предела. И это после подписания в Кючук-Кайнарджи мирного договора?! – не выдержал Чернышёв. – В столице ещё праздновать сие событие не закончили, фейерверки по ночам до сих пор спать мешают... А тут опять война?! Ладно, что взять с османов? Нельзя им ве-

ритель, того и гляди нож в спину воткнут. Давай, Василий Григорьевич, читай дале, – с раздражением бросил президент. Секретарь продолжил чтение донесения Долгорукого:

– Не сразу узнал я об енттой наглости басурманской, потому как татары, поддерживающие нового хана Девлет-Гирея, убили всех гонцов, посылаемых капитаном Колычевым из Алушты, и что в Ялте оборону держал, секунд-майор Салтанов. Однако ж через несколько дней прорвался в наш лагерь один местный житель, с нами желающий в мире жить. Так вот он и сообщил мне о десанте турецком. 22 июля прибыл я, всемилостивейшая государыня, к деревне Яни-Саль, что в самой внутренности гор крымских. А место то страшной расщелиной к морю тянется да окружено горами и лесом, а местами и пропастями, да такими, что два человека с трудом протискиваются. Трёхфунтовое орудие с трудом проходит, да войска вашего императорского величества умудрились на собственных ремнях двенадцатифунтовые единороги пронести.

Между тем турки, отделяясь от главного своего лагеря при Алуште, по уверению пленных, тысячах семи или осьми, заняли весьма выгодную позицию в четырёх верстах от моря, перед деревней Шумою⁹⁶. А с обеих сторон деревни енттой – крутые каменные стремнины, укреплённые ретраншементами⁹⁷. Войска вашего императорского величества повели на

⁹⁶ Село на Южном берегу Крыма.

⁹⁷ Внутренняя [оборонительная ограда](#), расположенная позади какой-либо глав-

оние укрепления атаку двумя каре и встречены были из пушек жесточайшим огнём...

Президент коллегии опять не выдержал. Несмотря на свою природную угрюмость, суровость, переходящую в надменность при общении с подчинёнными, в присутствии Потёмкина пятидесятидвухлетний фельдмаршал терял эти качества. В голосе его исчезали стальные нотки, и сам он, того не замечая, всегда нервничал. И сейчас чуть ли не просящим голосом воскликнул:

– Да не тяни ты, любезный, прочитай в конце, побили турка аль нет? Войск-то в Крыму наших мало. По Карасубазарскому договору мы вывели их из Крыма. Так... малую толику оставили на границе.

– Ваше сиятельство, вы же знаете князя Долгорукого. Он всегда реляции подробные составляет. Лишнего много, да ведь и полезного весьма предостаточно делает. Чуток погодите, – как можно мягче успокоил фельдмаршала Фонвизин. Губы Дениса расплылись в добродушной улыбке.

Чернышёв что-то буркнул и демонстративно отвернулся к окну.

С некоторым интересом наблюдая за поведением своего начальника, Потёмкин неожиданно вспомнил, что в молодости Чернышёв пытался ухаживать за супругой великого князя Петра Фёдоровича, Екатериной. Ему не верилось, что этот старик, суровый, неприступный вельможа, когда-то писал

нежные, чувственные стишки, добиваясь взаимности юной Екатерины Алексеевны. Императрица сама как-то рассказала ему об этом: «А какой красавец, Гришенька, был душака Чернышёв по молодости!.. В любви мне признавался!» Потёмкин усмехнулся: «И каким сейчас стал?! А, поди, добился бы внимания...»

И Потёмкин неожиданно рассмеялся. Присутствующие удивлённо посмотрели на него. На немой вопрос секретаря он махнул рукой, мол, не обращай внимания, продолжай.

– Неприятель, пользуясь удобностью места и превосходством сил, защищался из ентих самых ретраншементов с такою упорностью, что более двух часов, когда оба каре, подаваясь вперед непроходимыми стезями, приобретали каждый шаг кровию, не умолкала с обеих сторон наисильнейшая пальба.

По приближении к ретраншементам генерал-поручик граф Мусин-Пушкин, храбрость и ревностное отношение к службе вашего императорского величества, а также усердие которого вашему императорскому величеству довольно известны, приказал, приняв неприятеля в штыки, продраться в ретраншемент, что и было исполнено с левой стороны, где было самое сильное сопротивление Московского легиона гренадерским батальоном под собственным командованием храброго господина генерал-майора и кавалера Якобия, с другой же – секунд-майором Шипиловым и подполковником Кутузовым, подкрепляемым солдатами от полков-

ника Либгольдта, и столь удачно, что турки, восчувствовав сие поражение от ударивших в них войск вашего императорского величества, бросились стремглав к Алуште, оставя свои батареи и будучи гонимы, к обширному лагерю своему, на берегу моря стоящему. Ушли турки и из Ялты, и из прочих мест.

Дальнейшее преследование турок пришлось прекратить, так как батальоны Мусина-Пушкина отозвал я в деревни Яни-Саль и Сарабуз для защиты обозов от нападения татар под командованием крымского хана Сагиб-Гирея. Отбив нападение, войска вашего императорского величества стали отходить к Перекопу. Но тут пришло известие о заключении Кючук-Кайнарджийского мирного договора, и турки прекратили сражение. Простояв некоторое время в Алуште и дождавшись указа из Стамбула, османы покинули берега Крыма.

Из числа же всего войска вашего императорского величества убитых унтер-офицеров, капралов разного звания числом тридцать два да солдат около двухсот будет. Ранен подполковник Московского легиона Голенищев-Кутузов, приведший гренадёрский свой батальон, из новых и молодых людей состоящий, до такого совершенства, что в деле с неприятелем превосходил оный старых солдат. Сей штаб-офицер получил рану пулею, которая, ударивши между глаз и виска, вышла навывлет на другой стороне лица его.

А ещё, милостивая государыня, консульство наше крым-

ское под началом Веселицкого захватили в Бахчисарае татары да всех вырезали, окромя самого Веселицкого с сыном-младенцем и супругою, да его секретаря Дементьева. А опосля, когда дошли до нас вести о мире с Портою, секретер турецкий Гаджи-Али-бей передал оного Веселицкого, супругу, младенца и секретаря в штаб мой живыми, только очень напуганными... – секретарь сделал паузу. Затем, не поднимая глаз от текста, невинно сказал: – Дальше идут хозяйственные отчёты. Ваше сиятельство, зачитывать? – и затаил дыхание.

Оба сиятельства, и молодой, и старый, разом посмотрели друг на друга. Взоры их скрестились, как шпаги в поединке, и взор Чернышёва потупился первым, точно сломался, как нож о твёрдый камень. Но старый фельдмаршал по достоинству оценил дипломатический ход секретаря Потёмкина: кто ответит на вопрос, тот и будет главным, и не только на этом совещании.

«Умно, – решил фельдмаршал. – Молодец, Рубан!»

– Не надо, достаточно, – произнёс Потёмкин. – Ты иди, Василий. Позову, коль нужен будешь.

Чернышёв огорчённо вздохнул. Секретарь облегчённо выдохнул.

Взаимоотношения их сиятельств Фонвизина интересовали мало. Он разглядывал из окна плывущие, как лебеди, по Неве большие и малые шлюпки. В открытое окно долетал глухой, не мешающий беседе шум с улицы. Серая пасмур-

ность несколько прояснилась. Тучи раздвинулись, давая возможность солнцу, пусть и ненадолго, но успеть пролить часть своей энергии на землю, от которой тут же стал подниматься едва заметный пар.

Денис поглядывал на своего университетского товарища, взлетевшего по карьерной лестнице на самые высокие государственные должности, с невольным восхищением. Он уважал в людях житейскую цепкость и холодный трезвый расчёт. Всё это было у Григория.

«Третий в государстве, как-никак. Первый – Господь, второй – государыня, третий – Потёмкин», – невольно подумал он.

Тем временем напряжение несколько спало. Успокоился даже Чернышёв, узнав, что побили и выгнали из Крыма турок. Он встал, поправил ордена и пояс со шпагой и решительно произнёс:

– Не зря, видать, верховный визирь Мехмед-паша в Кючук-Кайнарджи не хотел подписывать мирный договор с нами, перемирия просил. Знал, поди, о планах султана десант в Крыму высадить. Да государыня, дай Бог ей здоровья, не пошла на это, заставила договор подписать. И тому основания были. Генералы Суворов и Румянцев на суше, да Сенявин-адмирал на море своими победами напрочь отменили сие требование османов.

– Усиление России, особенно после наших побед на Дунайском фронте, как бельмо в глазу западным странам, осо-

бенно Франции. Вот они и накручивают Порту. Не желают они видеть нас во здравии, – вступил в разговор Остерман.

– Боятся Россию... – согласился Потёмкин.

Президент коллегии одобительно кивнул головой, посмотрел на своего заместителя и уже более миролюбиво про бурчал:

– Пойду, господа! Вы, Григорий Александрович, доложите её императорскому величеству: одна напасть прошла, слава Богу, о Пугачёве теперь думать потребно, – и, оглядев опять обстановку кабинета, добавил: – А роскошь, вижу, любите... Зачем? – он пожал плечами и, не попрощавшись, покинул кабинет.

– И я, пожалуй, пойду, Григорий Александрович. Доложу Никите Ивановичу о реляции князя Долгорукого, – произнёс Остерман.

Потемкин кивнул в знак согласия.

– Денис Иванович, останься, поговорим. Когда ещё придётся?

Оставшись вдвоем, Фонвизин без всякого вступления произнес:

– Ты давеча, Григорий, сказывал о дворянчиках, правильно сказывал, хорошо сказывал, не спорю. Огромный вред сие наносит государству нашему. Но молчишь ты о другом, ваше сиятельство.

Потёмкин с удивлением посмотрел на своего товарища. «Сиятельством» Гриц стал совсем недавно и, видимо, еще

не привык к подобному обращению, тем более не привык слышать сие от старых товарищей. Денис улыбнулся:

– Привыкай, ваше сиятельство!

Потёмкин самодовольно улыбнулся.

– Представь себе государство, Гриц, где одни люди составляют собственность других людей, где человек одного состояния имеет право быть и истцом, и судьей над человеком другого состояния, где каждый, следовательно, может быть или тираном, или жертвой. Не напоминает тебе сие невежество глухое рабство?!

Человек рождается в мир и равен во всём другому. Все одинаковые имеем члены, все имеем разум и волю. А значит, человек в обществе есть существо, ни от кого не зависящее в своих деяниях.

– Эх куда тебя понесло, друже, – однако серьёзное выражение лица товарища вынудило Григория поддержать тему разговора:

– Крамольные вещи глаголешь, Дениска. Смотри, как все просто у тебя! Но если следовать твоим словам, то есть каждый волен делать что ему в башку придёт, другими словами, не учитывать действия других... не наступит ли хаос в государстве? Как можно мужика в страхе не держать перед господином своим, а? Нравы русского общества сложились не вчера, им уже не меньше семисот годов будет. Вот и пример тебе – бунт Емельки Пугача. Сколько крови русской поганец ентот пролил и продолжает лить. А почему? Сладкие

слова о свободе говорит мужикам тёмным басурман, а того и сам не понимает, что говорит с чужих слов. И страшнее того ещё будет то, что обманет басурман мужика. Как же царь будет содержать государство, коль все мужики свободны от всего будут?

– Мужикам откуда сие знать? У них тьма в сердцах, потому как тьма в умах. Добра не хотят, потому что добра не видели. Не знают они толком, что это и как оно выглядит. Вот и мыслят они умом, что в свободе счастье их кроется, – с жаром возразил Фонвизин.

– Свобода? А от кого? От господина своего?!.. От государя?!.. Каждый сам по себе?!.. Так, выходит? Не быть тогда государству, Денис! Государь – тень Бога на земле, а он, Бог, всем счастья желает одинакового. Да беда в том, что счастье-то у всех разное, уразумей это, Денис. Счастье мужика – в порядке на земле, государем держащем.

Вот вчерась прибыл я с фронтов турецких. Тихонечко, чтоб турки не прознали, снял я полки и на басурмана отправил. Солдаты пошли не ропща, понимали, зачем идут: не прогонят басурманов, порядок на их земле другой настанет. Не колокола на церквях будут звенеть, а татарские муэдзины зазывать их будут на очередные намазы.

Да вот тебе ещё пример. Был нынче в порту, так один человек спросил меня: «Совести у него, Пугачёва, што ль нету?! Седьмой год с турком воюем, а тут свой под дых?! Как же матушка-государыня наша енто терпит? Не порядок

это!» Мужик у тому, Денис, порядок, а не свобода, тобою надуманная, потребен.

– Нет, Гриша! Не о той свободе хочу мысль донести тебе. О рабстве нашем. Рабство наше непосильно для мужика. Хоть немного облегчения ему надобно сотворить. Вот и получается: извне – война, внутри – бунт. Всё бурлит, как молодая брага, а крепости и благости в России нет.

– Не надо, Денис, быть добрее Бога. У каждого свой крест на собственной спине: у кого – меньше, у кого – больше. Каждый должен нести его самостоятельно. Богом так решено, а он на всех один. А что крепости, говоришь, нет, не верю. Крепость в народе внутри, её с первого взгляда не разглядишь, не пощупаешь. А она есть и появляется, коль потреба в ней имеется. На том и держится Россия. Благости, говоришь, нет?! Это смотря как понимать её. В сонной Москве на печи подрёмывать да церковный перезвон слушать целыми днями – тогда, конечно, такой благости маловато у нас, верно! Но тогда свобода-то мужицкая при чём здесь? Забыл нешто, как князья великие веками по крупичам собирали Русь православную! А собрали бы, будь полная свобода у мужика? Ни в жисть! Так и спал бы он на печи, почёсываясь. Вот и воюем то со шведами, то с поляками, то с турками и татарами. Говорил уже Яшке Булгакову и тебе повторюсь: всем просторы наши нужны. Не до благости нам нынче, Дениска! Не до неё! Со всех сторон рыла свои суют иноземцы на земли исконно русские.

Открылась дверь, показалась голова секретаря Рубана:

– Григорий Александрович, народ волнуется, принимать будете ль? Аль пущай ждуг?

Потёмкин недовольно посмотрел на него и нехотя произнёс:

– Только разговорились... Извини, Денис! Делами потребно заняться. Встретимся другим разом. Давай, Василий, кто там первым будет? Зови.

Друзья попрощались.

Болезнь Потёмкина

Сентябрь 1774 года. Санкт-Петербург.

Чуть слышен печальный звон церковного колокола. Опять идёт дождь, прерываемый не по сезону холодным до наледи ветром. Небосклон застлали тёмные тучи. Иней за ночь покрыл всю землю.

Потёмкин недомогал уже вторую неделю. Сменяя друг друга, в дворцовых покоях фаворита толпились лекари. Генерал-аншеф болел с непонятными для придворных эскулапов симптомами, и императрица забеспокоилась не на шутку.

Марья Перекусихина ежедневно приносила фавориту от неё записочки, и каждый раз, с жалостью глядя на больного, она, словно заученную мантру, произносила:

– Ты уж, голубчик, выздоравливай, не гневи матушку. Больно скучает без тебя.

Вот и сегодня, прослушав привычную фразу, Григорий Александрович развернул очередную цидулку.

«Батенька, сударик, жалею от всего сердца, что рези у тебя продолжаются. Сердцу моему сие весьма печально, ибо люблю тебя чрезвычайно. Какие счастливые часы я с тобою всегда провожу. И скуки на уме нет, коль рядом ты, и всегда расстаюсь чрез силы и нехотя... Голубчик мой, дорогой Гришенька, я тебя чрезвычайно люблю... Я отроду так счастли-

ва не была, как с тобою. Выздоровливай, набирайся сил, без тебя мне грустно и тоскливо».

Не частые после празднеств по случаю победы над турками и подписания генерал-аншефом Румянцевым Кючук-Кайнарджийского мира дворцовые балы в последнее время совсем прекратились. Государыня продолжала с тревогой следить за событиями на Волге, мужицкие войска Пугачёва творили страшное. Слухи до столицы доходили разные и жители с тревогой шептались:

– Какие балы без фаворита её величества? – рассуждали одни.

– При чём здесь Потёмкин?!.. Мужичий бунт на Волге, – пугливо говорили другие. – Война подлая... какое тут веселье!..

А слухи продолжали множиться. Болтали всякое. И в этой болтовне набирал силу тревожный шёпот: «Как там в Москве? Где разбойник Пугач? Нешто антихрист на Москву пойдёт? Неспроста и Потёмкин слёг, французы аль поляки, поди, травят...»

Разговоры эти властями пресекались. Посол французский жаловался Панину Никите Ивановичу на вздорность подозрений, грозился дойти до самой государыни. Никита Иванович разводил руками: мол, слухи эти мерзопакостные официально не поддерживаются, какие претензии?.. А что в свете болтают?!.. Всем рты не закроешь, сударь!

Но вот то ли подействовали лекарства и лечение, то ли

могучий организм фаворита сам разобрался с недугами, но Григорий Александрович пошёл на поправку: обмороки, рези и приступы прекратились.

После бессонной ночи Потёмкин заснул. Сны его были далеки от всяких болезней, придворных интриг и столичных слухов. Снились ему обозы и шеренги солдат, спешащие с турецкого фронта на подавление Пугачёва, дорожная пыль и дороги, дороги, дороги... Так велика была его Новороссия, так велико было государство российское...

Сквозь неплотно прикрытую дверь из соседнего зала за спящим наблюдал дворецкий. На диванах дремали уставшие от ожидания лекари.

– Будить их сиятельство не можно – осерчает. Ждите, пока проснётся и вас позовёт. Сами лучше не суйтесь – по мордам отхватить можете. Злой он нынче. А тут вы со своим кровопусканием... – бурчал дворецкий, косо поглядывая на медный таз в руках одного из них.

Ближе к полудню Потёмкин проснулся. Перекрестился на образа и нехотя поднялся. Он был не в настроении, мрачен и раздражён, вынужденное затворничество его угнетало.

В широком атласном шлафроке⁹⁸ с шалевым воротником и вышитыми на груди звёздами, заложив руки за спину и что-то бормоча, больной, словно заведённый, то медленно, то ускоряя шаг, расхаживал из угла в угол своей спальни. А то неожиданно останавливался посреди и стоял в немом оце-

⁹⁸ Теплый халат.

пенении несколько минут... и опять пускался в монотонный шаг: два десятка шагов в одну сторону, два десятка обратно. Таким образом Потёмкин давал волю своему раздражению.

И этим маршрутом он маршировал до обеда, от которого, кстати, отказался, запустив в дворецкого тапком. На повторные напоминания слуги «Ваше сиятельство, пора обедать! Всё стынет» Потёмкин отрицательно мотал головой. Но когда слуга попытался произнести свою фразу в очередной раз, в его лицо угодил и второй тапок хозяина. Григорий Александрович зашагал по спальне босиком.

Неожиданно бледный луч солнца пробился сквозь тучи, светлый четырехугольник от оконной рамы протянулся по полу до стены и как бы преградил путь больному. Потёмкин остановился, хмыкнул и осторожно перешагнул мнимую преграду.

Так радовавшая ранее тишина стала его угнетать. Энергичный организм требовал действий. Ничего неделание добивало окончательно.

Из соседней залы слышались голоса. Потёмкин открыл дверь: двое слуг поругивались между собой, копошась возле камина, тыльная сторона которого обогревала его спальню. Один из них небольшим совочком собирал в ведро золу, а второй, закрывая ладонью глаза от жара, старался аккуратно положить поленья на раскалённые угли. Завидев его сиятельство, слуги заторопились: вид босого неразговорчивого хмурого хозяина не предвещал ничего хорошего. На лекарей

Потёмкин посмотрел с ненавистью, но, обречённо вздохнув, махнул им рукой: мол, давайте, заходите. Слуга подал хозяйину тапки.

Пугливо озираясь, помощник дворцового цирюльника с медным тазом в руках первым вошёл в спальню. Сам цирюльник нес небольшой кожаный саквояж с хирургическим инструментом. Замыкал тройку лекарь, скромный старичок с глубокомысленным лицом, в очках, в докторском наплечнике из тёмно-лилового бархата на беличьем меху. Доктор шёл налегке: прикосновение к хирургическим инструментам считалось унижительным для достоинства дворцового эскулапа.

Дневной послеобеденный свет освещал спальню фаворита и большое овальное углубление в одной из стен, отгороженное напольными вазами. В этом алькове стояла тахта, на ней поверх шерстяного пледа лежали газеты «Санкт-Петербургские ведомости», письма с донесениями; напротив тахты – два кожаных кресла.

По сравнению с кроватью необъятных размеров тахта выглядела маленькой и убогой, она напоминала скромную кровать капрала конногвардейского полка, где когда-то по молодости служил Потёмкин. Чего не скажешь о креслах: большие, добротные, в них часто сиживали вельможи и иностранные дипломаты и считали это за большую честь. Все знали: получить доступ к всесильному Потёмкину, когда он случался в столице, было труднее, чем к самой императри-

це. Сколько требовалось рекомендательных писем, беготни и хлопот... Да что там говорить, не единожды и сама Екатерина присылала ему записочки с просьбой дать аудиенцию очередному просителю и принять «умненькое» решение. Но, даже согласившись на встречу, Григорий Александрович мог в последнюю минуту запросто отказаться от нее.

Как правило, фаворит принимал посетителей в халате, под которым не было ни брюк, ни кальсон, – срамота одна. Те делали вид, что их это нисколько не смущает, заискивающе лебезили и пытались выговорить для себя выгоду, намекая на существенную благодарность. Однако уговорить фаворита случалось крайне редко: всесильный Потёмкин повода им не давал, куртажей⁹⁹ и взяток не брал.

Скинув на пол газеты и корреспонденцию, больной улёгся на тахту, закатал рукава халата, подложил под голову две подушки и опять тяжело вздохнул: кровопускание – процедура привычная, но предполагает от пациента некоторого мужества. При виде скальпеля Григорий Александрович взглянул на иконку, перекрестился и отвернулся к стене. Цирюльник вскрыл вену. Кровь закапала в таз... Совершив своё дело, эскулапы удалились. Немного отдохнув, больной, придерживая перебинтованную руку, встал.

Свободной рукой Потёмкин отодвинул оконную штору из тяжёлого коричневого бархата и, покачивая перевязанной рукой, словно убаюкивая спеленатого ребёнка, стоял у окна.

⁹⁹ Проценты со сделок (откат).

Поздняя осень. Дни короткие и пасмурные. Солнце скрыто тучами. Дождь надоедливый, нудный и злой. Со стороны Невы – северный ветер.

– Брр... Мерзкая погода, – прошептал Потёмкин. – Тыфу... Хотя стоп, грешу! На природу зря наговариваю... Ветра-то нет, стих, слава Богу! Брюзжу... Старею, что ли? Как старики, которые всем недовольны: им и солнце не так, как прежде, светит, и вода раньше вкуснее была, и воздух прозрачнее... – мысленно, уныло рассуждал он.

Перед ним расстился парк. Сквозь окна виднелось серое небо, на земле – небольшие лужицы, подёрнутые наледью. На голых схваченных инеем ветках деревьев сидели притихшие воробьи; прямо перед окном на разлапистых ветках красавицы-сосны на удивление тихо сидела стая находившихся ворон. Потёмкину даже показалось, что птицы внимательно наблюдают за его окном, не галдят, соблюдают тишину, давая ему возможность выспаться. Чтобы отвлечься от мрачных мыслей, он стал разглядывать парк.

Его тусклый взгляд скользнул вдоль аллеи, убежавшей от террасы в глубину парка. Вот прямо от ступенек террасы – круглый бассейн, подле него на низком гранитном пьедестале белеет нестареющая статуя козлоногого сатира. Сколько в сластолюбце дикости, силы и страсти! Развратник стоит, скрестив на косматой груди худые руки. Большой жадный рот с толстыми чувственными губами искривлен от желаний, а выпуклые навывкате глаза нагло и дерзко смеются.

Потёмкин озорно принял выражение лица сатира, так же скрестил руки на груди и дико выпучил глаза. Затем повертел головой, ища зеркало... и чертыхнулся. Настроение лучше не стало.

В самом конце парка промелькнула фельдъегерская карета. Придерживая на бегу палаш, к ней бежал офицер из караульной команды. Карета остановилась, открылась дверь. Караульный отдал честь и махнул рукой в сторону его покоев. Потёмкин усмехнулся. Ему вспомнился подобный эпизод в далёком декабре 1761 года.

...Ночь. Холод. Костры на площади перед дворцом. Слышится скрип снега под колесами расфранчённых карет. Смерть императрицы Елизаветы... В его замёрзших руках – список приглашенных, подписанный канцлером Воронцовым...

Вспомнил Григорий Александрович и свой завистливый взгляд на эти самые дворцовые окна, и фантастическое желание оказаться в тепле среди гостей дворца...

«Господи! Как давно это было. Думал ли я тогда, что моё желание сбудется? Нет, конечно. А поди ж ты, ошибся! И вот я здесь, во дворце! И это не сон».

Потёмкин недоверчиво осмотрел спальню, для убедительности потрепал бахрому оконных занавесей, и губы его растянулись в самодовольной улыбке.

«Нет, не сон! В моих руках власть, власть огромная, власть желанная. И мне её вручила сама императрица. Дай

Бог ей здоровья! А ведь все благодаря случаям. И один из них...» Перед глазами возник образ Алехана Орлова. Потёмкин слегка прикрыл глаза.

...В 1762 году, кажется, в апреле, оказался он в доме Кнутсена, где в то время жили Орловы. Пришёл рано утром по делу. Братья, как видно, были все в сборе, веселье – в разгаре: праздновали день рождения супруги императора, Екатерины Алексеевны. Встретил его не совсем опрятно одетый слуга. В комнате, куда этот паршивец его привёл, на стенах повсюду висели шпаги и боксёрские перчатки. Из соседней комнаты раздавались явно уставшие, видимо, от ночного кутежа, голоса:

– Петрушка вернул из ссылки Миниха, Бирона, даже шпиона Лестока простил. Да мало ли их с заморскими именами вернулось за это время, – басил простуженным хриплым голосом кто-то из гостей.

– Лесток ещё ладно, помог хотя бы в своё время Елизавете на престол взойти, а что шпионил в пользу Пруссии, Франции и Швеции, так по заслугам и получил, – пьяно растягивая слова, гундосил другой. Голос пытался ещё что-то добавить, но закашлялся.

Свою лепту в разговор внёс очередной участник ночной попойки:

– Да что там Миних и прочие, наша армия как-никак за державу кровь проливала, а наш Пётр войну Дании объявил, чтобы свой сраный Шлезвиг вернуть. Спрашивается, на кой

хрен? Мало того, что Фридриху все завоёванные нами земли Петрушка возвратил, так ещё пруссаки кругом командуют у нас. Убирать его надо, Екатерину сажать на трон.

В это время открылась дверь, в комнату вошёл Алексей Орлов. В руках он держал деревянный ковш. Настороженно оглядев гостя, тихо со значением произнёс:

– Сболтнёшь... тебе не жить. Ты нас знаешь! Зачем пришёл? – и неожиданно, словно что-то вспомнил, резко изменив интонацию, взмахнул рукой:– А, впрочем, не важно. На, выпей за Екатерину Алексеевну и наше, Орловых, здоровье. – Он зачерпнул из ведра почти полный ковш вина.

– Не пью я, да тем более утром, – опешив от подобного приветствия и предложения, смущённо ответил Григорий.

Орлов искренне удивился. Он с усмешкой посмотрел на гостя, перевёл взгляд на ковш, затем тихим обаятельно-любезным голосом, растягивая слова, словно батюшка в церкви, произнёс:

– Да что тут пить? Так, детская забава. Но... хвалю. Нам и такие нужны. Однако уважить нас надо, – видя нерешительность гостя, строго добавил: – Пей! Любезности в его голосе уже не было.

Потёмкин не стал перечить. Подчиняясь грозному обаянию, выпил ковш до дна. Затем рукавом камзола утёр губы и, копируя только что услышанный голос за дверью, тем же простуженным сиплым голосом витиевато поблагодарил Орлова. От изумления Алехан даже по сторонам оглянулся, но

тут же уразумел и расхохотался. Он одобрительно похлопал Григория по плечу:

– Пошли, артист, к гостям. С братьями сведу...

Вот так и познакомились...

Из соседней залы потянуло дымком. Потёмкин настежь раскрыл окно. Скрип открываемой деревянной рамы привлёк внимание птиц. И тут же дружной хрипотой закаркали разом взлетевшие вороны. «Кар... кар...» – понеслось над парком. Григорий Александрович с удовольствием вдохнул полной грудью свежего воздуха.

После кровопускания слегка кружилась голова, подташнивало. Оставив окно открытым, он опять улёгся на тахту.

Пола его просторного с зелёными цветами яркого шлафрока с большими отворотами, между которыми виднелась волосатая грудь, задралась, показывая голые ноги. Концы широкого пояса, завязанного в узел, обвисли до пола. Волосы всклокоченные, лицо небритое. Правый глаз – голубой с зеленоватым отливом, левый – незрячий, полуоткрытый с чёрной повязкой. Повязка то и дело сползала, Григорий Александрович привычным движением постоянно её поправлял, но всякий раз недовольно кривился.

Было прохладно. Потёмкин набросил на ноги тёплый плед, по привычке посмотрел на образа: тусклый огонёк лампы беззаботно мерцал перед святым и скорбным ликом.

Тихо, спокойно, боль улеглась. Потёмкин блаженно вздохнул. Пошарил рукой по полу, взял первую попавшуюся газе-

ту, рассеянно пробежал первую страницу, ища статьи о мужицком бунте. О Пугачёве – небольшие заметки с перечислением названий крепостей, поселений и городов, освободившихся после кровавых схваток правительственных войск с разбойниками: об ужасах, творимых пугачёвцами, – ни слова!..

«Государыня запретила, и правильно! Неча смущать народ», – мысленно согласился Потёмкин. Вот «Постановление казанского дворянства: для борьбы с разбойниками образовать за свой счёт конный корпус – по всаднику с каждых двухсот душ крепостных».

Потёмкин знал об этом почине. Государыня как помещица Казанской губернии тоже присоединилась к этому пожертвованию, чем вызвала одобрение и дворян, и простого люда. Чуть ниже – увещательное послание командующего императорскими войсками к башкирам, составленное неким Гавриилом Державиным.

Дальше – статейки про столичные новости, слухи и разного рода сплетни. Недавно созданный публичный театр Елагина приглашает на пьесу «Именины госпожи Ворчалкиной». Потёмкин усмехнулся: «Вещь лёгкая, смешная. Ни для кого не являлось секретом, что сию пьесу написала сама императрица». Вот выделяется жирным шрифтом объявление: «Пожилых лет девка, умеющая шить, мыть, гладить и кушанья готовить, продается за излишеством; там же есть продажные легкие подержанные дрожки, а ещё семья людей:

муж – искусный портной, жена-повариха, при них дочь 15 лет, хорошая швея, и двое сыновей 8 и 3 лет».

– Ленивые, поди! Вот и продают их, – зевая, пробормотал Григорий.

Дальше шли объявления о продаже крепостных актёров, музыкантов и даже целого хора из сорока четырёх человек. Ничего интересного.

Он бросил на пол газету и взял ближайшее от себя письмо. Письмо старое, ещё в июле присланное ему родственником, троюродным братом, начальником следственной комиссии, генералом Павлом Сергеевичем Потёмкиным. Григорий помнил его содержание, помнил и свой ответ генералу, в котором давал указание своему родственнику: узнать на допросах бунтовщиков, кто помогал Пугачу поднять сей страшный бунт и нет ли там следа к иноземцам? И почему в перехваченных письмах французских посланников при дворе её величества басурмана называют «маркизом»? И ещё кто к этому причастен? Потёмкин решительно стал перечитывать письмо.

«...Вчера поутру басурман атаковал Казань, и мы его отогнали. А сегодня поутру вторично разбойник атаковал с четырех сторон, так что, пробравшись через овраги, отрезали высланными от меня с двумя пушками авангард, но я, поскакав туда, соединил их с моею командою, которая состояла из 400. Я ласкал себя мыслью, что буду иметь в команде 600 пехоты и 300 конницы, но тщетная моя была надежда: в тот

самый день, как я вам, братец, писал, полковник Толстой, стоящий в 20 верстах со 100 пехоты и 100 конницы, струсив, отступил. Наша пехота чрез то пришла в робость, однако я их подкреплял и ободрял, как мог. Но только успел я мой авангард выручить, как увидел с правой и с левой стороны злодеев-разбойников, вошедших в город. Следуя строем-каре, ввел я своих солдат внутрь рогатов и отделил на каждую сторону по 60 человек.

С правой стороны было уже поздно, а с левой держали передних, но, как уже они прорвались в один сад и зашли в тыл, то солдаты мои побежали, а злодеи, ворвавшись, отовсюду вбегали в улицы города. Народ, будучи предан по большей части злодеям, им не препятствовал, а татар, находящихся у меня, половина злодеям отдались, и так осталось мне с имеющимися при мне двумя пушками к крепости пробиваться, что и удалось мне сделать. В крепость ввел я 300 человек пехоты с крайней трудностью.

Теперь защищаемся мы в крепости: уповаю, что Михельсон сегодня будет, однако трудно ему будет в городе их поражать. Сказывают, что Гагрин, а ты его помнишь, братец, Нарвского пехотного полка премьер-майор, да Жолобов дня через три только будут. Я в жизни моей так несчастлив не бывал: имея губернатора Казани, ничего не разумеющего в делах военных, да ещё артиллерийского генерала-дурака, должен был по их распоряжению в защите самой скверной помогать на семи верстах дистанции. Теперь остается мне уме-

реть, защищая крепость, и если Гагрин, Михельсон и Жолобов не будут, то не уповаю более семи дней продержаться, потому что у злодеев есть пушки и крепость очень слаба. И так мне осталось одно средство при крайности – пуля в лоб, чтоб с честью умереть, как верному подданному ее величеству, которую я Богом почитаю.

Повергните меня к её священным стопам, которые я от сердца со слезами лобзаю. Бог видит, сколь ревностно и усердно я ей служил: прости, братец, ежели Бог доведет нас в крайности.

Вспоминайте меня как самого искреннего вам человека.

Видишь, братец, какво быть командиром войск, незнающему человеку в губернии, которая вся готова была взбунтовать супротив своей императрицы...»

Дверь слегка приоткрылась, показалась голова слуги.

– Ваша светлость, фельдъегерь рескрипты от родственника вашего Павла Сергеевича дюже важные привёз. Сказывает, что антихриста повязали, – с опаской поглядывая на тапки хозяина, произнесла голова. – Несть?

От неожиданного известия Потёмкин оторопел. Отбросив письмо Павла, он неуверенным голосом произнёс:

– Пугачёва, говоришь, повязали?!.. Нешто правда? Не путаешь?

– Правда, ваша светлость! Божится гонец.

Потёмкин закрыл глаза и перекрестился.

– Господи! Неужто конец разбою?! Чего стоишь, давай

свои рескрипты, – и нетерпеливо махнул в сторону слуги рукой.

Убедившись, что ему ничего не угрожает, слуга смело вошёл в спальню, держа в руках поднос с донесением.

– Не евши целый день, ваша светлость! Как можно? Прикажите подавать, – просящим голосом добавил он.

Григорий Александрович не ответил, схватил свиток и тут же сломал сургуч. Быстро, не особенно вдумываясь в смысл написанного, пробежал текст. Затем, словно не веря глазам, покачал головой и уже более медленно прочитал второй раз. На его лице появилась довольная улыбка.

– Твоя правда! Девятого числа сего месяца сентября сей злодей арестован. Свои же полковники и повязали, – Потёмкин перечитал донесение в третий раз.

– Распорядись отменно накормить гонца да чарку добрую поднеси – заслужил.

Павел Потёмкин

Зима в январе 1775 года выдалась суровой, сильные морозы начались ещё в ноябре прошлого года и сопровождались обильными снегопадами и метелями. Окрестности Санкт-Петербурга и Москвы сплошь покрылись слоем снега, на дорогах – наледь, сугробы.

В Москве казнили антихриста Пугачёва, турецкий султан наконец-то ратифицировал Кючук-Кайнарджийский мирный договор. Правительственные войска отлавливают в мятежных краях оставшихся бунтовщиков. В стране наступили долгожданные мир и спокойствие. Екатерина Вторая возжелала отметить эти события в старой столице.

И вот, растянувшись длинной вереницей из множества карет, царский кортеж 8 января покинул Санкт-Петербург, направляясь в Первопрестольную.

Жители близлежащих с трактом деревень каждое утро старательно исполняли наказ властей держать в надлежащем виде и удобности дорогу, по которой проследует государыня.

Метель, однако, кружила, завывала на дорогах, гудела в домовых печных трубах, сыпала снегом, колола морозом и не хотела затихать. Природа не желала уважить самодержицу российскую и с особым остервенением по ночам намётывала на дороги сугробы. Люди спозаранку опять выходили расчищать дороги. С колоколен деревенских церквушек са-

мые зоркие с утра вглядывались в горизонт: не появятся ли столичные гости?

Останавливаясь на ночлеги, пятьсот вёрст кортеж с Божьей помощью преодолел только через две недели и остановился недалеко от Москвы.

Екатерина не жаловала Кремлёвские палаты, собственно, как и саму Первопрестольную, и остановилась в подмосковном селе Всесвятском, в Пречистенском дворце.

Московские власти отстроили его для Екатерины и Григория Потёмкина как временное пристанище, объединив галереями в один комплекс соседствующие в селе усадьбы Голицыных, Лопухиных и Долгоруких. Дворец получился огромным, неудобным и холодным.

Поселившись, Екатерина хлопотала по поводу временно-го обустройства, помогала раскладывать вещи, сама расставляла милые сердцу безделушки и всё сокрушалась: длинные холодные коридоры – чем не угроза для неё с Гришенькой. Чай, простудиться можно, идучи в гости друг к другу по ночам. Отношения между нашими героями в те дни царили самые нежные. И ещё императрицу поразило большое количество дверей.

– Я в жизнь свою, Гришенька, столько не видела дверей, – сокрушалась она. – И построено оно бестолково: полдня бродила по коридорам и залам, пока нашла свой кабинет.

Потёмкин смолчал, и тому были причины: идея построить

для государыни этот холодный дворец – заслуга его матери.

Мать Григория Александровича происходила из весьма скромного дворянского рода Скуратовых, однако была воспитанна, умна и очень красива. И всё это и унаследовал её сын Григорий. Когда Потёмкин стал стремительно повышаться, Екатерина сделала его мать своей статс-дамой при дворе. Почувствовав свою значимость, Дарья Васильевна проявила недюжинные способности в деле коммерции.

«Хитрая мать. Придумала же объединить усадьбы для нас с Катей!.. Плохо, что ль? Московские власти бесплатно отремонтировали, заплатили за проживание... Совсем не душно», – ухмыльнулся он.

Между тем ближе к ночи выюга опять принялась завывать, скрести снегом в окна и пугать сильными порывами ветра. Метелица, однако, старалась зря: уставшие гости её не слышали – спали.

Выюга успокоилась лишь к утру. Потёмкин долго не вставал.

Белизна сугробов за окном, тишина, какая бывает только в деревнях ранним утром, напомнили ему детство. Он просто лежал с закрытыми глазами, укрывшись периной, и, как в детстве, несмотря на окрики матери, вставать не хотел... И тут, дополняя нахлынувшие воспоминания, в соседней комнате послышался сварливый голос его матери. Потёмкин сладостно потянулся и открыл глаза. Он не удивился столь раннему визиту матушки.

Дарья Васильевна жила рядом и, по-видимому, желая поскорее повидать сына, с утра уже поучала его слуг.

И всё-таки вставать не хотелось. «Мать подождёт, – решил он, – свидимся, коль завтракать вместе будем».

Потёмкин натянул на голову перину и вновь закрыл глаза. Но поспать больше не пришлось. Дом проснулся: потянуло дымком, забегала прислуга, захлопали бесчисленные двери, отовсюду слышались приглушённые голоса... Благостная деревенская тишина исчезла. Сон пропал. Григорий нехотя поднялся, поёжился от холода, влез в свой любимый халат и позвонил в колокольчик.

Тут же отворилась дверь.

– Вас, ваша светлость, сродственник генерал Потёмкин дожидается. Говорю ему: рано ешо, спит его сиятельство. А они сидят, не уходят. Пущать, что ль? – заспанным голосом произнёс слуга.

Зевая, Григорий Александрович махнул рукой и пробурчал:

– Павел?... Зови. Живой и слава Богу!

Дверь отворилась. Быстрым шагом вошёл Павел Сергеевич Потёмкин, в руке он держал свёрнутые в рулон документы. При виде именитого родственника, Павел Сергеевич радостно улыбнулся, поднял свободную руку для объятий, но тут же остановился перед вице-президентом Военной коллегии и генерал-аншефом, памятуя о субординации. Его щуплая в генеральском мундире фигура напряглась, застыла по

стойке смирно.

– Имею честь засвидетельствовать вам, ваше сиятельство, своё почтение.

– Кончай, братец, какое я тебе сиятельство?! Рад видеть тебя в добром здравии, – Григорий Александрович обнял родственника.

Будучи моложе своего родственника на четыре года, Павел Сергеевич лицом и осанкой совершенно не походил на своего троюродного брата. Только тот же дерзкий взгляд, острый ум да личная храбрость в боях сближали хоть и дальних, но все же родственников. И совершенно заслуженно за боевые действия на турецком фронте и проявленное личное мужество при подавлении мужицкого бунта, императрица присвоила Павлу Потёмкину чин камергера и генерал-майора.

– Прослышал от князя Волконского о хвори твоей, Гриша. Слухи разные бродили тогда по Москве. Хворь прошла, ты здоров и слава Богу! Не можно тебе болеть, дел – невпроворот.

– Хворь-то давно была, а дел всегда много, – ворчливо произнёс Григорий Александрович. – Давай, докладывай, с чем пожаловал. Не о здоровье же моём узнать, чай, в такую рань примчался.

– Слава Господу Богу, нарыв гнойный прорвали, Григорий Александрович! Злодей Емелька Пугачёв в аду ответ будет держать. Ответить он должен перед Господом за кровь

невинно убиенных да поклониться матушке нашей государыне за доброту, что разрешила голову антихристу отрубить перед четвертованием.

– И ответит! Гореть ему в гиенне огненной. Что прорвали гнойник, сия новость как бальзам на душу мне была. Оттого, видать, и хворь прошла давеча. Я, Павел, твои донесения читал и, признаться, подумал, уж не последнее ли послание твоё вижу, коль пишешь, что в Казани пистолет ко лбу приставлял. Обошлось... и слава Богу! Время, видно, не пришло твоё, нужен ты Господу ещё на земле этой грешной. В Москве, чай, работы невпроворот. Злодеи получили по заслугам, да не все, поди? Заканчивать следствие по этой публице мерзкой потребно.

– Знаю, Гриша. Матушка-императрица велела мне с князем Волконским, обер-секретарём Шешковским и прочими господами следствие закруглять да указ всеподданнейший готовить. Да вот, приехал я спозаранку специально: до встречи с матушкой-государыней с тобой, братец, свидеться да посоветоваться относительно сведений, что при допросах бунтовщиков выявил. Опасные слова сказывали антихристы, весьма опасные. Не знаю, верить ли, а коль верить, то поступить-то как?

Потёмкин-старший нахмурился. Слегка поёжившись, затянул потуже пояс шлафрока.

– Садись, Павел. Что-то бумаг много при тебе, не время читать, давай о главном. Благодетельница наша государыня

не раз мне напоминала о тебе и поручении, что я по её просьбе и своему уразумению отписывал. Нешто явные следы иноземцев выведаль что хуже?

– Смотри как рассуждать. Всемиловейше поручили вы мне вместе с матушкой-императрицей узнать и открыть познание о тех прямых причинах, кои произвели великое злодейство в империи нашей. Знать вы хотели, кто надоумил антихриста назваться царём и на какие деньги соблазнил он народ наш тёмный?

Григорий Александрович согласно кивнул головой.

Павел Сергеевич вытащил из обшлага мундира платок, манерно промокнул взмокший от волнения лоб и ненадолго, на несколько секунд, задумался.

– В сентябре сего года, сразу апосля пленения главных атаманов разбойника, я лично в Казани допросы им проводил, самого антихриста Емельки Пугачёва, уже погода в октябре в Симбирске. Бесчестно раз следствие вел лицам всякого сброда, что грабили и резали дворян и разного роду начальников уездных и волостных. Волосы, Гриша, дыбом у меня становились от нечеловеческой жестокости ихней. Чернь же, ежели и не помогала злодеям явно, то большей частью терпима была к бунтовщикам. И тож понять-то люд простой надобно. Уж сколько лет, как шайки разбойников и прочей гулящей вольницы в Поволжье и Яике и до Пугачёва беззаконие чинили. Нападали на барские усадьбы, воровали имущество и скот, жгли помещичьи дома и смерти лютой

предавали хозяев. С рук большинству разбойников это сходило, вот и попривыкли они к беззаконию. А куды деваться, Гриша? – Павел развёл руками, – Мизерные воинские гарнизоны, территории громадны, поди, слови их... А тут тебе самозванец в роли царственной особы с указами о вольности!.. И как не понять её, чернь, злодей же свободу сулил, отмену податей, земли раздавал всем без счёту... Тут поневоле поверишь и чёрту! И пошло-поехало ещё пуще...

До трёх тыщ усадеб спалили злодеи, заводов и фабрик испортили без счёту, а смертей дворян с семьями, священнослужителей и прочих более трёх тысяч пока насчитали, продолжаем счёт вести. Списки загубленных злодеем дворян для матушки-государыни подготовили, и они страшны.

Павел полистал стопку документов:

– Ага, вот он, есть! Рескрипт на имя её величества «О смертях дворян и прочего люда, загубленных злодеями», – Павел помахал листком. – Пока не полный, но цифры уже впечатляют, Гриша. Могу зачитать.

Григорий Александрович кивнул.

– Вот, братец, что натворили изверги, слушай!

Он расстегнул ворот мундира, расправил на коленях документ и медленно стал его зачитывать:

– Страдальческими смертями замучено: дворян – 67, их жен – 90, обоего пола детей – 94. Перебито до смерти: дворян – 232, их жен – 103, младенцев – 49. Повешено: дворян – 335, их жен – 231, обоего пола детей – 99. Застрелено: дво-

рян – 76, их жен – 16, обоего пола детей – 29. Потоплено: дворянских младенцев – 15. Заколото: дворян – 43, их жен – 13, обоего пола детей – 16. Изрублено: дворян – 43, их жен – 21. Итого дворян, их жен и детей разными смертями умерщвлено 1572. Повешено: священников – 102 да в ризах с крестами – 4, их жен – 47, дьяков – 25, причетников – 59. Итого священников и церковнослужителей с их женами истреблено 237. Унтер-офицеров и прочих нижних чинов умерщвлено 118, их жен – 14, разночинцев – 716, их жен – 105, обоего пола детей – 39, канцелярских служителей – 45. Итого 1037. Общий счёт, говорил ужо, более трёх тыщ дворян антихристы загубили.

Григорий Александрович, крепко сжав губы, молчал и только покачивал головой.

– Народ наш, – продолжил Павел, – весь в крайнее невежество погруженный, однако сознаёт свое заблуждение касательно бунта. Кто кается теперича, колени преклонив перед следователями, кто стоя плачет и крестится на образа, прощения вымаливая у Господа за злодеяния свои, а кто невинен, радуется свободе.

– Знал я о зверствах разбойников, но такое... Столько людей... А детки малые невинные?!.. Бог злодеям не простит сие. А поди кабы верх, прости Господи, взял бы Пугачёв?! Да истребил бы под корень дворянство... А кто, как не оно, дворянство, сплывалось подле государя в трудные години и спасало государство от хаоса? Примеры помнишь: разбой-

ники Болотников, Разин, да всех-то и не упомнишь... Слава Богу, одолели всех безбожников! А если бы нет?! Крах государству пришёл бы. Соседи бы тут же не преминули разорвать Россию. Непременно! Только и ждут момента. Расчленият нас и затопчут. Не заметишь, как с одной стороны католики аркан накинут, а с другой – мусульмане. Не можно допустить оного. Так вот, братец.

После некоторой паузы Потёмкин устало произнёс:

– Продолжай, Павел.

– Вот тож! Дабы привести народ в надлежащее познание их долгу, прилагал я старание вернуть развращённые души и сердца люда простого в порядок. На допросах не пропускал ничего: наказывал по мере важности вины, уменьшал наказание раскаявшихся, ободрял невинных и верных рабов государыни нашей. Справедливость держал по мере возможности, Гриша. Огульно никого не обижал, и люд, возымев ко мне доверенность, стал являться ежедневно человек по сто и более с разными жалобами. А как, по-видимому, приучили раньше народец к тому, чтобы они праздными не являлись с челобитными, то часто, приходя, приносили мне подарки. Я же, отрекаясь принимать оные, принужден был сделать объявление, что кто будет ко мне аль другому слуге государеву с подарками приходить, буду строго наказывать и тех кто несёт их, и других, коль брать оное будут.

Потёмкин-старший одобрительно кивнул.

Павел на секунду прервался, затем продолжил:

– Первый опыт мною учинен обличением одного офицера Казанского гарнизона, что был послан с командою генерал-аншефом, графом Паниным для усмирения бунтующих чуваш в одно из селений и который взял деньги с самих бунтовщиков и отпустил их. Строго наказал я офицера, дабы повадно другим не было.

– Законы святы, да исполнители – супостаты. Правильно наказал, хвалю. Большой вред сим чиновники наносят государству нашему. С татар пошло – без калыма не моги просить.

– А ещё, Григорий Александрович, в последнем моём всеподданнейшем донесении государыне отметил я о подлом поступке саранского и пензенского воевод, которые, по слабости души оставив вверенные им города на жертву злодею Отечества, в бега ударились. Да, видно, Бог видел сие малодушие и трусость ихнюю, оба градоначальника позже приняли смерть мучительную от варвара Пугачёва.

– Бог им судья! Поди, встретятся с безвинно убиенными на небесах, ответ держать будут. Разберётся Господь и с ними! – Григорий Потёмкин перекрестился на образа. – А вот по поводу того, что народ наш тёмный свободы желает, помнится, сказывал ужо Денису Фонвизину и тебе скажу. Свободу всяк по-своему понимает, её каждый хочет, да она-то у каждого своя, так Господом нашим устроено. Не нам грешным сие менять. А словам сладким, что Пугачёв вещал, каждый охоч поверить, коль в душе пусто, а государевы слуги –

шельмы.

– Верно говоришь, Гриша, шельмы. Вот что уразумел я главное, колеся по землям, разорённым злодеями. Губернаторы провинций и городов, духовенство, судьи, да и некоторые офицеры тож, пользовавшиеся распущенностью предыдущих царствований, сделались каждый как бы независимы в своей епархии или уезде вверенных их надзору. Забыли оные, кто в государстве нашем хозяин! Забыли!.. – грозно повторил Павел. – Они обращались с народом не как слуги государевы, а как тираны. Новые порядки, матушкой-государыней введённые, принуждавшие их к трудолюбивой, бескорыстной жизни, вызвали в них недовольство. А того им не понять, что и народ недоволен ими шибко был. Вот и тле-ло, дымилось сие недовольство черни в бунты проявившееся супротив порядков.

Сдаётся мне, не Пугачёв поднял сей бунт кровавый. Напротив, скорее сей бунт черни овладел злодеем. И злодей не пытался даже руководить им. Он только встал во главе его и, ничего не разбирая на своём пути, ринулся очертя голову вперёд, увлечённый привычным разбоем и недовольством люда простого. Слова самого Пугачёва сие подтверждают. На допросах он не раз говаривал: «Я уж был этому и сам не рад, да яицкие казаки делали, што хотели. Мой грех – не сдержался, на уговоры поддался, подбили меня людишки. Видать, нужен им был хоть какой царь. Да теперь уж что там, виноват».

Сии заключения мои подтверждаются измышлениями следователя следственной комиссии Саввой Мавриным и его со товарищи. В мае сего года этот Маврин даже донесение отправил государыне, где доказывал, что бунт не Пугачёв организовал, а тем более не иноземцы, а бедственное положение люда простого. Мол, надо облегчение мужику... Да, видать, матушка не получила сие смелое послание, ответа так и не последовало.

– И не последует! Дурное послание, не нужное. И потом, кто он такой, этот Маврин, чтобы советы государыне давать? Есть, поди, кому советовать ей и без него. И вообще через голову начальства обращаться к матушке-государыне... – недовольно произнёс Григорий Александрович. – А слова басурмана, на допросах сказанные, мол, люд что хотел, делал, а он якобы ни при чём, – чушь. Кто ж признается в добровольных злодеяниях теперь?

– Да, сдаётся мне, что толика правды в словах Пугача имеется. А касательно донесения, Маврин отправил его до моего начальствования следственной комиссией. Я тоже не поддерживаю сие нарушение субординации. Ещё раз, Гриша, говорю тебе обо всём, как есть, дабы самому ошибки, подобной Маврину, не повторить, гнев недовольства на себя не накликать матушки-государыни.

Потёмкин-старший одобрительно кивнул. Он слушал своего родственника и размышлял: «Не совсем так представляли страшные события губернаторы тех краёв. Совсем не так!

Послание этого Маврина Екатерина действительно не получила, я бы знал. А может, скрыла от меня?.. Иль чиновники вскрыли его по пути и не решились огорчать государыню?.. Поди, теперь знай... Теперь вот – Павел...»

– Ты, Павел, придержи пока сии мысли свои. Погодь расстраивать матушку. Она знает о нелёгкой жизни черни. Манифест готовится, многие послабления грядут. Но мысли свои непременно убереги, подробно опиши. Государыне направь, когда дам знать, не ранее. Пусть время пройдёт, утихнут страсти, забудутся смерти и разруха. Не лезь на рожон, а там время подскажет, что нам делать, генерал.

Потёмкин-младший благодарно кивнул и отложил в сторону листы с крамольными мыслями.

Григорий Александрович одобрительно покачал головой.

– И что ж получается? – произнёс он. – И близко следов нет в участии иноземцев? Граф Орлов Алексей Григорьевич сказывал, что французы замешаны были. Да и посол наш во Франции Барятянский тож отписывал о том же.

– Да вроде и так, да не совсем так, Гриша. Многие наследили: и французы, и поляки, и турки, и свои...

Павел многозначительно поднял палец вверх:

– Всем хотелось раздуть кадило, черную зажжённое, унижить нас, на Москву поганца Пугачёва направить. Сдаётся мне, что поболее всех нагадили свои, и как бы ниточка сговора эта не вела в столицу. В Санкт-Петербург, – на всякий случай уточнил Павел Сергеевич. – Вот почему, братец, по-

вторую ужю, и прибыл я с утра самого к тебе. Совет твой нужен и в этом вопросе, как поступиться лучше. Не ровен час дров наломаю. Да о том чуть погодя разговор пойдёт.

– Ниточка, говоришь? В столицу? Хм... Ну продолжай, – нахмурившись, произнёс Потёмкин-старший.

– Начну я, пожалуй, с Польши, Гриша. В ослаблении России она не меньше Турции заинтересована. Попали в следственную комиссию два поляка. Имена их мало о чём говорят, да и фамилии, скорее всего, у них чужие. Ты, поди, непременно помнишь, когда по настоянию государыни нашей королём Речи Посполитой в 1768 году на сейме избран был Станислав Понятовский. С него и начались разлады. Противные ему польские вельможи отказались признать сие избрание. В городе Бару шляхта конфедерацию военную создала супротив короля. Франция тут же вмешалась, натравливать на свержение Понятовского стала, накрутила турецкого султана супротив опять же России. Порта нам войну в том же годе объявила.

Павел второй раз достал платок, промокнул вспотевший лоб, затем потёр виски и продолжил:

– Многие из шляхты на стороне турок воевали с нами. Фамилия братьев Пулавских знакома тебе, Гриша?

– Пулавские?.. Встречаться не приходилось, однако на фронте о братьях этих слыхивал. Вояки храбрые...

– Тот, что помладше будет, в плен к нам попал и отбывал наказание в Казани. А жил, Гриша, не поверишь... в доме

губернатора Брандта! Со слов одного из польских пленных наймитов, тот принимал Пулавского словно родного. И как тут этому Пулавскому не знать всю ситуацию в губернии и самом городе?.. И что Бибииков умер, и что войск для защиты мало в городе, и что жители многие ждут его, Пугачёва. Всё знал поляк! Он же и сообщал Пугачёву через своих агентов о ситуации, он же и рекомендовал басурману идти на Казань.

Я-то прибыл в город позже, к самой осаде. Пулавский к тому времени сбёг уже к бунтовщикам, где принят был с большими почестями. А у Пугачёва его соотечественники и разные иностранные советники... все объединены злобою к России. Вот иностранцы и помогали планировать Пугачёву баталии с нашими войсками. Да не помогло бандитам и это. Молчу уже про конфедерата князя Потоцкого, что бежал в Венгрию и с австрийским двором оттудова интриговал в пользу Пугача. Да разве только Потоцкий?

– Верно. Слышал я о князе Радзивиле. Слухи ходили, что пленённый нами, содержался оный в Калуге под присмотром генерала Карра. А нам известно: Карр был умным и мужественным военачальником. Государыня назначила его командующим войсками, собранными из Петербурга, Новгорода и Москвы, для борьбы с самозванцем. И что странно, этот генерал сразу растерял вдруг воинский талант, повел себя против самозванца нерешительно. В конечном итоге бросил он своё войско и бежал. Государыня осудила сие поведение.

– Радзивил, Гриша, – богатейший человек. Пол-России скупить мог бы. Не буду наговаривать на генерала Карра, да трудно устоять супротив возможных посулов магната. Поди знай, что там у них было. Генерал Фрейман возглавил армию.

– Так и Фрейман не лучше воевал, – пробурчал Потёмкин-старший.

Павел Сергеевич развёл руками и произнёс:

– Всё одно, побили супостата.

– Да Бог с ними, с генералами. Хочу спросить тебя, Павел: ты воочию зрел супостата Пугачёва? Так ли он схож на супруга императрицы нашей, царство ему небесное?

– Поставь их рядом – никакой схожести, Гриша. Пётр Фёдорович лицом на обезьянку более походил, комплекцией хилой был. А Пугачёв мужик крепкий. А имя государя принял то ли когда по Польше шастал, то ли старообрядцы посоветовали. А может, потому, что другие поступали так до него. Да я знал, что ты, Гриша, интерес проявишь к оному. Родного брата ентого самого антихриста с собой прихватил. Желаеть глянуть? Здеся он дожидается, Дементием Ивановичем Пугачёвым его кличут. Ни в каких мятежах замечен не был, служил справно, к войску брата не примыкал.

Григорий Александрович лениво помахал колокольчиком.

– Приведите мужика, что генерал привёз, – приказал он слуге.

В комнату вошёл мужик в казацком облачении. Росту невысокого, крепок в плечах. Потёмкин-старший обратил внимание, что страха в мужике не было, глаза смотрели прямо и открыто, поздоровался спокойно и с достоинством. «Вины за собой не чувствует, потому и спокоен», – решил Григорий Александрович.

– Ты, Павел Сергеевич, коль человек супротив матушки нашей государыни не выступал, других не подбивал, с братом-антихристом связи преступной не имел, отпусти его с миром. А тебе, Дементий Пугачёв, приказываю сменить свою фамилию, дабы дети твои не страдали. Ивановым будь – самая русская фамилия.

Дементий с достоинством поклонился вельможе, но смолчал, не высказывая слов благодарности.

– Иди, сердешный, иди! Свободен ты нонче стал, и прозвище у тебя новое, привыкай теперича. Его сиятельство благодари.

Пугачёв-Иванов, опять низко кланяясь, что-то пробормотал и покинул благодетелей.

– Теперь о ниточке, Гриша, что в столицу... да нет, больше в Москву, ведёт. Ещё в конце августа прошлого года нашими войсками был взят в плен и доставлен в Енотаевскую крепость, а дале – в Астрахань некий Дубровский. На месте короткий допрос учинили ему без пристрастия, не до него было. Знаем, что родился в Мценске Орловской провинции, православный. Из купеческой семьи. Грамоте обу-

чен. Как мне потом докладывал начальник тюрьмы, ентот Дубровский в общей толпе арестованных мятежников мало чем отличался, разве что внешностью: рост высокий, лицом чист и бел, волосы русые, борода беловата. Приятной внешности, одним словом.

Правда, потом выяснилось, что настоящая фамилия этого хлыща Тимофеев. Для каких целей сменил фамилию – молчит. Ну, начальник тюрьмы, согласно указу государыни, направил ентого Тимофеева в мою следственную комиссию. А тут приказ приходит от генерал-аншефа Панина: отправить в его канцелярию несколько злодеев, в том числе и Дубровского-Тимофеева. И выясняется, что ентот Тимофеев-Дубровский за два месяца до своего ареста у самого Пугача писарем заглавным состоял в Военной коллегии и в доверенности большой был у антихриста. Я требование Панину отписал, мол, немедля возвернуть мне ентого писаря. Так нет, мне его Панин не отдал. Сам учинил допросы с пристрастием.

– Погодь, а что, Панин знал, что Дубровский писарем у басурмана был?

– Сие мне неизвестно, Гриша. Может, где и вызнал. И оно бы ничего, одним больше, одним меньше... Только мне люди, что при допросах присутствовали, сказывали кое-чего при большом секрете. Пугачёв же читать и писать не умел, всё за него делал ентот Дубровский. И когда ему ногти стали вырывать, тот и признался, что Пугачёву кто-то из Москвы

письмишки разные присылал, но подписи на них никогда не было, а вслух Емельян Иванович фамилии не говаривал, а он, Дубровский, не спрашивал, без надобности, говорит, было.

А ещё в тех письмах якобы уговоры были, мол, идти тебе, Емельян Иванович, надо на Москву. Не бойсь, мол, поможем. Но как только про то Панин услышал, тут же всех из допросной выгнал и сам стал допрашивать. Допрашивал так, что ентот писарь умер. В могиле теперича тайны нужные вместе с ним погребены, Гриша. Из рук наших ушел один из главных свидетелей, что всех умнее был.

И что ещё подозрительно, братец! Те же люди сказывали мне и о допросах с пристрастием Пугачёва, что без моего присутствия Панин делал. Я запись сих слов антихриста пометил себе: «Коль не умру, то объявляю вам, чтобы доведено было до её величества государыни императрицы, что желаю ей одной открыть такие тайные дела, кои, кроме ее величества, никто другой ведать не должен; но чтобы я был к ней представлен в приличном одеянии донского казака, а не так, как теперича одет».

Что уж ему обещал Панин, почему так и не поведал Пугачёв свою тайну, одному Богу известно.

– А может, просто уловка басурмана в надежде, что жизнь ему сохранят?

– Может, и так, токмо это не всё, Гриша! Интересный факт поведал Емелька Панину на одном из допросов ещё в

октябре того года. Якобы родом он из донских казаков, женат на казачке, но вот детей не имеет... А мы знаем, что наш антихрист трёх детей народил. Где же правда?

– Так детей своих выгораживает, понять можно Емелю. А там, поди знай, как оно на самом деле. «Неужто следы оные к сыну Екатерины дорожку имеют? – мелькнула мысль у Потёмкина-старшего. – Тут уже не дорожка, дорога столбовая... Не след далее влезать в дело сие. Такое начнётся!..»

– Ну да Бог с ним, с антихристом, Павел, – как можно безраличней произнёс он. – А что турки, французы, есть след?

– Немногие пленные сказывали мне о некоем французском бароне Тодде, венгерце по рождению. Сначала этот барон был при французском посольстве в Константинополе, а потом консулом в Крыму у хана Крым-Гирея. Люто ентот француз Россию ненавидел. А это, сам разумеешь, не отдельные лица типа Радзивилов и Пулавских, как в польском следе, а цельная государственная машина с её специальными службами, а главное, с неограниченными финансами. Тут, брат, заговор одного государства супротив другого. Так что, фарсу эту с Пугачёвым кавалер Тодд вместе с королём Франции вполне мог поставить.

– Есть толика правды в этом, Павел. Король Людовик весьма не любит нас, а скорее, боится Россию. Государыня не раз на него гневалась. Сколько у нас всяких проходимцев французских ошивается... А как же, модно держать в домах учителей для отпрысков богатых вельмож. Поди, шпионов

посредь них немало, – в сердцах произнёс Потёмкин-старший. – А что с турками?

– Сдаётся мне, что османцы через французов действовали. Явных следов не нашёл я. За ниточки Пугача дергали многие, а уж кто больше, кто меньше, сие пока неизвестно. Что куклой был, это точно. Однако ж следствие не закончилось. Глядишь, и всплывёт что-то. Доложу тебе сразу.

– Накрутил поганец Пугачёв, заварил кашу. Поди, теперь разберись... Ты, Павел, бумаги про письма из Москвы вынь из дела, припрядь. Коль потребуются мне, дам знать.

– Всё сделаю, как велишь. Всё тайное, коль потребуется, Гриша, всплывёт, не сумлевайся, – Павел Сергеевич встал. – Вот сколько наговорил тебе, братец. Аж на душе легче стало. Пора мне, Гриша. Готовиться надобно к приезду матушки-государыни. Дел невпроворот. Ждём вас в Белокаменной. Готовится Москва, украшается.

Поговорив ещё несколько минут о семейных делах, Потёмкины расстались.

Через несколько дней императорский кортеж направился в Москву. Белокаменная ждала свою императрицу-победительницу.

В конце января 1775 года неясным, скорее, пасмурным днём Екатерина Вторая въехала в бывшую столицу. Нагонявший все дни стужу холодный ветер к обеду почти стих. Лёгкий ветерок сдувал снежинки с сугробов и, кружа в воздухе, осыпал выстроившихся вдоль дороги жителей.

Царский кортеж медленно двигался в сторону Кремля. Шпалерами¹⁰⁰ были расставлены вдоль улиц гвардейцы, ограждавшие процессию от публики, с обнажёнными головами толпившейся на тротуарах. Иногда среди ликующей толпы появлялись сидевшие верхом церемониймейстеры в раззолочённых мундирах.

Екатерина и Григорий Потёмкин ехали в одной карете, приветствуя верноподданных из открытых окон. За императорской каретой, с небольшим разрывом, следовала кавалькада из шикарных экипажей приближённых её величества и более скромных – иностранных дипломатов.

При виде императрицы из толпы раздавались здравицы в её честь, а дети, слизывая языком снежинки с губ, озорничали, забрасывая кареты снежками. Один из снежков залетел в открытое окно царской кареты, угодив в Потёмкина. Григорий Александрович рассмеялся и тут же запустил его обратно. В толпе раздался хохот.

Однако жизнь в старой столице вовсе не была безмятежной. Несмотря на строгие указания городского начальства, жители Первопрестольной довольно прохладно встретили государыню. А вот за каретой великого князя Павла Петровича бежали восторженные толпы. И это не понравилось Екатерине. Она с обидой высказала Потёмкину:

– Пошто так? Павел ещё ничего не сделал, чтобы заслужить любовь подданных.

¹⁰⁰ Шеренга войск по сторонам пути следования кого-нибудь.

– Не забывай, душа моя! Чай, четырнадцать лет править и каких! Непростых. Сколько напастей за это время: война с турками, поляками, поварьные болезни. Одна чума сколько жизней покосила в Москве. А пугачёвские бунты черни в Поволжье, Яике?.. Да мало ли их кругом было... Откудова довольствие народу от жизни такой? Достаточно, поди, чтобы охладеть к государыне и возложить чаяния на нового государя. А тут слухи о чудесном исцелении супруга твоего, Петра... Народ-то – тёмный, поверил. И опять смута мужицкая, опять беды, опять кровь пролита. Вот и мечтают люди при новом-то государе пожить, глядишь, полегче станет. А Павел, он чист пред черню и московской знатью, на него они надежду держали. Не забывай, душа моя: Москва – город особый, не зря же я ездил в Первопрестольную и уговаривал Бутурлина перед известными тебе событиями. Помнишь, поди...

Екатерина вздохнула, вспомнив те тревожные в её жизни дни восхождения на престол.

– Прав, наверное, ты, Гришенька. Народ, он, как ребёнок, всё думает, что новая игрушка получше будет.

– Вот-вот, народ и есть ребёнок несмышлёный! За ним, Катя, догляд потребен, и не малый. Чуть упустишь – жди беды. Что и случилось... Да и Панины, душа моя, поработали по Москве отменно, никак не успокоятся. Не оставили мысли сына твоего на престол поставить. Тут решительные меры нужны, – произнёс фаворит.

Отношения Екатерины с сыном, действительно, становились всё напряжённее. Потёмкин, как никто другой, это чувствовал и старался оградить любимую женщину от посягательств Павла на трон.

– Нет теперича антихриста Пугачёва, власть Панина Петра над войском надо бы укоротить, – решительно добавил он. – И братцу его, Никите Ивановичу, напомнить надобно, кто в доме хозяин.

– Подумаю, Гриша, подумаю.

– Опять же мой родственник, генерал Потёмкин, жалуетя на Панина. Нарушал Пётр Иванович предписание твоё всех злодеев пленённых в следственную комиссию направлять. Кого надо, жестоко сам пытал, а те помирали. Вот с писарем Пугачёва, неким Дубровским, конфуз случился, тож помер на допросах. И что этот писарь поведал Панину, неизвестно. А, поди, многое выболтал тот писарь. Зато от людишек присутствующих при оном допросе писаря стало известно: письма получал Пугач из Белокаменной. Звали антихриста идти на Москву, мол, подмогнут. Не ведут ли эти нити к Паниным, а стало быть, к Павлу?

– Всё, поди, возможно. Вон, Вильгельмина¹⁰¹ уже видит себя рядом с моим сыном царицей. Не терпится ей... Екатерина опять горестно вздохнула.

– Хитрая и завистливая, настойчивого нрава женщина, но,

¹⁰¹ В 1773 году сын Екатерины II и Петра III, Павел, женился на немецкой принцессе Вильгельмине Гессен-Дармштадской (Наталья Алексеевна).

должное надо отдать, – умная, чего скрывать. Сына маво не любит, однакож вертит им как хочет. И как Павлу сказать, что она неверна ему? Крутит с графом Андреем Разумовским, а Павел, словно слепой, не видит. Да меня-то не проведёшь! Всё знаю. Хорошую невестку присоветовал мне король Пруссии Фридрих, неча сказать.

Потёмкин молчал, лишь пожимал плечами. Екатерина безнадёжно махнула рукой и сменила тему:

– И что, имена изменников, писавших сии письма, известны?

– Нет, Катенька! Как только тот писарь язык развязал, Панин выгнал всех из пыточной и забил мужика до смерти. Да, не думаю, душа моя, что сии фамилии тебе не известны. Что уж там... А Петру Панину укорот сделать надобно, – настаивал Потёмкин. – От греха подальше, Катенька. Наградить и спровадить! К тому же болен болезнями он разными, да и возраст, шестой десяток, чем не повод?

– Ну, положим, возраст не главное. Да не время сие решение принимать, погодить надо. Задачу исполнил Пётр Иванович, разбил антихриста... и то ладно! Пройдут торжества, а там посмотрим... Найдём, как укоротить власть Петра Панина. Не сумлевайся! – Екатерина нахмурилась. – Подтвердились ли опасения графа Орлова относительно французского следа? Про турок и поляков молчу уж, читала донесения родственника твоего, Павла.

– По его словам, следы есть, да не явные. Что басурман

Пугачёв – кукла в руках наших недругов, так это дело ясное. Однако ж следствие пока не закончено. Там видно будет. Со своими бы разобраться.

– Относительно иноземных связей, коль таковые явные появятся, не след афишировать, проблем и так хватает. А со своими интриганами и изменниками сами разберёмся. Не собственного же сына подозревать в подстрекательстве бандитов. Ты, Гриша, уразумей сие, рты всем позакрывай, чтоб болтали меньше. Разбойники и есть разбойники. Поди, в каждой стране немало оных.

А время, оно жадное до событий громких, да забывчивое. Чуть погодит и тут же заматывает любое напоминание о них густой паутиной и в пропасть небытия этот кокон сталкивает. И всё... Ни имён, ни событий... Скоро забудут этот кошмар! Забудут и само имя Пугачёва. Я так разумею, Гришенька. Ты...

Громкий перезвон колоколов всех храмов заглушил слова императрицы. Кортеж въезжал на Соборную площадь Кремля, заполненную народом. Впереди показалась большая группа представителей московской знати. Одежды и бороды вельмож были присыпаны снегом, и на расстоянии они больше походили на пеньки, торчащие в лесу. Зато колоритную фигуру генерал-губернатора Михаила Волконского, стоявшего рядом с московскими вельможами, Екатерина узнала сразу.

В огромной соболиной шубе нараспашку, из-под которой

выглядывал красный кафтан, с караваем хлеба с солью в руках он благоговейно ожидал государыню.

– Глянь, Гриша! Чем не старичок-боровичок наш Михаил Никитович! Ой, как на духовника маво, Ивана Панфилова, похож! Ну копия! – и государыня впервые за последние дни легко и от души рассмеялась.

Кони медленным шагом подкатили карету к Волконскому, слуги распахнули дверь. Выйдя из кареты, Екатерина и Потёмкин очутились среди народа, немедленно испутившего три оглушительных «Ура!», которые тут же были подхвачены остальной толпой. Торжествующий рёв понесся над площадью. Москва приветствовала свою государыню...

Пугачёвский бунт напугал императрицу. Екатерина II приняла меры хоть как-то облегчающие тяжёлую жизнь простых людей.

17 марта 1775 года вышел особый манифест Екатерины II, в котором мужицкий мятеж предавался забвению. Всем беглым и приходящим добровольно с повинной участникам бунта было обещано прощение. Река Яик отныне стала именоваться Уралом. Ещё в 1773 году Екатерина издала декларацию «Допустимость всех религий», которая в первую очередь имела в виду, конечно, ислам и предписывала православным иерархам не вмешиваться в дела мусульман, но чиновники слабо контролировали исполнение сего указа. Дабы снять напряжение среди верующих, правительство строго

настроено приказало соблюдать указ о терпимости религий.

Правительство также пошло навстречу и крестьянам, стремившимся облегчить своё положение и выбиться в люди. Был издан манифест, который «отрешал от рода сборов»: «с бортей, ульев, соляных вольнопромышленных варниц, с красильного, воскобойного, кожевенного, мыловаренного и других промыслов, с торговых балаганов, полос, скамей, умётов и тому подобных».

Другой манифест от 31 марта 1775 года объявлял о «вспоможении» жителям мест, разорённых бунтом. Екатерина пошла дальше. Указ от 22 ноября 1779 года отменял монополии и разрешал «всем и каждому свободно заводить станы всякого рода и на них производить всякого рода рукоделия без других на то позволений».

Россия прошла ещё один тяжёлый исторический этап. Жизнь в стране стала налаживаться.

Кровавые события пугачёвского бунта, его благополучное завершение несколько заретушировали другие не менее значимые события. Заключение в 1774 году с Османской Портой мирного договора, предоставляющего Крымскому ханству самостоятельность, а России долгожданное, пусть и относительное спокойствие на южных границах, свободное плавание купеческих судов по проливам Средиземного моря и Чёрному морю – очень важный этап становления российской государственности. Однако, как покажет время, борьба в этом направлении для нашей страны совсем не закончи-

лась, она только начиналась...

Часть третья. Крым

Закончились рождественские дни. Без грохота пушек, пороховой гари и дыма наступил относительно спокойный 1777 год. Затихли бои на турецких фронтах, всё дальше уходили в прошлое кровавые события пугачёвского бунта. Разорённые фабрики и селения поднимались из пепла, тысячи людей трудились на новых землях Новороссии, там строились новые города, на верфях закладывались корабли. В Херсоне был заложен первый из них – 74-пушечный фрегат. Потёмкин назвал его в честь своей благодетельницы – «Слава Екатерины».

И всё же, грохот был, но – кузнечных молотков в кузнях, дым валил, но из фабричных труб, топоры стучали, но то рубили вековые деревья для строительства кораблей и домов. Россия строилась...

Пятнадцать лет правления Екатерины II не прошли даром, империя стала государством с которым остальным странам уже надо было считаться. В Европе спохватились!..

– Как так случилось? Императора ихнего рубанком строгать, узлы вязать и корабли строить недавно учили, всего-то шестьдесят с небольшим лет прошло... Герр Питер не гнушался и совета у нас просить, хулу выслушать, коль заслуживал. И на тебе... послы наши в Петербурге месяцами аудиенции ждут в приёмных, – сетовали короли соседних стран.

– А куды теперь денешься?.. – разводя руками, отвечали им их министры. – Россия, она что медведь огромный: с виду тихая, миролюбивая, ягодами да мёдом питается, да коль рассердится, затопчет и загрызёт любого. Не след её раздражать.

– Вот тож!.. Царь Пётр великим реформатором был, знатно встряхнул свои медвежьи просторы, – с завистью говорили одни короли,

– Так то ж Пётр! Мужик! – горестно молвили другие. – А тут бабы Россией верховодят, да ещё последняя совсем не русская – немка.

– А, поди, почище любого русского царит, – не то констатировали, не то сокрушались иностранные государи.

И Европа тихо злопыхала, пылала злобой. Россия оскорбляла её своей огромной территорией, своей мощью, и в то же время вкупе с преданным Господу православием, оставалась благодушной и смиренной!

– Сие странно для сильного государства, господа, и... подозрительно! Что в голову этой немке придёт?.. Вдруг чихнёт?!.. Так, поди, пол Европы снесёт! И это европейцев пугало...

«Немка», однако, не имела желания «чихать» (своей территории до чёрта, эту бы отстроить). Всё что ей было нужно, – мирное время. Однако в Крыму опять запахло порохом, – опять татары! Не желая жить независимыми и в мире с Россией, крымский хан Девлет-Гирей опять спровоцировал

волнения среди населения. И январь 1777 года стал началом целой цепи событий, приведших к...

Впрочем, не будем, читатель, забегать вперёд. Скажу лишь, что пройдёт всего шесть лет и конечный результат этих событий будет весьма положительным для одних, печальным – для других. На то, видимо, была Господня воля!

Итак, в начале 1777 года массовые волнения в какой уже раз охватили Крым...

Бот «Агриппина»

Январская ночь 1777 года на исходе. Холодный норд-ост полнит паруса, на мачте подвывает ветер, протяжно и жалобно скрипит судовой рангоут и такелаж, под форштевнем хлюпают волны... И так всю ночь!...

Масляный фонарь тускло освещает магнитный компас и небольшое пространство ходовой рубки. У штурвала стоит матрос-рулевой, его тянет ко сну. Он зевает, что-то бормочет, крутит для разминки головой, опять зевает, однако компас из виду не выпускает: берег недалече, не мудрено в этой темени сбиться с курса.

В углу на высокой деревянной скамье, накрывшись стареньким тулупом скрючился в неудобной позе помощник капитана Александр. Как и рулевой, он тоже мужественно борется со сном и в душе, видимо, так же проклиняет Морфея¹⁰².

Небольшого роста, худой, с оттопыренными ушами на простоватом лице, в свои двадцать пять, несмотря даже на недельную небритость, помощник больше походил на деревенского подростка из любопытства забравшегося на настоящее морское судно, и теперь, набегавшись, разлёгся на скамье. Однако, несмотря на свой вид, Сашка делал не первый рейс, дело своё знал, капитан ему доверял, команда уважала.

¹⁰² Греческий бог сна и сновидений.

Монотонная качка, унылое завывание ветра и бесконечный шум волн убаюкивали, глаза у Сашки слипались. Соблазнительные подружки Морфея гетеры вкрадчиво нашёптывали парню в уши: «Закрой глаза красавчик, поспи чуток, отдохни...» Рот помощника сам по себе широко раскрывался и сладко зевал, набухшие веки тоже не слушались, – закрывались... «Спать, спать... – твердил Морфей, всё плотнее затягивая свои узы.

Казалось, утро никогда не наступит. Но парень не сдавался! Он до боли стал щипать себя, тереть нос, мочки ушей и материться по поводу этих чёртовых ночных вахт и козней подлючего бога.

Наконец, собравшись с духом, Сашка решительно сполз со скамьи и вышел на крыло рубки.

– Б-р-р... – передёргивая от холода плечами, пробурчал он.

Ночь ещё темна, берега не видно, однако, небо чистое, слабо, но ещё видны звёзды. Ветер почти стих.

Сашка простоял на холоде довольно долго. Гетеры замёрзли, недовольный Морфей, видимо, тоже – узы свои ослабил, сон пропал.

Отделяя воду от неба, на горизонте чуть забрезжила утренняя полоса. Запестрев белыми барашками небольших волн, ещё совсем недавно мрачноватая поверхность моря прямо на глазах стала сереть. Обозначилась линия горизонта, и она с каждой минутой становилась всё светлее. Вот-вот

взойдёт солнце.

И сие действо не заставило себя долго ждать: у самой кромки горизонта будто из морских глубин вынырнул крохотный краешек яркого диска, и первые солнечные лучи брызнули вверх, озарив небеса, серый морской простор и кружащиеся над морем редкие снежинки. Пытаясь поймать восходящий поток они старались взмыть вверх, но законы природы неумолимы... – снежинки падали, и тут же таяли.

Раскрыв от восхищения рот, Сашка зачарованно разглядывал горизонт. Там на востоке, ещё совсем недавно малюсенький кусочек солнца превращался в огромный, яркий диск. Красота!..

Несколько снежинок залетели ему в рот. Сашка стал хватать их ртом, размахивать руками, кривляться... Глядя на своего начальника сквозь дверной иллюминатор, рулевой покачал головой и пробурчал:

– Молодь!.. Дык, пройдёт скоро... Кады ещё беситься!

Сашка продолжал кривляться. Сверху послышался шум, над судном кружили птицы.

Стая крупных бакланов по-хозяйски облепила мачту; птицы поменьше – чайки, расселись на судовых вантах. Всё чинно, благородно, без шумных птичьих разборок. Морские бродяги решили отдохнуть и погреться под лучами утреннего крымского солнышка. И тут же опустошили свои желудки: палуба покрылась белыми пятнами экскрементов. Досталось и помощнику: два жирных пятна отметились на его тулупе.

Александр показал птицам кулак.

Утро вступало в свои права...

– А день-то, хорош! Спокойным обещается! – радостно произнёс он, вваливаясь в рубку.

На полуспущенных парусах купеческий бот¹⁰³ «Агриппина» медленно двигался вдоль Керченского побережья, не спеша втягиваясь в акваторию бухты.

Со скрипом отворилась дверь в рубку вошёл капитан.

Ещё не старый, в овчинном тулупе, накинутом на толстый свитер из грубой овечьей шерсти, в серой из зайца шапке, из под которой торчали русые с небольшой рыжиной густые волосы, капитан, несмотря даже на бороду, совсем не выглядел морским волком. Надень он рясу – вылитый батюшка из сельского прихода.

Кэп был в хорошем настроении.

– Красота! – произнёс он. – Утро спокойное, рейс заканчивается, погода – лучшего и желать не надо. Балует нас, Александр, Господь! Оградил от ураганов и в проливе¹⁰⁴ и в море. Чем не подарок Всевышнего?!.. Гляди, слабый ветерок и сейчас дует в нужном направлении. Груз для крепостей доставлен, остались пустяки – пришвартоваться, да выгрузиться. Рядовой рейс, обычный день.

Помощник в знак согласия покивал головой.

¹⁰³ Бот – небольшое одномачтовое [судно водоизмещением](#) до 60 [тонн](#), служащее для перевозки значительных грузов..

¹⁰⁴ Керченский пролив, соединяющий Азовское и Чёрное море.

Капитан по-хозяйски оглядел палубу.

Матросы, и даже кок, в нарушение морской дисциплины, сидели на планшире¹⁰⁵, разглядывая живописные картины крымской природы, портовые постройку, и медленно надвигающуюся на судно причальную стенку, на которой ещё с ночи, рассчитывая на заработок, стояла вереница телег запряжённых: где волами, где лошадьми, а где и верблюдами.

– Спустить паруса, – прокричал капитан. – Кок марш на камбуз – мешаешь!

Матросы рассыпались по палубе.словно сытый кот, кок медленно сполз с фальшборта и ленивой походкой, с раскачкой, явно копируя походку настоящих моряков, побрёл к своим кастрюлям. Спуск парусов напугал птиц, они с шумом покинули бот.

На баке находились и все в лисьих шапках натянутых по самые уши трое купцов, чей товар перевозила зафрахтованная ими старенькая «Агриппина». Они о чём-то спорили между собой. Пейзажи и прочие крымские прелести их не интересовали.

Вот уже более двух лет, как крепости Керчи и Еникале отошли к России по мирному договору с Турцией и большую часть грузов туда с материка поставляли именно эти купцы.

Капитан догадывался о чём спорили фрахтователи. Видимо торговых людей больше интересовал обратный груз: соль

¹⁰⁵ Горизонтальный деревянный брус в верхней части фальшборта.

и контрабандный¹⁰⁶ турецкий табак. В прошлый раз в укромной бухточке недалеко от порта грузили табак греки, и на отходе купцы не пересчитали тюки, а стали дома выгружать груз покупателю – недосчитались.

«И поделом, – подумал капитан, – меньше пить надо. С контрабандистами ухо остро держать надобно. И дружок мой Ласкаридис не исключение: обмануть внаглую не обманет, но и от соблазна – кто откажется? Однако ж, потолковать с греком не помешает»

– Глянь-ка Сашка на наших благодетелей! Поди о пропавшем грузе толкуют. Ты это... чуть одерживай, не крути круто штурвал, – произнёс он.

Помощник шмыгнул носом и недовольно пробурчал: – Так течение чуток сносит, кэп! Капитан не ответил. Глядя в сторону купцов, он, как всегда, стал философствовать.

– Мне, Александр, всё кажется, что на свете гораздо больше воров, чем не воров, и что нет такого честного человека, который бы хоть раз в жизни чего-нибудь не украл. Помощник хмыкнул.

– Нет, Александр, – не обращая внимания на парня, продолжил капитан, – я вовсе не думаю, что все сплошь воры, хотя... – кэп приподнял своего «зайца», почесал затылок, нахлобучил обратно и произнёс с мечтательной интонацией: – Ей-богу, ужасно бы хотелось иногда и это заключить. Нешто

¹⁰⁶ Слово «контрабанда» заимствовано из итальянского языка (contra – против и bando –правительственный указ).

наступит время, когда воровство исчезнет? Нет, не исчезнет! Уж я-то точно не доживу до того времени. Ты как думаешь?

Помощник прыснул со смеху.

– Вот, и ты смеёшься! Не веришь... и правильно Так и Ласкаридис. И не вор, вроде бы, парень с виду честный, а уверен, – тюки с табаком попёр он.

В голосе капитана слышалась знакомая интонация этакого деревенского мечтателя-философа. Сашка знал, что кэп не притворялся, не лицемерил, просто он всегда старался дать свою собственную оценку любому событию, и в каждом его слове, как правило, звучала убеждённость в своей правоте. Александр не помнил случая, чтобы кто-то смог убедить его капитана в обратном, и потому в спор с ним не вступал – бесполезно. Однако слова о человеке, который ничего не крал, заставила его критически себя оценить.

«Хм... а что я мог украсть? Пару фунтов табака из тюка в прошлом разе выгреб... так это не себе – отцу и брательнику... Мешок муки, ну, сахару малёха... Что это, воровство что ли?!..»

Надвигающийся причал прервал его рассуждения о честности. Ещё круче заложив штурвал на борт, он направил бот параллельно причальной стенке.

С берега на плохом русском языке прокричали: – Эй, на «Агриппине», бросай линь!¹⁰⁷ Давай концы.

Боцман привязал к швартовному тросу один конец линя,

¹⁰⁷ Тонкая, прочная веревка.

другой с грузом на конце сильно раскрутил над головой и забросил на причал. С бота подали кормовой швартов. Татары быстро намотали его на причальную тумбу.

Вот трос напрягся, вытянулся как струна, и судно, гася инерцию, слегка затряслось, протяжно заскрипело деревянным корпусом и медленно стало приваливаться к причальному брусу. Портовая команда тут же завела носовой швартов. Судовые матросы сбросили на берег сходню¹⁰⁸.

Первыми покинули борт судна купцы. Их знали в лицо, и вокруг них тут же образовалась толпа желающих купить, разгрузить или доставить груз к месту назначения.

– Пойду в контору порта оформлять приход, – произнёс помощник.

– Ты, Алексашка, там не шибко права качай, как в прошлом разе. Говори истинный тоннаж, пущай пошлину купцы платят. Да не спорь с татарвой, им тож жить как-то надо. Встретишь Ласкаридиса, пущай ко мне заглянет.

Помощник перешёл по сходням на причал, мельком оглядел портовую территорию, сладко зевнул и, раздумывая как бы сэкономить на портовых сборах, не спеша направился в контору.

Недалеко от «Агриппины», слегка покачиваясь на волне, стояли пришвартованные, судя по красному с полумесяцем флагу, два турецких судна. Палубы их были безлюдны.

– Видно, выгрузились, – отсыпаятся, – пробормотал он.

¹⁰⁸ Горизонтальный трап.

Подле портовых пакгаузов, откуда, как правило, загружают на суда соль, в разноцветных халатах стояла большая группа татар, и, как определил Сашка, явно не портовых. На фоне чёрно-серой слякоти их разноцветье резко бросалось в глаза. Татары стояли молча.

А порт жил своей привычной жизнью. По всему причалу и прилегающей территории рядами выстроились повозки, среди которых расхаживали торговцы: евреи и армяне, извозчики и грузчики разных национальностей, и, как обязательный атрибут всех торговых портов, прочий празднующийся люд. Звучала татарская, армянская, греческая, изредка русская, речь. Шёл шумный торг.

«Вах... вах... вах..» – раздавались армянские восклицания. «Шайтан в твой дом», – недовольно бубнили татары. В громких причитаниях не отставали и греки. Евреи молчали, не торопились: знали, когда надо вступить в спор и назвать нужную цену.

Купцы отчаянно торговались. Они прикладывали к груди руки, срывали с головы своих «лис», затем яростно нахлобучивали их обратно, а потом неистово крестились. Крик, гам, хохот. Обычная картина...

Споры и тех и других разносились по всему порту. Татары призывали Аллаха в свидетели, доказывая, что их цена самая низкая по всему побережью, купцы божились: мол, креста на них нет, – цена безбожная, – по миру пустят, и так же тянули своего Христа в свидетели. Греки тоже горло драли, громко

клялись своими богами. Евреи продолжали молчать.

Чуть поодаль от этой разномастной публики с ружьями через плечо прохаживались русские солдаты из местного гарнизона. Солдат было немного, но их присутствие делало картину портовой возни привычной и спокойной.

Но вот помощник увидел дружка капитана известного контрабандиста Ласкаридиса. На грека уже насел один из фрахтователей громко требуя с него недостающий за прошлый рейс груз.

Ласкаридис нарочито громко клялся в своей невинности. Купец не сдавался...

– Ой, не лги, ой не лги, греческая твоя морда! Ты... – некому больше! А кто в тюки с турецким табаком подмешивал крымский? Тож не ты?..

Сашка ухмыльнулся. Подошёл к греку, передал ему просьбу капитана. Затем мурлыча песенку, поспешил в контору порта.

Уже подходя к строению, громко именуемому конторой порта, подле которого стояли местные начальники, приветливо помахивая в его сторону руками, Александр всё-же бросил взгляд в сторону пакгаузов. Толпа молчаливых татар на этот раз его насторожила. «Зачем они здесь?!.. Грузчики?!.. Портовых татар достаточно... Покупатели?!.. Вряд ли... Торговля – вотчина армян и евреев» – мелькнула мысль у помощника.

Приветствие начальников «Салям алейкум, Сашка!»

и шум за спиной его отвлекло от дальнейших размышлений. Помощник обернулся: евреи и армяне пожимали руки купцам, – договорились, значит, – решил он. Почти сразу же закричали судовые блоки «Агриппины». Выгрузка началась. Сашка поднял руки, приветствуя татарских начальников.

Внезапно в галдящем причальном шуме послышались резкие звуки хлопков. «Выстрелы?!..» – промелькнуло в голове. И тут же раздались крики людей. Часть причала мгновенно окуталась белым дымом. Потянуло пороховой гарью. Криком закричали портовые птицы.

Удивиться Сашка не успел. Словно налетев на стену, он резко остановился, – что-то больно кольнуло под лопаткой. Ничего не понимая, он оглянулся. Пёстрые халаты зарябили в глазах. Теперь они громко орали: «Аллах акбар!», и в их руках торчали сабли. Разноцветная лавина бежала в сторону причальной стенки.

Сашка с трудом перевёл взгляд на причал. Над палубами турецких судов стояли клубы белого дыма и оттуда раздавались выстрелы. Хрипели кони и верблюды, мычали волы, и дико, дико кричали люди. И последнее, что успел разглядеть помощник капитана, – рассыпанные возле «Агриппины» мешки с мукой и тела людей рядом... Резкая боль пронзила сердце... Сашка медленно осел на землю.

– Господи, больно-то как! – уже синими губами прошептал он.

А бойня на причале продолжалась. Татары окружили сол-

дат, и те, сделав по выстрелу, отбивались штыками. Но силы были не равны. Под ударами кривых сабель один за другим солдаты падали на землю.

Грек Ласкаридис с двумя армянами успели добежать до «Агриппины», но пули с турецкого судна настигли их у самого трапа: все трое рухнули в воду.

Растерянный кэп увидел как татары окружили купцов, затем он увидел страшное зрелище: взмахи сабель... и лисьи шапки вместе с головами полетели на землю.

– Сашка!.. – в отчаянии закричал он. – Сашка!..

Толпа татар двинулась в сторону «Агриппины».

– Руби концы! – заорал капитан.

Длинными баграми матросы упёрлись в причальный брус и бот медленно стал отваливать от причала: сходни с грохотом полетели вниз.

«Аллах акбар!», – несло отовсюду...

Подарок императрицы

Январь 1777 года, Санкт-Петербург.

Известие о событиях в Крыму ещё не дошло до столицы. Метели, морозы и прочие трудности... Почитай, восемьсот вёрст быстро не проскочешь.

Январь в столице не лучший месяц в году: то дожди, то снег и холодные ветра, наледи и сугробы, а ещё скучные заседания Госсовета, Сената, Синода и прочих, прочих комиссий... В общем, скукота сплошная... Значимых событий не происходило, страна не вела войн, она строилась. Шпионские сведения не требовались. Послы ходили унылые и писали длиннющие и скучные донесения своим начальникам, описывая бурную и «крайне опасную» для себя (больше для печени) в этой медвежьей стране деятельность.

Некоторое разнообразие вносили дворцовые балы. На них, как и в старые добрые времена, царствовали прекрасные дамы, по привычке требовавшие к себе страстного обожания и коленопреклонения расфуфыренных кавалеров, потоков избитых фраз и всепоглощающей любви... И что удивительно: выслушивая воздыхателей, женщины уже не воспринимали их признания всерьёз чай не семнадцатый век, поди... Женщин больше интересовали слухи, сплетни, интриги.

И вдруг – событие!.. Назрел крупный конфликт между

Англией и Францией, да что там конфликт – война! Колонии англичан в Северной Америке восстали против своих колонизаторов: американцы захотели стать независимыми от Туманного Альбиона¹⁰⁹. Франция тут же выступила на стороне восставших, французов поддержали испанцы. И всё закрылось, завертелось, послы забегали...

Англия оказалась в сложном положении. Король Георг III¹¹⁰ поспешил заручиться поддержкой России. Он написал Екатерине II пространственное послание с расплывчатыми обещаниями неких выгод для России, если та пошлёт свои войска для подавления бунтовщиков. Английский посол в Петербурге сэр Ганнинг зачастил во дворец и иностранную коллегия, однако ни Панин, ни Безбородко, а другие – тем более, ничего не обещали, они лишь любезно выслушивали англичанина, выражали сожаление, и – не более.

«Своих проблем хватает: шведы ерепелятся, турки, хоть и не воюем, а никак не успокоятся, опять же крымские татары... Не до вас, милорд!..» – получал англичанин повсюду однообразные ответы. Россия не хотела воевать.

В Лондоне заволновались, Ганнинг был срочно отозван. Новый посол Джеймс Гаррис был молод, полон сил и желания утереть нос старой посольской гвардии. Новый посол стал добиваться аудиенции с российской самодержицей. Однако вскоре он убедился: получить сие было совсем не про-

¹⁰⁹ Древнейшее название Британских островов.

¹¹⁰ Король Великобритании

сто, способствовать в этом могли лишь несколько человек из окружения императрицы: действующий на тот момент фаворит, граф Панин, статс-секретарь императрицы Безбородко, братья Орловы, реже – случай и, конечно, светлейший князь Потёмкин.

Прошло около трёх лет как Потёмкин стал фаворитом. Должности, почести, деньги, награды... и, конечно, а куда без оно́го: зависть, наветы, сплетни. Но пропустим всё это: во все времена за каждым мало-мальски публичным человеком на многие вёрсты развивается шлейф домыслов, слухов и откровенного вранья, и как бы человек ни пытался оправдаться, новые небылицы тут же появлялись ещё в большем количестве. Так и с нашим героем – Потемкиным. Оброс он сплетнями с головы до ног, описывать – скучно, неинтересно. Напомним лишь, что по случаю празднования годовщины Кючук-Кайнарджийского мирного договора в 1775 году, на зависть многим, Потёмкин был возведён в графское достоинство. Затем Екатерина лично вручила ему свой портрет усыпанный бриллиантами с правом ношения на Андреевской ленте, золотую шпагу с алмазами. Грудь Потёмкина украсили отечественные ордена. Европейцы тоже внесли свою лепту: польский король препроводил ему орден Белого орла и Святого Станислава, прусский возложил на него ленту Чёрного орла, датский – орден Слона, шведский король – орден Серафима с цепью. И только король Георг III, государь «гордого Альбиона», до сих пор не соблаговолил снаб-

дить Потёмкина орденом Подвязки. А ведь посол Ганнинг рекомендовал своему сюзерену не шибко кочевряжиться – наградить любимца русской императрицы, в казне, поди, не убудет! Король не послушал. Екатерина была этим фактом весьма, весьма недовольна...

Другое дело австрийский император Иосиф. Пусть тоже не сразу (мать его была против), но, по настоянию Екатерины, он в 1776 году подписал рескрипт о присвоении Потёмкину княжеского Римской империи достоинства, с титулом светлости. К титулу Потёмкина стали добавлять: «светлейший...».

Когда по торжественным случаям Григорий Александрович цеплял на раззолочённый камзол все свои награды, то разглядывая себя в зеркале сильно огорчался, и было от чего: места на груди становилось всё меньше и меньше. И граф, словно мальчишка, кривлялся перед зеркалом, принимая то торжественные, то комичные позы. А то, закрыв глаза и представив себя распорядителем императорского бала, он, в окружении сельчан, помнивших его сопливым мальчишкой, мысленно входил в свой отчий дом в селе Чижово и зычным голосом (чем страшно пугал собственных слуг), громко и с большим достоинством провозглашал: – Его светлость, генерал-аншеф, светлейший князь Григорий Александрович Потёмкин, господа!

С чердака гремели фанфары, сельчане орали здравицы в честь именитого односельчанина, и он, положив руку на

эфес шпаги, в орденах во всю грудь, важно входил в родимые сени. Конечно, как всегда, бился при этом башкой о косяк двери, парик слетал, шпага цыплялась... Григорий открывал глаза и довольный ржал до слёз... Дурачился, одним словом.

А милости продолжали сыпаться на молодого баловня судьбы. В качестве новороссийского генерал-губернатора государыня разрешила ему иметь собственный штат наравне со штабом малороссийского генерал-губернатора Румянцева: Пётр Александрович обиделся...

Влияние фаворита на государственные дела достигло своего апогея. В руках тридцативосьмилетнего любимца сосредоточилась большая власть. Это вызывало единодушный протест у многих, а у Паниных и Орловых – в первую очередь: они почти открыто потребовали от Екатерины удаления Потёмкина.

И момент такой действительно настал. Время ведь не только лечит, бывает, что слишком долгое и тесное общение портит отношения. Так и случилось...

Интимные отношения Потёмкина с Екатериной за два года совершенно разладились. Да и чего скрывать, устал он совершать каждодневные изнурительные подвиги в её постели, «бездонная чувствительность» которой никак не унималась. И вот уже и без требований вельмож между императрицей и её Гришенькой назрел разрыв сердечных отношений. Все еще любя и очень страдая, они расстались. Мария Перекуси-хина как-то под вечер принесла Потёмкину полную любви и

огорчения цидулю от Екатерины.

Письмо больно резануло по сердцу Григория. Читая его, он тяжело вздыхал.

Однако печального вида вокруг себя князь нигде не показывал, был в работе, а на досуге утешался новым любовным увлечением. Роман с фрейлиной государыни и тоже Екатериной Алексеевной по фамилии Воронцова, сглаживал щемящее чувство потери.

Теперь у государыни был новый фаворит – полковник Завадовский. И хотя Потёмкин сам устроил сие знакомство, всё равно факт разрыва, пусть и обоюдно желанного, он переживал болезненно, горечь утраты в душе осталась. Над вице-президентом военной коллегии и губернатором Новороссии Потёмкиным нависли грозовые тучи. Не дожидаясь пока ему укажут на дверь, отставной фаворит сам покинул дворец. Он уехал на инспекцию войск и крепостей Петербургской и Новгородской губерний из которых, по общему мнению придворных, не должен был вернуться.

По столице тут же поползли разные слухи: «Не вернётся в столицу Потёмкин, звезда князя закатилась. Снимут его со всех постов, а уж с должности вице-президента военной коллегии непременно, пусть катится в свою Новороссию. Не зря же граф Никита Панин князя Репнина в столицу вызвал, дабы под рукой был на случай отставки бывшего фаворита...», – судачили на балах, и на ухо на ухо друг другу всяческие небылицы про бывшего фаворита нашёптывали. Одна-

ко должное уму Потёмкина отдавали все: новый фаворит императрицы, судя по первым его шагам, вряд ли сможет занять достойное место на политической арене, какую до него имел его предшественник. Внимание сановной публики вновь обратилось в сторону братьев Орловых. И братья Панины, ожидая полной отставки князя, тоже облегчённо вздохнули: свой план возвести на престол законного преемника короны сына Екатерины Павла, они не оставили.

Однако Екатерина понимала, что ей нельзя оставаться один на один с оппозицией: нужен преданный лично ей защитник. Она вернула Потёмкина в столицу, его отставки с постов не последовало, и мало того, государыня по-царски одарила: отдала князю мызу¹¹¹ Осиновая Роща. И слухи-то попритихли...

В отношении своего бывшего протеже Завадовского, который из зависти всячески стал пакостить ему, хитрый Потёмкин принял достойные меры. На одном из праздников, устроенном им в подаренной усадьбе где присутствовала и Екатерина, он будто бы случайно свёл её со своим флигель-адъютантом – сербом, красавцем Семёном Зоричем.

Среди почти девственных лесов, озёр, заросших камышом и кишущих рыбой, раздольных полей и суровых своей серой дикостью невысоких скал, сердце любвеобильной Екатерины дрогнуло в очередной раз. План сработал, императрица увлеклась: роман с Зоричем сладился. Завадовский

¹¹¹ Усадьба с хозяйством.

был отставлен и отправлен в деревню, которую когда-то выхлопотал для него нелюбимый им Потёмкин.

Слухи и сплетни об отставке влиятельного князя окончательно угасли. Двор разочарованно затих. Зато сын Екатерины Павел и раньше не любивший Потёмкина, предполагая, что тот повинен в смерти его отца, теперь стал светлейшего князя ненавидеть.

Тут надо вспомнить ещё об одном нашем герое – Шахин-Гирее. Мы помним, что до 1775 года он был калгою в Крымском ханстве, посещал в этом ранге Петербург, понравился императрице. Однако в связи с избранием нового хана, должность свою Шахин-Гирей потерял. Был, как говорится, не у дел.

Крым не давал России покоя. Не получалось у татар жить самостоятельно: распри беев, волнения улусов, к тому же пункты Кайнарджийского договора не выполнялись в должном объёме... По настоянию приближённых государыня решила поправить положение дел на юге. Она приняла решение поставить Шахин-Гирея для начала ханом Ногайской орды, а затем возвести его на крымский престол. Для осуществления этих планов Екатерина в марте 1776 года отправила рескрипт в адрес командующего южными войсками генерал-аншефа Румянцева, в котором предписывала ему вместе с губернатором Новороссии Потёмкиным придвинуть тридцатитысячное войско к границам Крыма и отдельный корпус расположить у Кубанских границ. И всё сладилось!

Русские войска и авторитет Шахин-Гирея у ногайских народов своё дело сделали: ногайцы выбрали Шахин-Гирея своим ханом. Первая часть задуманного Екатериной свершилась.

В последнее время светлейший князь верхом ездил совсем не часто – отвык: роскошные кареты, фореиторы¹¹², слуги на запятках... Но сегодня он весь день в седле, весь день в грязи...

Ремонт земляной крепости, построенной ещё императором Петром Алексеевичем для защиты своего детища Петербурга от шведов, подходил к концу. Смета окончательных затрат возмутила вице-президента военной коллегии. Потёмкину пришлось ехать на инспекцию.

Отшагав по грязи не одну сотню сажень, князь со своим секретарём Василием Рубаном в присутствии купца-подрядчика дотошно замерил деревянным аршином все отремонтированные участки.

В грязных ботфортах и перепачканном кафтане, записав измерения, Рубан теперь сосредоточенно вычислял фактические объёмы, колонкой выписывая цифры на бумаге.

– Не менее трёхсот кубов лишку приписали, Григорий Александрович! Многовато!.. – наконец сообщил он результаты.

– Я так и думал! Паршивцы! – раздражённо произнёс вице-президент.

¹¹² Кучер, сидящий верхом на одной из передних лошадей упряжки.

Василий насмешливо посмотрел в сторону обманщика купца-подрядчика. Ошарашенный неожиданной проверкой, да ещё самим Потёмкиным, купец, опершись руками на деревянный аршин, отчего его фигура согнулась в просительной-жалостливой позе, с тоской, поглядывал то на грозного князя, то на его секретаря, не зная на ком выгоднее остановить свой взгляд. Наконец, сообразив, что одноглазого точно не разжалобишь, остановил свой унылый взгляд маленьких, с некоторым выкатом бесцветных глаз, на секретаре, вытянув в его сторону тощую шею.

– Пошто деньги требуешь лишние, мерзавец! – грозно произнёс Потёмкин, поправляя сползшую с повреждённого глаза повязку.

Купец униженно молчал. Его взгляд продолжал сверлить Рубана, он стал ещё несчастнее, ещё жалостливее; он словно мысленно умолял секретаря: мол выручай батюшка, не дай погибнуть. Детки малые... Век помнить буду.

Казалось ещё минута... и мужик расплачется, грохнется на колени прямо в грязь и начнёт башкой колотиться о землю, вымаливая прощения.

Несчастный вид мужика рассмешил начальство. Сиятельный князь и секретарь ухмыльнулись.

– Бес попутал, ваше сиятельство! – только и произнёс подрядчик, а про себя добавил: «А поди взятку кому надо за подряд отдал ужо, кто ж возвернёт мне её обратно. Экий я дурень, погодить надо было, позднее отдать... Припёрся на

мою голову чёрт одноглазый».

Василию почему-то стало жалко несчастного воришку-мужика. – Ваше сиятельство, высчитаем из окончательного расчёта за приписанный объём процентов двадцать штрафа, чтоб повадно остальным не было, да и не будем больше наказывать. Всё-таки месяца мерзкие были: холода, снег, дожди, туманы... Свои трудности, потери немалые, скажу я вам.

– Воровство, куды ни кинь! В карман, в карман свой тащить всем надобно! Разумы тупы и руки, которые у многих не из того места растут, мало что умеют, зато – загребушие. Отсюда и поступки часто глупые, а более – преступные. Нет, воровать так мильёны, приписывать, так сотни кубов! А нет о государстве башкой своей подумать!.. Тебе что, изверг, мало заплатили?

Опустив голову, мужик молчал. Потёмкин, махнул на него рукой.

– Лады Василий, проследи сам лично, коль мороз не грянет, чтобы этот злыдень вовремя закончил ремонт. Коль обманет – пощады ужо не будет. Новороссия велика, там руки тож нужны, всем семейством упеку туда. А штраф запиши на него, запиши. Мужик горестно вздохнул, однако торговаться не стал, знал: бесполезно.

– Разум, разум русского мужика лечить потребно, от него беды наши. Царь Пётр это первым понял, потому и ломал народ через колено, однако ж, Россию из болота вытягивал

помаленьку.

– Да, и при батюшке Петре, тож вовсю воровали, Григорий Александрович! И сколько людей им переказнено, сколько крови император пролил!.. А всё одно воровать не прекратили. Видать в крови у нас эта напасть.

Потёмкин от досады сплюнул.

Стало подмораживать. Отягчённый влагой воздух пропитал одежды – она стала деревенеть. Холодно...

– Всё, на сегодня хватит! Поздно уже! По коням, – произнёс Потёмкин, и, как и годами раньше, лихо вскочил на коня. При замахе ноги с его ботфорта отскочил комок грязи и точно полетел в сторону мужика-подрядчика. Тот успел увернуться.

С трудом впихнув в стремя своего коня носок ботфорта с налипшей грязью, крепко зажав рукой уздечку, секретарь так же резко оттолкнулся от земли и, не так молодежато и лихо как его начальник, но тоже благополучно очутился в седле. Потёмкин насмешливо посмотрел на него.

Не прощаясь с купцом, они рысью направились в сторону города. Из под конских копыт полетели ошмётки грязи.

До дома добрались почти засветло, только-только начало темнеть. Проводив своего начальника до самых ворот, секретарь попрощался, – жил недалече.

Князь устало соскочил с коня, бросил поводья подбежавшему слуге, и как был в грязи, вошёл в дом. Прислуга стянула ботфорты.

Пожинав, и непременно откушав квашеной капусты, Григорий Александрович удалился в свой кабинет. Сел в кресло перед рабочим столом, вытянул ноги в сторону тёплого камина, и задумался. По привычке стал грызть ногти.

Взгляд Потёмкина скользнул по поверхности стола. На одном краю – небольшой деревянный ящичек с аккуратной стопкой свитков с донесениями, на другом – развёрнутая карта Новороссии. Свет канделябров выхватил на ней жирную извилистую линию Днепра и по левому берегу реки – обведённый кружком Екатеринослав. Князь пальцем прошёлся по фарватеру реки и с раздражением ткнул в этот кружок.

– Чёртово место, – пробурчал он.

Затем он вытащил из ящика донесение главы этого городка в котором тот жаловался ему – генерал-губернатору, что Днепр опять вышел из берегов и вода затопила весь левый берег.

«Ваше сиятельство! Опять нас затопило. По улицам Екатеринослава разлилась мутная речная водица. Всё в воде, всё поплыло, и что делать – не ведаю»

Григорий Александрович опять досадливо чертыхнулся. Его идея сделать столицу юга России на месте деревушки запорожских казаков по образцу греческого города, считай «новыми Афинами», как-то всё меньше стала нравиться ему. Он на миг представил себе будущий красавец-город в триста квадратных верст с кафедральным собором в центре, размерами равными собору Святого Петра в Риме залитым водой.

Потёмкин прикрыл глаза.

... Вот он – губернатор, в парадном одеянии, весь в орденах, с синей Андреевской лентой поперёк груди сидит на белом коне, а по широким в тридцать сажень улицам по колёно в воде мимо него бредут жители; повсюду видны чёрные от плесени стены роскошных каменных зданий; из окошек нового университета и только что построенной консерватории студенты презрительно смотрят в его сторону. И тишина... Полное безмолвие... Ни мужицкой брани, ни женских причитаний, мокрые собаки и те не гавкают и только морды свои от него воротят.

На окраинах люди загоняют скотину в покосившиеся амбары, забрасывают для просушки дрова на крыши, и на него, основателя и благодетеля, как и студенты, бросают презрительные взгляды. И тоже молчат...

– Город призрак, – прошептал Потёмкин. – Плохое видение, очень плохое...

Он передёрнул плечами и огорчённо вздохнул. Не помогло...

И опять перед глазами возник град славы Екатерины. Город медленно уплывал куда-то вдаль за горизонт – в дымку, а на его место и так же медленно, неотвратимо напознала без единого деревца бывшая казацкая степь. А по этой голой поверхности тоже шли понурые люди, и тоже презрительно молчали...

– Тьфу... Выше по Днепру переносить город надобно. Де-

нег жалко впустую потраченных... Да, видать придётся, – прошептал князь.

В дверь постучали. Вошёл пожилой слуга, Михеич.

– Самовар стынет, ваше сиятельство! Дозвольте принести чаю.

Потёмкин недовольно кивнул. Потом, что-то вспомнив, неожиданно спросил слугу: – Погодь, Михеич! Ты, кажись, родом из казаков запорожских?

– Верно, ваше сиятельство! Из села Половицы.

– Вот-вот! А не подскажешь ли, братец, наводнения в тех местах часто случаются?

– Дык наше село на правом берегу Днепра-батюшки стоит, наводнений нету тама. Это чуток ниже – на левом, где теперича Екатеринослав. Поляки тама ещё полтора ста лет назад крепость Кодак срубили. Апосля и туркам и татарам не было надобности в её переносе, запорожцам – тем паче. Вот люди и мучаются сколько лет, – да привыкли ужо, – пояснил польщённый вниманием хозяина, слуга. – А так жить в энтот Екатеринославе можно, совсем можно. Наводнения что?!.. – они приходят и уходят, а поди, землю ой как удобряют энти разливы, ваше сиятельство! Палку воткни, она и прорастёт.

– Воткни и прорастёт, – ворчливо повторил Потёмкин.

– Прорастёт, точно прорастёт, ваше сиятельство, – видя сомнения хозяина, быстро-быстро заговорил слуга. – А рыбы сколько в Днепре-батюшке, Днестре и Буге... Руками лови... Другие мелкие речушки, правда, сохнут часто, не без

того. Зато в степях дичи невидимо, тут тебе и олени, и сайгаки, и кабаны, и лисы... А лошадей диких – табуны цельные... Молчу уж про птиц разных... Вольготная жисть там, что греха таить, ваше сиятельство, – разошёлся Михеич, перечисляя прелести Новороссии.

– Ладно-ладно, верю! Давай, неси свой чай.

Через минуту большая кружка с чаем стояла у него на столе. Потёмкин рассеянно отхлебнул из неё пару небольших глотков и чертыхнулся: чай тёплый, противный. Светлейший хотел уж было позвать слугу и рука сама потянулась к колокольцу, но... – Решать надо с переносом города, не до чая... – недовольно пробормотал он. Мысль о напрасных затратах совсем испортила ему настроение.

В раздражении Потёмкин свернул карту. Аккуратно связал её бечёвкой и забросил в нижний ящик стола. – Пушай полежит, не до переноса пока. Время придёт, там и порешаем, – прошептал он с тяжёлым вздохом, но и с некоторым облегчением, какое-никакое, а – решение.

Затем придвинул к себе ящик с прошениями, взял одно из них. В нём оказались списки с фамилиями беглых крестьян и жалобы от помещиков с просьбой вернуть беглых мужиков, убёгших в Новороссию.

Макнув в чернильницу гусиное перо, он размашисто, небрежным почерком стал писать на всех жалобах одну фразу:

«Отказать в прошении без последствий. Кн. Потёмкин»

– Обойдутся, – со злостью шептал он при этом. – Поди, и здесь мужики с бабами потребны. Работный люд ой как нужен...

Расписавшись на последнем листе, вслух устало, произнёс:

– Сии меры мне не прибавят друзей... Да уж не привыкать...

Далее светлейший стал знакомиться с рапортами подрядчиков, с заявками на материалы, сметами расходов, долго составлял предписания, приказы и прочее. А ещё под его рукой – Азовская губерния, Саратовская, Астраханская... И всё те же сметы, приказы... Проснулась и строилась вся южная оконечность европейской России, от моря Черного до Каспийского.

Свечи в кабинете догорали, пора сменить, лень вставать, звать слугу, и Потёмкин продолжал корпеть над бухгалтерскими книгами. С некоторым удивлением он вдруг обнаружил, что бухгалтерская наука для него стала простой и понятной, рука сама выводит на бумаге нужные колонки цифр: он с уважением посмотрел на неё. В его усталом мозгу замелькали извивающиеся химеры в виде цифр с противными человеческими головами. Они носились, путали местами цифры, мешали расчётам и показывали ему неприличные жесты...

Князь захлопнул очередной отчёт и резко встал. – Всё хватит! Черти видятся! Пора спать!, – вконец уставшим голо-

сом, произнёс он.

В соседней комнате слуги сонно клевали носом, чертыхая в душе неугомонного хозяина. И как же они обрадовались, когда в кабинете хозяина погас наконец свет. В доме установилась тишина...

Сонный дворецкий перед рассветом нарушил сон князя. Будил долго, робко тербил спящего терпеливо повторяя одну и ту же фразу:

– Ваше сиятельство, просыпайтесь, курьер пакет срочный доставил, вас требует... Ваше сиятельство, просыпайтесь... Ваше...

Потёмкин раскрыл глаза: – Уфф... Да отстань, не сплю ужо, слышу. Пусть ждёт.

Заспанные слуги провели ночного посетителя в кабинет князя. В ожидании хозяина они торопливо разжигали свечи, недовольно бурчали, и с неприязнью разглядывали курьера. Тот, не обращая внимания на слуг, невозмутимо стоял подле двери.

– Видать, Михеич, что-то стряслось, коль служивый ночью будит их сиятельство, – прошептал один из слуг.

– Всё могёт быть. Почитай ночи и не было. Со вчерась почти не спамши и не придётся, видать. У других хозяева, как хозяева, спят по ночам. А наш?!.. – Михеич перекрестился на образа. – Ты давай, уши-то не растопыривай, мало чё болтаю. Растапливай вон камин, холодно, осерчает их сиятельство.

Резко отворилась дверь. Заспанный, с взлохмаченными волосами, в тёплом халате, накинутом на голое тело, на ходу поправляя глазную повязку, в кабинет быстрым шагом вошёл Потёмкин.

Гонец вытянулся в струнку. – Пошто срочность такая? – не здороваясь, зевая, произнёс князь.

– Беда, ваше сиятельство! – держа в вытянутой руке пакет, устало доложил курьер. – Татарва крымская взбунтовалась. В Керчи купцов наших, что провиант и снабжение в крепости доставляли, побили насмерть. Жители, кто успел, попрятались в крепостях наших. Остальных христиан: евреев, армян и греков, сотнями режут. Генерал Прозоровский приказал немедля вам в столицу доложить. Ждёт он решения: как должно поступать ему. Вот дни и ночи мчался я, не спамши почти. Уж не гневайтесь, ваше сиятельство, что тревожу так рано.

– Ладно, ладно. Так ты, братец, из Крыма?

Потёмкин взял пакет, сорвал печать: кусочки сургуча посыпались на пол. Затем подошёл к ближайшему канделябру с горящими свечами, развернул донесение. Текст расплывался перед глазами, хотелось спать, рот разрывался от зевоты: вчерашний день давал себя знать. Потёмкин хмыкнул:

«Подарила матушка, мызу?!.. Знатный подарок?!.. Крепость за свой счёт ремонтировать...», и, громко чихнув, пробормотал: – Правда, значит!

Донесение было от Прозоровского, командующего вой-

сками, стоящими перед Перекопом.

«Ваше сиятельство, положение в Крыму весьма и весьма тревожное, не сказать – трагическое. Турки и татарва нарушили мирный договор, поднялись на мятеж, повсюду резня и бесчеловечные зверские злодеяния с христианами. Побили наших купцов, солдат, режут армян, евреев, греков и ту татарву, что с нами согласные. Имущество складов расхищено. Почту грабят, казаков при ней находящихся убивают. Нужны срочные меры. Князь Прозоровский»

– М-да, ситуация!.. Что так сильно зверствует татарва?.. – спросил князь гонца.

– Шибко сильно, ваше сиятельство. Как и в прошлом разе – года три назад, тады турки в Алуште десант высадили, помните поди. Кровь лилась ручьями. И нынче войска в Крым вводить потребно пока всех не вырезали.

– Ну что за народ – татары?!.. Не угомонятся никак. Не хотят свободны быть, под турка лезут... Опять у нас заноза в... одном месте. Вынудят паскудники, наплюём мы на эти чёртовы мирные договора. Ей-ей терпение матушки-государыни лопнет от непостоянства ихнего. Тьфу...

Вот что, любезный, – обратился Потёмкин к гонцу, – ты иди, отдыхай. Как буду готов – позову. Князь позвонил в колокольчик.

– Пошли за Василием Григорьевичем, – приказал он вошедшему слуге.

– Так здесь он, ваше сиятельство! В сенях дожидается.

– В сенях?!.. Учишь вас олухов, учишь?!.. Сени – в избе твоей, в домах – коридор! Ладно, зови из своих сеней!

Секретарь в новом мундире надворного советника (чин по рекомендации Потёмкина получил совсем недавно и новый мундир ему явно был к лицу), несмотря на рань и прерванный сон выглядел по-военному подтянутым, однако вид у него был встревоженным.

«Совсем не часто светлейшего князя будят так рано, – рассудил он. – Чаще наоборот бывает: с очередной претензией к кому-либо, князь сам без всякого стеснения может посреди ночи вломиться в дом нужного ему чиновника, поднять с постели, сделать выволочку, всунуть его перепуганного насмерть в ночной халат и выгнать в дождь, в мороз, в пургу, на улицу. И чиновник мчался по цепочке дале будить остальных провинившихся. «Неча почивать, коль указ мой нарушили...» – говаривал светлейший обычно.

– Как так быстро?

– Не спал, Григорий Александрович! Случайно в окно выглянул, глядь, а у вас во всех окнах свет. Не к добру, думаю. Сразу к вам...

– Плохо дело, Василий! В Крыму опять мятеж! Татарва, что ходит под Турцией, взбунтовалась. И как князь Прозоровский доносит, положение весьма опасное. Потерять Крым можем.

Секретарь покачал головой: – К тому всё шло... Это мы за малой толикой войска свои-то вывели из Крыма, а турки

– нет, оставили свои гарнизоны. Однако ж мятеж, Григорий Александрович, теперича повод для ввода и наших полков более чем весомый.

– Вот-вот. Действовать немедля надобно. Сколько сие терпеть?!.. Кончится у государыни терпение, помяни моё слово, Василий. Пиши срочное донесение генерал-аншефу Румянцеву, а копии генералу Прозоровскому. Поди, Руянцев Пётр Александрович не успел ещё от государыни цидулю-то сию получить, може и не в курсах, однако ж, войска Прозоровского на его территории стоят, не след старика обижать.

Секретарь сел за стол. Потёмкин стал расхаживать по кабинету.

«В Крыму мятеж. Разумею я, Пётр Александрович, князю Прозоровскому с войсками немедля войти в Крым, взять Перекоп, токо прежде дожждаться предводителя ногаев хана Шахин-Гирея с конницей. Далё, разумею я, идти до Карасубазара, затем вместе утихомирить татарву и следовать в Бахчисарай. Тама собрать Диван и Шахин-Гирея ханом крымским выбрать. Её императорское величество на том настаивает»

Отпиши также Шахину, да, повежливее: хан, как никак. Мол, ваша светлость, время пришло исполнить вашу мечту занять крымский престол, с царицей русской сие оговорено. По получении сего вам надо немедля следовать с конницей к Перекопу. Князь Прозоровский знает как далё поступать. Спешите, хан!

Как думаешь, Василий, Диван должен поддержать ногайского начальника?

– Думаю да... и ногайцам выгодно и нам. Крымские беи не пойдут супротив ногаев, понимают, – за ними Россия-матушка, – с некоторыми нотками сомнения ответил секретарь. – Почему думаю так?.. При командире Кубанского корпуса Бринке состоит некий переводчик, поручик Константинов Андрей Дмитриевич. Они оба знатно содействовали в продвижении этого Шахина в ханы Кубани. Ногайцы, с их слов, сильно поддерживают Шахин-Гирея. Не позволят Дивану избрать другого хана. Нет, не позволят, – уже более уверенной интонацией произнёс Рубан. Затем, немного подумал и добавил:

– Порте не понравится, Григорий Александрович. Посол наш в Константинополе Стахийев, в донесении последнем писал: мол, ихний флот с войсками вот-вот отправится к берегам Крыма, и Шахин-Гирея не хотят они на престоле крымском видеть. Не начнётся ли война опять?

– Вряд ли! Во-первых, не думаю, что флот рискнёт в январе выйти в море и это нам только на руку. А во-вторых, ежели подумать, кто туркам сегодня поможет, а?.. Европа грызётся меж собой. Их разлюбезной Франции, поди, недосуг: в пику чванливым и сопливым англичанам она готовится помогать Северным Штатам Америки. Людовик спит и видит как навредить Англии и помогать в этот раз Абдул-Хамиду¹¹³ точ-

¹¹³ Султан Османской империи.

но не будет.

Неожиданно скрипнула дверь. В щель просунулась голова Михеича.

– Чего тебе!

– Дык, это! Служивый водки просит, ваше сиятельство. Промёрз в дороге, говорит. Усталость, опять же снять... Давать аль нет?

– А то я по глазам твоим наглющим не вижу, стервец. Поди пригубили ужо. Ладно, коль накормил, то дай и выпить. С устатку для здоровья и потребить не грех русского продукта. Да смотри меру знай, конвою тож немного налей. Лошадям сена свежего дай, не жадничай. Всё, проваливай, Михеич, – мешаешь.

Так на чём я, Василий, остановился? Ага! Государыня давно глаз положила на этого татарчонка. Умный, по Европе образован. Знает, что без нас не бывать ему ханом крымским. Глядишь, и мы в мире с ними наконец-то жить станем. Так вот, отписал я ещё ранее Стахиеву в Царьград, пушай поставит в известность турок, что желание имеем на трон крымский рекомендовать Дивану крымскому Шахин-Гирея. Поглядим, что он ответит. И потом, Василий, а что, у нас есть другой выход, окромя ввода войск? Не подавим мятеж сейчас, христиан вырежут. Крым напрочь потеряем.

– Справится ли князь Прозоровский, Григорий Александрович? У Девлет-хана войско немалое. Константинов, со слов Шахин-Гирея, отписывал до сорока тыщ наберётся вой-

ска у крымцев. К тому же князь часто болеет.

– Константинову можно верить? Поди, офицер думающий, толковый?

– Именно так, ваше сиятельство. Вы тогда в действующей армии были, турка воевали, могли не знать сего поручика. Весьма, весьма толковый переводчик и человек, смею вас заверить. В 1772 году он с послом Веселицким, что при крымском хане был в то время и генерал-поручиком Щебининым, склонил тогда татарскую верхушку к подписанию союзного договора с нами в Карасубазаре. По оному договору Крымское ханство уже тогда становилось независимым государством, а Россия военное присутствие иметь могла на полуострове. Думаю, и сегодня в Крыму Константинов сгодится весьма полезно, коль изберут Шахина крымским государем. Будет держать хана и его окружение на той стезе, чтоб не могли татары иметь поползновения на лестные, лживые обещания турок.

– Относительно избрания ханом Шахин-Гирея не сомневаюсь! Сведения имею точные. Веселицкий не зря пострадал, когда турки на Алушту напали, чуть жизни мужик не лишился, однако работу большую успел посреде татарвы провести. Многих перетянул на нашу сторону, денег и подарков раздал множество. И не зря, надеюсь! Правда, отозвал его Панин в Петербург из Крыма, делами татарской экспедиции в Киеве теперича он определён. Матушка-государыня не забыла его – наградила.

Так что не бойсь, Василий! Шпионы Веселицкого нам нынче помогут. Изберут нашего Шахина на ханство, не сумлевайся.

Ну да ладно! Говоришь, князь Прозоровский болеет часто? Что ж, Суворова ему в помощь посылать надобно. Видно время и его пришло. Отпиши и это Румянцеву. Пушай Пётр Александрович сего славного вояку не держит при себе, в Крым отправит. Поуспокоит Александр Васильевич турок, да и христиан защитит. Да, вот ещё что: негоже мне приказывать своему бывшему начальнику. Говорил ужо, обидеться может. В просьбу мою облеку сие донесение. Да помягче, да совета вроде как у него я прошу. Готов будешь срочно неси, курьер дожидается.

– Откуда ваша светлость такая ненависть у турок и татар к христианам? Историю Порты забыли нешто правоверные мусульмане, а ведь ещё при султানে Сулеймане I, всего-то чуть более полутора ста лет назад, все религии почти равные права имели в Османской Порте. И христиан не менее других в стране было, и великие посты они занимали. Умный был государь...

– Вот тож!.. – зло пробурчал Потёмкин. – Женщины, Василий, женщины! Любимая наложница султана Роксолана воду мутила, будь она неладна, всё козни супротив христиан строила, скрутила-таки старика Сулеймана. А потом, поди, слабые наследники во власть пришли. Вот что Василий бабы с нами мужиками делают; хитрые, места слабые прозна-

ют наши, и пользуются. Да что уж теперь-то языками чесать? Бабы есть бабы! Ладно, не до них теперича, иди пиши донесения. Отправлять потребно гонца.

Открывая дверь, секретарь обернулся и тоном учителя с наставлением произнёс: – А водочка, ваше сиятельство, не исконно русский продукт, как изволите думать, а изобретение сие арабы придумали. Они водку почитали лекарством. Мы же, русские, для весёлости потребляем и делаем водку после перегонки крепостью до семидесяти градусов, а то и поболее...

– Ладно, ладно, умник! Гляди-ка, какие познания!.. Так я и сказал: для здоровья! Сие я уже слышал от графа Бутурлина по молодости. Он же и перегонял до этих семидесяти... Сам пробовал. Иди ужо давай, делом займись, – незлобно произнёс Потёмкин и зябко поёжившись, потуже завязал пояс халата.

Традиции Гиреев. Шахин

...Богат Крым историей. Ещё со времён палеолита, неолита и эпохи бронзы сохранились здесь памятники былого времени. В древнегреческих мифах и землеописаниях немало места уделено Тавриде¹¹⁴ и омывающему её берега Понту Эвксинскому¹¹⁵. Здесь промышляли (а скорее грабили) известные нам по греческим мифам аргонавты: искали золотое руно (считай золото), не брезговали они и тем, что попадалось им под руку.

В те далёкие времена оседло жили в этих краях многие народности, в том числе: греки, киммерийцы, тавры и скифы. Скифские цари нападали и грабили греческие города Боспорского царства и Херсонес. Те, правда, тоже не отставали, тем же занимались. А потому, как-то договаривались... Так веками и жили. Правда, ещё о готах, сарматах, аланах, итальянцах и других племенах забывать не надо... Какой тут мир?!.. Шли войны, войны...

В XIII веке на землях Тавриды появилась Золотая Орда, и Батый навёл на благодатных землях относительный мир и порядок. но позже он стал затухать: влияние золотоордынцев в Крыму слабело от года в год (распри между собой наследников до добра не доводили, ведь, как правило, побеж-

¹¹⁴ Крымский полуостров.

¹¹⁵ Чёрное море.

дал не самый умный и преданный своему племени, а самый хитрый), но именно тогда и появился род Гиреев, одна из ветвей грозного рода Чингизидов.

Свято место (мы это с вами знаем наверняка) пусто не бывает: на землях Тавриды сформировалось татарское государство, и опять совсем ненадолго. Как ни пытался первый крымский хан Хаджи-Гирей сохранить страну, с середины XV века турки подмяли под себя Крымское ханство, татары попали под протекторат Османской империи. Татары и турки вместе стали грабить соседние страны, в том числе и Россию...

Но вернёмся в XVIII век...

Резня в Керченском порту стала искрой, раздувшей пламя очередного бунта татар недовольных русским влиянием на полуострове. Подогреваемые турецкими эмиссарами, сторонники хана Девлет-Гирея не желали быть независимыми, они требовали возвращения Крыма под протекторат Турции. Однако сторонники независимого ханства хотели обратного, но они были хуже организованны, опасались мести хана и султана, а потому – менее агрессивны. Верх брали протурецкие силы: по всему полуострову шла резня христиан и прорусски настроенных татар.

Указания императрицы Потёмкин исполнил быстро и решительно. Ввод русских войск на территорию Крыма спас христианские общины и многих татар от уничтожения. Вместе с русскими полками в Крым вошла ногайская конница

во главе с Шахин-Гиреем.

Ногайцы и войска под командованием Прозоровского, а затем и Суворова, навели порядок на полуострове. Девлет-Гирей бежал в Турцию. Русское командование предложило татарской знати избрать предводителя Ногайской орды Шахин-Гирея крымским ханом.

Беи и мурзы вынуждены были объявить о созыве Дивана.

Март 1777 года на полуострове выдался ранним и сравнительно тёплым. Под лучами не жаркого солнца в горах ноздреватый снег подтаивал, оседал и рыхлел. Земля парила, воздух насыщался ароматами просыпавшейся после зимней спячки природы. Небольшие горные ручейки бежали вниз по известным только им горным тропинкам; щебетанье птиц, нежный, сочно-зелёный цвет понемногу распускающихся на деревьях листьев и всходы разнотравья... Всё говорило об окончательном приходе весны. И пусть на склонах горы Беш-Кош и отвесной гряды Бурунчак с ровным как стол плато на вершине ещё кое-где виднелись грязно-белые пятна снега, но и они с каждым днём сморщивались, чернели и потихоньку исчезали.

У подножия пещерного города Чуфут-Кале, там, где сходятся четыре ущелья, вытянувшись узкой полосой в два километра в окружении скал, расположилась живописная долина Биюк-Ашлама-Дере.

Когда-то родоначальник династии Гиреев, крымский хан Хаджи Гирей для своей резиденции выбрал именно эту до-

лину, где ранее располагался центр Крымского улуса Золотой Орды, основав там первую столицу своего ханства – Солхат. Но шли годы, владения разрастались, хан-сарай¹¹⁶ и сама долина стали тесными. И вот в начале XVI века с разрешения турецкого султана Сулеймана I правящий к тому времени в Крыму хан Сахиб Гирей I принял решение о переносе своей столицы в другое место. Выбор пал на левый берег реки Чурук-Су, что берёт своё начало в урочище Бююк-Ашлама.

Одновременно со строительством ханского дворца, на правом берегу среди густого низкорослого леса и садов, начал строиться город, получивший название Бахчисарай¹¹⁷.

Известные иностранные архитекторы и мастера строили хан-сарай долго, дорого, но качественно.

Опираясь на плечо начальника своей охраны Аскера, в сопровождении визиря Абдулы-паши, покинувшего Девлет-хана, и группы верных ногойцев, Шахин-Гирей медленно поднимался по крутому склону ущелья.

Узкая тропинка круто уходила вверх, петляя между огромными валунами, низкорослыми деревьями и зарослями густых кустарников: тропинка вела на высокогорное плато долины Ашлама-Дере, святое для крымских ханов место. Там, на самом верху, стоя над пропастью, на дне которой виднелись развалины старой ханской резиденции, они молились. Ханы испрашивали благословения Аллаха и совета у

¹¹⁶ Дворец хана (татар).

¹¹⁷ «Дворец в саду» (татар).

духов своих предков, витавших над руинами. Это стало традицией в роду Гиреев, и она редко нарушалась.

По совету визиря Шахин-Гирей не стал нарушать святой обычай.

Подобные восхождения представители древнего рода делали не часто: только по особым случаям, когда желали принять важное для себя и страны решение.

И этот день для Шахин-Гирей наступил: завтра Диван должен избрать его ханом Крымского государства, а он дать согласие. И кандидат упорно поднимался вверх, осторожно наступая на вырубленные в скале ступеньки.

Несколько отстав от своего господина шла свита. Узкую тропинку часто пересекали весенние ручейки, и там, где они превращались в ручьи, Аскер осторожно переносил хозяина.

В самых пологих местах, чтобы не упасть, будущий хан крепко сжимал плечо Аскера. Ощущая его упругие мышцы, Шахин чувствовал сильное тело своего верного слуги и был уверен, что это плечо друга, не способного предать. «Чего не скажешь о родственниках, о братьях в первую очередь», – промелькнула у него грустная мысль. «Лучше иметь одного друга, чем кучу жадных, с непомерными запросами и большим самомнением родственничков», – наставительно и с некоторой ехидцей добавила вторая мысль. Шахин-Гирей с этим согласился и ещё крепче сжал плечо Аскера.

Занятый мыслями, он не заметил, как прошёл половину пути. Появилась одышка, Шахин остановился. С тоской

взглянул наверх, обречённо вздохнул, а затем благоговейно замер.

Кругом лес. Тихо. Только деревья шумят, птички беззаботно щебечут. Где-то в стороне слышно тихое журчание ручья, и вдруг: ку-ку-ку-ку... Кукушка. Шахин стал считать: один, два, три... – десять...

– Хозяин, – раздался голос Аскера, – засветло спуститься надо, пора идти. Шахин с досадой посмотрел на него, хотел отругать, но кукушка замолчала. Хан усмехнулся. «Все-го-то десять лет накуковала... Не густо... Что ж, не судьба значит». – Не вовремя ты, Аскер, влез со своим советом, – недовольно пробурчал Шахин.

Визирь тоже осуждающе посмотрел на слугу, но смолчал. «Хан многое прощает своему слуге, слишком многое», – подумал он.

Эпизод с кукушкой внёс в душу молодого потомка Гирев тревогу. Ему захотелось попросить кукушку и дальше куковать, ну хотя бы накуковать ему ещё с десяток лет... Но птица молчала... Шахин обречённо вздохнул, и вновь продолжил восхождение.

Шарканье ног и тяжёлые вздохи приближённых, как ни странно, его успокоили, а что тяжело дышали... успокоило вдвойне, – не он один выдохся.

– К стыду своему никогда не был в этих местах, – с одышкой произнёс Шахин-Гирей.

– Всё бывает когда-то первый раз, мой господин, – фило-

софски произнёс Абдул-паша.

– И это так! Всё в руках Аллаха, а мы – дети его, – согласился Шахин.

Наконец вся группа вышла на плато. Ещё одно усилие, один последний шаг – и они остановились на краю обрыва. Внизу зияла бездна: воздушная, мгlistая, как будто внизу была не долина, а такое же небо что и над головой. Вокруг – неприступные горы, посередине – нависшие облака, и это делало картину увиденного более таинственной и загадочной.

Расширяющийся к югу контур долины имел клиновидную форму и вдали сливался с другой долиной – Иософатовой, вдоль которой тянулась узкая ленточка проторенной веками дороги, берущей своё начало от бывшей ханской резиденции. С огромной высоты развалины бывшего дворца, мечети, остатки медресе¹¹⁸, караван-сарая и прочих строений производили гнетущее впечатление. Люди не селились в этих святых местах.

Шахин-Гирей с замиранием сердца вглядывался вдаль. Прохладный ветерок приятно обдувал разгорячённое лицо. Дыхание в груди восстановилось.

– Да простит меня Аллах, но время не щадит и святые места. Всё приходит в запустение без рук человеческих, на всё нужна воля Аллаха, – грустно прошептал будущий повелитель Крыма.

Чуть поодаль, в том же трепетном состоянии замерли ви-

¹¹⁸ Мусульманское учебное заведение.

зирь и слуга, в некотором удалении от них застыли приближённые.

– Оставьте меня, – чуть слышно произнёс хан.

Долго стоял Шахин-Гирей на краю плато. Его губы что-то шептали, застывшая фигура с поднятыми к небу руками на фоне необозримого простора казалась совсем маленькой, хрупкой. Лёгкий ветерок раздувал похожие на крылья полы его позолоченного халата: казалось, вот-вот, и он взмахнёт ими, поднимется в небо, и, словно сокол, высматривающий добычу, полетит над бездной. И Шахин, действительно, витал в небесах – мысленно.

В его голове рождался образ другой власти: независимой от Турции или от кого бы то ни было, могущественной, славной. Счастливые подданные должны воспрянуть к новой жизни, которую новый хан создаст для них. Его престол должен затмить всё созданное когда либо Гиреями, превзойти славу Чингизовой монархии. И эту жизнь раздираемой междоусобицей стране мог дать только он – Шахин-Гирей, сын Топал Ахмет-хана. Шахин сжал кулаки.

Гулко стучало сердце. Отрешённый взгляд блуждал в пространстве. Немного кружилась голова. Шахин был бледен, он волновался. Его давняя мечта вот-вот должна свершиться. Ещё немного, ещё чуть-чуть, и он – хан!

– Да услышит меня Аллах! Да ниспошлёт мне удачу! – прошептал Шахин. Маленькими молоточками в висках застучала кровь. – Это знак! Аллах меня услышал, – заключил

он. В надежде услышать совет предков, он закрыл глаза. Однако ничего не происходило. «Духи заняты, улетели куда-то по делам, – решил он. Но, я думаю, они не будут возражать против моего назначения»

Сложив руки на груди, визирь терпеливо ждал: господин общался с духами предков, просил Аллаха о ниспослании ему своего благословения, – нельзя мешать.

Тревожные мысли одолевали старого визиря Абдулу. Он видел, как Крымское государство мечется между двумя государствами-монстрами. Знал настроение кара-татар¹¹⁹: одни к русской царице склоняются, другие не хотят менять вековые устои, тянуться к Турции. Но видел визирь и другое: слабость стареющей Османской империи, недалёковидность крымских ханов, стремящихся под руку султана... Сомнения не покидали визиря.

«Сможет ли Шахин внести новую струю в дряхлеющую страну, хватит ли у него силы духа, ума и терпения?.. Молодой совсем... – Абдула-ага вздохнул. – По Европе обучен, русские его поддерживают, мечтает о новой жизни народа... Справится, должен справиться, – успокоил он себя.

– Благословение предков я получил, – они согласны, – словно услышав сомнения Абдул-аги, произнёс Шахин. – И Господь благословил меня! – на всякий случай добавил он. – Как думаешь, Абдул-ага, Диван выберет меня?

– Конечно! Духи и Аллах благословили же? Да и куда беи

¹¹⁹ Чёрные-татары. Простые люди ханства.

денутся, хозяин. Девлет-хан разбит, сбежал в Кафу, уплыл, поди, уже в Турцию, кругом русские войска, – вмешался Аскер. Визирь опять недовольно покачал головой.

Но вот ветер несколько развеял облака и синеву пространства пробили лучики солнца. Они ярко осветили плато и долину, и там, – глубоко внизу, совсем чётко стали видны старые ханские постройки.

«Всё-таки духи вспомнили обо мне! Знак подали!», – с удовлетворением подумал Шахин. Показав рукой на священные места, громко, чтобы все слышали, вслух произнёс:

– Хороший признак, к удаче! Аллах услышал меня! Надеюсь, Диван проголосует правильно, – и на всякий случай опять зашептал молитву.

– Не переживайте, хозяин. Все беи и мурзы руки поднимут. Мятежники разбиты, кто захочет гнева вашего, – опять влез со своими утешениями слуга.

Шахин вознёс вверх руки, затем неуверенно, тихо, чтобы ногойцы не слышали, прошептал:

– Так ведь ещё султан турецкий должен утвердить меня, забыл ты что ли?

– А султан, зачем он нам?!.. Неподвластны мы ему нынче, – успокоил Аскер хозяина. – Так ведь, уважаемый Абдула-ага? Слышали, поди, что сказал Константинов-бей. Князь русский Прозоровский и генерал Суворов предупредили наших беев и мурз, что не допустят иного хана. Ихний начальник Потёмкин строго настрого приказал ханом вас выбрать,

господин.

– Коли так, – сделав вид, что для принятия своего решения мнение слуги было определяющим, Шахин-Гирей глубоко вздохнув, произнёс:

– Да исполнится воля Аллаха, я согласен принять сей тяжкий крест.

Визирь и свита почтительно склонили головы, забормотали молитву. Аскер последовал их примеру.

Спуск оказался тяжелее подъёма. Не привыкший к длительным физическим нагрузкам, да уже уставший, будущий крымский государь с опаской посмотрел на тропинку, круто убегавшую вниз. Аскер перехватил унылый взгляд хозяина и крепко обхватил хана за талию.

– Не бойтесь, хозяин, – успокоил он.

Спустившись наконец вниз, прежде чем сесть на коня, громко, чтобы слышала свита, Шахин-Гирей торжественно объявил:

– Предки благословили меня на ханство. Не личной выгоды ищущий, а счастья своему народу желаю. Коль меня завтра выберут, будьте мне верными подданными. Все почтительно склонили головы.

– Однако, врагам народа нашего крымского пощады не будет, – угрожающе добавил Шахин. – Аллах – свидетель! Ногойцы еще ниже склонили головы. Визирь укоризненно покачал головой.

Шахин-Гирей устало взмахнул рукой, и ханский кортеж

медленно тронулся в обратный путь.

И беи исполнили совет предков: в конце марта 1777 года Диван избрал Шахин-Гирея полновластным ханом Крымского государства.

Узнав об этом факте, турецкий султан Абдул-Хамид был в гневе. Несмотря на формальную независимость крымских татар от Турции, султан оставался халифом¹²⁰, и для полной законности выборной должности требовалось его согласие.

Верховный визирь Османской империи срочно вызвал к себе русского посла Александра Стахиева.

¹²⁰ Название самого высокого титула у мусульман.

Посол Стахиев блефует

Над столицей Османской империи светило неяркое весеннее солнце, однако было прохладно и зябко. На территории султанского дворца слышались шаркающие звуки: это слуги усердно махали метлами, приносясь к аппетитным запахам, доносившимся из султанских кухонь.

В покоях верховного визиря Дарендели Джебеджизаде Мехмед-паши, утонув в мягких подушках большого европейского дивана в ожидании хозяина, статский советник и чрезвычайный посланник России в Константинополе Александр Стахиевич Стахиев сидел уже второй час.

Как опытный переговорщик, пятидесятилетний Стахиев был назначен послом в Константинополь в конце 1775 года. И вот по настоятельным требованиям своего непосредственного начальника Панина, всё это время он добивался от турок исполнения пунктов Кючук-Кайнарджийского договора. Однако Порты упорно не признавала полной независимости Крыма, естественно, неисправно вносила России контрибуцию, и больше того – препятствовала проходу русских судов через свои проливы Босфор и Дарданеллы, и уж совсем не имела желаний возвышения русского ставленника Шахин-Гирея в крымском ханстве. Шли бесконечные споры, споры... Не помогали и подношения, коих Стахиеву приходилось делать часто.

Жить в столице мусульманского государства русскому посольству прямо скажем было несладко и даже опасно. Неосторожное слово, а ещё хуже – необдуманый поступок, и тюрьма в Семибашенном замке надолго могла стать местом мрачного проживания.

Однажды, во время массовых волнений жителей турецкой столицы, связанных с голодом после эпидемии чумы, разъярённая толпа едва не растерзала работников русской миссии и самого посла, якобы виновного в их бедах. Но на этот раз обошлось...

Злобное отношение к русским ещё больше усилилось сразу после подписания в 1774 году злополучного для турок Кючук-Кайнарджийского договора.

Всё чаще Стахиеву приходилось разбираться с надуманными претензиями турок в адрес России и терпеливо выслушивать высокомерные речи турецких сановников. Османская империя, собственно, как и любое государство, живущее за счёт кровопролития и жестокости по отношению к другим народам, незаметно, но упорно двигалось к своему медленному затуханию. Однако, ослеплённые былым величием и могуществом, турки этого не понимали.

Часто направляясь на очередную встречу с верховным визирем, Стахиев проходил мимо мечети султана Сулеймана, недалеко от которой находился базар, единственный во всей Европе, – базар невольников.

Он всегда останавливался на площади перед базаром и

мысленно представлял длинные шеренги измученных людей, закованных в цепи. Шум, крики, стоны...

В старые времена после каждой войны или совместного с вассалами набега на очередную соседнюю страну, будь она европейской или азиатской, рынок заполнялся невольниками на любой вкус.

Рядом с рынком продавали птиц в клетках. Соблюдая некий старинный обычай хоть кому-то давать свободу перед тем как купить в неволю людей, турки покупали какую-нибудь птичку и выпускали её на свободу.

Исполнив таким образом свой долг, и очистив душу перед Аллахом, состоятельные турки, держа за руку своих малолетних сыновей, словно щенков отбирали из шеренги скованных цепью людей, приглянувшегося раба. Они придирчиво ощупывали его тело, заглядывали в рот, заставляли сгибать и разгибать конечности и, наконец, выбрав, шумно начинали торговаться с продавцом. Затем отец-турок ласково спрашивал у своего малолетнего чада «Ну как, этот раб тебе нравится, покупаем?» «Нет, – скорчив брезгливую гримасу, недовольным голосом пищал малец. – Хочу вон того, маленького...» И выбор продолжался...

Невольниц для своих гаремов отцы отбирали без участия отпрысков.

Покупать невольников христианам было категорически запрещено, купить раба они не имели права, это право имели только мусульмане.

Теперь, вот уже несколько лет рынок был пуст. После кровавого набега крымского хана Кырым-Гирея на южные границы России в 1768 году здесь продали последних рабов.

«И странно... базар до сих пор не ликвидирован. Видимо, османы надеются на возврат старых привычек... Глупцы!.. – размышлял посол. – В мире надо с соседями жить, а уж с Россией – тем более».

Сие сооружение, невольничий рынок, всегда портило Стахиеву настроение. Оно всякий раз утверждало его в мыслях, что османы весьма инертны: не замечают веяний времени, вековые традиции прошлого упорно переносят в настоящее, и так живут, не стараясь чего-либо менять. Но время беспощадно, восемнадцатое столетие требует перемен!.. Век Блистательной Порты недолгий, конец её будет мучительный и кровопролитный, и Россия ещё хлебнёт с ней горя.

И эти размышления давали русскому послу решимости в спорах с турецкими вельможами. После подобных размышлений Стахиев всегда вздыхал, и с мрачными мыслями продолжал свой путь.

В приёмной визиря было жарко. Невидимый музыкант за перегородкой перебирал струны уде¹²¹, тихо звучали бесконечные и очень тоскливые турецкие мелодии. Пахло благовониями и чем-то ещё... Скорее всего пылью от ковров, коих в помещении было множество. Вошел слуга: поставил перед послом разожжённый кальян. Стахиев вздохнул, брезгливо

¹²¹ Струнный щипковый инструмент.

поморщился.

Тяжёлая духота притупила чувства, тепло потихоньку проникало вовнутрь. Из под парика по лицу стекал пот. Ставший уже влажным носовой платок, несмотря на свои немалые размеры, не помогал, а больше размазывал солёную влагу по худощавому, гладковыбритому лицу. Стахийев весьма нервничал, но терпел: к опозданиям визиря привык.

Чтобы каким-то образом проявить уважение к сановному турку, посол вставил деревянный мундштук кальяна себе в рот, но сосал редко и мелкими, неглубокими затяжками, больше для того чтобы не погасли угли кальяна. Не сказать, что вкус дыма ему был противен, напротив приятен, но этот сладковатый и холодный табачный дым совсем не доставлял ему удовольствия. «Другое дело, – думал он, – засунуть в нос щепотку ядрёного табачку да чихнуть как след, мозги-то враз прочистятся. Вот это удовольствие!»

Утомительно тянулось время. Несмотря на относительно тёплую погоду, слуги часто меняли раскалённые угли в комнатных жаровнях. Визирь любил тепло.

Родом из небольшого провинциального городка Даренде, расположенного на востоке Турции, верховный визирь Мехмед-паша, как уже заметил Стахийев, человеком был лёгким в общении, любил вставлять в разговоры разные шуточки и восточные прибаутки, по-русски сказать – этакий рубаха парень, но при этом, что весьма настораживало, глаза визиря липко обшаривали собеседника с ног до головы: ухо с ним

держат надо остро.

А ещё Мехмед-паша любил полненьких молодых наложниц, которых заставлял исполнять перед гостями танец живота, кальян с особым набором специальных снадобий, фрукты и сладости, и совсем не потреблял вина. Нельзя сказать, что последнее доставляло русскому послу удовольствие, ведь выпившие люди порой бывают более откровенны в беседах меж собой. Что поделаешь, у мусульман свои порядки. Вот и сейчас перед русским послом стоял невысокий круглый стол, уставленный фруктами и сладостями со столичных базаров.

Не привыкший к дисциплине, а тем более к элементарному уважению иноверцев, впрочем, этим отличались и остальные турецкие сановники, верховный визирь и сегодня опаздывал к назначенному им же часу.

Но опытный дипломат Стахиев нервничал совсем не по этому поводу. Он не знал, как на этот раз построить разговор с визирем, дабы исполнить указания из Петербурга, присланные князем Потёмкиным. Сделав список¹²² с донесения, посол немедленно отправил оную депешу в султанскую канцелярию. А требования, написанные там, были серьёзные и, на взгляд посла, невыполнимые. «Заносчивые дети Аллаха не согласятся их исполнить и более того, оскорбятся. Чего доброго в тюрьму засадят, как когда-то Обрезкова. А тут ещё и Шахин-Гирея в пику Порте крымчаки ханом избрали», – со-

¹²² Копия.

крушался Александр Стахивич. И, конечно, чего скрывать, посол немного побаивался возможных последствий от предстоящего разговора с турецкими сановниками. От них всего можно ожидать...

От сладкого дыма в горле запершило... Посланник поморщился, но продолжал держать мундштук во рту.

– Пусть видят, что я уважаю привычки мусульман. Осталось чалму на башку натянуть. Так бы они уважали наши законы, – пробормотал посол.

Стахив внимательно стал просматривать свои свитки, лежавшие перед ним. Развернул донесение Потёмкина.

Как и прочие наставления светлейшего, оно отличалось конкретностью, ясностью мысли и чёткими указаниями.

«Чего не скажешь о посланиях Панина Никиты Ивановича. Те, как правило, писаны расплывчато, витиевато, с осторожными намёками, дающими возможность двойного толкования. Сиди и думай, чего хотел сказать начальник. Одно мучение с его наставлениями, – размышлял посол. – О Потёмкине того не скажешь. Умный, дальновидный... Резковат немного, да молодёжь почитай вся такая»

Капелька пота скатилась прямо на краешек донесения. Александр Стахивич поспешно свернул его.

Двое слуг опять внесли горячие угли. Отработанными движениями, один из них выгреб из жаровни остывшие, другой тут же высыпал свежие раскалённые угли. По комнате разнёсся запах костра. Стахив не удержался, – чихнул.

И тут его осенило! Он пододвинул поближе к себе присланный недавно свиток с указаниями императрицы и, словно боясь потерять его, засунул под кафтан.

Заунывный звук инструмента неожиданно оборвался. Двери распахнулись. Вошёл, а скорее – вплыл, поддерживая рукой тюрбан зеленого цвета, тучный Мехмед-паша. Следом – рейс-эфенди¹²³, Намоли-бей. Вечно раздражённый, заносчивый, но совсем не глупый, лицо чиновника и сейчас выражало крайнюю степень презрения и недовольства. Статусный тюрбан красного цвета, надвинутый по самый лоб небольшой по размеру головы, казалось, вот-вот грохнется вниз и отдавит ему ступни. Для воинственности, правая рука Намоли-бея покоилась на рукоятке кривой сабли.

Оба сановника важно уселись на диване напротив русского посла. Слуги тут же внесли чай – горячий, крепкий, ароматный.

– Вах-вах, уважаемый Саша-паша! – не извинившись за опоздание и не поздоровавшись, произнёс визирь.

– Гляжу, привыкаешь ты к кальяну, это хорошо, похвально даже. Что задержался я?!.. С кадием¹²⁴ инспекцию торговых рядов на рынках проводил. Торговцы не держат цены мною указанные, – завышают, жители жалуются. Наказать пришлось пару нечестивых ремесленников и несколь-

¹²³ Титул турецкого государственного сановника.

¹²⁴ Кади – мусульманский судья-чиновник, вершащий правосудие на основе [шариата](#).

ких торговцев.

Визирь хотел было продолжить свой отчёт о базарной деятельности, но вспомнив о приличии, растянул рот в слащавой улыбке, сложил по мусульманскому обычаю на груди ладони, и витиевато приветствовал русского посла.

– Мы рады тебя видеть, Саша-паша. Надеюсь твоё здоровье благодаря твоему богу Иисусу Христу в добром здравии? – сострил визирь.

Намоли-бей с хмурым видом тоже кивнул в сторону Стахиева. Его красный тюрбан действительно едва не сполз с головы. Эфенди успел поддержать его рукой.

– Правительство Блистательной Порты ознакомилось с требованиями твоего правительства, – начал свою речь Мехмед-паша. Он слово в слово на память перечислил все пункты русских требований. – Они неприемлемы, скажу больше: вредны. Наш высокопочтимый султан крайне раздражён этим обстоятельством.

Дальше визирь стал перечислять все нарушения России, якобы не соответствующие пунктам мирного договора.

– Страны Европы недовольны вашим грубым вмешательством в суверенные дела Крымского ханства, – перебил визиря Намоли-бей.

Визирь одобрительно кивнул. Посол не стал реагировать на эти слова и даже не повернул головы в сторону эфенди. Он молчал, и назло туркам портил турецкое имущество: незаметно грыз зубами кончик мундштука.

– Царица русская устами министра Потёмкина-паши хочет видеть на престоле крымцев Шахин Гирея?!... – продолжал говорить визирь. – Видеть свои корабли, свободно проходящими по нашим проливам?!.. С татарами дружить без нашего на то согласия?!.. И прочая... Не согласны мы с этим. Мы...

Неожиданно визиря опять, но уже грубо перебил рейс-эфенди.

– Пошто Потёмкин-паша вмешивается в избрание хана Крыма, тогда как крымцы признаны вольными? Пошто принудили Диван крымский силами войск своих избрать ханом Шахин Гирея? Султан, да светится имя его на небесах, никогда не утвердит сие действие постыдное. Нарушаете вы беспричинно договор мирный, писанный в Кайнарджи. Забыты, нешто?

Рейс-эфенди недовольно засопел, затем повернулся в сторону визиря и что-то совсем тихо стал говорить ему. Мехмед-паша, видимо, не был согласен с ним и отрицательно качал головой. Не обращая внимания на русского посла, турки стали спорить. Стахиев напряг слух, но уловил только несколько раз произнесённое хмурым эфенди слово – тюрьма.

Идея пришла к Стахиеву неожиданно. Не давая османам времени для споров, которые неизвестно чем могли закончиться, посол решил перехватить инициативу.

Он демонстративно отбросил обгрызанный мундштук,

для большей официальности встал, придал своему лицу грозный вид, и начал говорить:

– Странно, господа, слышать сии речи. Ваш ставленник Девлет-Гирей устроил беспорядки в Крыму, законный хан Сагиб-Гирей сбежал. Хаос в государстве крымском... Что оставалось крымцам делать? Диван вынужден был выбрать Шахин-Гирея на ханство крымское. Хотите опять своего ставленника на крымском престоле видеть?!.. Попробуйте?!.. Но половина крымчаков хочет дружить с российской царицей. Что ли войска с кораблями опять пошлётё?!.. А нам как быть? У нас договор мирный подписан с Крымским ханством в Карасубазаре, забыли нешто?!.. Не допустим беспорядков... Так что опять война?.. Не боитесь?!.. Потерять всё можете. Турки молчали.

– Знаете, это, как у японцев. Обиженный приходит к обидчику и говорит ему: «Ты меня обидел, за это я пришёл распороть на твоих глазах свой живот». И с этими словами действительно распарывает себе живот. И при этом чувствует полное удовлетворение от содеянного – отомстил! Этого хотите?

– Пусть японцы и делают харакири, мы не обиженные, а требуем своё, – заносчиво произнёс визирь.

– Тогда я должен говорить с греками. Крым скорее их земля, чем ваша с татарами. И потом, уважаемый Намоли-бей, я помню условия договора о котором вы мне напоминаете. Не ваш ли султан в 1775 году ратифицировал его? Надо ли

мне напомнить пункты, записанные там, а?!.. Не сказано ли в оном трактате, что купцы наши свободно по проливам плавать могут?.. Христиан татары и вы, турки, не обижать обещались... Войска турецкие Крым покинуть должны... А поди уж сколько времени прошло, а полки ваши почти все остались, смуту посреди населения крымского сеют.

– Доказать сие надо... – пробурчал Намоли-бей.

– Докажем, ежели потребно будет. А не вы ли, господа, десант высадили в Алуште, когда сей договор только-только подписывался в деревушке Кайнарджи? Повторюсь уж, а не ваш ли Девлет-Гирей нынче резню в Крыму устроил?!.. Купцов наших убил... Склады наши разграбил... Христиан режет... Так кто ж первый нарушил договор? Стахийев свой указательный палец по дуге направил в сторону верховного визиря и пафосно заявил:

– Ваша сторона, уважаемый Мехмет-паша! А что Европа недовольна, тому не удивляюсь. Королю Франции и прочим государям всё плохо, что России хорошо. Им наплевать, что татары самостоятельности хотят, а мы желаем соседей мирных иметь на своих границах. Вот и чинит Европа вместе с вами козни супротив России. Не переусердствуйте, господа! Как бы не пришлось и по рукам дать и вам и Европе!

Речь русского посла произвела на турок сильное впечатление, они изумлённо уставились на него. От удивления визирь даже чалму стащил с головы, его лысина блестела от пота. На белом, полном, с отвислыми щеками лице визиря, слов-

но распутившиеся весной маки, проступили красные пятна. Рейс-эфенди весь сжался как тигр перед прыжком и из-под турбана сверлил своим злобным, недобрый взглядом русского посланника. Рука эфенди нервно гладила эфес сабли. Стахийев усмехнулся, и продолжил.

– Сиятельный князь Потёмкин в своём послании требовал не назначить Шахин Гирея крымским ханом, а вежливости ради ставил султана в известность, что государыни нашей боле приемлем сей татарин, а не ваш Девлет-Гирей, к бунту приведший татар! А выбрали Шахин-Гирея крымские беи. И войски не токмо наши стояли подле Бахчисарая, а в большом числе ногайские, триста лет под Портой бывшие, должен вам заметить, господа!

Возбуждение Стахиева достигло предела, лицо его, как и у визиря, покрылось теми же пятнами, пот заливал глаза. Посол утёрся платком и, едва сдерживая себя от клокочущего в груди негодования, не давая туркам опомниться, опять продолжил:

– И суда наши плавать будут проливами, и крымчаки строить свою жизнь будут самостоятельно, и с Россией жить они будут в дружеских сношениях, коль вы смущать их не станете. Стахийев шумно выдохнул, и добавил: – Вот так вот!

Посол устало вытер платком свой лоб, и уже в сердцах добавил:

– Не нравится вам мирный договор?!.. Мы что ль веками грабили города и селения турецкие?!.. Можно подумать, что

это православные христиане хватали на территории Блистательной Порты ваших мужчин-мусульман, женщин, детей, и тащили к себе в рабство; это русские продавали на рынках живой товар – людей, что это русская знать имела гаремы с турецкими девушками, что это на русских базарах купцы наши заглядывали в рот турецким и прочим рабам...

Визирь, не совсем понимавший смысл сказанного, отрицательно качал головой, рейс-эфенди уловив смысл претензий посла, злобно вставил: – Только мусульманам позволены сии действия.

– Ах, значит, всё-таки не русские, не православные над людьми издевались?! Хотя это признаёте, господа! – нарочито удивлённо воскликнул посол. – Сие дозволено только мусульманам?!.. Во как!.. А кто же позволил сию дикость? Аллах так решил?!.. Но...

Стахийев вовремя остановился, знал, что Аллаха нельзя критиковать: большего оскорбления для мусульман трудно придумать. Поэтому он сменил тему критики.

– Вы перекрыли проливы, ведущие в Чёрное море! А известно ли вам, что сие море ранее называлось Русским, а всё от того, что руссы ходили по этим проливам, пока вы не пришли в Константинополь. Вы нарушили...

– Как смеешь ты грозить, посол? Господь начертал нам по своему разумению властвовать над неверными учению Аллаха! – закричал Намоли-бей.

– Да-да, – гневно зачмокал губами визирь.

Едва сдерживая раздражение, Стахийев ответил:

– Не грозим мы вам теперича, не грозим, а указываем на недружественные действия ваши... – Рейс-эфенди опять что-то очень быстро зашептал на ухо визирю.

И тут нервы Стахияева не выдержали. Он громко и теперь с явной угрозой в адрес турецких сановников, чеканя слова, произнёс: – А чтобы вы не тешили себя угрозами в наш адрес, зачитаю послание матушки-государыни Екатерины.

Он вытащил из нагрудного кармана заветный свиток, оглядел притихших турок, развернул его, и стал читать короткий текст послания.

«Находим по разным действиям турецким и вашим донесениям, что наши с Портою дела дошли до степени неприятной, к войне подталкивающей. Коль будут грозить они нам, просьбы наши игнорировать, а паче в тюрьму послов наших бросать, извольте поставить султана в известность: ежели сие случится, то я камня на камне не оставлю в Крыму, а боле, и может быть, и в Царьграде ихнем». При этих словах лица турок перекосила злоба.

«Ну насчёт Константинополя я приврал маленько. Надеюсь, матушка-государыня меня простит, – подумал Стахийев. – А поди в штаны наложили от страху, господа эти, – любители танцев животами. Гляди-кось, как зенки-то на меня вытарасили».

Наступила тишина. Речь русского дипломата, только что, по их уразумению угрожавшего Блистательной Порте, при-

вела турецких министров в ярость. В таком тоне с ними давно не говорили и, главное, где?... В центре Блистательной Порты, в султанском дворце...

– Блефует гяур, блефует, – на ухо визирю опять прошептал Намоли-бей. – В тюрьму его сажать надо, султан даст согласие.

– А если не блеф?!.. Тебе Синопа мало?!.. Последствия представляешь? – так же шёпотом, возразил визирь. – Голова у меня одна Намоли-бей, Аллах так придумал, и другой не даст. Тут думать надо.

Стахийев, видя замешательство турок, вошёл в раж и решил их добить.

– Полномочия данные мне государыней российской, дают мне право заявить со всей ответственностью, коли так случится, что просьбы наши не будут в удовлетворении дружеском, то вся миссия посольская Российского государства покинет Константинополь. Затем спокойно, не спеша, скрутив свиток, Стахийев с достоинством сел.

Последние слова русского посла добили турок окончательно. После короткой паузы рейс-эфенди неожиданно подскочил с дивана и, что-то буркнув визирю, не прощаясь, покинул кабинет.

Растерянный Мехмед-паша сидел молча. Он усиленно размышлял над заявлениями русского посла, но ещё больше его беспокоил внезапный уход Намоли-бея. «Этот грязный клеветник первым доложит султану о неслыханном униже-

нии великой Османской империи. Дерзость русского посла, не мой ли позор? Намоли-бей свалит, конечно, всё на меня, мол не смог пресечь сии речи. Как поступит повелитель, одному Аллаху известно. Может и вправду, лучше самому себе харакири сделать, чем высунув язык, болтаться в петле. Опередить рейс-эфенди надо, и поскорее...»

И визирь торопливо произнёс: – Повелитель правоверных и солнце Вселенной султан Абдул-Хамид, да пребудет над ним благословение Аллаха, коль того хочет царица русская и Потёмкин-паша, слова твои услышит. Да возвеличит Аллах могущество и мудрость государя моего! Жди, Саша-паша, решение Высокого Порога¹²⁵ и моего господина.

Мехмед-паша кряхтя поднялся. Аудиенция закончена.

Решительное заявление Стахиева о возможном разрыве дипломатических отношений, угроза нападения на Константинополь, заставили Порту отказаться от посылки военных сил в Крым. Султан разрешил свободное прохождение русских купеческих судов по проливам.

И это был успех российской дипломатии. Но утверждать Шахин-Гирея на престоле Крымского ханства султан, как халиф¹²⁶, отказался категорически.

Однако вернёмся в Крым.

Тридцатилетний хан помнил слова старого муллы, про-

¹²⁵ Правительство султанской Турции.

¹²⁶ Халиф – название самого высокого титула у мусульман.

звучавшие в его адрес десять лет назад: «Глина твоего сердца, мальчик мой, размягчена – время пришло. Верти гончарный круг своей хитрости, лепи горшок замысла, ниспосланного Аллахом». И, став ханом, Шахин-Гирей завертел свой круг. Он стал претворять свои замыслы в жизнь, страстно желая вытащить стареющее ханство из догм и ветхих традиций средневековья. Одного только хан не хотел делать – лепить из глины новые традиции и правила. Его замыслы должны претворяться в жизнь на века! Какая тут глина?!.. Реформы свои он внедрял жёстко и настойчиво.

И молодое независимое государство забурлило, закипело страстями и эмоциями, татары удивлялись переменам в своей стране. И причиной необычных перемен была бурная деятельность молодого хана.

Указы его были необычны, новые порядки – любопытны... Чего только стоила система чиновничьей иерархической государственной службы, внедряемая Шахин-Гиреем по примеру России. Система нанесла удар по вековому мздоимству, напрочь лишала местных чиновников старинного права брать поборы с населения. По примеру своего кумира Пётра I Шахин-Гирей решил перенести столицу ханства из Бахчисарая на морское побережье – в Кафу. Он приступил к строительству литейного завода, монетного двора, развернул строительство завода по производству пороха. Появились рабочие места, люди стали получать за свой труд деньги. Как тут народу не радоваться?!.. Хан пошёл дальше...

До Шахин-Гирея своей регулярной армии в ханстве не было, существовало только ополчение, собираемое в случае внешней опасности, либо при подготовке очередного набега за рабами. А так как внешние угрозы у крымцев почти отсутствовали и турецкие войска надёжно защищали татар, то ополчение собиралось только для разбойных набегов. Для сражения с регулярными войсками предполагаемого противника, естественно, ополчение не годилось.

«Независимому государству потребна собственная армия, – решил реформатор и, поразмыслив, добавил: – Не помешает и личная гвардия...».

Для этих целей Шахин-Гирей провёл перепись населения и постановил брать с каждых пяти татарских домов по одному воину, причем эти дома и должны сами снабжать воина оружием, лошадью и всем необходимым.

Подданные ханства разделились в своих суждениях о реформах: одни равнодушно наблюдали, другие – замерли в ожидании, лелея смутные надежды на изменения своей нелёгкой жизни, им хотелось получить от новых порядков что-то другое, лучшее, отличное от их прошлой жизни, и тому были основания. Однако, ощутимые результаты от нововведений могли появиться лишь через время, нужно было терпение. Реформирование требовало больших финансовых затрат, государственная казна не успевала наполняться, денег не хватало. Местные богатеи (многие протурецки ориентированные) не спешили раскошелиться, просьбы хана

о помощи, передаваемые ханом представителям правительства России в Крыму, удовлетворялись далеко не в полном объёме. В стране стал падать жизненный уровень, и это вызвало недовольство части населения. Реформы Шахин-Гирея тормозились. Но это не останавливало хана, он упорно выполнял начатое, гонимый круг его замыслов продолжал крутиться...

В стране возрастало общее недовольство. Близкое окружение хана настоятельно убеждало своего государя остановиться. «Нельзя сразу объять необъятное, нельзя, мой господин, резко ломать вековые традиции своего народа», – говорил хану верховный визирь Абдула-ага. Шахин-Гирей не слушал. «Крымский Пётр Первый» неуклонно шёл к своей цели.

Бедственное положение татар принимало угрожающий характер. Крым опять забурлил. Молодой хан стал сурово карать недовольных. Заподозренных в нелояльности и саботаже казнил. Однако волнения не утихали...

И вот в октябре 1777 года, всего лишь через полгода после вступления Шахин-Гирея на престол, недовольство его реформами, растущее в Крыму влияние Петербурга, зачастую преувеличенное турецкими эмиссарами, привели к массовому бунту. Толпы недовольных, подогреваемые сторонниками Турции, стали громить присутственные места, дома христиан. Мятежники разграбили ханский дворец, казнили визиря Абдулу, разорили дома приверженцев Шахин-Гирея.

Хан бежал из столицы. В это время из Очакова в Крым прибыл бывший хан Селим-Гирей, он и возглавил восстание.

В таких обстоятельствах Екатерина II приказывает губернатору Малороссии Румянцеву и губернатору Новороссии Потёмкину усмирить мятежников. Плохо организованное восстание вскоре было подавлено войсками Суворова, мятежники приведены в покорность хану Шахин-Гирею. Вскоре и Селим-Гирей пришёл к хану с повинной. Мятеж подавлен. Казнив предводителей мятежа, Шахин снова утвердился на престоле и ещё более решительными мерами продолжил начатые им реформы.

Недовольство правоверных в Крыму побудило Турцию в апреле 1778 года прислать свои войска к берегам Ахтиярской бухты. Но генерал Суворов, охранявший берега, не допустил десанта и заставил турецкий флот покинуть Крым.

Несмотря на неудачу, Порта всё-равно не признавала Шахин-Гирея законным ханом, отрицала законность его избрания. Однако настоятельные требования посла в Константинополе Стахиева, угрожавшего каждый раз полным разрывом дипломатических отношений и неожиданная помощь Франции, заставили турецкого султана уступить и выдать Шахину грамоту на ханство. После этого, в силу конвенции, заключённой между Россией и Портой, из Крыма в трехмесячный срок были выведены как русские, так и турецкие войска, оставшиеся в небольших количествах ещё со времён Кючук-Кайнарджийского договора. В Крыму осталась

только незначительная часть войск генерала Суворова. В целях защиты крымских христиан, побудило Потёмкина отдать приказ Суворову начать переселение христианского населения из Крыма в Новороссию и Азовскую губернию.

Около тридцати тысяч христиан разных национальностей покинули Крым: кто от страха ожидания очередных кровавых погромов со стороны мусульман, кто польстился на посулы, а кто из любопытства: а вдруг там будет сытнее, вольготнее... А как было не поехать?.. По шестьдесят десятин земли сулили на каждую семью да плюс налоги не платить много лет да какие-никакие и деньги давали на подъём... Что ж не поехать?!..

Шахин-Гирей был крайне недоволен этой акцией. «Кто же будет работать и налоги платить?», – писал он в жалобе российской императрице, но ответа не получил.

Выдача Турцией грамоты Шахин-Гирею, подписание конвенции, на время успокоили Екатерину II. Крымское ханство медленно, с трудом, но приобретало черты независимого государства, с которым можно было мирно соседствовать и торговать. «И это главное...» – решила российская императрица.

Однако вековые оковы османского владычества в Крыму были ещё очень и очень крепки. От хана-реформатора требовались большое терпение и тонкое чутьё в непростой ситуации, но хан не желал ждать, он торопился.

А у России возникли новые проблемы: английские коло-

нии в Северной Америке захотели стать независимыми от Великобритании. Англичане, естественно, ни в какую... – «Эк чего захотели?!..» – сказала правительство Англии. И на американских землях полилась кровь с обеих сторон. Франция приняла сторону восставших. Англия пыталась уговорить Россию послать войска на американский континент. Для решения этого вопроса английский посол Ганнинг обивал пороги кабинетов сановников из окружения императрицы, но все его потуги были напрасны, вельможи участливо разводили руками: «Милорд, своих проблем хватает, не до ваших колоний!» Французы были довольны. Собственно, они потому и помогли России в признании турецким султаном Шахин-Гирея крымским ханом.

Правительство Великобритании срочно отозвало Ганнинга, на его место прибыл молодой посол Джеймс Гаррис.

АНГЛИЙСКИЙ ПОСОЛ

Конец 1777 года. Санкт-Петербург.

Вечерние сумерки сгущались над городом, темнота медленно окутывала столицу. Прохожие ускоряли шаг стараясь поскорее покинуть улицы освещаемые слабым светом из жилых домов, уличными фонарями и, кое-где, кострами – «грелками» городских сторожей. Керосиновые фонари (не было), подвешенные на окрашенные в синие и белые полосы деревянные столбы, жители старательно обходили стороной: светильники давали слабый свет, коптили, дурно пахли и брызгали по сторонам топливом. Состоятельные граждане ходили по тёмным закоулкам держа в руках ручные фонари с мерцающим фитильком внутри стеклянного колпака.

Унылая фигура фонарщика с небольшим бидоном в руках и стремянкой на плече, медленно брела вдоль улицы. Приставив к очередному столбу лестницу и осторожно опустив на землю бидончик с керосином (то же самое), он поднимался на две ступеньки, приподнимал защитный колпак фонаря и пальцем проверял уровень топлива. Если палец сухой, чертыхался и доливал. Затем на ощупь проверял длину фитиля и уже тогда зажигал светильник.

Из раскрытого окна второго этажа здания английской миссии улицу разглядывал человек. Во рту у него торчала трубка, и он попыхивал ею, изредка выпуская кольца дыма.

«Интересно, сколько же лет этому старику? Коль судить по его шаркающей медленной походке и сторбленной фигуре, то очень даже немало...» – подумал он и тут же брезгливо поморщился.

Пару дней назад он проходил мимо этого фонарщика, в нос тогда емушибанул резкий запах керосина, а лица в полумраке так и не разглядел.

Напротив миссии располагался большой каменный дом столичного вельможи, оттуда дурманяще вкусно тянуло свежей выпечкой: человек в окне с удовольствием вдохнул ароматный запах. Звонко цокая копытами, тарактя колёсами по булыжному покрытию, не спеша проплывали редкие экипажи. Прохожих становилось всё меньше и меньше. Скрылся в ночи и фонарщик. Человек ещё раз глубоко вдохнул полной грудью.

Прежде чем закрыть окно, он вытащил изо рта трубку, зевнул и потянулся. Потянулся с удовольствием, как может это сделать человек, весьма довольный собою. А посол Великобритании Джеймс Гаррис собою был доволен.

Среднего роста, худощавый, на вид лет тридцать-тридцати двух, сэр Гаррис в свои годы успел уже побывать и секретарём посольства в Мадриде и посланником при дворе прусского короля Фридриха II, и вот, он посланник в ранге посла, в России. Скрестив за спиной руки, Гаррис, обращаясь к собеседнику, произнёс:

– Петербург действительно красивый город. И честно ска-

зять, я был приготовлен к необычности русской столицы и великолепию здешнего императорского дворца, но действительность превзошла все мои ожидания. С этим согласны и моя супруга и моя сестра. А короткое первоначальное общение с императрицей меня просто покорило. Ни надменности, ни чванства при разговоре, ласковость во взгляде, но при этом, она – королева, полная величия и достоинства.

Не зря мой предшественник сэр Ганнинг с большим нежеланием покидал эти места. Ну что поделаешь?!.. Не справился. На всё воля Господа и правительства нашего.

Посол сделал паузу, постучал о ладонь трубкой, и задумчиво продолжил.

– Несколько тревожны мои предварительные наблюдения: никакой симпатии русской знати к Англии, по огромным залам дворца и прочим столичным дворам витает французский дух, что прискорбно! Сие потребно проветрить.

Гаррис опять замолчал. Он вставил на привычное место трубку, затянулся, и опять ловко выпустил пару колец. – Прекрасная ночь ожидается, не так ли, господин Коген?

В самом углу комнаты, в свете канделябра с тускло горящими свечами, возле камина, и тоже с трубкой во рту, сидел первый секретарь английского посольства Смит Коген. Его весьма полная фигура слилась с креслом, и в полумраке был виден лишь тлеющий огонёк курительной трубки.

– Да как сказать, милорд, – буркнул секретарь. – Вы не в Пруссии, в России, здесь другие правила. Бывший фаворит

государыни светлейший князь Потёмкин прикажет – и снег ночью, коль ему надо, тотчас выпадет. Потёмкин – везде и всё он. Б-о-о-льшим человеком стал князь, скажу я вам, сэръ.

Табак распространял по всей комнате приятный запах. Гаррис подошёл к камину, выбил свою трубку, затем расположился в кресле напротив коллеги.

– Вот-вот, Смит, – Потёмкин! Намедни в разговоре с испанским послом я понял, что сей вельможа большое влияние на государыню имеет. Но, как мне известно, в друзьях английской короны этот Потёмкин не числится. Коген неопределённо пожал плечами.

Гаррис недовольно пыхнул трубкой.

– Не могу понять, как вы с сэром Ганнингом пропустили столь резкое возвышение этого безродного выскочки и недочившегося богослова?. Слышал я, что по религиозной линии он в молодости хотел пойти. Ну и шёл бы, а там, глядишь, митрополитом¹²⁷ стал бы когда-нибудь!

Со слов моего предшественника, почитай Потёмкин теперь второе лицо в России. Лорд Фредерик Норт¹²⁸ крайне недоволен этим обстоятельством. И в этой связи он выразил своё недовольство графу Саффолку¹²⁹. Сэр Ганнинг проявил, прямо надо сказать, некую бездеятельность. Не на тех

¹²⁷ Митрополит – церк. в православии – второй по старшинству (после патриарха) духовный сан,

¹²⁸ Глава правительства Великобритании (1770-1782г.г.)

¹²⁹ Министр по делам Северной Европы.

ставил с самого начала.

Объяснять причину, со слов Гарриса «некой бездеятельности», опытный секретарь не спешил.

«Зачем?!.. – размышлял он – Во-первых (и это главное), молодой посол что-то не торопится расспросить меня о раскладе сил при дворе её величества; во-вторых, в той скрытой борьбе российских сановников за влияние на императрицу после отставки Потёмкина с поста фаворита неизвестно ещё кто победит. Опять Орловы?.. Панины?.. Очередной фаворит?.. Да и сама императрица Екатерина на троне сидит, ко-со посматривая на сына – претендента на престол. Как тут советовать? Но что-то говорить надо», – решил секретарь.

– Верно, милорд, не на тех. Видимо, после смерти императрицы Елизаветы наш бывший посол сэра Роберт Кейт не придавал большого значения фаворитам супруги Петра III, так и пошло далее. Да и необходимости особой не было, они малую роль в государственных делах играли. Из всех фаворитов при Екатерине, поначалу одни Орловы сразу выделились... через Григория, я имею в виду, милорд. Вот сэра Ганнинг и обхаживал братьев. Никто же не ожидал от Потёмкина такой прыти; думали обычный любовник. Сколько их перебывало в постели этой, пожалуй, самой влиятельной европейской барыни!.. А насчёт безродности Потёмкина... Он действительно из бедных дворян, но знатного польского рода смоленской шляхты. Отец его то ли майором, то ли подполковником в отставку вышел и, кстати, без особого панси-

она. Но Потёмкин, сэр, уже не фаворит. Однако продолжает быть в большом фаворе. И как ему это удаётся?!.. Говорю же: та ещё штучка.

– Посмотрим, посмотрим! Кстати, читал я рапорт сэра Кейта в котором он просил у правительства Великобритании денег на поправку своего здоровья. Полгода непрерывных возлияний с императором Петром III серьёзно повредили его печень. Нет, ну как можно так много пить, пусть и для дела? Ну это я к слову о самоотверженности старой гвардии дипломатов.

Коген хмыкнул и про себя скептически подумал: «Ну-ну... Молод ты ещё... Русских не знаешь! Посмотрим, милорд, как с ними и трезвенником остаться и дело сделать».

– А теперь по существу... Должен вам сказать, Коген, перед отъездом в Петербург я получил соответствующие инструкции от графа Саффолка, после чего имел честь получить аудиенцию у лорда Норта. Напутствуя меня, глава правительства прямо сказал:

«Времена для Англии наступили трудные. Восстали наши северные колонии в Америке, беспокойно и в Испании. Это плохо, очень плохо, Гаррис! Но Великобритания столкнулась не только с восставшими подданными в заокеанских колониях, но и со своими европейскими противниками, и в первую очередь с Францией».

Меня, Смит, при этих словах главы правительства аж передёрнуло. Францию с её бантиками, рюшами и жеманными

манерами у мужчин... ненавижу.

От возмущения посол даже притопнул ногой. Сделав небольшую паузу, он продолжил пересказ разговора с ним сэра Норда:

«Французский король Людовик, не поставив нас в известность, принял в Версале посланца конгресса колонистов некоего Бенджамина Франклина, тем самым косвенно одоблив идею создания нового американского государства. Больше того, его министр иностранных дел граф де Вержен в феврале прошлого года подписал с этим посланцем в Париже совместный договор о союзе и торговле.

– Как это понимать, сэр? – удивился я.

– Как это понимать?!.. – это подлый удар нам в спину, Гаррис. И французы ответят за это! – гневно произнёс сэр Норт. Затем он глубокомысленно добавил:

– Я всегда с ужасом смотрю на географическую карту: Россия давит, нависая над нами, как грозовая туча. Кажется, вот-вот из этой тучи ударит молния и раскроются хляби небесные... Нас, Гаррис, словно щепку смоев в Атлантический океан. И вот парадокс: Великая Британия просит Россию о помощи... О времена!.. Да, приходится констатировать: нам как воздух нужен военно-оборонительный союз с русскими. Россия стала другой, её военные успехи впечатляют, могущество растёт.

Однако не всё так плохо, есть некоторые успехи и у нас. С помощью американских индейцев мы захватили большую

территорию на западе Америки, высадились в Джорджии и Саванне. Но удержимся ли, неизвестно. Повторюсь, нам необходим военный союз с русскими, иначе мы навсегда потеряем американские колонии. Кстати, французы тоже добиваются от Екатерины подобного договора. Учтите это, милорд.

– Так, может быть пойти на компромисс с американцами, сэр? Как-никак, два с половиной миллиона колонистов там, – вставил секретарь.

– Пробовали, Коген, пробовали! Только ведь колонисты полной независимости от Англии требуют. Их вожаки упёрлись и ни на какие компромиссы не идут. Говорят: демократия... Не могут супротив народа своего идти. Да боюсь, сил наших не хватит воевать и с ними и с французами и с испанцами. Вот сэр Фредерик Норд и настаивает:

«Ваша задача, Гаррис, подружиться с ближайшими помощниками императрицы, а более, – с князем Потёмкиным! Интригуйте, платите, но мы первыми должны добиться союза с Россией на наших условиях. Это, повторяю, ваша главная задача в России. Не стесняйтесь Екатерине напомнить, что именно Англия способствовала в минувшую русско-турецкую войну проходу её эскадры из Балтики в Средиземное море. Это Англия представила русскому флоту свои порты для починки и пополнения запасов. А следовательно, без этой помощи не было бы и Чесменского сражения, где русские корабли потопил чуть ли не весь турецкий флот. Объ-

зательно, слышите, Гаррис, без стеснения об этом напомните русским. Долг платежом красен, как вы знаете. А русские – совестливый народ».

– Таким взволнованным я главу правительства давно не видел, Смит. Всегда спокойный, рассудительный, сэр Норт за какие-то дела при мне грубо отчитал своего секретаря, когда тот заглянул в кабинет. Неслыханная бестактность с его стороны в присутствии постороннего.

Гаррис замолчал. Аккуратно, не обронив ни крупинки, не спеша набил табаком трубку, тщательно его утрамбовал и, не раскуривая, с раздражением произнёс:

– Эти чертовы колонисты с их демократией совсем обнаглели: требовать независимости от Великобритании?!.. До чего дошёл мир?!.. – он нервно раскурил трубку.

– Как вам это нравится, Коген?!.. Вырвать из английской короны такой жирный кусок?!.. Не бывать этому!

Секретарь пожал плечами, затянулся, выпустил дым, и промолчал.

– Скажу больше, господин секретарь! Моя задача – не только уговорить Екатерину II подписать договор, но и обязать Россию направить экспедиционный корпус в Америку. И это, пожалуй, самое трудное.

– Сэр, но тут есть две трудности, – не выдержал Коген. – А не обратились ли бунтовщики в Россию сами с просьбой о помощи? Ведь в русском характере – помогать слабым... – И это вполне реально. Есть и вторая информация: у русских

большие проблемы с Крымом, там опять совсем не спокойно. Не до нас Екатерине будет.

– Вот так даже?! Ну о первой трудности мне известно, Смит. Сэр Норт высказал подобное опасение. Мол, непроверенные сведения к нему уже поступали, якобы русские на помощь бунтовщикам-республиканцам хотят отправить эскадру. Слухи, конечно, но... Этого в любом случае нельзя допустить, Смит! Никак нельзя! Если русские откажутся помогать нам, то и противной стороне тоже не должны, – с горячностью произнёс дипломат. – О беспорядках в Крыму я не осведомлён, но не думаю, что это может сыграть против нас, скорее наоборот. Тем более русским с Англией надо дружить.

– Возможно, сэр! – неопределённо ответил секретарь. – Сэр Норт, конечно знает, о чём говорит, но о просьбе американцев сказать ничего не могу, не знаю, не слышал. В отношении сближения с Потёмкиным тоже не ведаю как быть. Кажется мне, не тот человек светлейший князь, на личные контакты он никак не идёт. Другими словами, деньгами Потёмкина к себе не расположишь, не берёт. Он не женат, детей, как мне известно, тоже у него нет. Хотя, милорд, некие слухи ходят. Якобы этот тридцатипятилетний от роду красавец, будучи ещё генерал-адъютантом и подполковником Преображенского полка, в 1774 году с императрицей заключил органический брак, и потом даже у них девочка родилась. Однако, сие официальности не имеет, – слухи. Трудно

к Потёмкину подобраться, сэръ, к тому же с нашей вечной скупостью...

– Когда дело идёт о подкупе влиятельного лица правительство её королевского величества может быть щедрым до расточительства, можете мне поверить, господин секретарь. Англия ещё в 1750 году давала великой княгине Екатерине Алексеевне так называемые займы, ну вы, Смит, понимаете, что это за займы. Правда, пользы для нас от этих финансовых операций практически не было. Правда, вреда – тоже.

– Милорд, надеюсь, вы не станете напоминать императрице об этом. Теперь другие времена: и Франция, и Пруссия с Австрией, дабы завоевать благосклонность императрицы готовы и не такие суммы ей дать.

– Что вы, что вы Коген! Ни в коем случае. Сэр Норт запретил этого делать. Но и безвыходных ситуаций не бывает, поверьте мне. Не берёт Потёмкин?!.. Но есть же родственники, коих у него, по моим сведениям, достаточное число, товарищи, в конце концов. И потом сэръ Ганнинг не слишком лестно отзывался о князе Потёмкине и рекомендовал мне на крайний случай некоторых сторонников братьев Орловых для этих целей.

Сказанное послом не требовало ответа, да и мало было похоже на предложение старому дипломату, прожившему в России достаточное количество лет, помочь советом.

Вытащив потухшую трубку изо рта, секретарь выбил из неё остатки табака, постукал ею несколько раз о край пепель-

ницы, стоявшей перед ним на столе, и отвечать опять не стал.

«Смысл убеждать?!.. Орловы уже не имеют прошлого авторитета, сторонники – тем более... Опять пустышку тянуть будем. Родственники Потёмкина?!.., – пока тёмные лошадки. Советовать бесполезно. Пусть посол сам решает»

Дипломаты на какое-то время замолчали. Каждый думал о своём. Сквозь неплотно прикрытое окно, лёгкий ветерок надул в комнату всё тот же запах свежего хлеба, который, вкусно смешавшись с табачным дымом, заставил желудок Смита Когена заурчать от желания поесть. Посольский секретарь беспокойно заёрзал в кресле.

– Восстание в Северной Америке спровоцировала наша финансовая политика, я считаю, – неожиданно произнёс посол. – Правительство ввело, понимаете ли, там чрезмерные налоги, ограничения разные. И зря!

Колониям, естественно, это не понравилось. Нет, ну не бред?! Они, видите ли, захотели жить самостоятельно от нас... И кто?.. Эмигранты со всех частей света, искатели приключений, нигеры, индейцы... Мы, англичане, принесли в эти дикие места цивилизацию, порядок... Скольких совсем не глупых в мирской жизни каторжников спасли от казни, отправив их в Америку?..

Для наглядности посол покрутил пальцем вокруг собственной шеи и с горечью в голосе пробормотал:

– Обидно, очень обидно, но наши войска до сих пор не могут с ними справиться, – и тут же пафосно, словно он не

в темном кабинете английской миссии в Петербурге, а на заседании английского парламента, заявил:

– Но, Англия всегда права, даже если она не права. Это истина, господин Коген, не требующая объяснений. Истина, завоёванная нами англичанами в трудной борьбе.

«Разбоем и наглостью, – мысленно добавил секретарь. – Мне-то зачем эту патетику нести?!..» Но вслух произнёс: – Милорд, мы же сами когда-то и вооружили этих головорезов-колонистов. С их помощью проблемы свои решили: отхватили земли от Канады до Миссисипи. А до этого с остиндскими владениями лягушатников-французов покончили. Кому же это понравится?.. Вот французы и их сторонница Испания козни нам и строят. Накручивают безмозглых поселенцев, чтобы те себя независимыми провозгласили. «Так не доставайся же ты никому Америка!» – решили обиженные.

Коген ухмыльнулся. Придуманная только что фраза ему понравилась. «Как говорится, ни себе, ни людям!.. – мысленно добавил он. – Однако новый посол – непримиримый противник Франции, и свои патетические слова о всегдашней правоте Англии он высказал как настоящий английский патриот». Секретарь уважительно посмотрел на своего начальника.

В это время открылась дверь и в комнату, держа клетку с небольшим попугаем, вошла привлекательная, стройная и очень молодая супруга посла. Секретарь, кряхтя, встал, при-

ветствуя даму.

– Джеймс, дорогой, время уже позднее. Пригласи нашего гостя в столовую, пора обедать, – она поставила клетку на стол, подошла к окну и закрыла его на щеколду. Затем открыла дверцу клетки. – Пусть полетает, засиделась наша птичка, – произнесла она.

– Случайно услышала, господа, что с князем Потёмкиным контакт трудно найти. Могу подсказать! Джеймс, милый, помнишь русского поверенного в Лондоне, с которым на последнем рауте в правительстве нас познакомил сам сэр Норд? Так вот, этот русский господин попросил меня об одолжении: передать письмо своей родственнице в Петербурге. Сразу по приезде я выполнить эту просьбу никак не могла. Вы же знаете, господин Коген, весь наш гардероб погиб при перевозке по морю. А какой нерадивый капитан!.. – супруга притопнула ножкой. – А здесь эти предметы дороги и редки. Так вот, была я с вашей сестрой, Джеймс, у этой родственницы с визитом. Дама оказалась милой, мы пили чай, много болтали...

– Дорогая, ты же сама сказала, что поздно. Будь добра, скажи нам суть своего предложения.

Супруга надула губки и недовольным голосом продолжила: – В гостях там была фрейлина императрицы Екатерина Сенявина.

– Ну и что?

Жена посла ехидно взглянула на первого секретаря, сде-

лала паузу и с той же ехидцей в голосе произнесла:

– Ничего?!.. Любовница князя Потёмкина сия фрейлина. По-моему это важная информация! И мало того, эта дама в вашем Потёмкине души не чаёт.

Наклонившись к клетке, супруга опять нежным голоском проворковала: – Лети, птичка, лети!

Однако попугайчик вылетать из клетки не хотел. Женщина легонько подтолкнула его к открытой дверце: птичка нехотя выпорхнула, и тут же уселась на плечо хозяина. Довольный посол погладил попугая, и тот в надежде на лакомство несколько раз клюнул его в руку. Все рассмеялись.

– А фаворит государыни нынче – некий красавец Зорич, чистый серб. До него был Завадовский. Не знаю, кто это, но хохол, как мне сказали. Зорича протезирует Потёмкин, Завадовского – Орловы, – добавила супруга посла.

– Хм... Интересные подробности. Вот что значит простое женское чаепитие! Хотя в своих последних рапортах, с которыми мне дали ознакомиться в Англии, сэр Ганнинг упоминал о некоем красавце-полковнике, способном заменить князя Потёмкина в государственных делах. Фамилию точно не помню, но что-то похожее вспоминается. Теперь, значит, новый красавец, Зорич?!.. И опять Потёмкин... Спасибо, дорогая. Обсудим эту информацию позже. Так ведь, господин Коген, – посол скептически посмотрел на своего секретаря.

– Однако, действительно, пора заканчивать. Господин секретарь, прошу отобедать с нами. Сестра, поди, заждалась

нас. Повар-англичанин ещё не прибыл, а к блюдам русской кухни, что повар местный готовит, мы ещё не привыкли: их всегда непривычно много, и они жирные. Так и поправиться недолго. Когда мы с супругой были в Пруссии, особыми разносолами король Фридрих нас не баловал. Верно, дорогая?

Гаррис взглянул на тучного секретаря, и... – оба рассмеялись. Пропустив вперёд себя жену, посол чуть слышно произнёс:

– Прошу не забывать, господин секретарь, наши действия, направленные на подписание договора с Россией не снимают с нас обязанности всячески провоцировать русских к очередной войне с Турцией. Сильная Россия опасна, и не только для Великобритании...

«Шепталки» у Екатерины

Октябрь 1777 год. Санкт-Петербург.

Осень в Санкт-Петербурге, а уж октябрь тем, паче, это не только время года напоминающее жителям столицы о пролетевшем весьма скоротечном лете, это то время, которое по-честному предупреждает жителей о начале слякоти, заморозков, пронизывающих до костей холодных ветров и вообще пора, мол, господа, доставать из сундуков тёплые вещи, впереди зима!

По дорожкам дворцового парка с места на место ветер гоняет опавшие листья. Выглянувшее было с утра солнце тут же скрылось за нависшими над столицей тучами.

Привыкшая вставать рано императрица сегодня была особенно раздражена: за окном сыро, ветрено, страсть как не хочется выходить на прогулку, к тому же, наверное, холодно. Настроение по погоде хмурое! Но дело не в ней, давно привыкла, дело в другом: английский король слёзно просит её послать войска в Америку, а ввязываться в войну ой как не хочется, в Крыму опять бунт, в спальне переполох – пропала бриллиантовая брошь, непременный аксессуар на груди при выходе к подданным. Всё как-то сразу... Откуда тут взяться хорошему настроению?!..

Екатерина брезгливо разглядывала мечущихся по спальне служанок. Воровство – тяжкий грех, всегда считала она,

а потому к подлым людям, ворам, относилась не только с осуждением, но и брезгливо, руки не подавала – боялась запачкаться. Однако сегодня раздражение Екатерины усугубилось, помимо прочего, еще одним обстоятельством: мерзким поведением её нового фаворита Вани Корсакова.

...Выходец из захудалого дворянского рода со Смоленщины, Корсаков год назад был представлен Екатерине опять же Потёмкиным. Неравнодушная к симпатичным молодым мужчинам, расставшись с Зоричем, императрица, конечно, увлеклась двадцатипятилетним красавцем. И для Ванечки пошло всё по заведённому ранее обычаю: флигель-адъютант, действительный камергер, генерал-адъютант, дом на Дворцовой площади (кстати, принадлежавший ранее Сашке Васильчикову)... Польский король успел даже орден Белого орла Корсакову всучить... «Живи себе и радуйся сытой и привольной жизни: ан нет, на блуд Ваню потянуло. Буквально вчера в объятьях графини Прасковьи Брюс застучала его. Прогнала... Провела ночь одна-одинёшенька...» – с жалостью к самой себе размышляла обманутая женщина.

А служанки продолжали испуганно метаться в поисках броши. Они всё перевернули, всё перетрясли и наконец, слава тебе Господи, нашли: за диванную подушку завалилась, подлая. Вздох облегчения вырвался у бедных женщин. Екатерина фыркнула.

– Давайте ужо прикалывайте, – недовольно произнесла она.

Мария Перекусихина напоследок ещё раз окинула придирчивым взглядом фигуру Екатерины, поправила складку её пышного платья и, всплеснув руками, произнесла: – Какая ты у меня красавица, Катенька! Не стареешь, матушка, ей-ей года назад откручиваешь.

Екатерина скептически посмотрела на себя в большое до пола зеркало. – Скажешь тоже, Мария! – поправляя рукой причёску, – произнесла она. – Годы своё берут и никуда от этого не денешься. Чай, не молодка уж, полвека, вот-вот, стукнет, – и вздохнула, кокетливо надув губки. – Идти надо, ждут меня мои соколики.

Часы приготовились отбивать десять часов. – Пора, – произнесла императрица.

Перед тем как покинуть спальню, Екатерина всё же не удержалась, и ещё раз взглянула на себя в зеркало. Она подмигнула своему изображению и озорно погрозила пальчиком.

– Молодость проходит – не беда! Плохо, что старость подходит! Нельзя нам стареть, подружка, никак нельзя! – с грустинкой в голосе произнесла государыня и решительно направилась к выходу.

Мария вслед перекрестила её: – Храни тебя Господь, Катенька! – прошептала она.

Сквозь неплотно прикрытые шторы в большие окна императорского кабинета проникал серый, вызывающий уныние дневной свет.

Привычка императрицы совещаться с близкими помощниками («пошептаться», как однажды высказался Панин), перед своим выходом в общую приёмную залу, стала уже протокольной обязанностью. Как правило, Екатерина сама загодя определяла список вельмож с кем ей необходимо было посоветоваться. Именно на этих «шепталках» и решались основные вопросы внешней и внутренней политики государства, а уже потом они выносились на утверждение в госсовет и далее.

Аудиенция всегда начиналась в десять часов, и никто, в том числе и государыня, к назначенному часу не опаздывал.

Как-то на слова благодарности, высказанные Екатериной в адрес своих помощников по поводу отменной дисциплины, Панин возразил ей: «Ну, это вы льстите нам. Потёмкина забыли, ваше величество».

– Уж что есть, то есть, – со вздохом согласилась Екатерина.

Вот и сегодня Панин и статс-секретарь её императорского величества – Безбородко, развалившись (собственно, развалился Панин, секретарь себе этого не позволял) в больших креслах обитых щёлком, отороченных золотистой бахромой и подбитых шнуром-кантом того же цвета, терпеливо ожидали государыню; они лениво вели беседу, часто прерываемую молчанием. Предметом разговора были конечно волнения в Крыму, а молчаливые паузы – события в Северной Америке, где против своих колонизаторов, англичан, восстало мест-

ное население. Тринадцать штатов в начале июля 1776 года уже провозгласили свою независимость от Великобритании, образовав новое государство Соединённые Штаты Америки. Там шла нешуточная война. Оскорблённые наглостью неблагодарных американцев, англичане высадили на материк свои войска и поначалу вроде бы имели даже успех, но их силы быстро таяли, восставшие стали теснить бывших хозяев по всему фронту. А тут ещё в пику англичанам Франция стала помогать восставшим.

– Георг III-то помощи у государыни попросил, – не то спрашивая, не то констатируя сам факт, растягивая слова, произнёс Панин. – Ганнинга отозвал. Знаешь, поди.

– Вестимо, знаю. Пространственное послание король лично государыне отписал, что раньше весьма редко делал. Однако наша Екатерина Алексеевна не спешит с ответом – выжидает, – тем же неспешным голосом поддержал разговор статс-секретарь.

– Да, в принципе, бог бы с ней этой Америкой, хотя пусть воюют, но ввязывать нас в войну?!..

На этом разговор прекратился: оба имели своё, отличное от Потёмкина (приверженца южной политики), суждение в этом вопросе, и, не зная мнения на этот счёт императрицы, оба предпочитали ситуацию, возникшую в Америке, подробно не обсуждать. Так спокойнее.

Потёмкин, конечно, опаздывал.

– Этот Перюша¹³⁰ опять не торопиться, – насмешливо произнёс Никита Иванович. Безбородко равнодушно пожал плечами.

Александр Андреевич Безбородко уже несколько лет служил в этой должности. Был весьма исполнительным и преданным государыне. Екатерина всецело ему доверяла.

Статс-секретарь пользовался уважением среди сановников. Он обладал прекрасным почерком, многое знал, многое умел, но никогда не пользовался доверием государыни в личных, корыстных целях: должности и привилегии себе не кланчил. К тому же, как он сам выражался, не причислял себя к значительным лицам: ни к таким, что стремятся получить известность, а потом переживать, чтобы, не дай Бог, её потерять; ни к влиятельным людям, в основе влиятельности которых лежит, скажем, публичное и громогласное прославление самодержицы по поводу и без.

«Для этих целей всегда находятся любители и познатнее меня...», – усмехаясь, говорил статс-секретарь.

Раздался первый бой курантов – десять часов. С пятым ударом распахнулась боковая дверь и в кабинет торопливо, с шумом вошёл Потёмкин.

Дорогуший эфес его шпаги, инкрустированный драгоценными камнями, зацепился за дверь и, показалось, что с него

¹³⁰ Попугайчик (франц). Так иногда называли Потёмкина приближённые её величества.

тотчас полетят камни, но алмазы устояли, кожаный темляк¹³¹ смягчил удар. Надетая поперёк груди шёлковая голубая лента с Андреем Первозванным сползла с плеча и орден прошёлся по другим наградам: орденам Святого Александра Невского, Святыми Григориями второй и третьей степени, а по пути успел слегка зацепить ещё и Святую Анну.

Тяжело дыша, Потёмкин поздоровался, поправил повязку, закрывающую повреждённый глаз, и, не стесняясь, тут же высморкался в платок, неожиданно появившийся в его огромной ладони. Панин, насмешливо покачав головой, с иронией произнёс:

– Что так, Григорий Александрович! А где остальные награды? Нешто не успели надеть, торопились, поди?

– Иностранцы, имеете в виду, Никита Иванович? Да вот, слугам в чистку отдал, не выдерживают они наш сырой климат, темнеют быстро, – ещё не отдышавшись, сострил он. – Пардон, господа! Едва успел ко времени, с чёрного входа по лестнице поднялся. На Невском...

Договорить он не успел, вошла императрица. Мужчины встали.

Запыхавшийся Потёмкин сразу привлёк её внимание. В парадном одеянии, с аккуратной причёской на голове да ещё с вплетённой в неё по-модному черной лентой, к тому же со съехавшими набекрень орденами и с носовым платком в руке он, естественно, выделялся на фоне благообразных, с

¹³¹ Ремень, петля, шнур, или кисть на эфесе холодного оружия

покорным взглядом коллег. На какое-то время она задержала на Потёмкине свой взгляд.

«Хорош!..» – с долей некоторой грусти подумала Екатерина.

И хотя обида на Корсакова ещё осталась, могучая фигура бывшего фаворита, как всегда, его дерзкий, восторженный взгляд и ямочки... Ах эти ямочки на щеках... – успокоили, напомнив ей о совсем недавнем прошлом и таком когда-то счастливом времени. Она приветливо улыбнулась Потёмкину.

– Недурно выглядите, светлейший князь!

– Куда мне до вас, ваше величество?! – нашёлся Потёмкин, торопливо засовывая платок за обшлаг рукава мундира. Ни тебе благостной интонации в голосе, ни почтительного поклона... Панин в душе чертыхнулся, статс-секретарь привычно пожал плечами.

На бестактность князя государыня лишь снисходительно усмехнулась. При виде своих помощников настроение у неё поднялось, образ смазливого Ванечки растаял, уплыл в туманную серую даль, забылся...

– День добрый, господа! Начнём наши «шепталки», – садясь в своё кресло, радушно произнесла императрица.

Статс-секретарь разложил перед императрицей большую стопку различных документов.

Какое-то время она внимательно изучала их, на некоторых сразу накладывала резолюцию, по другим, прежде чем

подписать, интересовалась мнением присутствующих сановников. Так продолжалось около часу.

Наконец Екатерина отложила в сторону перо, закрыла помпезную, в форме головы льва крышку бронзовой чернильницы и, взглянув на притихших помощников, произнесла:

– Из Крыма – плохие новости, поди знаете, господа, уже! Ты, Александр Андреевич, давеча сказывал мне про татар, что опять недовольны своим ханом. Недавно же, в марте, коль память мне не изменяет, они выбрали его ханом, и опять бунт?!.. Опять недовольны?!.. А хан-то правильно всё делает, из трясины средневековья пытается вытянуть свой народ. Поди, чем-то схож с нашим Петром I... Так нет, недовольны крымцы! Господи, как это уже надоело! Устала я от них. Хочется иметь нормального соседа, а нет, кочевряжатся татары. Турки, поди, смущают народ? Что скажешь, светлейший князь?..

– Верно говорите, ваше величество! Турки большой вес имеют до сих пор. А Шахин-Гирей разумно правит, это верно, да больно круто взял, шибко круто. Любой народ-то не любит терпеть, что уж о татарах говорить? Вы, ваше величество, правильно подметили, с нашего Петра Алексеевича пример берёт, да одного не учёл татарчонок: бунты-то и у нас были, да ещё какие!.. Почтище крымских... Поди, недовольных тож было не счесть, да деталь малая: царь Пётр бунтовщиков-то тех, что прощал, при себе не держал, отсылал

за тыщи вёрст в остроги, ссылки, в Сибирь, с глаз подальше. Территория какая!.. А в Крыму возможно ль такое?!.. Куда этих недовольных девать? Всех-то не казнишь... – недовольно произнёс Потёмкин. – Сию «бородавку» – Крым – давно надо прибрать к рукам, всем покойнее было бы. Чай, в записке о Крыме, что мы с Александром Андреевичем вам, ваше величество, подали об этом когда ещё сказано!..

– Читала я её, помню! Эх выдумали! Сию, как изволили, князь, высказаться, «бородавку», Крым, присоединить к России! Поди, много ранее и до вас сие предлагали не единожды. Когда Иван-то Грозный Казань-то взял, ему тож советовали и Крым прибрать. Да не стал Грозный сие делать. Так ведь, Александр Андреевич?

Статс-секретарь почтительно кивнул.

– А почему?.. Чай, подумали, господа, как этакую махину – Крым, татар всех на себя взвалить?.. Хватит ли сил у нас? Мы ж только-только апосля войны с турками и антихристом Пугачёвым отстраиваться стали. Хоть и слабеют османы, да полуостров сей сделать российским без войны с нами не позволят. Европа тож молчать не станет... Такой крик поднимут!.. Опять воевать?!.. Должны вы, господа, знать: войну начать легко, да закончить трудно. Финалы битв могут быть опаснее их начала. Не приобрести, а потерять и приобретённое можно, – наставительно произнесла императрица и тут же добавила:

– Вот и Грозный такое же суждение, поди, имел. Крым

присоединить?!.. Не пришло сие время, господа, я разумею. Пусть татары живут самостоятельно, в мире и согласии с нами. Глядишь, успокоятся, так и нам хорошо будет, а нет, – Екатерина на секунду задумалась, – там видно будет. Шахин этот, хоть и горяч, но впечатление умного хана производит. Ты разберись светлейший с Крымом! Немедля дай команду подавить сей бунт, этого Гирея на престоле восстановить непременно надобно. В знак согласия Потёмкин кивнул головой.

Екатерина обвела взглядом своих помощников:

– Сменим тему, господа! Об Англии посудачим. Вот, Александр Андреевич, докладывал ты мне о новом английском посланнике, что ждёт моей аудиенции. Что, засуетились англичане? Не хотят терять свои колонии в Америке? Французы им в спину дышат?!.. Не могут справиться без нашей помощи?!.. Всем стала нужна Россия! – Екатерина усмехнулась.

– Желание Великобритании понятно. Король Георг хочет, чтобы мы послали свой флот с войсками на американский континент...

– И влезем в войну... Оно нам нужно, ваше величество? – вставил Потёмкин. – Бунт в Крыму... Не до англосаксов! Пусть сами со своими колониями разбираются.

– Согласна, князь! Да и чего ради помогать им? В обмен на пока неопределённые блага, что король английский в своём письме мне не скупится обещать?!.. Выгоды от военного

участия в чужих распрях для государства нашего пока не вижу. Чистосердечное мое поведение со всеми державами не позволяет мне ни с какою воюющей стороной союз иметь. Войны нам ни к чему! И правильно говоришь, князь, с Крымом разобратся надобно.

– А скажите, ваше величество, – неожиданно подал голос Панин, – а вы на месте английского короля дали бы независимость своей колонии, коль такая имелась бы?..

– Нет конечно! Крымское ханство – не пример ли? Поди, и не колония наша, да сколько мы денег потратили и крови пролили за их самостоятельность. И что?.. опять туркам отдать?.. Нет уж, извините! Пусть татары самостоятельно живут. Не было у России колоний и, надеюсь, не будет. Своей землицы в достатке, – с раздражением ответила императрица. – Однако странный у вас, Никита Иванович, вопрос, весьма странный. А вот вы докладывали мне о новом английском после, запаматовала, как звать его. Так ответьте лучше, что он за человек? Поди, с ним не раз встречались? С прежним-то послом Ганнингом мы ладили, особо и не ссорились. Так ведь?

– Так, ваше величество, – Панин на минуту замешкался, обдумывая ответ. – Что могу сказать?!.. Кличат его Джеймсом Гаррисом, он питомец Оксфорда. Этот Гаррис – посол молодой, карьеру свою блестяще делает, настырный. В двадцать три года был секретарём посольства в Мадриде, затем – в Пруссии посланником, теперича у нас. Вот он по моло-

дости копытом-то и бьёт. И понять его можно: договор с нами подписать ему не терпится. Истинно говорите, ваше величество, англичане хотят с нашей помощью бунтовщиков в Америке утихомирить. Чай, опыт оный мы хороший имеем: Пугачёв, будь он неладен, да с турками руку набили. При беседах с послом я вид рассеянный делал, мол, неинтересно мне, устал, давай, намекал ему, погодим. А его время торопит, шутка ли, целый континент из-под носа уходит... Вот Гаррис и добивается встречи с вами. Так ведь, Александр Андреевич?

– Истину говорит Никита Иванович! И денег мне этот милорд сулил за аудиенцию с вами, ваше величество. Видать торопит его сэр Норт¹³², шибко торопит, коль по обещанной мне сумме судить. А она немаленькая, скажу я вам, – статс-секретарь хитро улыбнулся и развёл руки в стороны. – Уважают Россию, коль помощи просят. Видать, совсем не справляются виги с американцами.

– Вот и я говорю, не хочется им терять лакомый кусок-то, – пробурчал Панин.

Потёмкин не поддержал разговор. Слишком тесные контакты с Англией в его планы пока не входили. Все его мысли были о Крыме. Вопрос Екатерины прервал его размышления.

– Что думаешь, светлейший? Как будем поступать с англичанами?

¹³² Глава правительства Великобритании (1770-1782г.г.)

– Правы вы, ваше величество! Любят англосаксы чужими руками воевать. А нам воздержаться надо. Никак не можно втянуть Россию в эти игрища! А договор с англичанами, думаю, подписывать надо попозже и, конечно, без морских экспедиций. С Крымом порешаем, а там видно будет. На юге, на юге нашу политику строить надобно.

Панин, сторонник Пруссии и расширения европейской политики, при этих словах губернатора Новороссии недовольно покачал головой и уже было хотел возразить, но Потёмкин резко произнёс: – А тот, кто этого не видит и не хочет, тот слеп и горе тому! Никита Иванович недовольно фыркнул.

Екатерина ухмыльнулась, но смолчала. Ей всегда было интересно послушать спор своих ближайших помощников: она, как правило, не вмешивалась, терпеливо ожидая окончания споров. Однако сегодня вельможи в перепалку не вступали, осторожничали, ожидая, чью сторону примет государыня.

– Что ж, с Англией вопрос ясен, не будем ввязываться в распри меж королями, сами пушай разбираются, – поставила точку в этом вопросе Екатерина.

Она встала. Тут же поднялся секретарь, следом, не спеша, – Панин. Потёмкин продолжал сидеть. Торопливо тыча пером в чернила, он неожиданно стал что-то дописывать на ранее приготовленном для государыни донесении: крупные неряшливые буквы криво ложились в неровные строчки.

– Григорий Александрович, чай, дама стоит, не поленись, любезный, уважение проявить, – насмешливо произнесла Екатерина.

Продолжая писать и нисколько не смущаясь, Потемкин пробурчал: – Один момент, ваше величество, заканчиваю.

Через минуту он встал и с довольным видом протянул Екатерине исписанные листы со своими добавлениями.

– Не утихнут татары, ваше величество! Меры принимать надобно. Вот некоторые добавки в моё суждение по части Крыма. Кой-какие действия по Крыму думаю я уже загодя совершить. Команду дам флот Азовский готовить на передислокацию в Ахтияр, укрепления по берегам будем готовить... С послем нашим в Константинополе Булгаковым спишусь, пусть Яков Иванович исподволь турок готовит к нашим акциям с крымцами.

Екатерина не ответила, она с трудом читала неряшливый текст Потёмкина.

– Опять Крым присоединить требуешь?!.. Императрица вздохнула, но обсуждать сие предложение не стала.

– Когда ж ты, князь, писать-то станешь понятно? – с укором проворчала она. Затем опять вздохнула: – Возьми сей документ Александр Андреевич, оформи должным образом, потом подумаю что с ним делать, коль потреба в нём будет.

А вот твой, Григорий Александрович, план преобразования Новороссийских земель, весьма и весьма грамотный по

форме и грандиозный по содержанию, я одобрила. Хвалю!

Потёмкин кивнул государыне и опять о своём:

– Наплодили Гирейи преемников себе на голову, ваше величество, вот и не могут наследники успокоиться, каждый хочет поцарствовать! Нет чтоб о государстве своём подумать да жить с нами в мире. Отсюда и бесчинства и преступления супротив христиан в Крыму... А коль на зло ихнее не отвечать, сам становишься преступником перед людьми, раз пресечь сие не можешь. Доколе, ваше величество, терпеть сие неразумное поведение татар можно?

Екатерина не ответила. В глубине души она понимала, что мирный договор с татарами буксует и вряд ли он будет соблюдаться ими далее. Кючук-Кайнарджийский договор с турками тоже ненадёжен...

– А сказать, так и вправду, князь, повторюсь: устала я от этих татар крымских, не живется им мирно... Да уж слово держать надобно, коль договор о дружбе с ними подписали, – явно недовольно произнесла она. – Проблемы у Шахин-Гирея, разумею я, в недостатке чутья, умения подготовить общество к восприятию своих весьма нужных начал; недостаёт ему народной симпатии, я бы сказала. Отсюда и недовольства частые: кажин горлопан в смятение татар приводит. Куда это годится?

Екатерина взглянула на часы, стоящие на секретере. – Что ж, пора, господа, – время! Люди ждут!

Она насмешливо посмотрела на Потёмкина: ордена на его

груди продолжали висеть криво. – Светлейший князь, – обратилась она к нему, – ты ужо приведи себя в порядок, чай к людям выходим.

В её голосе не было и тени недовольства, была привычная для императрицы материнская, отеческая забота о своём помощнике, некогда близком ей человеку. Присутствующие уловили в её интонации нотки грусти, и понимающе переглянулись.

Статные слуги в ливреях голубого цвета, с посеребренными галунами и аксельбантами, с каменными, неподвижными лицами молча стояли по бокам высоких резных дверей приёмного зала, где загодя собрались гости.

В зале стоял лёгкий приглушённый шум. В ожидании государыни по начищенному до блеска паркету медленно расхаживали десятка три, а может быть и более, придворных вельмож и иностранных дипломатов. Они разбились на группки по три-четыре человека и тихо, вполголоса, обсуждали свои текущие дела, дворцовые сплетни и, конечно, события в Америке и Крыму. Многие бросали нетерпеливые взгляды на двери и слуг-истуканов.

В числе гостей был и новый британский посол Джеймс Гаррис. Он оказался в компании двух немолодых русских сановников. Одеты они были в одинакового покроя коричневые кафтаны, шитые из добротного английского сукна, оба в дорогих французских париках, оба в белых чулках и кожаных башмаках и, конечно, с орденами на груди. Их лица из-

лучали полное довольствие жизнью, от них пахло деревенским духом: молоком и только что скошенным сеном. Посол брезгливо морщился, но не отворачивался, дабы не показаться неучтивым. Он снисходительно разглядывал собеседников. Ему показалось, что они близкие родственники, хотя существенно отличались друг от друга ростом. Гаррису эти русские сановники напомнили английских эсквайеров¹³³.

Посол был не в настроении. Он хмуро посматривал по сторонам и рассеянно выслушивал нудные стенания вельмож. Тот, что повыше ростом, сетовал по поводу возможного неурожая в своих имениях из-за непрекращающихся весенних дождей, другой – на непослушания крепостных мужиков.

– Как погулял по Росеюшке вор-бандит Пугач, так мужик и про Бога стал меньше вспоминать. Чуть-чуть его прижмёшь – зубы скалит.

– А ты по сусалам его, по сусалам, да чтоб кровушка потекла. Ишь, свободу почувствовали антихристы, напрочь стыд потеряли!

– Не помогает. Чуть что, бегут на вольную в Новороссию. Обратного уж никоими силами их не возвращаешь. С Потёмкиным связываться – себе дороже. Как жить-то?.. – вельможи одновременно тяжело вздохнули.

Надо сказать, обилие дождей, как и вся российская погода, английского посла, представителя Туманного Альбиона,

¹³³ В Англии – помещик.

дождливого и пасмурного, интересовала мало – привык к подобному на родине, а уж непокорность русских мужиков англичанина не интересовала и вовсе. Но Гарриса неприятно удивил совет одного из вельмож: «По сусалам его, да чтоб кровушка потекла...» Такая кровожадность никак не соответствовала простецкой, добродушной внешности сановников. «Вот и пойми этих русских...» – подумал посол. Из вежливости он старался поддерживать с ними беседу, но как и многие, в ожидании императрицы тоже нетерпеливо поглядывал на двери, надеясь хотя бы на короткую беседу с ней.

Один из вельмож достал из кармашка своего кафтана вошедший в моду, а особенно во Франции, увесистый брегет¹³⁴.

Гаррис, с презрением относящийся ко всему, что любят французы, недовольно фыркнул и демонстративно достал свои часы – серебряные, с чудесным боем (естественно, английского производства). Повертел их в руках, давая возможность этим нудным русским рассмотреть истинно английскую вещь, затем нажал на кнопку, крышка открылась, раздался мелодичный звон. Однако огорчённые возможными убытками собеседники не обратили внимания на чудеса английской механики. Гаррис с досадой захлопнул крышку и, пробурчав извинения, отошёл в сторону.

В одиночестве он остановился возле окна и с показным равнодушием стал разглядывать накрытую плотным слоем

¹³⁴ Карманные часы Абрама-Луи Бреге, с 1775 года ставшие популярными у французской элиты.

серых облаков набережную Невы. Странно, но именно эти облака, так похожие на хмурое британское небо, его успокоили. Он повернулся к залу и вымученно улыбнулся, просто так, в пространство. Однако сие действие привлекло к нему внимание публики.

Мнительному Гаррису показалось, что из группы, где в компании вице-канцлера Остермана находился заклятый враг Англии французский посол маркиз де Жюнье, в его адрес раздался язвительный смешок. Мало того, Гаррису почудилось что смеялся даже не сам посол, а его племянник, секретарь посольства де Корберон. «Какая наглость!..» – возмутился в душе английский аристократ и от злости едва не топнул ногой. Взглянув в сторону французов, Гаррис встретился взглядом с испанским послом, и, как ему опять показалось, тот смотрел на него, посла Великой Британии, с усмешкой.

– Это уже слишком... – зло пробурчал английский посол, однако на его лице расплылась улыбка, и он мило раскланился с испанцем. Дабы скрыть своё недовольство, Гаррис отвернулся.

Последнее время Испания, как и другие страны Европы, весьма нуждалась в России. И это было хорошо!.. Все пользовались услугами английской палаты, учреждённой в русской столице, а теперь... Подлые испанцы тоже учредили в Петербурге своё торговое представительство. Дровесина, пенька, парусина в больших количествах на испанских кораблях отправлялась в далёкую страну, но уже без посред-

ничества англичан. Английские купцы и казна теряли большие деньги. «Понятно теперь почему раздаются смешки в мой адрес», – решил Гаррис.

Память услужливо напомнила ему сведения об отношениях его страны и Московии ещё сто лет назад, во времена Ивана Грозного. Уже тогда торговля между этими странами процветала. Русский царь хотел даже посвататься к Елизавете, да что-то не получилось... После смерти Грозного у англичан была возможность занять русский престол, и опять сие действо не случилось.

– Упустили время... Сейчас бы не немка на русском престоле восседала, а предки английского короля Якова. И я бы не стоял в роли просителя, а уж тем более, не был бы объектом насмешек, – беззвучно бормотал посол и совсем неожиданно и неизвестно для кого прошептал:

– Неблагодарные!..

Гаррис шумно вздохнул. «А теперь что? Сражаемся на три фронта: с повстанцами, с той же проклятой Францией, да ещё и Испания подключилась...» – размышлял про себя Гаррис и от возмущения сжал кулаки.

Однако внешне неудовольствия посол не показывал. Сделав вид, что не слышал колкости в свой адрес, он стал расхаживать по залу и вежливо раскланиваться с присутствующими. Время тянулось медленно.

Чтобы развлечь себя, Джеймс достал часы, открыл крышку, послушал звон, закрыл и вдруг, словно ребёнок, подбро-

сил часы вверх.

– Сэр Гаррис, – окликнул в это время его кто-то из вельмож.

Джеймс машинально повернулся на голос, и часы с грохотом упали на паркет.

Шум в зале мгновенно стих. Все повернулись на звук.

Гаррис среагировал мгновенно. Он не бросился поспешно поднимать часы с пола. Наоборот, загадочно улыбаясь, он обвёл взглядом зал, затем развёл в стороны руки и пафосно произнёс:

– Проверим, господа, что крепче: английский механизм в серебре аль дерево – русский паркет? И не спеша поднял часы. Повертев их в руках и не обнаружив на корпусе повреждений, приложил часы к уху.

– Всё в порядке, господа! Английское качество... Что вы хотите?.. – гордо произнёс посол. – Растяпа! – отругал он себя.

– Вы что-то хотели, сударь? – обратился Гаррис к сановнику, так не вовремя окликнувшему его. Однако вельможа лишь виновато развёл руками.

Через короткое время инцидент с проверкой качества часов был забыт. Гаррис опять остался в одиночестве. А время, как назло, словно остановилось, присутствующие утомились, и шум в зале местами стал затихать, и только из группы, в которой находился французский посол, продолжала доноситься приглушённая французская речь.

Но вот часы в приёмной зале стали бить полдень; мелодичный звон разнёсся по всему этажу дворца: одни за другими дворцовые часы отбивали полуденное время.

С последним ударом часов двери в покои императрицы распахнулись. Оттуда вышел дежурный офицер и громко произнёс:

– Её императорское величество Екатерина Вторая!

Шум мгновенно стих, все склонились в низком поклоне. Гордо держа голову, в ослепительно белом наряде с голубой лентой поперёк груди и с бриллиантовой брошью, слегка поблескивающей даже при пасмурном дневном свете, вошла государыня. За её спиной возвышалась фигура светлейшего князя Потёмкина, чуть далее от него выглядывали тощий Безбородко и тучный Панин. Гаррис с любопытством стал разглядывать именованную тройку, пожалуй, на сегодня самую влиятельную в России.

При появлении государыни и её свиты по залу зашелестел почтительный шёпот.

Потёмкин выделялся на фоне остальных: при дорогой шпаге, высокий, с чёрной повязкой на глазе, в кафтане из дорогого английского сукна, увешанном орденами, в ослепительно белой рубашке, в модных киолотах¹³⁵, в чулках, в кожаных башмаках, с красиво подвязанными волосами на голове, князь выглядел озабоченным, но фантастически привлекательным.

¹³⁵ Короткие брюки ниже колен, плотно обхватывающие ноги.

«Не зря этот красавец в фаворитах у императрицы хаживал, – оценил внешний вид Григория Потёмкина английский посол. – Чего не скажешь о статс-секретаре: росту среднего, в обычном недорогом парике с растрепавшимися буклями, в повседневном, не совсем новом мундире с чернильными пятнами на обшлагах, с мешками под глазами, видимо, от усталости или бессонной ночи. Говорят Екатерина всецело ему доверяет. – Редкое качество для венценосных особ. Безбородко – сын малороссийского генерального писаря, – вспоминая информацию, предоставленную ему его секретарём Когеном, продолжал оценивать ближайшего помощника императрицы Гаррис. – Как и его отец, Безбородко обладал прекрасным почерком, хорошей памятью, умел, со слов многих сановников, держать язык за зубами. Служил ранее вместе с Потёмкиным у генерал-аншефа Румянцева, отличился в боях с турками при Ларге и Кагуле, и как-то Румянцев на просьбу императрицы, рекомендовал ей этого усердного, умного и храброго офицера. На этого деятеля стоит обратить внимание, но он пока только секретарь... Ну, Панин есть Панин! С ним не сговорился, да это и к лучшему: вес свой в глазах государыни, со слов коллег, старик стал терять. Значит, остаётся только Потёмкин!» – решил посол. – Опять он!

Гаррис перевёл взгляд на Екатерину. К своему удивлению, того не ожидая, он поддался её обаянию. И теперь, не стесняясь, пристально разглядывал русскую самодержицу: «Ка-

кая статья, какой взгляд, и нет в нём ни доли надменности, превосходства над другими, и при этом она – королева, полная величия и достоинства».

Гаррис неожиданно для себя стал испытывать перед этой самой могущественной женщиной Европы некое благоговение. Джеймс непроизвольно сравнил русскую императрицу со своим государем. Сравнение было не в пользу короля. Посол огорчился.

Сделав несколько шагов, Екатерина остановилась. Она любезно поздоровалась со всеми и с милой улыбкой, громко, дабы слышали все, обратилась к Потёмкину.

– Думаю, светлейший князь, мы обо всём договорились. Устали мы от татар крымских, но коль обещали держать в Крыму покой и порядок, команду дайте ввести туда войска наши. Князь Прозоровский большой опыт в оном имеет. Хан Шахин-Гирей Диваном крымским выбран, он и должен на троне быть.

Сказала громко, даже с некоторыми грозными нотками в голосе. Екатерина знала, что её слова, интонацию, жесты и прочие нюансы послы обязательно запомнят и уже завтра сказанное ею помчится в Европу. Желая убедиться, что её услышали все, Екатерина внимательно оглядела зал. Затем царственно подала Потёмкину руку для поцелуя. – До свидания, князь. Больше не задерживаю вас, с Богом!

Поцеловав руку, Потёмкин направился к выходу. Кивнув несколько раз на дежурные по необходимости раболепные

приветствия присутствующих, Потёмкин покинул зал. Слуги закрыли за ним двери.

Императрица стала по очереди беседовать с подданными. Решив, что очередь до него дойдёт не скоро, Гаррис, стараясь не привлекать к себе внимания, поспешил за князем.

Потёмкин уже спускался по парадной лестнице: гулкий звук его шагов усиливался тишиной почти пустого в это время дворца.

Слуги провожали иностранца безучастным взглядом.

На нижнем этаже Гаррис настиг светлейшего и, запыхавшись, церемонно поздоровался с ним. Потёмкин остановился, ответил на высокопарное приветствие и удивлённо посмотрел на англичанина.

Собрав всю свою смелость и понимая, что он явно нарушает дипломатический этикет, Джеймс Гаррис произнёс:

– Простите, ваше сиятельство! Только тревожные события в моей стране прощают мне подобную дерзость обратиться к вам лично. Ваша страна вызывает у меня восхищение, она стала играть главенствующую роль в европейской политике. И кто, как не вы этому способствуете.

Потёмкин не ответил, он продолжал с тем же удивлением разглядывать посла. Гаррис не смутился. Он увидел слабую искорку заинтересованности в единственном глазе светлейшего. «Грубая лесть, конечно, а кого она оставит равнодушным?» – мелькнула у него мысль.

– Ваша проницательность и безграничное трудолюбие на

благо России, – торопливо продолжил Гаррис, – заставляют думать меня и, смею вас заверить моё правительство, что вы и должны возглавить сию международную политику своей страны. Мы вместе...

Слова посла покоробили князя.

– Это что, предложение или констатация, милорд? Не слишком ли грубая лесть с вашей стороны? – бесцеремонно и довольно грубо перебил Гарриса Потёмкин. – Внешней политикой у нас ведаёт граф Панин, и вы не хуже меня об этом осведомлены. И, насколько мне известно, вы с ним не раз встречались.

Он сделал красноречивую паузу. Уставившись своим единственным глазом на посла, светлейший изобразил на лице ехидное ожидание, молчаливо требуя объяснений. На этот раз Гаррис смутился. Возникла пауза. «Приём не сработал! Это конец!» – обречённо подумал Джеймс.

Однако острый ум Потёмкина уже проигрывал варианты использования неожиданно возникшей ситуации. О том, что нужно было англичанам Григорий Александрович знал, решение государыней было только что принято, но англичанин пока того не ведаёт... Однако...

«Этого прирождённого вига можно использовать в пику западным державам, да и Панину тоже. Посла надо приручить к себе. Много пользы может принести сие», – решил Потёмкин.

– Милорд, – вдруг прервал паузу князь, – вы, наверное,

думаете, что ваша борьба с Францией и Испанией по поводу колоний в Америке занимает Россию больше, чем наш конфликт с Турцией и события в Крыму? Ошибаетесь, смею вас заверить, милорд, ошибаетесь.

Насмешливый тон, с каким Потёмкин произнёс эти слова, совсем не понравился Гаррису. Английский аристократ окончательно сник. Теперь он точно не знал, как можно подружиться с Потёмкиным, умным и проницательным, хоть и «безродным», коим и продолжал его считать.

И вдруг, к радости посла, князь взял растерявшегося англичанина под руку и с улыбкой произнёс: – А впрочем, разговор сей, милорд, продолжим в более удобное время. На днях, коль не будете возражать, я приглашу вас к себе, сэр. Мы сможем подробно обсудить проблемы у вас возникшие. До встречи, милорд, – светлейший, плутовато, по-мальчишески улыбнувшись, покинул опешившего посла.

Из широких дворцовых окон посол увидел, как шестерка сытых красивых коней выкатила карету светлейшего князя на чистые брусчатые камни мостовой.

Англичанин глубоко и облегчённо вздохнул. Он поспешил возвратиться в залу и был весьма доволен собой.

Рядом с лестницей, в самом углу парадных апартаментов, у большой напольной китайской вазы Гаррис увидел недавних собеседников в коричневых камзолах. Видимо, они уже покинули приёмную залу, и теперь оба довольно громко о чём-то между собой спорили.

– Ты, Иннокентий, повыше бери, повыше. С твоим-то малым ростом и яйцо не разобьется, не то что часы. Бросай давай!

Коротышка бросил на пол свой брегет – раздался знакомый звук. Гаррис на миг остановился.

«Джентльмены проверяют крепость своих часов», – решил Гаррис, и ухмыльнулся. – Ох уж эти русские... Всё-то им надо проверить, пощупать, самим наделать ошибок... Что за нация?!.. – пробормотал он уже вслух.

Встав в общую шеренгу вельмож, Гаррис мысленно обдумывал неожиданное предложение светлейшего князя.

«Потёмкин поможет, сомнений нет!» – решил английский посол.

Государыня в это время подошла к французскому послу. О чём они беседовали Гаррис не слышал, но, судя по выражению лица его недруга, француз был доволен.

К английскому послу Екатерина подошла в последнюю очередь. К его огорчению, она мило поздоровавшись с ним, прошла мимо не удостоив его беседы. Гаррис разочарованно посмотрел ей вслед. Аудиенция закончилась. Императрица покинула зал. Все быстро разошлись.

Как и обещал, Потёмкин вскоре пригласил английского посла к себе в гости. Они даже подружились! Однако просьбы англичанина помочь в заключении договора между их государствами оставались нерешёнными. Светлейший князь не стал помогать английскому послу. И не делал этого ссы-

лаясь то на «дурака и вруна фаворита» Ланского, то на государыню она, говорил Потёмкин своему английскому другу, прежде всего женщина, а они такие нерешительные, а уж потом – «величайшая из царствующих особ Европы», или находил другие причины... В общем, Россия тянула с подписанием военно-экономического договора и, совсем точно, отказалась посылать свои войска в далёкую Америку.

Делая ставку на Потёмкина в его противостоянии Панину, Джеймс Гаррис так и не понял, что несмотря на свою видимую дружелюбность, Англией как политической союзницей светлейший князь просто не интересовался. Интересы Потёмкина лежали не на западе, как думал Гаррис, а на юге.

Миссия английского посла провалилась, и в 1782 году обиженный Джеймс Гаррис покинул Петербург. Втянуть Россию в войну на американском континенте ему не удалось. Соединённые Штаты Америки отстаивали свою независимость. Великобритания потеряла свои колонии в Америке.

Встреча в Петровской крепости

И так, прошло ещё два года. Шахин-Гирей продолжал править в Крыму. И чем дальше шёл хан в своём реформаторстве, тем больше и больше он разрывал связи с прошлым своей родины. И в конце 1780 года недовольство населения опять переросло в открытое неповиновение. Под руководством турецких эmissаров взбунтовались Ногайские орды на Кубани, которые ранее поддерживали своего хана. Вскоре за ногайцами мятеж подняли и крымчаки. Крымские татары отказались повиноваться Шахин-Гирею, они решили избрать себе нового хана.

Опасаясь усиления беспорядков, в июле 1781 года крымские мурзы отправили делегацию в Санкт-Петербург с многочисленными жалобами на жестокость, притеснения и несправедливость со стороны Шахина. Они хотели получить согласие царицы на избрание нового хана. Узнав о делегации, Потёмкин приказал вернуть её обратно и объявить всем, что Россия не признаёт другой власти и иного начальства, кроме верховного правления законного государя Шахин-Гирея. Недовольство татар нарастало.

Претензии к Шахин-Гирею вызывали и другие его поступки.

Молодому хану были не чужды одновременно и азиатская пышность, и европейская роскошь. Насмотревшись в Европе

и в столице русской царицы на дворцы и внутреннее убранства, Шахин начал строить театры, выписывать из России и Европы дорогие предметы искусства, приглашать модных художников из Италии. Хан стал носить специального покроя одежду с элементами европейской моды, ездить в шикарной карете... К ужасу правоверных мусульман он стал держать не более трёх жён и брить бороду, а также обзавёлся лакеями и слугами из иностранцев.

Такие вкусы шокировали мусульман. Среди татар распространялись слухи, что хан Шахин «на кровати спит, на стул садится и молитв Аллаху должных по закону не делает. Проданся хан неверным!». Дошло дело до того, что Шахин-Гирей позволил изобразить себя масляными красками на полотне, что привело в негодование правоверных, так как это было запрещено Кораном.

И крымцы решили избавиться от своего хана вооружённым путём. Они позвали на престол находившегося на Кубани брата Шахина сераскера Едичкульской орды шестидесятилетнего Бахадыр-Гирея, который вместе с другим братом Арслан-Гиреем имел общую неприязнь к хану и оба они были настроены на возврат Крыма под протекторат Турции.

Непосредственно мятеж в Крыму возглавил ещё один брат неугодного хана, Халим-Гирей, который собрал многотысячное ополчение и начал военные действия против своего младшего брата. Шахин-Гирей направил против восставших свою гвардию и войска, но они его предали, перешли на

сторону мятежников.

Шахин-Гирей вместе со своим советником Веселицким и правительством вынужден был бежать в Кафу, но там уже было небезопасно. На одном из российских судов хан с приближёнными переправился в Керчь.

По указанию из Петербурга комендант Керчи и Еникале¹³⁶ устроил Шахин-Гирею и его свите пышную встречу с пушечной пальбой и строевыми представлениями. Хан был растроган, терзаемые неизвестностью его приближённые воспряли духом и снова с надеждой стали смотреть на своего свергнутого повелителя.

Тем временем мятежники захватили Бахчисарай, их отряды стали в открытую нападать уже на русские гарнизоны, жестоко расправляясь с оставшимися на полуострове христианами.

Тем временем из Кубани в Крым переправился Бахадыр-Гирей. Вскоре он был провозглашён крымским ханом, калгой стал другой брат – Арслан-Гирей.

В августе 1782 года Потёмкин наконец-то получает от государыни долгожданный рескрипт, в котором она пишет: «Независимость татар ненадёжна, устала я от них! Велю войска наши безотлагательно ввести в Крым, подавить мятеж, вернуть власть Шахин-Гирею как законному правителю. Друг, мой! Честна я пред Богом и пред народом крымским, не хотела того, да пришло время помышлять о при-

¹³⁶ Генерал-майор Федор Филисов.

соединении сего полуострова, как ты и хотел. Думаю, встретиться потребно тебе, светлейший князь, с ханом Шахином лично».

Находясь в Керчи, Шахин-Гирей понял, что ситуация окончательно вышла из-под его контроля. Он был удручён, подавлен. В своих ожиданиях хан разочаровался и охотно слушал, прибывшего в Керчь, родственника Потёмкина Самойлова, который красноречиво убеждал хана в невозможности более править таким вероломным народом, как крымские татары. Мягко, как бы невзначай, он намекал хану, что есть страна, где тот может быть счастливым, и страна эта – Персия. И всё, мол, возможно: Россия поможет ему сесть на персидский престол, коль Шахин-Гирей откажется от крымского и попросит матушку-государыню Екатерину принять Крым под свой скипетр.

Шахин слушал и понимал, что сие есть горькая правда. В нём крепло решение начать всё сначала, но... на новом месте. Письмо Екатерины, неожиданно полученное им, утвердило его в своих размышлениях.

Исполняя повеление государыни, Григорий Потёмкин приказал морем переправить Шахин-Гирея в Петровскую крепость. Одновременно, совсем не сомневаясь в результатах встречи с опальным ханом, светлейший князь дал указание командующему Азовской флотилией вице-адмиралу Фёдоту Клокачёву к весне 1783 года подготовить флотилию к переводу в Ахтиярскую гавань.

Сборы Шахин-Гирей затянулись. Наконец в начале сентября 1782 года на корвете «Хотин» Шахин-Гирей со своим правительством отбыл из Керчи, направляясь в сторону северных берегов Азовского моря, где находилась Петровская крепость.

Следом за ханом на судне «Таганрог» туда же отправился крымский посол-министр Пётр Веселицкий. Через неделю корабли благополучно прибыли к месту назначения.

За два дня до прибытия в крепость специальный курьер императрицы, плывший на транспортном галиоте встречным курсом со стороны Петровской крепости, встретился в море с Веселицким и вручил ему для передачи Шахин-Гирею пятьдесят тысяч рублей золотом.

Гарнизон крепости встретил ханскую делегацию с почётом и уважением. Уже на следующий день после прибытия в крепость, Веселицкий от имени государыни полученные деньги передал хану, произнеся при этом: – Вот, ваша светлость, примите от матери родной нашей сей скромный дар!

Хан расчувствовался и со слезами на глазах ответил: – И подлинно яко родная! Боже мой! Как мало за всё это я отслужил!

На эти слова хана Веселицкий ухмыльнулся и прошептал: – Погодь, ваша ханская светлость, будя ещё время себя показать.

Довольный Шахин-Гирей не слышал слов министра, воздев руки и закрыв глаза, он зашептал молитву.

В ожидании светлейшего князя Потёмкина свита хана и русская делегация проводили время в беседах, прерываемых торжественными обедами с напыщенными речами в честь государыни.

«Время упущено, – говорили российские чиновники в личных беседах с ханом, – большая часть татар настроена против вас, ваша светлость, власть турок вернётся и тогда...»

И в душе хана всё больше возникали сомнения в целесообразности сохранения статуса независимого государства. Он с горечью соглашался с доводами русских вельмож. И беседы продолжались...

На внутренней территории крепости, рядом с домом коменданта, отстроился большой шатёр, внутри которого стояли два кресла, стол, был расстелен ковёр персидской работы, расставлены любимые князем напольные вазы, и, конечно, на почётном месте установлен мраморный бюст императрицы.

23 сентября 1782 года в крепость из Херсона прибыл Потёмкин. Князь недавно перенёс болезнь и выглядел теперь уставшим. Движения его были вялы, осунувшееся, бледнее обычного лицо не излучало той энергии, напористости, так завораживающе действующих на окружающих.

Однако, несмотря на перенесённую болезнь, Потёмкин успел побывать в Крыму, где воочию убедился, что личность Шахин-Гирея вызывает недовольство у большинства татарской знати и простых татар. Обстановка в Крыму накали-

лась, население, возможно, с большим желанием восприняло бы протекторат России, нежели такую «независимость». Он также обратил внимание, что особое влияние на настроение населения оказывала необычная жестокость с которой хан расправлялся с мятежниками.

На следующий день встреча наших героев состоялась. Согласно этикету, Потёмкин первым приветствовал Шахин-Гирея. Не встречаясь с ханом ранее, князь с интересом и любопытством разглядывал хрупкую, без бороды, но с пышными усами невысокую фигуру крымского самодержца. Смышлёный взгляд на смугло-желтоватом лице, неторопливые, скорее, плавные движения говорили об уверенном в себе человеке.

Как и подобает восточному правителю, Шахин был одет в национальную одежду: ярко и красочно. Золотистого цвета тюрбан на его голове весьма гармонировал с зелёным, с элементами золотого шитья царским халатом, из-под которого виднелись сапоги из мягкой, тонкой кожи с узкими и слегка загнутыми вверх носами. На пальце правой руки хана сверкал перстень с крупным рубином, на левой – перстень с таким же крупным изумрудом.

Красивое лицо с прямым узким носом, внешне сохранившее черты чингизидов, было спокойным, однако глаза хана выдавали внутреннее напряжение и настороженность. Небольшой рост не позволял опальному владыке смотреть прямо в глаза своему визави, и он, выслушивая приветствие

Потёмкина, был вынужден слегка откинуть назад голову, отчего весь его облик казался надменным и напыщенным. Оба глядели друг на друга испытующе.

Дабы не смущать своим ростом хана, князь радушно показал на кресла, приглашая гостя сесть.

Сам князь, как и подобает второму человеку в государстве, тоже был облачён торжественно, и не менее ярко. Желая поразить татарина своим внешним видом, Потёмкин надел парадный камзол (кстати, тоже зелёного, но более тёмного цвета) и на него навесил все свои награды (коих было, как мы помним, немало), не забыв, конечно, пристегнуть драгоценную шпагу, подаренную государыней. Пальцы князя тоже не остались без дела... Три золотых перстня с огромными камнями выглядели достойно.

В шатре воцарилась неловкая тишина, и хан, и Потёмкин сидели молча. По протоколу, первым вроде бы должен начать разговор государь – Шахин-Гирей, но тот молчал, понимая, что в его положении этого делать не след, а светлейший князь не хотел нарушать дипломатический этикет. Наконец Потёмкин нарушил молчаливую паузу. Он встал, подошёл к бюсту Екатерины, как бы давая понять, что беседа будет вестись в присутствии и от имени российской самодержицы, а потому и разговор должен быть серьёзным.

Пропустив напыщенные протокольные слова сожаления по поводу случившегося, говорить светлейший начал сразу по существу, не сильно заботясь о чувствах хана.

– Ну, что случилось, ваша светлость, то случилось. Бог тому судья, мы всем сердцем хотели мира и спокойствия в вашем государстве, – произнёс Потёмкин. – Однако, как-то не сложилось сие, народ не любит вас. А почему?.. Вы, ваша светлость, весьма и весьма торопились все эти годы. Заняв престол, вы хотели переменить всё разом и сделать из своего ханства цивилизованное государство... Но, о мой Бог, как сие возможно?!.. Не ваш ли Аллах учит терпению... Не он ли глаголет, что нет вреднее человека, делающего второй шаг раньше первого? А вы не только первый, вы даже не второй сделали... Зачем вы спешите?..

Нельзя, ваша светлость, веками привычное для мусульман всё разом поменять. Вы не престол крымский приняли, вы великое обязательство перед своим народом приняли! Не надо было тащить все европейские привычки в ханство. Потому и взбунтовались татары.

– Русские сами учили меня этому! – совершенно без акцента, чем немало удивил Потёмкина, воскликнул Шахин-Гирей. – Не ваш ли царь Пётр сие совершал когда-то?!..

– Мы не учили. Мы только показали вам совершенства нашей жизни, как Европа показывала их царю Петру Первому. Не всё, что хорошо пахнет надобно тащить в свой дом. Ваша светлость виноваты сами, и будь я татарин, бунтовал бы тоже! – в сердцах произнёс князь. Потёмкин сделал паузу, давая возможность опальному хану успокоиться, затем продолжил:

– Ну перенос столицы в Кафу, желание иметь личную гвардию... Это я как-то понимаю, но зачем создавать действующую армию? Да ещё заставлять население за свой счет экипировать воинов. Где это вы видели?.. И потом, с кем вы воевать собрались? С турками?.. С Россией?.. По Карасубазарскому договору, пусть и не вами подписанному, в случае чьей-то агрессии мы обязаны вас защитить, не так ли, ваша светлость? Матушка-государыня весьма опечалена вами.

Хан молчал. Он понимал: то, о чём говорит князь – правда! Светлейший князь прав, права и царица. Шахин-Гирей произвольно взглянул на бюст Екатерины. Ему показалось, что она укоризненно смотрит на него и, покачивая мраморной головой, с тем же, что и раньше забавным немецким акцентом молвит: «Что же ты, батенька, не оправдал моих надежд, зачем торопишься с реформами? Пошто кровь льёшь несогласных?!.. Аль не хочешь в самостоятельности со своим народом жить?», – почудилось ему, и он хотел ответить своей благодетельнице, что это не так, он даже всем телом подался вперёд, но его отвлёк Потёмкин, который, не заметив общения своего визави с императрицей, продолжал поучать:

– Середина во всём нужна, середина, она и есть разумное решение. А вы, ваша светлость, всё топчетесь на одном месте, кровию добиваетесь вам нужного, и нет никакой надежды на развязку.

– Может, вы и правы, князь! – заговорил Шахин-Гирей.

Он сложил ладони на груди, полуприкрыл глаза и, устремив взгляд куда-то в пространство, продолжил: – Я с великими мечтами зашел в лес, издавна без догляду запущенный, и там много было от старости сгорбленных временем стволов. И понял: если я не смогу эти искривившиеся по застарелости дерева распрямить, то должен их срубить! Так я и делал властью данной мне Аллахом. Да стволы оказались не в меру крепкими...

Хан произнёс эти слова с грустью и очень тихо, больше для себя, чем для кого либо. Он скорее оправдывал себя за свои поспешные действия, чем оправдывался перед Потёмкиным. После некоторой паузы, тяжело вздохнув, хан произнёс:

– Вы, наверное, правы, светлейший князь, даже, скорее всего, правы. Не понимает меня мой народ. Кругом – предательство. Не могут понять несчастные, что не для себя благищу, а в будущее погрязшей в догмах ветхих времён страны своей заглядываю, – Шахин-Гирей замолчал, задумался.

Потёмкин его не торопил, знал насколько тяжело сейчас хану. Как часто и ему самому приходилось испытывать эти же чувства в спорах со своими оппонентами, привыкшими к старым, ветхим устоям, коим особенно отличались московские вельможи. Но мне-то легче: за спиной матушка-государыня, она поддерживает во всём.

Чтобы не мешать хану размышлять Потёмкин взял со стола сочное яблоко и стал потихоньку его надкусывать. Гля-

дя на задумавшегося Шахин-Гирея, он напряжённо размышлял: «Самое время! Англия и Франция заняты войной – Америка, им не до Крыма. Австрия согласна, Пруссия мешать не будет!.. Исторический момент. Самое время пристегнуть Крым и покончить наконец с вечными мятежами. Восстановить Шахина на престол поскорее, пусть убедится в своей беспомощности, затем пообещать ему что-нибудь типа Персии...»

Тяжелый вздох хана и его тихий голос прервали размышления светлейшего:

– Упрёки в мой адрес!.. Скучно! Но я их заслужил... Умным всегда быть невозможно... Все ошибаются когда-нибудь. Видимо, в чём-то ошибаюсь и я, как вы, князь, изволили заметить. Люди подобны базарным сладостям: пахнут хорошо, да вкус их часто негоден. К сожалению, так устроен восточный человек. Мои нововведения плохо пахнут, это верно, однако они жизненно необходимы. Надо всего-то потерпеть... Ведь вы, князь, не будете отрицать, что ещё что-то пахнет дурно, однако ж все знают, что без этого нельзя жить, потерпеть порою необходимо. А мой народ нетерпелив... На небесах записана судьба татар, и знать её не дано простым смертным.

Потёмкин обратил внимание на некоторую странность в речах высокопоставленного мусульманина. Правоверный Шахин всего один раз вспомнил Аллаха и, более того, вспомнив о небесах, не стал утверждать, что Аллах уж точно знает

всё.

– Ну на небесах аль где ещё, но где-то же всё-таки записано, это вы, ваша светлость, верно говорите. Хан не ответил, он погрузился в размышления.

Потёмкин дал знак, слуги внесли кофе. Запах свежесваренного напитка отвлек хана от грустных раздумий. Пока разлили кофе по чашкам, хан встал с кресла. Видимо, размышления привели его к каким-то выводам и он, к вящему удовольствию Потёмкина, произнёс: – Царица ваша, князь, большое терпение проявляет к неразумному поведению моего народа. Силою пытается она научить нас жить в самостоятельности, ни от кого не зависящей. Да ведём мы себя неразумно, словно дети малые. В послании недавнем предложила царица опять вернуть мне престол, и кажется мне, что сие предложение – последнее. Что ж, – Шахин-Гирей вздохнул. – Да будет так! Тяжкие времена, тяжкие... Одному Аллаху известны последствия, князь.

На том беседа закончилась.

Вернувшись в Херсон, Потёмкин приказывает войскам под руководством генерала де-Бальмена идти к Перекопу, своему родственнику генералу Самойлову – двигаться в глубь Крыма, а корпусу Суворова приказал усмирить мятеж на Кубани.

Инструкция генералам гласила: «Вступая в Крым и Кубань выполнить всё, что может содействовать к утверждению Шахин-Гирея на ханство. Обращайтесь, впрочем, с жителя-

ми ласково, наказывая оружием, только когда в том нужда дойдет до оно́го, но не касайтесь казнями частных людей. Казни же пусть хан производит сам, если в нём не подействует дух кроткий государыни нашей, который ему сообщён. Если паче чаяния жители отзовутся, что они лучше желают войти в подданство Ея императорскому величеству, то отвечайте, что вы, кроме спомоществования хану, другим ничем не уполномочены, однако ж мне о таком происшествии донесите...».

И такие просьбы от части жителей Крымского ханства были, о чём Потёмкину немедленно было доложено.

Русские войска заняли Перекоп и Карасубазар, под Чонгаром наголову разбили татар. Суворов подавил восстание ногойцев.

Братья Шахин-Гирея и основные зачинщики восстания были взяты в плен. По всему ханству разослали грамоты, призывающие местное население к спокойствию, а во все опасные районы были посланы военные отряды. К ноябрю 1782 года восстание в Крыму было полностью подавлено. Шахин-Гирей, восстановленный на ханском престоле, вернулся в Бахчисарай и вновь начал вершить казни, опять вызывая недовольство и ненависть населения. Хан казнил одного из братьев, казнить других – не успел, русское командование отправило их в Херсон. В ханстве царил хаос, относительный порядок поддерживался только силами русских войск. Шахин-Гирей был растерян, подавлен: татары ему уже

не повиновались. Он принял решение об отречении от престола. Для этого он негласно стал вести переговоры с доверенными лицами российской царицы об условиях содержания его после отречения. Переговоры длились несколько месяцев. К апрелю 1783 года стороны договорились. 14 апреля 1783 года крымский хан Шахин-Гирей официально отрёкся от престола.

За неделю до официального отречения Шахин-Гирея 8 апреля 1783 года Екатерина издаёт манифест, подготовленный совместно с Потёмкиным «О принятии полуострова Крымского, острова Тамани и всей Кубанской стороны под Российскую державу». Манифест, в том числе, гласил: *«...свято и непоколебимо за себя и преемников престола нашего содержать народ татарский в равне с природными нашими подданными, охранять и защищать их лица, имущество, храмы и природную их веру...»*.

В мае 1783 года русские корабли вошли в Ахтиярскую бухту.

Манифест императрицы о присоединении Крыма был обнародован 28 июня 1783 года. В этот день в Крыму состоялась торжественная присяга крымской знати российской самодержице. Присягу принимал светлейший князь Потемкин в Крыму на вершине скалы Ак Кая¹³⁷ под Карасубазаром.

Григорий Потёмкин дату присяги выбрал не случайно, это был день восхождения в 1762 году на российский престол

¹³⁷ Белая скала.

Екатерины II.

Адмирал Федот Клокачѐв

Более десятка кораблей и судов, следуя 2 мая 1783 года двумя колоннами в кильваторе за флагманским фрегатом, растянулись мили на полторы. С мостика флагмана в утренней дымке мачты последнего корвета были едва видны. Дул слабый, но попутный ветер.

Командующий флотилией вице-адмирал Федот Алексеевич Клокачѐв, стоя на юте, внимательно ощупывал в подозрительную трубу береговую ниточку Крымского побережья.

– Не проскочить бы! – произнёс он, но так тихо, что стоявший рядом вахтенный офицер мог только гадать, а не слышать его слова. Ожидая указаний, офицер напрягся. Но адмирал молчал, он продолжал медленно ощупывать биноклем береговую линию, выискивая вход в бухту, и вскоре нашёл: полоска берега прервалась и через короткий промежуток возобновилась. Это и был вход в Ахтиярскую бухту.

– Ну и славненько, не промахнулись, значит, – теперь уже отчётливо произнёс он. – Прибыли, слава тебе Господи! Мы почти на месте, господа, – адмирал перекрестился. – Наши два фрегата под командованием капитана 2 ранга Одинцова стоят в бухте ещё с того года, команды обмеры глубин делали, пехота генералов де Бальмена и Суворова на берегу казематы строила. Ага!.. – вдруг удовлетворённо воскликнул адмирал. – Вот и дымок на берегу вижу. Ждут, поди,

нас с нетерпением. Держите, капитан, курс на середину входа в бухту, судя по промерам, глубины позволяют, – махнув в сторону берега и передавая подзорную трубу командиру фрегата капитану 2 ранга Михаилу Чефалиани, произнёс довольный командующий.

Побережье приближалось медленно, и вот уже через пару часов и без подзорной трубы стали отчётливо видны берега и гладь самой бухты, уходящей куда-то вглубь. Неожиданно командующий забеспокоился. Он взял у командира трубу и долго -долго разглядывал акваторию бухты.

– Хм... А якорная стоянка кораблям нашим рекомендована неудачно. Западные ветра с моря должны сильно вредить ей. Коль верить карте, за входом в главный рукав бухты направо должно идти разветвление в южном направлении. От ветра сей южный рукав, разумею, более защищён и, судя по описаниям, места в нем всем хватит. Вот там и на якоря встанем.

Командующий вернул командиру подзорную трубу. Заложив руки за спину, он стал диктовать ему распоряжения.:

– По готовности пригласите на борт командиров кораблей, что зимовали в бухте. Старшего командира Одинцова хорошо знаю,; Иван Максимович – моряк достойный. При входе наших кораблей в бухту момент сей торжеством отметить потребно. Передайте по кораблям, пусть палят всеми бортами. Офицерам надеть парадные мундиры. Матросам выдать чистую робу. Да, и ещё распорядитесь, голубчик,

вина не жалеть. Чай, момент исторический, нечасто сие происходит!

Лениво, валко переваливаясь с борта на борт, словно пьяница, флагманский 44-пушечный фрегат «Тринадцатый»¹³⁸ плавно вышел на указанный адмиралом курс. Но паруса неожиданно обвисли. С громким хлопанием «заполоскали» триселя¹³⁹. На мачте зацокали сигерсы.

– Вот чёрт, этого ещё не хватало! Нешто ветер потеряли? – с опаской поглядывая на командующего, испуганно пробормотал командир фрегата. – Аль заштилило? – с надеждой добавил он.

Подняв подзорную трубу командир ревниво оглядел корабли, идущие по корме. Много правее шли корабли под командованием контр-адмирала Томаса Макензи.

Чефалиани навёл подзорную трубу на корвет¹⁴⁰ «Хотин». Командовал им, можно сказать, его ученик флаг-капитан-лейтенант Фёдор Поскочин, и уж ему, как учителю, никак нельзя на глазах у всех опозориться – «потерять ветер». Не хотелось бы и перед ним, и перед адмиралом ударить в грязь лицом.

Однако увиденное в окуляре подзорной трубы его успоко-

¹³⁸ В середине мая 1783 года переименован в «Победа».

¹³⁹ Трисель – косой четырёх угольный парус; его верхний край (шкаторина) пришнуровывается к гафелю, а к передней шкаторине привязываются сигерсы (кольца), ходящие по мачте.

¹⁴⁰ Плоскодонный военный корабль.

ило: паруса «Хотина» и идущего параллельным курсом фрегата «Азов» тоже обвисли. Поникли они и на остальных кораблях. Переглянувшись с вахтенным офицером, Чефалиани облегчённо вздохнул. Видевший испуг капитана, Клокачёв понимающе хмыкнул.

Однако, морякам повезло, : вскоре, подул ветер, паруса опять запузырились. Заскрипев рангоутом и такелажем, флагманский корабль медленно пополз вперёд. За флагманом потянулся остальной флот.

Через какое-то время, подобрав паруса в рифы, корабли стали медленно втягиваться в большую, широкую бухту.

С борта флагмана раздался пушечный залп. Завторили остальные корабли. Бухту затянуло белым дымом. И вскоре загремели якорные цепи. Над бухтой пронесся перезвон корабельных рынд, отбивающих очередные восемь склянок.

Одиннадцать кораблей Азовской эскадры, закончив недельный переход из Керчи, встали на внутреннем рейде Ахтиарской бухты.

Приказ светлейшего князя Потёмкина исполнен. Воля Екатерины II о включении Крыма в состав Российской империи стала практически претворяться в жизнь.

Дальнейшая судьба последнего крымского хана Шахин-Гирея сложилась так: взойдя в 1782 году в третий раз на престол, через короткое время он понял, что окончательно потерял авторитет у своего народа, крымских татар, и был вынужден отречься от престола.

Но через какое-то время, находящийся в Крыму, как частное лицо Шахин-Гирей решил вернуть себе престол. Вокруг него и окружения опять повелись разговоры о возврате старых порядков, что мешало вновь созданной крымской администрации наводить порядок на полуострове.

По требованию Потёмкина весной 1784 года Шахин-Гирей погрузился на фрегат «Святой Николай» и направился через Таганрог в Воронеж. Там его окружили вниманием и заботой, соответствующей роскошью, бывший хан ни в чем не знал отказа. Однако Шахин-Гирей не оставил мысли о возврате себе престола.

Осенью киевскому генерал-губернатору Черткову высочайше велено было готовиться к приезду крымского хана, принять все надлежащие меры, что и было исполнено в точности.

Но Шахин-Гирей проявил несогласие: вместо Киева поехал в Калугу, а затем стал настойчиво проситься на выезд в Турцию. Потёмкин не возражал. Соответствующие соглашения были проведены, турки дали «добро», и 27 января 1787 года бывший крымский хан оставил Россию навсегда.

Почтенному гостю турецкий султан назначил для жительства городок Чифтилин в родных для бывшего хана землях Румелии. Однако в отличие от официального приема, местные единоверцы отнеслись к Шахин-Гирею враждебно, помня о его послужном списке, в котором и вправду у него не слишком много было заслуг перед Турцией.

Вскоре по велению столь любезно принявшего его турецкого султана Шахин испытал на себе участь сверженных ханов: на острове Родос, вывезенный якобы для отдыха (был сослан), он погиб насильственной смертью, был удушен шелковым шнуром.

Посол России в Турции Яков Булгаков отправил донесение в Петербург: «Не знаю истинной причины перехода сюда Шахина, но он сам просился и раскаялся тысячу раз о сей глупости».

Так закончилась печальная судьба последнего крымского хана, хана-реформатора. Шахин-Гирей мечтал создать независимое крымскотатарское государство, но... у него не получилось!

Турция навсегда потеряла Крым, Россия его приобрела. Светлейший князь Потёмкин Григорий Александрович пережил Шахин-Гирея всего на четыре года. Всё это время он неустанно трудился на благо России: строил Черноморский флот, города – Севастополь, Херсон, Николаев, Екатеринодар... Но 5 октября 1791 года при переезде светлейшего из города Яссы в город Николаев он скончался.

Умер человек о котором иностранцы и некоторые соотечественники слогали всяческие небылицы и домыслы, клеймили его в транжирстве государственных средств, непомерной роскоши, в неразборчивой любвиобильности и прочее, прочее... И только умные политики видели в Потёмкине незаурядного государственного деятеля, удивлялись его уди-

вительной интуиции, работоспособности и настойчивости в достижении поставленных императрицей целей.

Пётр I прорубил окно на запад – в Европу, Екатерина II и Григорий Потёмкин напрочь развалили всю южную стену, закрывающую России Крым, Тамань и Чёрное море.

Кстати, любил Григорий Александрович лишь одну женщину – Екатерину II Алексеевну, дочь немецкого князя, урождённую Софию Августу Фредерику Ангальт-Цербскую, и был бесконечно предан ей!

Таким был светлейший князь, граф Григорий Александрович Потёмкин.

...Великий человек, великие дела, великая любовь!

Послесловие

Более трёх веков беспокойно было на южных границах России. Всё это время Крымское ханство и Турция наносили ощутимый урон Руси: не единожды горела от их рук Москва, разорялись города и сёла, славянами торговали на рынках Константинополя и Кафы, шли постоянные гонения на христиан, проживающих в Крымском ханстве.

Но вот пришло время, Екатерина II заступила на российский престол. Терпение российского государства к варварскому отношению к себе со стороны турок и крымских татар иссякло. Война с Турцией и военные успехи России на фронтах позволили отторгнуть Крымское ханство от Османской империи. С 1772 года ханство стало независимым государством. Россия прилагала много усилий и терпения для поддержания молодого государства, она хотела иметь у себя на юге дружественную себе страну, свободно торговать и плавать по морям – Чёрному, Азовскому и Средиземному. Не получилось... В Крымском ханстве шли постоянные кровопролитные бунты, назревала гражданская война. И Екатерине II ничего не оставалось, как объявить Крым своей территорией, что и сделал князь Григорий Потёмкин без единого выстрела.

Мощь России в XVIII веке не позволили европейским державам оспорить это решение. Крым навсегда стал рос-

сийски, но это только казалось...

Уже в начале и в середине XIX века объединённые вооружённые силы Европы, в том числе и Турция, напали на Россию и Крым. Россия выстояла... В XX веке ряд стран Европы во главе с фашисткой Германией повторили нападение. Россия опять отстояла своё право на независимость! И, кажется, бурные времена уже никогда не повторятся... Однако наступил XXI век! И опять Крым, опять Турция, опять козни Европы...

Но это уже другая история, другие герои, другая эпоха...

К О Н Е Ц

Для подготовки обложки издания использована художественная работа автора.